

ПЕРЕВАЛ

ВИКТОР КЛИМОВ

Казалось бы, что может быть проще: выполняй приказы и следуй советам и просто не смотри в глаза. Просто не смотри в глаза. Неужели это так сложно? Возможно, ты увидишь свою смерть, а возможно смерть всего человечества.

По округе разносился дурманящий запах, исходящий от растущего вокруг во множестве кустарника, который местные жители привыкли использовать для оформления живых изгородей по причине его неприхотливости, живучести, и главное, плотно растущих веток, образующих собой сплошное переплетение.

Причём аромат исходил не столько от маленьких, казалось бы, ничем не примечательных цветочков с яркой сиреневой сердцевинкой, большая часть которых уже успела отцвести, и лепестки которых покрывали грунт рядом с кустами, а непосредственно от листьев, выделяющих в атмосферу особые эфирные масла.

Можно было подойти к кустарнику, и потерев пальцами листочек или надломив его, ощутить приятный аромат, который потом ещё долго не выветривался, даже после неоднократного мытья рук с мылом. Кто-то даже догадался использовать этот эффект в качестве бесплатной парфюмерии.

Когда шло основное цветение, у некоторых людей вообще возникало головокружение от густоты и плотности наполняющего воздух аромата, которого они, к тому же, ещё никогда в своей жизни до этого момента не вдыхали.

А на месте цветов, после быстрой стадии завязи уже всю красовались небольшие, размером с ноготь взрослого человека яркие рубиновые ягоды. Науке не было известно ни одного растения, которое давало бы плоды с такой скоростью, как этот куст.

В городском парке, рядом с образцами древней архитектуры, когда-то откопанными здесь не в меру усердными археологами, и на фоне старейшего городского здания — церкви, готовилась записывать свой репортаж съёмочная группа: оператор и довольно миловидная рыжеволосая репортёрша.

— Ну что, записываем последний раз набело? — уточнила она, откинув огненную прядь, так чтобы было видно в кадре дорогие серьги, подаренный одним из любовников.

— Да, давай уже сворачиваться, — согласился оператор. — Разделаемся с этим и поедem, а то жрать хочется, сил нет терпеть. Если что, я потом порежу и смонтирую, как надо.

— Отлично!

Репортёрша приняла фирменную стойку и кивнула оператору, мол, давай включай! Оператор пальцами левой руки показал: раз, два, три!

— И, наконец, немного занимательных и, я бы даже сказала, забавных новостей, — репортёрша стояла рядом с живой изгородью, обильно усеянной маленькими, но довольно красивыми фиолетовыми с оттенками красного и сиреневого цветами. — Декоративный кустарник, который до настоящего времени считался исключительно листовым растением, и как нам поведали специалисты, размножающийся только вегетативным способом, так любимый многими жителями за неприхотливость в уходе и количество листочков на одной ветке... внезапно зацвёл!

Журналистка наклоняется над живой изгородью, камера следует за ней, фокусируясь на её руке, которая замирает рядом с гроздью цветков на ветке. Она наклоняется и принохивается. Стоит признаться, делает она это очень грациозно, явно зная цену каждому своему движению.

— Удивительный, тонкий аромат! — восхищается она. — Ничего подобного до сих пор

не встречала.

Она вновь выпрямляется и подносит микрофон к лицу:

— Более того, вы можете наблюдать, что на большинстве кустов уже появились красные-красные ягоды! И зреют они на удивление очень быстро.

Идёт неспешным шагом вдоль живой изгороди.

— Что это: чудо или биологический феномен? Свой комментарий нам согласился дать доцент кафедры ботаники и биологии (называет имя).

В кадре появляется доцент, который выглядит, скорее всё-таки не как типичный доцент и заучка, а щеголеватый мужчина лет тридцати пяти возрастом.

Доцент, несколько смущённо:

— Да я как бы не соглашался, меня просто попросило руководство института...

— Да ладно вам! — репортёрша смеётся, панибратски похлопывает его по плечу. Сколько бы ни говорила ему до этого вести интервью по сценарию — всё бессмысленно.

Доцент задумчиво:

— Да, это необычное явление, которому мы пока не можем найти хоть какого-то вдумчивого научного объяснения, учитывая, что в последний раз о цветении кустарника сообщалось около двух тысяч лет назад, но точная датировка невозможно. В общем, очень и очень давно.

— То есть такого не может быть? — удивлённо на камеру поднимает брови репортёрша, слегка переигрывая.

— Ну, почему не может? Вот, например (называет растение) цветёт только раз в 10 лет и то при соответствующих погодных условиях. Или, например, есть насекомые, у которых цикл размножения составляет двадцать пять лет. Тут проблема, скорее, в другом...

— В другом? Проблема? — репортёрша явно веселится.

Доцент впадает в затянувшуюся задумчивость, пытаясь найти соответствующие слова.

— Тут как бы лучше не к нам с этим вопросом обращаться. Вернее, не только к нам.

— А к кому же ещё? Разве ботаника не ваша специальность?

— Моя, да, только...

Репортёрша тычет микрофоном в лицо доценту. Доцент, наконец, берёт себя в руки и произносит:

— Последний раз о цветении (произносит название кустарника), как я уже говорил, сообщалось несколько тысяч лет назад, о чём написано в Святом Писании. Только там есть упоминание об этом событии.

— Да неужели! — репортёрша чувствует запах микросенсации из разряда передачи "НЛО: необъявленный визит", — Прямо там и упоминается? Признаться, я не читала...

— В наше время мало кто читает святые тексты, общество переросло их, — перебивает её доцент. — Я и сам не особо читал, всё больше слушал бабушкины пересказы. Даже дедушка к ним относился с изрядной долей скепсиса. Сейчас найти религиозного и вообще воцерковлённого человека довольно сложно. Святое Писание больше воспринимается как свод мифов, почти что сказок, даже к заповедям никто серьёзно не относится, хотя все наши законы — и есть результат развития этих заповедей.

— Хорошо-хорошо, но вы сказали, что именно в Святом Писании последний раз упоминалось цветение (называет кустарник)

— Да, именно.

— В каком из Заветов? — решила блеснуть поверхностной эрудицией репортёрша.

— В Ветхом, конечно же. И если вы обратите внимание на то, где мы сейчас находимся, то заметите остатки культовых, как считают историки, строений именно того периода.

— А церковь?

— Ну, это несколько выпадает за пределы моей компетенции, но, насколько мне известно, церковь была построена уже гораздо, гораздо позже и относится к эпохе Нового завета, на котором собственно, построена вся современная религия, которой придерживается большинство нашего населения.

— Да, конечно. Но стоит уточнить, что не только наша религия, но основные религиозные конфессии.

— Да, безусловно, — согласился доцент. — Но всё равно церковь была построена по нашим понятиям довольно давно. Точнее, как мне объяснял святой отец, в чьём ведении она находится, церковь перестраивалась несколько раз, и в основе её лежит довольно древний фундамент, который может относиться даже не к эпохе Ветхого завета, а к языческим временам, когда здесь обитал совсем другой народ. Это ему приписывается постройка дольменов. Кстати, ходят слухи, что под церковью и даже под городом есть древние культовые сооружения, в которые мы пока не нашли проход.

— Как интересно! — журналистку явно забавляет происходящее, как и сам смущённый доцент. Признаться, он был вполне не плох собой, и она бы с ним была бы даже очень не прочь... ну, ради забавы... а то в этом городе так мало стоящих развлечений, — и в каком контексте там упоминается цветение (называет кустарник).

Доцент озадачен. Он, вроде, как и понимает, что журналистка над ним подтрунивает, что она играет и манипулирует им на потеху публике, но, с другой стороны, она так не плоха собой, и... всё-таки происходит что-то странное, и делать из этого обычный забавный репортаж из жизни провинции не стоит.

Он собирается и смотрит в камеру. Наверное, сейчас он будет выглядеть особенно смешно, ну да и ладно!

— Согласно Святому Писанию цветение данного кустарника является предвестником Конца Света, — выпаливает он, и оператор саркастически вздёргивает брови.

— В смысле отключат электричество? — улыбается репортёрша. Ладно, думает, она, хоть зрители посмеются.

Вот зачем она так, в свою очередь, думает доцент. Ведь она сейчас пытается показаться глупее, чем есть на самом деле, и прекрасно понимает, что он имеет в виду.

— Нет, — он пытается говорить максимально серьёзно. Приходится глядеть в камеру. — Имеется в виду Конец Света с большой буквы, — она пытается влезть в его комментарий, но он продолжает. — В том смысле то, что после этого людей ждёт тотальное истребление. И вообще погибнет всё живое. Конец Света в том смысле, в каком он описан в Святом Писании. Всемирный Пожар, который уже когда-то случался в доисторическую эпоху, согласно Ветхому Завету, или что-то аналогичное.

Что-то мелькает во взгляде журналистки, но тут же гаснет. Она оборачивается и обращается в камеру со стандартной улыбкой и весёлым тоном продолжает:

— Вот такие дела, уважаемые зрители! — смеётся. — И кто бы мог подумать, что обычный кустарник станет предвестником нашего с вами конца. Но это, как говорится, не точно! И уже совсем другая история!

Она, как и много раз ранее, подмигивает в камеру. Зрителям это нравилось и продюсерам телекомпании тоже, особенно заместителю совета директоров. Оператор

прекращает съёмку.

Уже после выключения камеры, обращает внимание на незадачливого доцента.

— Вы что-то хотите добавить? Вынуждена огорчить вас, это уже не попадёт в эфир. Мы уже выключили камеру. Может быть, в будущем.

— Да нет, просто... — без камеры доцент оказался более раскрепощённым, но, тем не менее, всё таким же озадаченным, — Согласно Писанию с момента начала цветения у человечества остаётся всего... — он сделал паузу, — двенадцать дней.

— Для чего?

— Для молитвы. Чтобы просить Бога о прощении за совершённые грехи и, может быть, он спасёт вас. Хотя, — он неуверенно улыбнулся, — это не точно.

Журналистка вздохнула, хлопнув накрашенными ресницами и одарив доцента взглядом полным не то сострадания, не то сожаления, но не лишённым интереса.

— Вы что, реально в это верите? Вот, в то, что написано в старых пыльных свитках?

— Нет, но, — смутился доцент, — так написано в Писании. И сами посудите, ведь раньше не было зафиксировано ни одного случая цветения (называет кустарник). А тут массовое повсеместное цветение. Разве вам не кажется это странным. В конце концов, вы же сами носите символ Святого Семейства.

Она потеревила в пальцах золотой медальон.

— Вы об этом? Но это же просто украшение, дань традиции.

— Да, традиции, но...

— Простите, — журналистка перебила его, — вы же сами сказали, что какие-то там насекомые проводят под землёй по двадцать лет, чтобы однажды вылезти, спариться и умереть? Ну, зацвёл кустарник, что здесь такого? Будем считать, что нам повезло, что это произошло при нашей жизни. Помните, как пару лет назад прилетала комета с периодом обращения... сколько там?

— Тысяча двести двадцать лет, — подсказал бородатый оператор, который уже складывал оборудование в футляр, убирал треногу, и собирался нести это в арендованный фургончик — в этом городе у их телекомпании не было своего офиса.

Она явно уже начинала уставать от разговора на тему апокалипсиса, и доцент не казался ей таким забавным, как ранее, а скорее занудным. Хорошо, что эфир уже закончился, вздохнула она про себя.

— Но не раз в две тысячи лет! — доцент буквально взорвался. — Раз. В две. Тысячи лет! Вы что, не понимаете?!

Она хлопала ресницами, не ожидая такой реакции.

— Не бывает живых организмов с таким циклом размножения! Просто не бывает!

— Ну ладно, пускай так, — осторожно сказала она, пока оператор настороженно смотрел на них (вдруг потребуются начистить морду этому яйцеголовому). — А что будет дальше-то? После того, как цветы окончательно отцветут.

— Согласно Писанию, на кустах появятся ягоды, — и они, не сговариваясь, посмотрели на ветви, обсыпанные красными ягодами.

— То есть, — она явно стала уставать от разговора, надо было чем-то занять себя в этом городке ещё на целые сутки, а потом на единственный здесь железнодорожный вокзал, — эти кусты цветут с периодичностью в две тысячи лет?

— Я не знаю, — вздохнул доцент. — Тут вопрос не только чисто биологический. Тут надо обсудить данный феномен с теологами. Я и сам был удивлён не меньше вашего, когда

увидел эти цветы, а потом, сами видите, появились, ягоды.

«И будет мир наполнен благовонием, доселе не слыханным»

«И будут люди вдыхать воздух, наполненный благовонием, и появятся цветы, а затем и ягоды...»

Он протянул руку, словно желая коснуться лепестков, но остановился в последний момент. Пальцы замерли в каких-то миллиметрах от ветки.

— Мы уже знаем, что некоторые события, описанные в Святом Писании, которые раньше считались неким чудом или мифическими, оказались вполне объяснимы с точки зрения науки, в том числе подтверждены археологическими изысканиями. Так бывает. Но ЭТО! Так просто не должно быть!

Она всё-таки решила дать ему ещё один шанс.

— Слушайте, — она покосилась на оператора, который, загрузив оборудование в фургончик, околачивался возле живой изгороди. — Может быть, обсудим ваши мысли за ужином и бокалом вина?

Признаться, она сделала это предложение теперь уже больше из жалости, чем из интереса и не рассчитывала на положительный ответ, но учёный её удивил:

— Почему бы и нет? Стойте! Что вы делаете?!

— Что? — не понял оператор. — Ем ягоды. Они вкусные.

— Они не изучены, понимаете? Может быть, они вообще ядовитые! Мы ещё не получили результатов анализа из главной лаборатории института.

Нет, теперь уж точно никакого свидания с доцентом, не будет, со смешанным чувством досады и облегчения подумала репортёрша.

— Ну, тогда хочу вас удивить, профессор, — оператор сплюнул косточку на асфальт, — их многие едят и пока что никто не умер. Если бы они представляли опасность, больницы были бы уже завалены отравившимися, а морги — умершими.

— Действительно, — удивилась репортёрша. — Их распробовали, как только они появились на кустах. Спросите у кого угодно. Вон, дети объедаются.

"И будут ягоды... горше моих слёз" и покроет тлен ваши земли и да иссохнут ваши тела"

Она забросила себе в рот сразу горсть красных ягод, а доцент посмотрел на детвору, которая шныряла по парку и срывала ягоды, наполняя маленькие ладошки.

— Неповторимый вкус! — восхитилась она. — Реально, попробуйте!

— Н-нет, спасибо, — учёный был явно раздосадован таким поворотом событий. — Я бы вам всё-таки не советовал их есть, по крайней мере, в таком количестве. И покажитесь врачу. На всякий случай.

Она посмотрела на него с явно выраженным сарказмом и махнула рукой оператору:

— Поехали в гостиницу! Надо скоротать время, — она подмигнула бородачу, — а то командировка ещё на целые сутки, а мы тут уже сделали всё, что только можно было.

Оператор с явно выраженной ухмылкой, мол, завидуй мне молча, посмотрел в глаза учёному и приобняв журналистку направился к арендованному автомобилю.

***

Доцент, вспоминая строки из обоих Заветов, вернулся в свой кабинет в здании института и стал разбирать бумаги, скопившиеся на столе, среди которых была новая порция корреспонденции. Он снова и снова искал ответ на свой запрос, но его не было.

Две недели назад его отдел направил на исследование образцы листьев и ягод с

кустарника специальным курьером, но ответа так и не поступило, даже промежуточно, что образцы приняты и находятся в разработке.

Местное оборудование было не приспособлено для решения таких задач. В своё время, он написал не одно письмо с обоснованием необходимости соответствующего приобретения, но соответствующее финансирование так и не было выделено. Их филиал считался не самым важным в научной деятельности и существовал, скорее, как дань традиции.

Он со злостью ударил по столешнице, но в последний момент сдержал руку, и удар и больше обозначил удар, чем произвёл его.

Как же он был зол на всех этих людишек, которые тащат в рот что ни попадя! Есть столько фруктов, ягод и овощей, которые проверены веками, а они решили полакомиться ягодами, которые созревают всего раз за две тысячи. Или больше, лет. Мол, это же так круто, что можно съесть ягоды, а потом хвастаться перед проживающей в другом регионе роднёй.

Он попытался вспомнить, как всё начиналось. Как однажды утром он проснулся, выглянул из окна кухни и обомлел, посмотрев на свою живую изгородь и увидев на ней белый налёт. А когда надел очки и присмотрелся, понял, что это совсем не налёт, а появившиеся маленькие бутончики, которые очень быстро превратились в фиолетовые цветы разных оттенков. Он тогда даже сразу не поверил и решил, что его просто кто-то хочет разыграть. Ну, не только его, а вообще весь город. А потом по улицам стал разноситься этот одурманивающий аромат, от которого накатывало сладостное головокружение.

Он покачал головой, вздохнул. Ещё раз перебрал письма, принесённые с утра секретаршей заведующего кафедрой.

Хм... Интересно, а это что? Он взял в руки конверт: кафедра истории и практической археологии столичного университета. Интересно. Туда он ничего не писал, хотя и подумывал об этом. Ещё он хотел написать в епископат, чтобы ему хотя бы указали, где и что стоит искать, а уж он как-нибудь разберётся. Тем более что местный святой отец внезапно замкнулся и перестал идти на контакт, а ведь они с ним провели не один час, сидя за столиком в кафе и ведя научно-теологические споры, которые ему так нравились.

Раздался телефонный звонок, и он отложил на стол конверт, который уже успел надорвать, но, так и не успев его вскрыть полностью.

— Да? — спросил он в поднятую трубку.

— Беги! — раздалось в динамике. — Убегай из города! Срочно! Прямо сейчас! Бросай всё и беги!

— Подожди! — доцент явно узнал говорившего. — О чём ты?! Почему бежать?! Куда?! Зачем?!

— Послушай, у меня могут быть большие неприятности, если отследят звонок. Не перебивай! Решение принято на самом высоком уровне! Не жди ответа из Института! Просто послушай меня и беги! Ноги в руки и беги!

В трубке внезапно раздалась гудки, а затем и вовсе наступила тишина. Доцент несколько раз дунул в микрофон, понажимал на клавишу сброса, но гудки не вернулись. Подождал ещё минут пять — ничего.

Он вышел в коридор и прошагал в приёмную профессора, где сидела секретарша.

— Извините, — обратился он, — у вас тоже телефон не работает?

Секретарша оторвалась от листания журнала мод и подняла трубку. На столе рядом с органайзером для бумаг стояла пиала, наполовину наполненная теми самыми ягодами.

— Нет, — легкомысленно ответила она, — не работает. Наверное, сбой на подстанции. Или камнепад в горах сбил линию.

Она вернулась к просмотру глянца, забыв о существовании доцента.

— Может быть, — согласился он и вышел из приёмной, вернулся в свой кабинет, и вновь поднял трубку — тишина.

Камнепад, конечно, мог повредить линию, но обычно сразу идёт переключение на резервную. Он даже не смог вспомнить, когда бы связь пропадала на такое продолжительное время.

— Тоже не работает?

— А? Что? — встрепенулся доцент.

В дверях стоял его давний коллега из числа старших научных сотрудников.

— Телефон, говорю, у тебя тоже не работает? — повторно прозвучал вопрос.

— Нет, не работает, — покачал головой доцент.

— Какая-то ерунда! Похоже, во всём институте связь вырубилась! — с этими словами коллега исчез из дверного проёма.

Недоброе предчувствие зашевелилось в груди. Где там саквояж?

***

Когда сирена всё-таки завывала, её никто не услышал. Уже не было никого, кто бы мог закрыть уши, спасая барабанные перепонки от невыносимого надрывного воя. Всё было кончено. Всё произошло так быстро, что включать её не имело смысла, да и не для кого. Да собственно её никто и не включал, она сработала автоматически, когда на крупнейшей загородной фабрике в отсутствие людей начали одна за другой происходить аварии.

Глава 1. Свободная вакансия

Служба в армии была тем, что заставило пересмотреть взгляды на свою жизнь и выбить из башки всякую юношескую дурь типа нигилизма и бунтарства, которые особенно свойственны ребёнку из неполной семьи. Поэтому, когда закончилась срочная служба, контракт был подписан без каких-либо особых сомнений. Здесь, в армии, был порядок, которого так не хватало в той другой, гражданской жизни. А порядок это хорошо.

Правда иногда сам себя ловил на мысли, что остался на службе не из-за того, что созрел для ответственности за себя и других, и по-настоящему взрослой жизни, а потому, что текущее место службы обеспечивало необходимым уровнем адреналина в связи с выполнением задач, сопряжённых с повышенным риском.

Можно было бы об этом задуматься посильнее, но служба, не давала расслабиться настолько, чтобы углубиться в философские размышления о психологии поведения человека. Но, может быть, этого и хотелось? Деньги платят, служба идёт. Отучишься, получишь офицерские погоны — можно будет подумать о семье. О нормальной, полноценной семье, где есть не только мать, разрывающаяся на нескольких работах, чтобы прокормить сына и дочь, но и отец. Нормальный заботливый и ответственный отец, каким, и только таким, ты себя видишь.

Что делать, когда срок, на который подписан контракт, закончится? Вообще-то решение давно уже принято, просто сформированное в подсознании, оно ещё не успело окончательно подняться в верхние слои разума, чтобы можно было его чётко озвучить, тем более, что до конца текущего контракта было ещё почти два года.

И вот вызов к начальнику заставы. Нет, реально судьба не даёт тебе времени на праздные размышления. С другой стороны, может быть, оно и к лучшему? Если долго заниматься самокопанием, есть риск раскопать в себе демонов, которым лучше было бы оставаться глубоко в подсознании и никогда не вылезать свет божий.

Плац. Казарма. Личный состав занимается физической и строевой подготовкой. В небе светит жаркое кавказское солнце, птицы с щебетом срываются из-под крыши, на слабом ветру развивается российский триколор и знамя погранвойск.

Старший сержант Плетнёв быстрым шагом вошёл в административное здание, кивнув знакомому на КПП, поднявшему в знак неформального приветствия руку, поднялся на второй этаж и перевёл дыхание, прежде чем войти в кабинет. Выдохнул. Открыл дверь.

В кабинете было двое. Когда заходил, невольно услышал обрывки разговора:

— Что, зверь не беспокоит? — спросил незнакомец со звёздами полковника.

— Привык уже. Нормально, — отвечал начальник заставы.

В этот момент, они дружно обратили взгляды на вошедшего старшего сержанта.

«Зверь? Какой зверь может быть у начальника заставы? Ни разу не видел его ни с собакой, и не слышал о других питомцах. Может, у него на квартире какой-нибудь хомячок? Хомячок? У начальника заставы?» — Плетнёв про себя улыбнулся, представив как начальство сюсюкается с щекастым грызуном.

— Старший сержант Плетнёв по вашему приказу прибыл! — отчеканил Алексей, отложив размышления о домашних животных, и вытянулся по стойке смирно.

— Вольно, старший сержант, — это был начальник заставы.

Второй офицер, в звании полковника остался сидеть на стуле рядом со столом

начальника. Цепкий взгляд буквально буравил Плетнёва, из-за чего стало понятно, что вызвать хотели именно его, а не абы кого.

Было заметно, что если по количеству звёздочек на погонах начальник заставы и гость и были равны, то по факту гость держал себя так, будто он имеет более высокий статус, или обладает большим авторитетом. При этом, они явно давно друг друга знают.

Выполнив команду «вольно», старший сержант остался стоять, а сидящий полковник потянулся за стоящей на столе чашкой с кофе, периодически поглядывая то в окно, то куда-то в сторону.

— Догадываешься, почему тебя вызвали? — начальник жестом разрешил Плетнёву сесть.

Пододвинув стул, Плетнёв сел, пожал плечами. Очевидно, что его вызвали не чаи распивать, и не из праздного любопытства.

— Наверное, для участия в операции на границе, — высказал он предположение и добавил, — как обычно.

— Догадливый, — это заговорил незнакомый полковник, нашивка которого только раскрывала его фамилию и инициалы «Егоров Д.Е.». — Предлагаю пообщаться без чинов. Денис Евгеньевич, — он протянул руку Плетнёву, который тут же её пожал. Такой подход, без лишних формальностей ему был по душе. — А раньше приходилось работать за пределами госграницы?

Старший сержант посмотрел на своего командира, как бы спрашивая разрешения говорить. Начальник заставы коротко кивнул, давая согласие.

— Да, участвовал в двух специальных рейдах по уничтожению наркокурьеров, их непосредственно отследили на той стороне. Была ещё перестрелка с боевиками, которые пытались доставить оружие ячейке в Чечне, но это уже просто в ходе патрулирования. Преследовали, пришлось зайти на территорию соседей и уже там доделать, то, что здесь не получилось.

— Может, слышал? В прошлом году дело было, — вставил начальник заставы. — Даже в СМИ писали, но только как о разборках горцев между собой. Грузинские пограничники тогда прибыли на место только через сутки, когда мои ребята уже были дома.

— Ну а зачем торопиться? Если где-то стреляют, значит там опасно, — иронично прокомментировал Егоров. — Лучше посидеть, съесть вкусный шашлык, выпить хорошего вина, спеть долгую песню.

Он сделал очередной глоток кофе, поставил чашку на стол.

Плетнёва кольнуло такое отношение к грузинским погранцам, всё-таки они, как ни крути, были коллегами, хоть и по разные стороны, но в каждой шутке, как говорится, есть доля шутки. Егоров, по-своему, был прав.

— Это хорошо, значит, опыт имеется, и твой командир тебя характеризовал как человека, умеющего держать язык за зубами. Со стороны особистов ни одного нарекания, стоит отметить.

— Ну, что там у особистов, не знаю, с делом не знакомили, — немного расслабился Плетнёв. — Вроде поводов думать иначе не давал.

Повисла пауза, которую заполнил звук кофе, перетекающего из чашки в пищеварительную систему полковника.

— Если коротко, старший сержант, то у нас образовалась, так сказать, вакансия, — наконец продолжил Егоров. — Мы навели справки, и пришли к выводу, что ты нам вполне

можешь подойти.

— А у вас, это у кого? — настороженно спросил Плетнёв.

— Специальная сводная группа Минобороны и ФСБ России. Иногда мы привлекаем к решению задач сотрудников МВД, но, по понятным причинам, только когда речь идёт об операциях внутри страны.

Одно сошлось с другим.

— Значит, сейчас вы планируете операцию по ту сторону границы, понятно.

— Я же говорил, что схватывает на лету, — довольно произнёс начальник заставы.

Полковник Егоров кивнул.

— Да, придётся работать по ту сторону границы. Так сказать, в глубоком тылу. Посмотрим, как себя покажешь, а там, глядишь, предложим тебе постоянную должность.

Алексей обдумывал полученную информацию.

— Что-то серьёзное?

Егоров утвердительно кивнул.

— Если всё пройдет так, как надо мы поможем тебе с обучением и лейтенантскими погонами, старший сержант.

Ага, дают на самолюбие и тщеславие. Логично.

— То есть операция полностью нелегальная, — констатировал Плетнёв.

— Ты прав, — ответил полковник. — Мы, как бы это сказать, будем там работать без официального разрешения. Местные органы власти будут не в курсе наших действий. Риск утечки информации очень велик, а последствия провала непредсказуемы.

— Грузия, насколько знаю, усилила патрулирование границы, проскочить к ним будет сложно.

— А кто сказал, что будем работать на территории Грузии?

У Алексея сама собой приподнялась бровь.

— А где тогда?

— В Афганистане, — как ни в чём не бывало, сообщил полковник.

Алексей быстро прокрутил в голове политическую карту мира.

— Далековато, — констатировал он. — К тому же мы не имеем общей границы.

— А кто сказал, что будет легко, Алексей?

Полковник Егоров был вроде как одновременно и расслаблен, и в то же время предельно серьёзен. Забавное сочетание, свойственное, как правило, профессионалам своего дела.

— В общем, отправляемся сегодня, жду тебя в 10 вечера на КПП заставы. Вылетаем сегодня ночью, а потом... потом надо будет пешочком немного пройтись. Ну, так как? Принимаешь предложение?

Иногда ты просто понимаешь, что тебе позволили услышать слишком много, чтобы ты мог просто отказаться.

— Как будто у меня есть выбор, — пожал плечами Плетнёв.

— Догадливый, — снова улыбнулся полковник. — Инструкции получишь у своего командира. Всё, рассчитываю на тебя.

— Разрешите последний вопрос?

— Давай.

— Если что-то пойдёт не так, то от нас отрекутся? — уточнил Плетнёв.

— Зачем отрекаться от того, кого никогда не существовало? — задал риторический

вопрос полковник Егоров.

Всё становилось одновременно и яснее и непонятней. По всему выходило, что некая сводная группа должна будет действовать не просто за пределами российской территории, а сразу на территории Афганистана, где, на секундочку, сейчас заправляют талибы, если не считать небольших территорий вокруг баз, подконтрольных американцам и правительственным войскам.

Алексей поднялся и озадаченный поступившим предложением направился к выходу из кабинета. Когда закрывал дверь, услышал:

— Витя, насчёт зверя, — это был Егоров. — Ты бы хоть на какую вылазку сходил, а то дело такое, сам понимаешь.

— Не учи учёного. Лучше за своим смотри, — без тени юмора ответил начальник заставы, прежде чем за Плетнёвым закрылась дверь.

***

На юге темнеет очень быстро, сумерки короткие. Летом в десять вечера уже полная темнота, не то, что севернее, где период сумерек довольно растянутый и солнце садится за горизонт словно бы нехотя.

Когда Алексей подошёл на КПП, там уже стояла машина, обычный армейский тентованный фургон, рядом с которым собрались несколько человек, и, судя по всему, ещё столько же находились в кузове. У кабины стоял полковник Егоров и что-то обсуждал с бойцом, с явно выраженными монголоидными чертами лица. Парень был либо из Сибири, либо откуда-то из Якутии.

Кроме тунгусов или эвенков Алексей сейчас не мог вспомнить названий других коренных народностей. Ну да, ещё, конечно же, якуты.

В руках полковника была бумажная карта, а азиат с серьёзным видом показывал что-то на ней, тыкая пальцем, и короткими фразами отвечая на вопросы офицера.

Заметив подошедшего Плетнёва, полковник тут же переключился на него.

— О, ты вовремя!

Как будто могло быть иначе.

— По вашему приказанию прибыл! — отрапортовал Плетнёв, отдав честь.

— Так, старший сержант, — произнёс полковник, — мы люди дисциплинированные, но лишний формализм не приветствуем. Так что вольно, и давай, просто «товарищ полковник» или «Денис Евгеньевич».

Неожиданно, но ладно, сойдёт.

— Мне внутрь? — спросил Плетнёв.

— Да, скоро отъезжаем, ещё пару человек ждём и в путь.

— Товарищ полковник, можно вопрос?

— Задавай.

— Мы на самолёте полетим через Каспий или на подлодке будем добираться до Туркмении?

Полковник как-то хитро улыбнулся и похлопал Алексея по плечу.

— Увидишь, всё схвачено, не переживай зря.

***

Вертолёт летел ночью и крайне низко, чтобы не попасть под действие местных радаров. Отношения с Туркменистаном, в принципе, сохранялись нормальные (учитывая всю странность тамошнего режима), но незаконное пересечение границы военными, пусть даже

и дружественной страны, вряд ли может кого-то обрадовать. Был, конечно, риск зацепить какую-нибудь линию электропередач, или впечататься в высоту, но судя по тому, как машина огибала рельеф местности, пилоты за штурвалом были опытные и досконально изучили местность.

Потом сделали посадку, дозаправились и подобрали каких-то мутных по виду типов из местных, если судить специфичному разрезу глаз и скулам. В этом месте Алексей серьёзно напрягся, так как категорически не доверял представителям среднеазиатских государств бывшего Советского Союза. А эти так и подавно были, [хр@н](#) пойми кем, и больше походили на каких-то боевиков-моджахедов, разве что одеты они были не в шлёпанцы и тюрбаны, а во вполне себе сносного вида обмундирование, годное для долгих переходов по горам.

Но сейчас он вообще сидел, словно бы пришибленный, стараясь понять то, что произошло, когда фургон, в котором было десять человек бойцов, не считая водителя и полковника с тунгусом, которые находились в кабине, остановился посреди ночи в неизвестном месте и поступил приказ покинуть машину.

Тунгуса, оказалось, зовут Афанасий, и он отправился куда-то в темноту, сойдя в сторону от горной дороги, по которой они тряслись уже часа два, съехав с основной трассы.

С одной стороны протекала горная речка, от которой даже летом веяло прохладой и сыростью, а с другой стороны возвышались скалы. В их-то сторону и направился Афанасий, перед этим просидев минут пять по-турецки прямо посреди дороги.

Картина была мало, что сказать, странной, но никто из присутствующих даже и не думал смеяться.

Вскоре Афанасий появился из-за камней и махнул рукой остальным, приглашая проследовать за ним.

Вся группа, за исключением водителя, проследовала за Афанасием в темноту, группу бойцов замыкал Егоров.

Алексей не мог понять, какой смысл ползти по камням, здесь и сейчас, когда по идее надо было отправляться на аэродром, чтобы пересечь Каспий. Ну или быть погруженным на подводную лодку, о существовании которых на этом море Плетнёв мог только догадываться.

Но нет, сейчас они пробирались среди валунов, а под ногами осыпался щебень.

В какой-то момент, когда Алексей уже хотел было открыто задать вопрос «А что собственно происходит?», он понял, что под ногами у него далеко не крошащиеся камни, а упругий дёрн, а кисти рук щекочет высокая трава, достающая чуть ли не до пояса.

В нос ударили незнакомые ароматы ночного травостоя, а в воздух взмыл рой стрекочущих светлячков, устремившихся в небо.

Небо... Когда Алексей посмотрел вверх, он даже споткнулся и чуть не упал, попытавшись найти Полярную звезду. Звезду, которая была знакома ему с самого детства, и знать о существовании которой должен был любой мало-мальски адекватный турист, который любит ходить в походы с рюкзаком и палаткой.

Полярной звезды на небе не было. Совсем. Ровно также как не было и любого другого знакомого созвездия. Ни Большой Медведицы, ни Лебеда, ни Ориона...Ничего.

Но главное — исчезли горы! Позади не было ни ущелья, ни стремящихся в небо скал.
— Не зевай, солдат! — весело поддел его Егоров. — А то светлячка проглотишь — совсем мёртвый будешь!

Плетнёв захлопнул рот, который действительно оказался открытым от самого что ни на есть детского удивления.

— Давай, не теряй темпа! — подгонял полковник.

Быстрым шагом тонкая змейка людей продвигалась по бескрайнему морю саванны, над которой горели совершенно чужие звёзды.

Алексей ощутил, как его сердце начинает колотиться гораздо чаще обычного, и это никак не было связано с тем, что он тащил набитый рюкзак и полный боекомплект с оружием.

Он обернулся на ходу к полковнику, но тот только замотал головой:

— Потом. Всё потом, Лёха!

И они продолжали идти быстрым шагом среди перекатывающихся травяных волн, освещаемых лишь звёздами, да разбуженными светлячками.

Вскоре он заметил впереди растущие вместе три дерева, которые выделялись на фоне звёздного неба резкими силуэтами. Судя по всему, Афанасий вёл их именно к ним.

Чем ближе они подходили к деревьям, тем чаще им стали попадаться огромные каменные валуны, которых издали не было видно из-за высокой травы. Как оказалось, рядом с деревьями тоже имелись большие камни, в расщелину между которыми и нырнул Афанасий, а за ним и все остальные бойцы их группы.

Алексей действительно решил оставить вопросы на потом.

История повторилась, только уже наоборот: после сгустившейся темноты они внезапно оказались примерно в такой же местности, в какой оставили армейский грузовик.

— Добро пожаловать в Туркменистан! — полковник хлопнул по плечу ошарашенного Алексея.

В это время в долине их уже дожидался вертолёт с опознавательными знаками местных военно-воздушных сил с местными же пилотами, которые сделали вид, что ничего необычного не происходит, а просто дождались, пока все загрузятся на борт и запустили двигатели.

Так, допустим, что они сейчас действительно в Туркмении и вертолёт несёт их по направлению к Афганской границе. И что, Егоров хочет сказать, что у него тут всё схвачено? Туркмения, если что, ни разу не союзное государство и не надо быть пяти пядей во лбу, чтобы понять, что с ними сделают, если вдруг кому-то из непосвящённых чинов захочется посадить вертолёт и проверить его экипаж и пассажиров. Как там сказал полковник: зачем отрекаться от того, кого и не было?

Ну что, Алексей, ты сам на это подписался.

А посмотришь на остальных — спокойные как слоны на пастбище: кто спит, кто книгу читает, кто закорючки в блокноте рисует... Или не закорючки? Не важно.

Потом сделали посадку, чтобы переждать светлое время суток: пока вертолёт стоял накрытый маскировочной сеткой, полковник расставил часовых по высотам на случай внезапного появления случайных гостей. Никогда нельзя предвидеть полностью все факторы, но всегда можно попытаться быть максимально готовым к неожиданностям.

Афанасий же отошел в сторонку и водрузился, скрестив ноги, на большой камень. То ли он медитировал, то ли молился, не понять. Но то, что не намаз совершал, так это точно, так как Плетнёв видел это неоднократно, а наш Афанасий, судя по всему, вообще язычник. Скорее всего, исповедует какой-нибудь шаманизм, как это принято у сибирских народов.

Когда они сидели у горелки с сухим горючим, на которой грелся обед, перед самым вылетом на афганскую границу, Алексей заметил, как несколько бойцов из группы достали пластиковые контейнеры, наподобие тех, в которых хранятся контактные линзы.

Собственно, они таковыми и оказались. Недолго думая, бойцы вставили по линзе в каждый глаз и проморгались.

— Плохо видите? — спросил Плетнёв сидящего по соседству бойца, который уже убрал пустой контейнер в нагрудный карман.

Тот посмотрел на него блестящими глазами и как-то неопределенно ответил:

— Типа того.

— Все сразу? — изобразив простачка, решил уточнить Алексей.

— Ага, куриная слепота — просто подтвердил боец и откинулся на рюкзаке, демонстрируя все видом, что собирается подремать, предварительно вставив в уши наушники.

— Что слушаешь? — решил рискнуть терпением собеседника Алексей.

Боец указательным пальцем приподнял поля шляпы, чтобы поглядеть на надоедливую новичку, вернулся в исходное положение.

— Моцарт. Классика, — всё-таки ответил он, закрывая глаза. — Советую. Командиру нравится.

— Понятно, — Алексей уселся поудобнее. — Группа Моцарта, значит.

Боец всё-таки ещё раз с интересом выглянул из-под полей панамы на Алексея, но отвечать не стал.

Плетнёв осмотрелся. Те, кто не стоял на часах, старались поспать, готовясь к предстоящему переходу на своих двоих. В стороне полковник Егоров обсуждал что-то с Афанасием, который уже сполз с валуна, на котором они разложили карту.

Полковник указывал на некие точки на карте, а тунгус либо качал головой, либо кивал соглашаясь. Пару раз он сделал жест руками, означающий: мол, так себе, не известно, что может получиться.

Солнце должно было сесть примерно через час.

Глава 2. Видеть

Границу переходили в полной темноте, дорогу освещали только звёзды, даже Луны на небе не было. И это хорошо, так как здесь она яркая и в ясную лунную ночь видно разве что немногим хуже, чем днём.

В этот раз никаких непонятных перемещений не случилось, всё было гораздо прозаичнее: группу встретил некий пушгун в шлёпанцах и со старым «калашом» наперевес, который приняв какой-то свёрток из рук полковника, повёл любителей классической музыки только одному ему известными тропами через границу.

Если честно, то проводник не вызывал у Плетнёва ни малейшего доверия. Может, полковник его и знал и, может, работал с ним не первый раз, но Алексей его видел в первый раз и подспудно готовился к тому, что горец тупо заведёт их в засаду и их постреляют сверху как в тире.

Но не случилось. Когда пушгун, или кто он там, получал второй свёрток от полковника, Алексей оказался рядом и смог рассмотреть его лицо, не закрытое куском тюрбана. И стоит признать, что во взгляде можно было увидеть, что угодно, но только не замышляемое предательство. Скорее уж тёмно-карие глаза транслировали неподдельный страх, что если он что-то сделает не так, то на его голову обрушатся такие кары небесные, что лучше бы ему самому прямо тут же спрыгнуть со скалы и разбиться на [xp@n!](#)

Это ж как надо было выдрессировать или запугать человека, подумал Алексей.

Дальше они уже шли сами, и восход солнца застал их, когда они уже оказались западной стороне перевала, из-за чего солнце начинало светить им в глаза, но пока ещё его скрывали возвышающиеся напротив горы.

По горной тропе шла группа людей и навьюченных ишаков, типичного вида для этой местности.

Группа Моцарта, как про себя начал называть их отряд Алексей, засела на порядочном расстоянии от тропы и наблюдала за тем, что на ней происходит издалека, укрывшись за камнями.

С такого расстояния без бинокля и, не зная куда смотреть, обнаружить их на склоне горы было практически невозможно.

— Видишь? — спросил полковник у мордатого лейтенанта, который через бинокль тоже вглядывался вдаль. Это он вчера приобщался к мировому наследию классической музыки.

— Вижу, — подтвердил последний. Сделал он это с таким выражением в голосе, как будто приметил лису, забравшуюся в курятник, но которая ещё очень увлечена воровством, чтобы понять, что её уже обнаружили.

Интересно, что они там могли рассмотреть такого, чего не мог Алексей.

Не отрываясь от наблюдения, полковник обратился к Алексею:

— Что видишь, Алекс?

Поскольку в группе не было других Алексеев не было, а единственный Александр был просто Саньком, то позывной «Алекс» сразу же по умолчанию прилип с Плетнёву.

Он ещё раз поднёс к глазам свой бинокль, с которым не расставался с момента своего первого патрулирования, присмотрелся повнимательнее. В конце концов, если полковник спрашивает, то, может, в этом есть смысл?

Что там у нас: группа из пятнадцати классических, если так можно выразиться, моджахедов в шлёпанцах и тюрбанах с рюкзаками за спинами, у каждого по «калашу». Четыре ослика, нагруженных под завязку тюками. Наверняка в них либо оружие — а сами тюки скрывают притороченные ПЗРК, — либо наркотики, скорее всего, героин или опиум. Мака в этих местах всегда выращивали в избытке. Ещё четыре, судя по парандже, женщины неопределённого возраста. Для этих мест, наверное, явление обычной некуда.

Однако, Алексей знал обстановку в текущем регионе довольно поверхностно, больше ориентировался в кавказских проблемах, так как варился в них не один года. А тут... ну душманы, ну талибы... узбеки, туркмены, пуштуны и прочие. Вечная борьба одних племён против других, вечно меняющиеся, как узоры калейдоскопа, альянсы одних с другими.

Что ещё? Вроде исламское государство не ладит с Талибаном, но это вообще как выбирать между чумой и холерой, хотя на противоречиях можно и сыграть при необходимости.

Но это не его ума дело, по крайней мере, пока. Пусть аналитики думают, а политики принимают решения.

— На вид обычные бармалеи, — констатировал Алексей. — Контрабандисты, или боевики. Или и то и другое вместе. Какие-нибудь талибы.

Полковник только покивал, а старлей, что был рядом, тихо усмехнулся. Без какой-то особой издёвки, а как человек, знающий то, что не может уловить зелёный салага.

Плетнёв салагой не был, и его такая реакция чуток задела.

Но, вдруг, он и в самом деле, что-то упускает из внимания? В конце концов, учиться никогда не поздно, особенно если хочешь построить карьеру в армии.

— Ну, сейчас учить тебя видеть некогда, — негромко произнёс полковник, как-то по особому выделив слово «видеть», — Да и не каждому это дано, так что приходится пользоваться достижениями техники. Некоторые до сих пор контактными линзами пользуются. Так, я говорю?

Последние слова, видимо, относились к бойцам, которые вчера под вечер надевали линзы? С другой стороны, а что такого они могут дать, эти маленькие круглые кусочки силикона.

— Поэтому убери свой и возьми-ка этот прибор.

С этими словами полковник протянул Алексею, казалось бы, самый обычный бинокль. Однако, спереди в перед основными окулярами были сделаны специальные прорезы, чтобы туда можно было вставить дополнительные линзы, которые тут же болтались обрамлённые в пластик на коротком шнурке, по два на каждый тубус.

Одна линза имела еле заметный красный, скорее даже розовый, оттенок, другая — светло-голубой. Чем-то они напоминали бутылочное стекло, но только гораздо прозрачнее что ли.

— Используй оба, — посоветовал полковник.

Интересно, что может такого измениться, от использования какого-то светофильтра. Мир станет веселее? Так для этого достаточно надеть розовые очки и выпить литр водки.

Алексей начинал думать, что над ним, как над новичком, хотят подшутить более опытные товарищи. Он таких приколов не любил, сам не участвовал и над собой их не терпел. Однажды даже подрался, из-за чего задержался в сержантах на лишнюю пару месяцев.

Однако, учитывая, то, что он видел вчера, то, где он побывал, и вообще обстоятельства

их появления здесь, то чем чёрт не шутит! Если уж верить в волшебство, то по полной!

Алексей вставил в прорези фильтры и вновь посмотрел в бинокль на вереницу людей и животных, которые в этот момент решили остановиться на широкой площадке, устроив, по всей видимости, привал.

Сказать, что он удивился — не сказать ничего. Челюсть предательски отвисла, а дыхание остановилось на более длительное время, чем это предусмотрено организмом.

Нет, количество пешеходов и животных не изменилось, вот только... они стали совсем другими!

Животные хоть и остались четырёхлапыми, но чёрт! Что у них с головами?! Да и лапы — передние были явно короче задних, и скотина при беге явно предпочитала пользоваться только задними. На голове довольно странной формы — не то рога, не то уши, отсюда не разобрать, с морды свисают какие-то щупальца что ли. Эдакие одомашненные ктулху на минималках.

Да и тюки изменились — стали какие-то совсем не такие, больше напоминали свёрнутые спальные мешки.

Но главное — люди! Вернее, люди ли?! Внешний вид их также изменился. Теперь они уже не были одеты в традиционные шаровары, длинную рубаху с безрукавкой и паколем на голове, нет!

При взгляде сквозь фильтры бинокля они изменили свой внешний вид кардинально: хотя их тела большей частью и были скрыты сложными расшитыми плащами, явственно ощущалось, что они имеют довольно щуплое телосложение.

Передвигались они так, что строение их конечностей вызывало явные вопросы, собственно как и количество, которое так сразу было и не определить. Разве что из-под накидок то и дело появлялись, если можно так сказать руки, плотно замотанные полосками ткани, тоже довольно, как показалось, Алексею тонкие и с длинными пальцами. Последние, к слову, тоже были, насколько можно судить с такого расстояния, замотаны тканью, либо их закрывали тонкие перчатки.

Один из чужаков, который стоял в пол-оборота к залегавшим среди камней бойцам, и держал в руках нечто вроде посоха, стал что-то показывать остальным спутникам, жестикулируя обеими руками, при этом посох остался в почти вертикальном положении. Это типа, сколько у него там рук, если их вообще можно так называть?

Алексей присмотрелся повнимательнее: лиц, скрытых капюшонами практически не было видно, но то, что он смог различить, так это то, что они тоже были скрыты полосами ткани. Такое себе племя тутанхамонов.

Те, кого поначалу Алексей определил как женщин, при взгляде через бинокль полковника не сильно изменились, но, тем не менее, даже их внешний вид преобразился. Накидка стала другой, а из-под неё периодически выглядывали такие же странные, замотанные полосками такни и узкие конечности. Назвать это руками сразу Алексей не решился.

Если это розыгрыш, то тащить сюда ради него Алексея выглядит очень и очень глупо. А что если то поле, по которому они шли ночью тоже часть розыгрыша? Ну, применили к нему какой-нибудь психотропный препарат, разбудили в поле, потом опять опрыскали, и проснулся он уже в горах, а он и повёлся.

Не исключено, что он вообще ни разу ни в Афганистане, а недалеко от своей базы.

Отвёл бинокль в сторону. Посмотрел на небо, на солнце, на горы. Нет, всё-таки у него

там горы совсем другие. Да и погода в это время года отличается.

Потом устался на маленького жучка рядом с его рукой, который бежал по поверхности пыльного камня по каким-то своим, только одному ему известным делам.

Алексей вытащил фильтры из бинокля — перед ним вновь были обычные афганцы. Снова вставил фильтры — перед ним на привал устраивались неизвестные существа.

Какая-то чертовщина. Он непонимающе посмотрел на своего командира. Тот только тихо рассмеялся, мол, как тебе такое?!

— Кто это? — наконец выдавил Алексей из себя вопрос. Даже голос изменился, хорошо, хоть ещё не перешёл от такой неожиданности на фальцет, вот смеху-то было бы. Пульс резко участился. Последний раз такое было, когда он в детстве, собирая ягоды, натолкнулся на медведицу с медвежатами в лесу. А потом бежал, не оглядываясь и матерясь, что есть сил, перепрыгивая через валежник.

Полковник вернулся к наблюдению за группой.

— Хороший вопрос, — не отрывая бинокля от глаз, сообщил он. — Кто-то называет их кочевниками. Кто-то — странниками. Кто-то — просто чужими. Хотя есть мнение, что они для нашего мира такие же чужие, как люди.

— И зачем мы здесь?

— Должны обеспечить наблюдение и безопасный проход, — полковник убрал бинокль в подсумок.

— И всё? — не понял Алексей. — А попытаться захватить для изучения там?.. Это же... ну, инопланетяне, чтоб их!

Полковник посмотрел на Плетнёва так, как смотрит учитель на умного, но чересчур самоуверенного ученика, которому ещё учиться и учиться.

— Однажды пытались — ничего не вышло, — Смирнов почесал подбородок. — Наоборот, ситуация чуть не вышла из-под контроля.

— Всё настолько серьёзно?

— Именно, — мрачно ответил полковник Егоров. — Странники могут являться носителями оружия неопределённого свойства, или тем, что может быть использовано в качестве оружия. Применение его может привести к глобальному вымиранию на нашей планете. А проверять их решимость использовать его, или давать такой повод у нас нет ни малейшего желания.

— А вы уверены, что у них есть такое оружие? Может никакого оружия массового поражения и не существует? — озвучил мысль старший сержант.

На этот раз во взгляде полковника явственно читалась жалость, только не понятно к кому: к Плетнёву, который пока ещё ничего не знал, или к самому себе, который должен был верить в нечто, чего сам никогда не видел.

— Ммм... есть, — подумав, ответил он, но в его голосе Алексей всё-таки уловил еле заметное сомнение. — Мы всё-таки считаем, что есть. Некоторые эксперты высказывали мысль, что странники могут нести опасность сами по себе. Что это они есть оружие. Штука в том, что проверять особо не хочется.

Лет тридцать назад наши совершенно случайно, — полковник повертел в пальцах цветные фильтры, — обнаружили подобную группу и попытались её перехватить, как ты говоришь, для изучения, но мягко говоря, [обоср@лись](#), когда поняли, что столкнулись с тем, что не в состоянии понять и что это непонимание может привести к глобальной катастрофе. По крайней мере, именно такие выводы содержатся в документах, которые сохранились с

тех пор. У нас нет оснований им не доверять.

— Так, может, поговорить с теми, кто тогда их задержал? Тридцать лет не такой большой срок, Денис Евгеньевич, люди должны быть ещё живы.

Полковник посмотрел на Плетнёва так, что он почувствовал себя капитаном Очевидность.

— Мы бы с готовностью, Алексей, — без малейшей издёвки ответил полковник. — Проблема в том, что некого.

Алексей осмысливал услышанное.

— Они погибли? — спросил он.

— Их судьба не известна. Принято считать, что они пропали без вести.

— А группа странников? — уточнил Плетнёв.

— Не известно. В архивах дыра с Марианскую впадину.

Алексей поднёс к глазам бинокль и ещё раз посмотрел на пришельцев, вставив фильтры только в один из объективов. Странное всё-таки зрелище: видеть одни и те же объекты, но в совершенно разном виде.

То есть, получается, странники каким-то образом обманывают органы зрения людей. Как-то воздействуют на мозг, причём даже на таком большом расстоянии. Или используют для этого технические средства. Ведь так получается?

— Я стесняюсь спросить, Денис Евгеньевич, — произнёс Алексей. — Если мы их видим такими, какими они хотят, чтобы мы их видели, то, получается, что они могут запросто жить среди нас?!

— Правильно мыслишь, старший сержант, — согласился Смирнов. — Для того мы и пытаемся контролировать все известные нам переходы, либо ликвидировать их.

— Переходы? Разве они не на кораблях прилетели?

— Я смотрю, ночная прогулка по саванне у тебя ещё не прочно улеглась в голове.

Глава 3. Незваные гости

Группа удивительных странников, казалось, просто остановилась на отдых, усевшись в круг. Один из них, что вышел в центр, передавал другим, судя по всему, пиалы с неким содержимым. Ну что же, если они питаются, значит, они зависят от пищи. Если это конечно пища, а не очередной морок, направленный на то, чтобы убедить случайных встречных, что перед ними такие же люди, как и они сами.

В сторонке стояли, перетаптываясь и отгоняя насекомых хвостами «ослики», с которых пока что сняли груз и разложили рядом на земле. Животных привязали к старому высохшему деревцу, которое стояло здесь, должно быть, от начала времён. Ушастые меланхолично жевали насыпанное им зерно, или чем там их кормят.

Со стороны складывалось ощущение, что самые обычные местные жители шли по своим афганским делам и просто решили перекусить в дороге, попить чаю, и дать животным отдохнуть. Своего рода обычная среднеазиатская пастораль.

Полковник отрядил четырёх бойцов, вооружённых кроме автоматов снайперскими винтовками, занять наблюдательные позиции позади и по ходу возможного продвижения странников. Связь поддерживали по рации.

Алексей же то и дело вставлял в прорези бинокля фильтры, понять действие которых он не мог, и смотрел на пришельцев из иного мира. Потом снова их вытаскивал и смотрел сквозь обычную оптику. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что хочет добиться иного результата, из раза в раз повторяя одни те же действия.

Да, подсознательно он хотел, чтобы морок прекратился, и всё это оказалось бы не более чем затянувшейся шуткой, так как поверить в существование чего-то, что официальная наука отвергает, было просто не возможно.

Он бы ещё смог смириться с тем, как они «съели» пространство, добираясь до Афганистана, но видеть перед собой живых существ из другого мира — было на грани его восприятия реальности.

С другой стороны, когда любопытные учёные, спустившиеся на самое дно океана, обнаруживают там живых существ, которых раньше никто и никогда не видел, которые живут под воздействием экстремального давления, температуры и без доступа кислорода, — разве это не чудо? Разве это не то же самое, что понять, что в этой вселенной может существовать иная жизнь.

К тому же, справедливости ради, учёные вовсе не отрицают наличия внеземной жизни, они лишь говорят, что на текущий момент этому нет адекватных доказательств. Что там есть на текущий момент: какой-то обломок метеорита предположительно с Марса, со следами якобы окаменевших примитивных бактерий? Ведь ничего кроме этого, по большому счёту, нет.

И всё-таки было то, что отличало ранее неизвестные глубоководные организмы от чуждой жизни, которую Алексей сейчас наблюдал: явное наличие того, что у людей принято называть разумом.

Существа действовали совершенно осознанно, демонстрировали логику и имели то, что можно было бы назвать одеждой, а для её изготовления нужен вообще-то текстиль, который надо было ещё как-то произвести. Но даже, если они сами не производили ткань, то они могли его у кого-то приобрести, отобрать, или просто найти, но потом всё равно

использовали её по назначению.

Интересно, очень интересно. Алексей ощущал, что прикоснулся к чему-то загадочному и неизвестному другим людям, своего рода ощутил исключительность.

Наверняка же полковник и другие причастные пытались понять, кого или что собой представляют странники.

— Кто они, Денис Евгеньевич? — спросил Алексей полковника. — Есть какие-то теории на этот счёт.

— Скорее, гипотезы. При невозможности исследовать образцы, остаётся только гадать. Ты же знаешь разницу между теорией и гипотезой? — полковник бросил заинтересованный взгляд из-под солнцезащитных очков.

— Вообще-то я не самым тупым был в школе, — ответил Плетнёв, продолжая наблюдение за странниками.

— Оно и понятно, — тихо засмеялся Смирнов. — Тупых не приглашаем.

Полковник задумался, глядя как один из бойцов ведёт видеосъёмку устроившихся на привал странников. Солнце тем временем продолжало подниматься, среди скал гулял пока ещё ветерок, который в скором времени обещал растерять свою утреннюю прохладу.

— Кто-то считает их пришельцами с другой планеты. Кто-то — визитёрами из параллельного мира.

— Параллельного мира? Да ладно! — воскликнул Алексей.

— Именно! Но опять же, это гипотеза. Версий много, но основных две: первая заключается в том, что они — представители иноземного разума, чей внешне гуманоидный вид всего лишь удивительное совпадение, хотя учитывая количество планет в одной только нашей Галактики, даже без учёта иных измерений...

Здесь Алексей вновь невольно приподнял бровь.

— ... нет ничего удивительного, что они в чём-то похожи на нас, — продолжал полковник. — И при этом не имеют к нам ни малейшего отношения. Другая ДНК, или что там у них вместо него, другое происхождение, всё другое... Только формой слегка похожи на нас.

— А вторая, я так понимаю, противоположна первой?

— В целом и общем да.

— То есть они люди?!

— Это гипотеза. Ничем неподтверждённая гипотеза, — продолжал объяснять Смирнов. — Помню, как на одной из научных конференций по антропологии, ведущий там ещё такой забавный в очках был и с бородой — чисто учёный — рассматривалась тема сосуществования сразу нескольких видов человечества на нашей планете...

— Про неандертальцев читал, знаю, — поспешил блеснуть знаниями Алексей.

Полковник Смирной лишь улыбнулся.

— Да, в своё время природа играла с разными версиями человека, выбирая оптимальную. В общем, там как-то прозвучал вопрос: сколько лет потребуется, чтобы изолированные друг от друга популяции людей превратились в отдельные виды?

— То есть они могут оказаться отдельным видом людей?

— Ну, у таракана тоже есть голова, чтобы думать и конечности, чтобы передвигаться, но человеком он от этого не является. Гипотезы, Алёша. Вопросы без ответов.

Вопросов действительно было много, но Алексей был твёрдо уверен лишь в одном: в том, что сейчас он, в любом случае, знает меньше, чем кто-либо из их группы.

— Заполучить бы образец, — мечтательно произнёс Смирнов.

Время тянулось, и его надо было как-то заполнить. Странники же, вроде как, и не собирались никуда торопиться. Делали какие-то только им понятные дела в своём круге. Отсюда казалось, что главный, тот, что с посохом что-то рассказывает остальным, или наставляет их. Понять бы о чём он там им вещает.

— А не думали им просто не мешать, чтобы они могли спокойно пройти туда, куда хотят? — задал вертевшийся на языке вопрос Алексей.

— А мы и не мешаем, — ответил полковник, попутно проверяя автомат. — Мы контролируем. Пусть идут, куда им надо, и как только дойдут, мы посчитаем нашу миссию исполненной. Вернёмся домой, к обычной жизни.

— Интересно, куда они уходят? И откуда приходят? — задумчиво пробормотал Алексей.

Смирнов посмотрел на старшего сержанта так, как смотрит учитель на ученика, которого удалось заинтересовать какой-нибудь идеей.

— Интересно, — подтвердил он. — Проблема в нехватке информации. Мы бы, может, и попытались захватить образцы, но к чему это приведёт, просчитать не можем. Тем более, что обрывки информации говорят, что лучше этого не делать. Это как обнаружить объект, похожий на бомбу, но к которому ты не знаешь, как подступиться.

— Взорвать на расстоянии, — пожал плечами Алексей. — Есть же роботы.

— А если тебя снесёт взрывом, каким бы это расстояние не было?

— Тогда мы возвращаемся к тому, что я сказал в самом начале: зачем мы здесь? Пусть идут, куда идут. Мы не трогаем их, они не трогают нас.

Полковник поставил автомат прикладом на землю.

— Понимаешь, Алексей, какая штука. Мы-то можем их оставить в покое, но вот ожидать того же от других, к сожалению, мы не можем. Если кто-то, исходя из своих представлений о целях и интересах, попытается их захватить, то мало не покажется никому. А оно нам надо? — задал он риторический вопрос.

— Гм... То есть кто-то ещё знает об их истинной природе?

— Может, и знает, а может, просто решит, что несколько афганцев с грузом оружия и наркотиков — легкая добыча. Смотрел кино, где банда головорезов захватывает в заложники случайного водителя, а он на поверку оказывается натуральным маньяком, который их порешал с особым удовольствием?

Алексей честно попытался вспомнить.

— Не важно, — махнул рукой Смирнов. — Суть ты уловил. В общем, мы не хотим, чтобы из-за действий каких-нибудь отморозков, которые захотят срубить лёгкого бабла, или кому-то что-то там показалось, наш мир накрылся медным тазом. Понятно?

— Понятно, — кивнул Алексей.

— Так что охраняем и наблюдаем. К слову, может быть, что-нибудь новое насмотрим, что поможет нам понять, кто они такие. Способ изучения пассивный, но пока что на большее рассчитывать не приходится. Что-то долго они сидят на одном месте, как думаешь? Надо будет потом в рапорте отметить.

— Без понятия, я же не знаю, как они обычно себя ведут.

— Ну, может, и ничего необычного.

Спустя пару минут Алексей созрел для нового вопроса:

— А сами они разве не могут за себя постоять?

— Как я уже говорил, — вздохнул полковник, — нам лучше не проверять их готовность и возможность к самообороне.

Смирнов вновь посмотрел в бинокль на странную кампанию.

Внезапно сработала его рация.

— Приём, — ответил он, нажав кнопку.

— С севера идёт пара местных жителей со стадом овец. Приём.

— Принято. Как выглядят? Приём, — было понятно, что в слово «выглядят» полковник вкладывает совершенно конкретный смысл, и по всей группе словно пробежало напряжение.

— Не наши клиенты, — прозвучало из рации спустя несколько долгих секунд, — однозначно. Похоже, местные. Один точно вооружён, автомат. Скоро будут у вас. Приём.

— Принято, наблюдаем, действуем по регламенту, — Смирнов прицепил рацию на разгрузку.

Вскоре из-за поворота действительно появились первые овцы, а потом и всё стадо голов в пятьдесят, не меньше, и за ними собственно пастухи с палками в руках, у одного кроме перекидной сумки на ремне, на плече болтался старый «калаш». Всё-таки оружие здесь является такой же частью повседневной жизни, как какая-нибудь мотыга.

Вокруг стада, подгоняя травоядных, бегали две больших косматых псины неопределённой породы. Какие-то местные волкодавы.

Укрывшись за камнями, в полной тишине все внимательно наблюдали за сближением пастухов и стада с группой пришельцев. Все звуки стали необычайно громкими и резкими, было слышно, как стучит собственное сердце.

Алексей с еле скрываемым любопытством ждал, чем закончится встреча одних с другими. Он почему-то думал, что местные заметят то, что он смог увидеть только с использованием специальных фильтров. Хотя было очевидно, что этого не произойдёт.

Опасность была в другом, в том, что пастухи могут оказаться не пастухами, а боевиками из какого-нибудь местного клана. Кто его знает, как они отреагируют на незнакомцев, встреченных там, где они привыкли гонять на пастбище отару овец. Не посчитают ли их опасными и не попытаются ли атаковать.

Сам факт наличия оружия может быть фактом риска. Люди с оружием и без оного ведут себя зачастую очень и очень по-разному. Да, автомат был только у одного из пастухов, но кто знает, может у второго в сумке гранаты или какой-нибудь «узи».

С другой стороны, количественно они явно уступали странникам, которые вообще-то с виду тоже были вооружены автоматическим оружием, что, по идее, если они не полные идиоты, должно удержат их от необдуманных действий.

Тем временем стало очевидно, что странники заметили приближающуюся отару овец и их погонщиков. Со стороны казалось, что несколько мужчин просто поднялись на ноги и стали смотреть, как на них движутся копытные, погоняемые чабанами и овчарками.

В какой-то момент, животные, блеющим потоком обтекая странников, стали проходить мимо, а за ними подошли и сами пастухи.

— Приготовиться! — полковник отдал команду по рации.

Алексей непроизвольно сжал в руках автомат. Он представил, как в сотнях метрах от них снайперские пары приготовились вести огонь по потенциальным целям. Как в перекрестии прицела появились фигуры пастухов.

Один из них подошёл к странникам и стал о чём-то говорить со старшим группы, периодически жестикулируя и что-то показывая на пальцах. Вроде бы пока всё шло

нормально, Алексею даже показалось, что пастухи и странники не раз встречались и вообще неплохо друг друга знали.

Блин! Да они же о чём-то шутят! Нет, реально! Вон пастух с автоматом зашёлся смехом, которого отсюда не слышно, но видно как он откидывается назад, ухахатываясь. Небось какой-то смешной пушгунский анекдот.

Бойцы ещё несколько минут наблюдали, как какие-то пуштуны запросто общались с представителями иной формы жизни, как ни в чём не бывало, а овцы толпились вокруг и никак не реагировали на так называемых ишаков. Неужели даже животные подвержены удивительному мороку, или они в этом плане гораздо проще относятся к окружающему миру: если это не волк, то и [хр@н-то](#) с ним, что рядом с ними стоят животные довольно экзотического вида.

Только собаки настороженно наострили уши и возвысились над основной массой овец, чтобы посмотреть на «ишаков». Обернулись на пастухов, увидели, что те никак не реагируют на маленьких «ктулху» и, по всей видимости, удовлетворились такой реакцией. Нет, так нет, не волки и ладно. Воспитанные волкодавы, ничего не скажешь.

Походу странники даже угостили пастухов чаем. Забавно, очень забавно. Ничего не скажешь. Они же их за обычных людей воспринимают! А вот интересно, пастухи видят то же самое, что и бойцы?

Спустя ещё несколько минут, пастухи замахали палками, поддав самым ленивым животным по хребту, и отправились дальше, обменявшись крепкими рукопожатиями с пришельцами и ещё какими-то, судя по взаимной реакции, шутками.

— Твою ж [м@ть](#)! — заворожённо прошептал Алексей.

— Пока отбой, народ, продолжаем наблюдение, — сообщил полковник по радиации. Напряжение на его лице постепенно отступало, сменяясь некоторой расслабленностью. — Как только наши гости выдвинутся, скрытно следуем за ними.

Плетнёв, однако, продолжал наблюдать за местностью, убрав чудные фильтры из тубусов бинокля. Хватит уже, побаловался и ладно.

Внезапно он посерьёзnel.

— Товарищ полковник, на двенадцать часов. Движение, — сообщил он.

Полковник и те, кто был рядом, тут же стали всматриваться в бинокли. В горах над тропой, где шла процессия кочевников, действительно что-то двигалось, о чём говорили робкие облачка пыли. Можно было стараться быть максимально скрытным, но если тебя поджидает время, то что-нибудь да выдаст тебя.

Вот и сейчас, кто-то очень спешил прямо навстречу группе кочевников с неизвестными намерениями, которые, однако, вполне можно было представить, учитывая услышанное от полковника.

— Не понос, так золотуха! — процедил сквозь зубы Смирнов.

Щёлкнула рация.

— Слушаю! — ответил полковник.

— На десять часов ещё группа, — был ответ, — человек семь не меньше.

— Твою ж!.. — выругался Егоров. — И там минимум пять! То есть их больше, чем нас. Одних нам мало, так ещё другие припёрлись! Ну что, народ, выдвигаемся навстречу!

Отдав приказ снайперским парам прикрывать их, открывая огонь по готовности, полковник приказал двигаться вперёд.

Мелкими перебежками под прикрытием скал и по осыпающемуся склону они

спускались двумя группами по три человека вниз, стараясь перехватить группы противника. Солнце вот только как назло светило в глаза.

Заметили их странники или нет, было непонятно, да и, судя по всему, это уже не имело никакого значения — им надо было добежать до странников раньше. Сухая пыль наверняка была видна издали.

В какой-то момент они остановились, чтобы попытаться разглядеть приближающихся людей.

Глава 4. Не смотри

Данила, один из бойцов, оказавшихся в тройке вместе с полковником и Алексеем, выглянул с биноклем из-за камня.

- [Сук@-бл@ть!](#) [Пинд@сы!](#) — сквозь зубы выпалил он. — Знали, тащполковник, как думаете?

— Да по [х@р!](#) — выругался Смирнов. — Мы не должны им позволить напасть на странников или захватить кого-нибудь из них. За мной!

И они снова бежали вниз, но скоро надо будет подниматься вверх, туда, где проходит дорога. Не самая удачная позиция для обороны, но что есть, то есть.

— Не смотри им в глаза! — посоветовал набегу Данила. — Даже не пытайся, понял?

— Понял! — ответил Алексей, хотя смысла совета он не уловил, сейчас было просто не до этого. Сейчас надо было опередить американцев и занять максимально удобную позицию, чтобы отстреливаться. С высот их должны были прикрывать снайперы.

Вот уже и подъём, ведущий к дороге. Он не такой уж и высокий, но после беготни по осыпающемуся склону вниз, в ходе которой Алексей подвернул ногу и бежал, преодолевая боль, забраться вверх потребовало серьёзных усилий. Ничего сейчас отдышится.

Вот и горизонталь дороги, вот та самая площадка, на которой собрались странники. Краем глаза Алексей замечает, как пришельцы, которые выглядят как обычные душманы, наблюдают за ними, но сами при этом ничего не предпринимают.

Серьёзно?! Несколько вооружённых до зубов мужиков бежит вам наперерез, а вам абсолютно всё равно?! Да кто вы вообще такие?!

Это напомнило кадры из фильма про похитителей тел, когда они вот точно также смотрели на тех, кто ещё оставался людьми. Здесь разве что было больше осмысленности во взгляде, если не сказать любопытства. Больше определить Алексей не смог, так как старался следовать полученному совету.

Проскочив мимо странников, бойцы поднялись вверх ещё немного и заняли позиции за огромными валунами, наконец-то можно было отдышаться.

— Что там у вас? Приём, — полковник говорил по рации.

— Скоро будут на дистанции эффективного выстрела. Снизили скорость, скорее всего, заметили вас. Приём, — раздался голос одного из снайперов.

Не заметить было, если честно, трудно.

— Принято. Приказ, как и прежде — стрелять по готовности. Приём.

— Принято, позицию занял, — это первый снайпер.

— Позицию занял, — отозвался второй.

Полковник вернул рацию в карман разгрузки.

— Ну, что ребята, постреляем? — обратился он к Алексею и Даниле и жестами отдал команды второй тройке, которая находилась в прямой видимости. — Как там наши, гости?

Алексей обернулся и посмотрел на застывших странников. Удивительное равнодушие, ничего не скажешь! Просто стоят и смотрят на то, как пограничники готовятся принять бой.

Ощущение такое, будто взгляд цепляется за что-то, и ты не можешь его оторвать от странников. Как будто тебя заставляют, словно тебе хочется смотреть. Какая-то невидимая нить протянулась от них к тебе. Потребовалось легкое усилие, чтобы разорвать её.

— А они не будут нам в спину стрелять? — уточнил Плетнёв, вспомнив, сколько при

них было оружия. Вон, автоматы на плечах висят, а там, среди сгруженных с «ишаков» тюков действительно виднеется до боли знакомы тубус гранатомёта или ПЗРК. И на [хр@на](#) им это оружие?

— Не будут, — уверенно ответил полковник. — Не в их интересах.

— А они так и будут смотреть?

— Не обращай внимания, сейчас наша главная проблема — американцы.

Легко сказать «не обращай внимания», когда буквально ощущаешь спиной, как тебе буравят затылок. Прямо вот кто-то давит в холку и всё тут! Не удивительно, что Данила предупредил его, не смотреть им в глаза. Тут лучше вообще не смотреть в их сторону!

По камням, выбивая острые осколки, защёлкали первые пули — американцы их точно засекли.

Алексей попытался высунуться из-за обломка скалы, чтобы оценить обстановку, но тут же спрятался обратно, так как над его головой засвистели пули, а некоторые врезались в камень, осыпая его осколками. Очки бы не помешали.

Где-то наверху кто-то вскрикнул, и тут же долетело хлёткое эхо первого выстрела снайпера. За ним последовал второй, но уже с другого фланга — били наши. Вот теперь можно и самому пустить очередь в сторону противника.

Дождавшись очередного щелчка плётки, Алексей и остальные открыли огонь из-за укрытия. В ответ послышались ругательства на английском и отрывистые команды.

— Суки! — выкрикнул полковник. — Попытаются взять нас в клещи! Твою мать, неудобная позиция!

Звуки стрельбы действительно смещались вправо и влево.

— Их больше нас, товарищ полковник!

— Зна... — хотел было ответить Смирнов, но этот момент между ним и Алексеем с характерным звуком упала круглая граната. Круглая, как теннисный мячик, только зелёная.

Доли секунды. Иногда всё зависит от каких-то долей секунды. Всё зависит от того, начнёшь ты оценивать ситуацию и обдумывать её, или ослабишь свой разум, чтобы тело само решало, что ему делать.

Как-то Алексей в увольнении переходил дорогу на перекрёстке, когда уже загорелся зелёный свет и ближайший микроавтобус остановился, но тут из-за него выскочила легковушка.

Одной ногой Алексей уже стоял на проезжей части, и автомобиль должен был гарантированно его сбить, но он сделал шаг назад, даже сам не понимая как это произошло. Он не обдумывал свои действия. Просто отступил, и машина пролетела, лишь слегка задев его зеркалом заднего вида, но тут же влетела в выехавшую на перекрёсток иномарку.

Доли секунды.

У такой гранаты запал работает с задержкой секунды в четыре, две секунды на полёт...

Алексей схватил гранату и отшвырнул её в сторону. Раздался резкий хлопок взрыва, и его обдало волной горячего воздуха.

Потом зажгло левое предплечье.

— Тебя ранило, Алекс! — выкрикнул Смирнов, продолжая вести стрельбу короткими очередями.

Алексей осмотрел руку, рана была неглубокая, ему повезло, что граната была в полёте меньше, чем он думал, иначе ему бы оторвало руку.

— Не страшно! — ответил он, разглядывая рану. — Зацепило по мясу! Уже такое

бывало!

Он прицелился и выпустил очередь по удачно показавшемуся из-за укрытия бородатому американцу. Тело рухнуло, и стало медленно сползать по засыпанному щебнем склону.

Тут же вокруг них стали появляться пыльные фонтанчики и множество пуль стали со свистом биться о камни, улетая в самом непредсказуемом направлении. Так недолго и рикошет схватит.

— Их много! — крикнул Алексей Смирнову. — Мы так весь БК израсходуем.

Выстрелы раздавались всё ближе, и высунуться для ответной очереди становилось всё труднее и труднее. Не спасали даже ребята на позициях снайперов. Похоже, их тоже накрывали снайперы противника.

Со стороны второй тройки, судя по всему, тоже был один трёхсотый, но было не понять, легкий или тяжёлый. Если так дело пойдёт дальше, то их тут быстро положат.

Но полковник словно бы даже и не слышал Плетнёва. Он немигающим взглядом уставился в кусок базальтовой породы, за которой прятался и, кажется, даже не дышал, на лбу выступили крупные капли пота.

Алексей присмотрелся: что это, сердечный приступ? Вот уж не ко времени и не к месту. Полковник казался Алексею довольно здоровым мужиком в самом расцвете сил. Неужели всё-таки накрыло?

В этот момент бахнуло совсем рядом, видимо, не долетела очередная граната. А потом ещё раз. Сверху посыпалась пыль и осколки.

Алексей сменил магазин и выпустил очередь не глядя, прямо как какой-нибудь сирийский умеренный оппозиционер, подняв автомат над головой и нажав на спусковой крючок и ориентируясь лишь на звук ответной стрельбы. «Чёрт! В белый свет как в копеечку! Так патроны закончатся через несколько минут!»

Что это? Полковник кладёт автомат рядом с собой и медленно вынимает из ножен нож. Хороший такой, добротный ДВ-2.

— Товарищ полковник! — прокричал Алексей. — Денис Евгеньевич!

Но полковник ничего не ответил. Он, казалось, даже не слышал старшего сержанта, крепко сжимая нож в правой руке. Алексей понял, что ещё мгновение и полковник выпрямится в полный рост. То, что его при этом настигнут пулями, он не сомневался ни секунды.

Внезапно заложило уши, Алексей даже выдохнул от неожиданности. Еле уловимая взором, на грани видимости, тень метнулась в сторону наступающего противника. А вслед за тенью из своего укрытия навстречу врагу прыгнул полковник.

Чёрт! Люди так не прыгают! Если только не находятся под действием каких-то препаратов!

Впереди рвануло сразу несколько раз, а автоматы затрещали с ещё большим ожесточением. Ругань на английском и крики отчаяния.

Опять взрыв, и сверху на Алексея вперемешку со щебнем полетели ошмётки человеческих тел.

Кажется на фоне стрельбы, криков и взрывов слышался рык.

Что за чертовщина здесь творится?!

— Пошли! Пошли! — это подбежавший Данила. — Надо помочь полковнику! Давай! Уже можно!

Ничего не понимающий Алексей, которым сейчас руководили исключительно боевые

инстинкты, выскочил из-за камня, готовый в любую секунду открыть огонь. При этом он заметил, как позади к ним на помощь уже бегут снайперы. Что ж, ещё четыре человека сейчас им совсем не помешают.

А странные странники всё так же стоят и просто наблюдают, и от этого становилось не по себе.

Где полковник?! Куда он делся, чтоб его?! Алексей пробежал мимо того, американца, которого снял совсем недавно.

Из-за камня вываливается тело американского командос, но он даже не пытается стрелять в Алексея. Ну правильно, как тут будешь стрелять, когда у тебя вместо живот одна сплошная кровавая дыра. А ноги? Где ноги? Не видно их.

Алексей, как и Данила пригнулся и стал пробираться под прикрытием камней вперёд. Здесь уже было почти тихо, но со стороны второй группы американцев всё ещё шёл бой. Туда как раз и бежали стремились снайперские пары.

А здесь... здесь уже было почти тихо. Впереди раздавались отдельные выстрелы, но они уже не выглядели организованной атакой.

Опять взрыв. Где-то впереди. Там сейчас полковник?

— Давай-давай! — подбодрил Данила. — Только смотри по сторонам!

Совет был, прямо скажем, своевременным, так как в эту же секунду из расщелины на Алексея выскочил американец с безумными от страха и ярости глазами и с замаха попытался всадить Плетнёву нож в шею, чтобы перебить артерию.

Доли секунды. Тело действует само. Разум отступает. Движение уклонения.

Вся сила удара пришлась в пустоту и американец с размаху саданулся о камни, а старший сержант одиночным выстрелом всадил ему пулю в голову.

Тело дёрнулось и затихло.

Но надо идти вперёд, туда, куда с одним ножом ушёл, преследуя противника полковник, и где звучали всё более редкие выстрелы, но продолжали раздаваться жуткие крики людей, попавших под сошедший с ума комбайн.

Что это было? Полковник наглотался каких-то боевых таблеток и превратился в берсеркера? Но что тогда за тень перед этим метнулась вперёд?

Судя по звуку, на левом фланге, вторая группа применила против американцев гранатомёт. Но бой там всё ещё продолжался.

Данила стреляет — другой американец, неудачно показавшийся из-за камня, падает как подкошенный. Но где остальные морпехи. Или кто они там? ЧВКшники? Судя по виду тех, кого успел заметить Алексей, очень похоже на последнее.

Опять измазанные кровью камни и части разбросанных тел. Застывшее в ужасе лицо какого-то Джона из Оклахомы. А вот Хосе из Калифорнии или Пуэрто-Рико. Сбоку в туловище нет здорового куска, не помог даже бронежилет.

Складывалось впечатление, что отряд наёмников столкнулся с ожившей мясорубкой. Неужели всё это сделал один человек с ножом? Чёрт, чёрт! Не может такого быть!

Крови и фрагментов тел становилось всё больше. Было похоже, что люди пытались убежать от чего-то страшного, но шансов у них не было никаких.

Данила, держа автомат наготове, молча, левой рукой указал вперёд. Там в окружении мёртвых разорванных тел стоял полковник Смирнов. В одной руке он держал тот самый нож, с которого капала кровь, а в другой разрядившуюся «беретту».

Он просто стоял, весь в крови и ошмётках. А неподалёку из стороны в сторону ходило

нечто, на чём Алексей не мог сфокусировать взгляд, нечто, что непрерывно мерцало, существуя где-то на краю поля зрения, а как только ты хочешь присмотреться, оно исчезало.

В горле пересохло. Алексей всё ещё был под впечатление от встречи со странниками, от осознания того, что в этом мире может существовать ещё какой-то разум, кроме человеческого, как он стал свидетелем очередного происшествия, которому он не мог найти объяснения.

Полковник медленно обернулся на звуки приближающихся шагов. Его лицо было бледным и всё в каплях крови.

А потом он обмяк и упал на колени, упёрся рукой в щебень.

— Помогите остальным, — прохрипел он. — Мне надо... здесь... разобраться.

Данила махнул рукой Алексею.

— Пошли!

Старший сержант бросил взгляд на полковника и на последствия кровавой вакханалии, что его окружала, и побежал за Данилой туда, где продолжал идти бой и греметь взрывы гранат.

Но теперь их было примерно поровну с противником. Теперь уже они могли зайти с фланга.

Всё закончилось быстрее, чем можно было ожидать.

Полная потеря связи с другой группой резко подорвала моральное состояние оставшихся американцев, и они стали быстро отступать, теряя человека за человеком. Подоспевшие снайперы и Алексей с Данилой довели дело до логического завершения: американские ЧВКшники почти все были уничтожены.

Народ перевязывал раны и собирал трофейное оружие, боеприпасы и рассматривал гаджеты, вдруг пригодятся. Учитывая осуществлённый расход БК дополнительные патроны не помешают, тем более, что часть американских наёмников была вооружена нашими «калашами», что было вполне логично, так как раздобыть для них патроны в Афганистане было гораздо проще, чем для оружия американского образца.

К тому, не кривя душой, можно утверждать, что наши автоматы может и имели меньшую кучность стрельбы по сравнению с какой-нибудь «эмкой» или «аркой», но были гораздо неприхотливей в обслуживании, что в засушливых и пыльных условиях имеет не последнее значение.

Вообще то, что всякого рода боевики отдавали предпочтение сначала советскому, а потом и российскому оружию говорило о том, что оно по соотношению цена-качество значительно превосходило американские и европейские образцы. Боевики не связаны контрактными и политическими обязательствами перед поставщиками оружия и выбирали то, что им больше нравилось.

У всего есть свои достоинства и свои недостатки.

— Ну, что у нас тут, — раздался позади голос полковника Смирнова и Алексей непроизвольно вздрогнул и обернулся, чтобы убедиться, что это действительно его командир. — Докладывайте.

Полковник стоял перед ними в таком виде, словно только что участвовал в массовом беспорядочном забое скота, не удосужившись надеть соответствующую рабочую одежду.

«Рука у вас какая-то холодная!» «А это не моя! Моя вон в потрохах греется!» почему-то вспомнилась Алексею сценка из выступления Уральских пельменей.

— Четверо трёхсотых, Денис Евгеньевич, — отозвался боец с позывным «Чекан», а в миру просто Толик — Один тяжёлый.

— Нормальный я! — раздалось откуда-то сбоку из-за крупного осколка скалы.

— Санёк, — обратился полковник, — Ты что ли? Сильно задели?

— Схватил маслину с близкого расстояния, Денис Евгеньевич. Между пластин влетела, — полулежащий Санёк попытался встать на ноги.

— Лежи-лежи, — успокоил его Смирнов.

Полковник подошёл к раненому бойцу, рядом с которым валялся сброшенный бронежилет и остатки медпакета, куски красной ваты и одноразовые шприцы, наклонился, чтобы осмотреть уже перевязанную рану. Покачал головой.

— Да уж, не повезло, так не повезло. Идти сможет? — серьёзным голосом спросил полковник бойца, который занимался оказанием первой помощи и сейчас вкалывал очередную дозу морфина.

Боец сделал неопределённый жест рукой.

— По уму, надо бы в больничку, — ответил он.

— Я смогу! Смогу идти! — вдруг запротестовал Санёк. — Ноги же целы, вон, Афонс тому вообще в ногу прилетело, и ничего! Я пойду!

Полковник присел на нагретый солнцем камень рядом с раненым Саньком. Видно было, что он размышляет, чтобы принять трудное решение.

В душе Алексея зашевелилось нехорошее предчувствие. Вот очень-очень плохое ощущение чего-то нехорошего. Что-то ему совсем не нравилось выражение лица полковника, а подсохшая кровь на нём не добавляла оптимизма.

— Афанасий! — позвал полковник.

Прихрамывая подошёл тот самый якут, с которым Смирнов обсуждал карту ещё вчера вечером.

— А ты как?

— В мясо. Кость не задета, — правая штанина Афанасия была разорвана и намочена от крови, в дыре виднелся бело-красный бинт. — Идти могу.

Полковник вертел в руках свой нож, которым ещё недавно орудовал похлеще любого скандинавского берсеркера. Или не только ножом — у Алексея не было ответа на этот вопрос. Повисла гнетущая тишина.

— Ладно, — наконец произнёс полковник. — Для начала доведём странников, куда бы они не шли, надеюсь им тут недалеко осталось. Санёк будет идти столько, сколько сможет. Пётр, Олег, вам задача — изготовить носилки, если придётся нести.

Алексею показалось, что напряжение, до того висевшее в воздухе тут же испарилось, как будто его и не было. Или это ему только показалось, что полковник мог решиться на то, о чём бы сам даже не помыслил?

— Остальные, за мной, — надо проверить как там наши клиенты.

— Денис Евгеньевич, — обратился один из бойцов. — Надо решить ещё один вопрос.

— Какой? — вздохнул полковник.

Боец кивнул в сторону, где на щебне с кляпом во рту лежал связанный американец и бешено вращал глазами, переводя взгляд с одного пограничника на другого, потом задерживаясь на измазанном ещё не высохшей кровью полковнике, потом опять по кругу.

— А, понятно, ты и ты следите за странниками до нашего появления, — меланхолично произнёс Смирнов и направился к языку, а пара бойцов отправилась туда, где расположились на привал с виду обычные пуштуны.

Подойдя к американцу, он, наконец, вернул нож в ножны, но это, видимо не сильно успокоило бравого янки, который аж дёрнулся, когда Смирнов к нему обратился.

— Who are you? Who are you working for? — заговорил он, вынимая кляп изо рта американца. — Name? Rank? Position?

— Russians, I knew it! What the [f@ck](#) are you?! — зашевелил наёмник разбитыми губами.

— It's not about me now. I've already asked the questions.

- [F@ck](#) you!

Алексей даже не заметил, как нож снова оказался в руке полковника и тут же вошёл на несколько сантиметров чуть выше ключицы американца.

Наёмник взвыл от боли.

— Once again: name, rank, position? Who are you working for?

Американец лишь ещё больше ослабился, а вслед за этим нож стал медленно проворачиваться в свежей ране.

- [F@ck](#) off, mother [f@cker](#)! — связанный по рукам и ногам американец стал извиваться

как уж на сковороде, а нож продолжал вращаться в ране, постепенно углубляясь.

Бойцы просто стояли и молча наблюдали над допросом. Ни осуждения, ни сожаления никто из них не проявил.

- F@ck! F@ck! F@ck!

Нож пошёл в обратную сторону, расковыривая кровавую дыру. Такие раны без хирургического вмешательства долго не заживают.

Полковник смотрел на пленного немигающим взглядом и голосом, лишённым каких-то особых эмоций продолжал задавать одни и те же вопросы.

— Name, rank, position? Who are you working for? — внезапно он остановил экзекуцию, пристально посмотрел в глаза ЧВКшнику и равнодушным голосом добавил новую опцию. — You have beautiful eyes.

Остриё ножа, только что разрывающего рану, оказалось в миллиметре от зрачка американца, забрызгав его лицо его же кровью.

— Damn you! — он даже изменился в голосе. — Damn you! Name: Steven Volovsky! Academy Fighter! Academi LLC!

— Ну вот, уже лучше. What were you doing here? What was your task? — Продолжился допрос.

— Intercept a group of Pashtuns, — корчась от боли, стал говорить американец. — If possible, capture several people and deliver them to the base.

— How were you supposed to get them to the base?

— A helicopter is coming for us!

— When is the helicopter due to arrive for you?

— We should have reported that we had the Pashtuns.

— Did you manage to warn the base about the collision?

— I don't know! No, we didn't have time, we didn't expect to meet anyone here.

— Go on! Who is the customer of operation?!

— That's all! That's all I know! Our task included interception and delivery! I don't know who the customer was!

Полковник внезапно переменялся в лице.

— Вот теперь верю, — произнёс он по-русски. — Перевяжите его. Возьмём его с собой. А там видно будет.

— А не проще его того? — Данила провёл большим пальцем по горлу. — Зачем нам балласт?

Полковник секунду помолчал.

— Может пригодиться, — сказал он. — Прикончить всегда успеем.

***

Так называемые клиенты были на месте и спокойно занимались тем, что не спеша навешивали на «осликов» свои тюки и баулы, закрепляя их верёвками и ремнями.

Полковник и остальные бойцы подошли к странникам, совершенно не таясь, так как в этом уже не было никакого смысла.

Смирнов показал жестом, чтобы остальные оставались на месте, а сам подошёл и обратился к тому «пуштуну», что держал в руках обычный с виду деревянный посох. С виду афганец выглядел совсем не нуждающимся в помощи клюки, костыля или посоха, он его крепко держал в руке.

— Ты же говорил, что нельзя смотреть в глаза странникам, — спросил Алексей у

Данилы, наблюдая, как полковник что-то говорит афганцу, и, судя по всему, на их родном языке, а тот молча внимал его словам.

— Ну, Денис Евгеньевич, скажем так, имеет некоторый бонус в этом плане. Там всё несколько иначе устроено.

— А, понятно, — хотя понятного было на самом деле мало. — А на каком языке?

— Разве не понятно?

— Я не слышу отсюда. Мне вообще кажется, что он говорит меньше, чем...

— Ну вот, ты сам догадался, — не дал ему закончить вопрос Данила.

Полковник и главный пушгун ещё пару минут больше обменивались взглядами, а не словами, в итоге последний кивнул и даже изобразил что-то вроде улыбки на своём фальшивом лице. И сейчас Алексей был уверен, что именно изобразил, улыбка была в чём-то даже снисходительной, совсем не такой, когда странники общались с пастухами, перегонявшими отару овец.

Алексей испытал жгучее желание рассмотреть странников поближе, особенно с использованием стеклянных фильтров, которые использовались в устройстве биноклей.

— Интересно, о чём они речь ведут? — спросил он, конкретно ни к кому не обращаясь.

Но Данила всё равно ответил:

— Скорее всего, чтобы мы их сопровождали то точки перехода, и чтобы они это не восприняли как неуважение и всё такое. Обычно мы делаем это издалека, хотя даже тогда мы не уверены, что остаёмся незамеченными, но сегодня всё пошло не по сценарию, как ты понял.

Позади послышался шум осыпающегося щебня, это подходили Пётр и Олег, которые помогали Саньку идти пока своими ногами, за ними шёл Толик с автоматом наготове. Они подошли и остановились рядом с другими пятью бойцами, которые здесь оказались раньше.

— Да уж, трудно не заметить, — Алексей глянул на Александра, который, присел на землю и, если честно, выглядел неважно.

Тем временем, полковник, словно бы с трудом оторвал взгляд от ненастоящего пушгуна и махнул рукой, мол, я всё утряс, давайте сюда.

— Не смотри им в глаза, — напомнил Данила, когда они двинулись вперёд, а главный пушгун отошёл к своим.

Бойцы собрались напротив полковника.

— Они согласились с тем, что мы будем их сопровождать до точки перехода. Двое будут идти в авангарде, ещё двое — в арьергарде, остальные, в том числе, раненые и американец, позади странников. Афанасий, посмотри, что там по карте.

— А далеко идти?

— Километров двадцать пять, насколько я понял.

Алексей понял, что если что, то тащить раненого Санька придётся ему и Даниле. Алексей невольно взглянул на бледного товарища. Не факт, что тот сможет выдержать такой долгий путь, да ещё с учётом того, что в любой момент на них могут напасть.

Связанный американец поступал под ответственность лёгких трёхсотых. Ещё за этим следи.

— Народ! — Алексея посетила тревожная мысль. — А вдруг у янки жучок?

Полковник Смирнов подошёл к американцу, от чего тот шарахнулся назад, но наткнулся на стоявших за его спиной бойцов, которые ткнули ему в поясницу дулами автоматов.

Подойдя поближе, полковник, не притрагиваясь к янки внимательно осмотрел его с

головы до ног, потом покачал головой.

— Нет, жучка нет. Американские рации разбились?

— Да, — ответил один из пограничников.

— Хорошо, нам надо спешить. Скорее всего, они вышлют отряд на место последнего сигнала, — он поправил рюкзак и попрыгал, проверяя плотность укладки. — Двинули!

Первая снайперская пара, которая теперь была в дозоре уже ушла далеко вперёд, внимательно рассматривая склоны гор. Вторая — отошла назад, потом они пойдут следом.

Вслед за дозорными в авангарде мимо Алексея и пограничников стали двигаться псевдопушпуны с их псевдоосликами. Алексей вспомнил, что выглядят они совсем не так, как ему сейчас кажется, а ещё о том, что полковник мог бы попросить одно животное для перевозки их раненного товарища, но, видимо, это в условие сделки не входило.

Мимо прошёл один, потом другой, третий... Вот «ишаки» идут... Алексей представил их реальную внешность и его передёрнуло. Интересно, если к ним притронуться, они будут на ощупь как обычные ослы? А вот и те, кто внешне выглядел, как закутанные в паранджу женщины (для странников они тоже в своём роде женщины, или у них деление внутри вида выглядит иначе)?

Любопытство не порок, как говаривал кто-то, ведь так?

Алексей посмотрел, сам того не осознавая. Взглянул в лицо страннице, завёрнутой в никаб с паранджой с ног до головы, словно привидение, только не в белую простыню, а в чёрную.

"Она" посмотрела в ответ.

Смуглая кожа, выразительные тёмные глаза, яркая чёрная подводка на веках. Очень красивые, очень яркие, они привлекали к себе его взгляд как электромагнит кусок железа.

Алексей ощутил, как земля уходит у него из-под ног, и он проваливается в бездну! И он падает в неё нескончаемо долго, а потом!.. Потом! Всё вокруг залил яркий свет. Нет, этого не может быть! Это не по-настоящему!

Кто-то схватил его за плечо и вырвал обратно в реальность.

Это был Данила.

— Меня долго не было? — зрачки Алексея были неестественно расширены, а сердце колотилось как бешенное.

— Что? — сначала не понял Данила, а потом, когда до него дошло, лишь сморщился. — Не говори полковнику. По крайней мере, пока. Хотя нет, вообще не говори.

Глава 6. Зверь

— Так, народ! Надо, чтобы наши гости, из-за которых мы здесь пыль глотаем, — Смирнов движением, лишённым всякой брезгливости, снял со своей формы прилипший кусок кожи с волосами, — дошли до указанного ими места без лишних приключений. Напоминаю, что мы с вами в этом заинтересованы как никто другой.

Мимо Алексея и Данилы проходили странники, а полковник направился к Александру, которого придерживали двое других пограничников из числа легких трёхсотых.

— Ты как? — в голосе Смирнова даже послышалось участие.

— Норм, Денис Евгеньевич.

— Как только почувствуешь, что больше не можешь, не молчи, Данила с Алексом тебя понесут. Нам главное этих довести, потом проще будет.

Санёк закивал, стараясь выглядеть лучше, чем был на самом деле.

— Так, Даня, Алекс, пока ускорьтесь — пойдёте впереди группы гостей. Я пойду с лёгкими.

— Принято! — отозвался Данила, Алексей просто кивнул, и они быстро побежали вперёд под странными манящими взглядами странников, но на этот раз Алексей переборол дикое желание встретиться с ними взорами. Нет уж, хватит-хватит!

Но, даже опередив метров на двадцать группу странников, Алексей не переставал ощущать чувство давления в затылке.

Никогда, никогда с ним такого не было. Он не страдал неврозами и тем более психозами, но сейчас он постоянно подспудно испытывал желание обернуться, чтобы убедиться, что на него никто не смотрит.

Чёрт! Так и профнепригодным можно стать! Кто доверит оружие человеку, которому постоянно мерещится чужой взгляд? Так ведь, того и гляди, и комиссовать могут.

Но если с этим ещё как-то можно было справиться, то, что делать с тем что он видел, когда не последовал совету Данилы не сталкиваться взглядами со странниками. Каждый раз, как он вспоминал об этом, ему становилось муторно на душе.

Что это было: просто галлюцинация, которой не стоит придавать большого значения, или что-то более серьёзное? И почему Данила посоветовал не говорить о том, что он увидел полковнику? Неужели он и сам допустил похожую ошибку — не смог справиться с любопытством, или посмотрел им в глаза сознательно?

Можно было бы списать всё на перенапряжение, воздействие каких-нибудь волн или веществ, но после всего, что он увидел, это было бы слишком просто.

Они шли уже битый час, если не больше, и Санёк с каждым разом становился всё слабее и слабее. Кровь остановили, но он всё равно слабел на глазах, что было неудивительно с его-то ранением. Ему бы сейчас операцию провести, да отлежаться под капельницей, хотя бы с физраствором, а не совершать очередной маршбросок, даже с учётом того, что они не бежали, а шли шагом средней скорости.

С одной стороны стеной нависали горы, с другой — крутой склон, на дне которого текла худосочная речушка, но, как и положено для горных потоков, несущая в себе ледяные воды. А дальше опять горы. Горы, горы и горы.

В небе, наворачивая круги, висел орёл, высматривая добычу в виде каких-нибудь местных тушканчика или сурка.

Снайперы ушли далеко вперёд и лишь изредка подавали голос по рации, сообщая, что всё чисто. Никто за ними не гнался, но в любой момент всё могло измениться, и исключать появления вертушек «Академии», а то и сразу ВВС США было нельзя.

Приходилось наблюдать и за небом и сканировать глазами прилегающие горные склоны, чтобы не напороться на какого-нибудь духа, враждебно настроенного ко всякого рода чужакам.

А то, что их процессия в глазах местных будет выглядеть подозрительно — к бабке не ходи! Вооружённые люди европейской внешности ведут небольшой караван безобидных пуштунов — ну как это ещё можно расценить? В общем, не терять внимания и смотреть в оба, не смотря на то, что дозорные никакой опасности не заметили.

Алексей обернулся, чтобы краем глаза — не глядя прямо на странников — убедиться, что караван позади них никуда не исчез, и все идут, как им и положено идти.

Все на месте. Он даже успел заметить идущих позади полковника и остальных бойцов.

— Сколько раз ты бывал в подобных миссиях? — спросил он Данилу.

— В таких — пару раз, — был ответ.

Вот как? В «таких»?! От внимания Алексея не ушло то, что Данила сделал невольное или специальное ударение на этом слове.

— То есть были ещё и другие?

— Ну а как ты думаешь? — Данила рукавом вытер пот со лба. — Мы же обычные солдаты, у нас есть служебные обязанности, которые необходимо выполнять.

— Видимо, вы всё-таки не совсем обычные солдаты, — прокомментировал Алексей.

Под ногами хрустел сухой гравий, из-под ботинок вырывались облачка пыли.

— Да это как посмотреть, — пожал плечами Данила. — После пары таких миссий уже не воспринимаешь подобное, как что-то необычное. Есть и есть, надо сопровождать, надо контролировать, надо наблюдать. Это сейчас мы напоролись на американцев, а так обычно всё тихо проходит.

— Ты сказал «обычно», значит, всё-таки иногда случаются проблемы.

Что тут можно сказать, Данила просто промолчал.

— А ты сам, — продолжал расспрос Алексей, — из каких войск?

— Как и ты, из пограничных. Большинство из нас оттуда. Так повелось.

— Понятно.

Ещё некоторое время они шли молча. Но время надо было как-то коротать, к тому же вопросов было с вагон и маленькую тележку.

— Ты можешь мне объяснить, что я видел, когда Смирнов... — Алексей запнулся, — ну ты понял.

— А ты что-то видел? — Данила даже приподнял бровь.

— Это-то я и хочу понять. Я видел что-то, но что именно, не понимаю.

— Но что-то ты всё-таки видел, что привлекло твоё внимание, так? — подначивал Данила.

Алексей гримасой выразил неопределённость.

— Ну?

— Что-то размытое, как будто на видео с помехами, что-то вроде большой пантеры что ли. Я не уверен, так как, когда пытался сфокусироваться на нём, оно пропадало.

Данила даже улыбнулся.

— Ну, поздравляю, ты увидел Зверя. Можно сказать, тебе повезло, так как его сложно

поймать в нашем диапазоне, если только он сам того не хочет.

— В смысле, в диапазоне?

Данила на мгновение остановился, чтобы быстро осмотреть окружающую местность в бинокль. Убедившись, что в поле зрения ничего подозрительного нет, ускорил шаг, чтобы восстановить расстояние, разделяющее его с Алексеем и группу странников.

Когда они отошли на привычные двадцать-двадцать пять метров, Данила потёр ладонью затылок.

— Что, тоже чувствуешь, как они смотрят? — поинтересовался Алексей.

— Да уж... Потому мы и стараемся наблюдать издалека.

— Мы говорили о Звере, — напомнил Плетнёв.

— Угу, — согласился Данила. — Ты же в курсе, что мы, люди, видим окружающий мир в определённом диапазоне частот, воспринимаем его с определённой частотой.

— Ты имеешь в виду то, что некоторые звери могут видеть ультрафиолет? — Алексей задрал голову. — Как орлы, например?

— В целом, да, примерно так. Кто-то видит ультрафиолет, кто-то инфракрасный, кто-то, как рептилии, могут воспринимать внешний мир в тепловом диапазоне. Нам для того же придётся прибегнуть к помощи специальных приборов, — он похлопал по тепловизору на груди и биноклю с вставными разноцветными линзами в чехле на поясе.

— То есть Зверь — это тоже... кхм... пришелец? Ко-то вроде странников?

— Нет, Зверь — явление другого порядка, — поделился Данила. — Не то, что странники. Если честно, даже не знаю, что хуже: зверь, или эти ходоки между мирами.

— А? — начал Алексей формулировать вопрос.

— Потом, Лёша, потом, — прервал его Данила. — Вообще, если Денис Евгеньевич захочет, сам со временем всё объяснит.

Он окидывал местность зорким внимательным взглядом.

— А ты слышал что-нибудь про домовых? — вдруг спросил он.

Всё, что смог Алексей, это всем своим видом выразить недоумение вопросом, но, тем не менее, решил задать свой:

— У начальника заставы... тоже такой Зверь?

Данила лишь тихо засмеялся.

Вскоре случилось то, чего все ждали, но опасались: Санёк больше не мог идти самостоятельно, даже придерживаемый товарищами. По рации полковник велел Даниле и Алексею вернуться в хвост колонны, чтобы развернуть самодельные носилки и уложить на них раненого.

Никогда не понимаешь, насколько тяжёлым является человек, пока самому не придётся нести его на носилках, а Санёк был далеко не щуплой комплекции, килограмм восемьдесят пять чистого веса, не меньше.

Те, что были легкоранеными, сразу заменили Алексея и Данилу в голове колонны, в то время как первым двум пришлось взяться за ручки носилок. Полковник и Афанасий (несмотря на ранение ноги) тоже взялись за носилки, только спереди — так было реально легче, учитывая, что странники, судя по всему, останавливаться не собирались и продолжали идти, как шли.

Санёк при этом сознания не терял и пытался сопротивляться и оправдываться, но было понятно, что единственный вариант, кроме того, чтобы его бросить — тащить его столько, сколько будет возможно.

Странники были, как и ранее, равнодушно безучастны к происходящему и только иногда провожали взглядами проходящих мимо бойцов.

По прикидкам Афанасия, который в команде, выступал в роли некоего проводника, ориентирующемся по одним ему понятным вешкам, идти ещё было около получаса, хотя учитывая в целом неспешное продвижение группы странников и военных, времени могло понадобиться и больше.

Рядом, привязанным верёвкой к полковнику плёлся американец. Судя по его взгляду, он не понимал, что происходит, и почему его тащат с собой эти странные русские. Несколько раз Алексей обращал внимание, как американец пытается прислушиваться, но было понятно, что русский он не понимает, а вот местные наречия ему, судя по всему, были знакомы.

Когда полковник Смирнов, видимо, для проверки произнёс пару фраз на пушту, якобы обращаясь к идущим впереди фальшивым афганцам, американец сразу наострил уши. Странники всё равно не ответили, а вот Смирнов, заметив реакцию янки, подмигнул ему, что заставило того вздрогнуть и тяжело задыхаться. Ещё бы, ведь полковник как был весь в крови, хоть и подсохшей, так в ней и остался, умыться было негде, да и некогда. К тому же он как бы невзначай погладил рукоять ножа.

Носилки оттягивали руку, на спину давил рюкзак, автомат покачивался с боку. В небе кружила уже не одна, а две хищных птицы, но Алексей не сомневался, что скоро их станет ещё больше, и что они прекрасно видят, или чувствуют, что внизу есть раненые, которые могут стать легкой добычей, обеспечив сытный обед и ужин, и возможно завтрак следующего утра. Не исключено, что прямо сейчас то же самое происходит с останками американских наёмников на месте недавнего боя. Волки и шакалы, если они здесь водятся, наверняка сегодня наедятся до отвала.

Идти, идти и идти. Несмотря на усталость. Несмотря на льющийся струями по лицу и спине пот.

А ещё где-то рядом есть ещё более непонятный, чем странники зверь. Где-то крадётся, где-то таится, и каким-то непостижимым для обычного ума образом он связан с их командиром.

— Где-то совсем близко! — вдруг сообщил хромающий Афанасий.

Глава 7. Тишина

Алексей даже не заметил, как казавшиеся отстоящими на приличном друг от друга расстоянии скалы стали нависать с обеих сторон, образуя глубокое ущелье, а сверху виднелась лишь узкая полоска ярко-голубого неба.

Солнце уже перевалило зенит, и свет сюда попадал уже рассеянный, а кое-где у оснований скал так и вообще стояла такая плотная контрастная тень, что разглядеть что-либо было просто невозможно.

— Стой! — раздался уставший голос полковника, и они остановились, как раз вовремя, так как нести носилки с раненым Саньком было уже совсем не вмоготу. Требовался привал и желательно минимум на полчаса, чтобы хоть как-то восстановить силы.

Вот только если бы время отдыха мог выбирать Алексей! В данном вопросе его мнение вряд ли кого-нибудь могло заинтересовать.

Они осторожно опустили носилки с раненым бойцом на землю и стали чего-то ждать. Как оказалось, остановка была вызвана не желанием отдыха, а тем, что странники, видимо, дошли до той точки, до которой стремились добраться.

Каким образом полковник это понял, оставалось лишь догадываться. Хотя, не исключено, что они просто дошли до того места, на которое на карте указывал Афанасий.

Странники остановились, но сделали это как-то не по-человечески: все просто замерли, как будто так и стояли, и только ветер, что гулял по ущелью, заставлял развеваться одежды пришельцев из иного мира.

— Думаю, это где-то здесь, — сообщил, разминая затёкшую руку, Афанасий. — Уж сильно чувствуется, да и по времени дойти бы уже должны были.

Понять бы ещё, что там такого чувствует Афанасий, и как это проявляется. Всё-таки странный он. Вроде и со всей группой накоротке, и в то же время как бы отдельно. Надо будет потом у него поспрашивать, вдруг расскажет. А если нет, так за спрос денег не берут.

Просто если в следующий раз придётся работать в составе подобной группы, то знать побольше точно не помешает. Остаётся надеяться, что следующий раз таки будет. А то как-то уж больно живенько всё началось нынче, в других переделках и то поспокойнее было. Но тогда он хотя бы владел хорошим массивом информации, без которой в рейд не выходил.

Вероятность засады была всегда, и однажды он уже в неё попадал, но даже тогда он знал, что и как надо делать, и уж точно не лезть на рожон, пытаясь навязать бой вдвое превосходящим силам противника, который к тому же вооружён до зубов. И если бы не... Алексей покосился на Смирнова... если бы не полковник, то их при обычном раскладе, скорее всего порешили бы, как пить дать!

Сначала Афанасий с его непонятными способностями, потом полковник, разметающий в кровавые брызги несколько командос... Есть от чего кукухе поехать. Хорошо, что у него она всегда была крепкой. Напугать было сложно. А вот удивить — вполне.

Мимо остановившихся странников с их ктулху-ишаками и пограничников неспешно, но довольно уверенно прошёл, переставляя длинный, с виду обычный деревянный посох, главный чужак и приблизился к полковнику, встав перед ним буквально на расстоянии вытянутой руки.

Вроде обычный с виду афганец, такими Алексей их и представлял по многочисленным телерепортажам с таджико-афганской границы, или когда о нравах талибов рассказывали.

Особо ему запомнился эпизод с уничтожением мегалитической статуи Будды, которую талибы взорвали заложив десятки, если не сотни, килограммов динамита.

И ведь не пожалели тогда средств и времени душманы, ползали по статуе, сверлили в камне дырки, закладывали взрывчатку. Тысячи лет Будда простоял, никого не трогал, никому не мешал, а потом пришли хлопцы с особым пониманием ислама и разнесли в труху мировое культурное достояние.

Алексей не понимал и не принимал подобного вандализма. Особенно такого холодно расчётливого, когда ты не в горячке боя что-то взорвал, пальнув из танкового орудия, а уничтожил памятник мировой истории, подойдя к этому вопросу со всей основательностью.

Смуглый, темноглазый, в уголках глаз паутинка морщин, ещё с чёрной бородой, в которой только-только начала проявляться седина, даже два золотых зуба проглядывают между губ, растянутых в хитровой восточной полуулыбке. Однако, когда странник оказался рядом с Алексеем, тот испытал неприятное желание отойти подальше. И нет, не то, чтобы от пришельца как-то по особому воняло, или ещё что-то в этом роде. В этом плане всё было до обыкновения ожидаемо. Просто стало не по себе, будто на тебя уставились сразу тысячи глаз. Будто ты сам магнит, и пришелец тоже, только направленный к тебе тем же полюсом.

Но почему тогда пастухи так не реагировали на странников? Они же с ними общались буквально, как со своими. Без всяких проблем.

Может быть, потому что пастухи, в отличие от Алексея, не догадывались об их сущности? Типа, если не знаешь, кто перед тобой, то и воспринимаешь их как обычных встречных путников. Что-то связанное со структурой мозга, например. Возможно.

Не исключено, что ощущения Афанасия в какой-то мере похожи на чувства, которые сейчас испытал Алексей. Надо будет подумать, уточнить.

А тем временем, полковник стоял перед странником, словно впад в оцепенение, а на его лбу выступили капли пота. Он вроде как был в сознании и одновременно не был. Стоял, не моргая. А лицо, если и выражало эмоции, то крайне заторможено, как при замедленной съёмке.

Алексей понимал, что сейчас они, полковник и странник, о чём-то общаются, обмениваются какими-то сведениями на одном им понятном уровне. Телепатия? Да ну! Хотя... Алексей вспомнил своё видение, когда не смог устоять от жгучего желания (а сам ли он этого хотел?) заглянуть в глаза одной из странниц, и почувствовал, как холодок неприятно между лопаток.

Потом странник сказал что-то на пушту и даже улыбнулся, а полковник явно испытал облегчение и тоже бросил на прощание фразу на местном наречии. Начать что ли изучать местные языки, что бы не стоять столбом? Да и для мозга это полезно. А то, текущие познания в языках ограничиваются обрывками английского из школьной программы, да «гамарджоба, генацвали», обусловленным основным местом службы на границе.

Мысли роились в голове, как разбуженный улей, но Алексей старался не терять концентрацию.

Его опять передёрнуло, когда самозванный пуштун, постукивая посохом по дороге, прошёл мимо. Идёт такой и переставляет свою палку, а она глухо так стучит по пыльной поверхности, и в то же время этот звук гулко так отдаётся внутри твоего тела. Входит в резонанс с ударами сердца, и ты уже боишься, что если в следующее мгновение посох не ударит по дороге, а зависнет в сантиметре от поверхности, то будет ли твоё сердце биться

так же, как делало это какую-то минуту назад.

Тем временем, странник прошёл мимо, лишь покосившись на Алексея. Обычное такое лицо среднестатистического афганца среднего возраста. Может быть, чуть постарше. Еле заметная улыбка. Никакой злобы, ни капли ненависти. Скорее любопытство, если судить по его фальшивому лицу. Разве что тень некоторого высокомерия и... презрения что ли? Или нет, не презрения, чего-то, что больше всего напомнило Алексею то, как люди смотрят на зверей в зоопарке.

Отпустило. Сердце не остановилось. Оно продолжало всё так же биться, снабжая организм насыщенной кислородом кровью. И будет это делать ровно столько, сколько написано на роду.

Хотя с последним сейчас была ведь настоящая проблема. Ну, вот почему он не послушал Данилу? Почему решил посмотреть в глаза страннице? Или от него это никак не зависело? Но если так, если он должен был посмотреть, то всё выглядит ещё хуже, чем могло бы показаться изначально.

Процессия вновь двинулась, но только не прямо по ущелью, по каменистой узкой дороге, а в сторону, в тёмную расщелину в скале, тянущуюся от самой земли метров на тридцать ввысь.

Бойцы стояли и просто наблюдали, как непонятные во всех смыслах странники, ходоки из мира в мир, растворялись в омуте темноты.

— Вот оно, значит, где находится, — довольно произнёс Афанасий, достал карту, развернул её и сделал на ней очередную отметку карандашом, рядом с другой. Недовольно поморщился. Что-то ему явно не нравилось.

Последний странник, а вернее странница, на мгновение задержалась перед тем, чтобы кануть в небытие. Обернулась и посмотрела краем глаза в сторону Алексея.

Нет, однозначно, конечно, нельзя было понять, куда она смотрит, но Алексей был уверен, что этот взгляд был предназначен именно ему. Уверенность. Понимание. Неотвратимость.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! В голове зарницей вспыхнула трусливая мысль, что лучше бы он ещё пять раз сходил в рейд на грузинскую территорию, выслеживая боевиков и наркокурьеров, чем согласился на участие в данной миссии.

Полковник лёгким движением головы выразил сдержанное удивление подобным поведением странницы, но ничего говорить не стал. Скорее всего, потом просто обозначит данный эпизод в очередном рапорте, кому бы он его не подавал. Ещё один мелкий эпизод в процессе наблюдения за странниками.

Порождение чужого или даже чуждого мира сделало лёгкий шаг, и темнота поглотила его, словно бы говоря: всё это мираж, забудь, что ты видел, тебе это показалось.

Странники ушли.

Ушли куда-то, куда людям путь заказан. Не исключено, что на той стороне незримого рубежа их тоже кто-то встретит. И будет их сопровождать другая группа людей, или не людей, кто знает. Но тех, кто также будет думать, что странники несут опасность.

Понять бы ещё, в чём она заключается.

Ни вспышки света, ни радужных разводов в воздухе, никаких звуковых эффектов. Просто исчезли, растворившись в темноте. Разве что пальцы рук слегка покалывало, и в воздухе стал едва заметен запах озона.

Алексей поймал себя на мысли, что думает о существовании других миров без какой-

либо иронии или условности. Действительно, зачем обманывать себя и не признавать, что последние несколько дней кардинально изменили твоё мировоззрение. Можно сколько угодно закрывать глаза, уши и рот, но от фактов не скрыться, они существуют независимо от тебя.

«Вот ты видишь сурка? Нет? А он есть!» Хотелось бы улыбнуться, но было как-то не весело.

И это ведь касается не только пресловутых сурков, о существовании которых ты даже не догадываешься, но которые живут себе в полях, роют норы, и грызут корешки, абсолютно не считаясь с твоими познаниями о фауне. Они просто есть.

Вот ты же не видел Марс, Венеру или любую другую планету Солнечной системы. Но это же не отменяет факта их существования. Собственно, как не отменяет невозможность дотянуться до звёзд, то, что каждую ночь они загораются на небе. Хотя со звёздами всё сложнее: они могут быть уже мертвы тысячи, если не миллионы лет, но свет от них мы можем наблюдать ещё долгие годы, как своеобразные памятники их существованию.

— Это Кот! — из рации раздался скрипучий голос бойца, что в паре с другим находился в арьергарде. Алексей вернулся к реальности.

Полковник нажал клавишу.

— На связи.

— Похоже, у нас гости. Видим на горизонте вертушку. Если не будут высаживаться на месте боя, то скоро будет у нас. Не наша.

«Понятно, что не наша, — подумал Алексей, — наших здесь и не должно быть» Скорее всего, это друзья пленного американца решили всё-таки проверить, почему такая большая группа ЧВКшников перестала выходить на связь. Странно, что они спохватились так поздно. Наверное, были какие-то протоколы на случай пропажи связи, чтобы сразу не высылать кавалерию.

— Принял. Быстро сюда! — скомандовал Смирнов. — Всем! Будем уходить! Афанасий, что у тебя?

Кажется, Афоня был чем-то смущён.

— До подходящей точки перехода ещё пять километров, Денис Николаевич, — виноватым тоном произнёс он.

— А эта тебя, чем не устраивает? — сухо уточнил полковник.

— Это не то, что нам нужно. Куда ушли странники, мы не знаем, да и попасть туда мы не сможем, а второй вариант вам не понравится.

— Говори уже! — Потребовал полковники таким тоном, словно уже догадался, о чём речь, но надо было, чтобы слышали все.

— Тихий мир, Денис Евгеньевич.

— Да чтоб тебя! — Смирнов был явно раздосадован. — Но из него же можно вернуться, так? Ты же там был!

— Был, и больше не хочу туда возвращаться. Там ещё мой прадед был, он мне о нём и рассказал. Вернуться можно, но вы же сами знаете, что... — Афанасий выглядел виноватым, — там не всё так просто.

— Всё, успокойся, ты ни в чём не виноват, — выдохнул полковник. — У нас просто нештатная ситуация, которые мы не раз прорабатывали. У всех противогазы взяты, я надеюсь?

— Денис Евгеньевич, — подал голос Алексей. — Виноват, но я не брал

спецснаряжение, меня не поставили в известность, что оно могло понадобиться.

Спереди и позади уже подбежали четыре снайпера и сейчас стояли, стараясь отдышаться после быстрого бега.

— Недоработка. Хотели просто тебя посвятить в суть дела. Не переживай, никто не рассчитывал на такой поворот, всё должно было пройти, как обычно — скучно и не интересно. У меня есть запасная маска.

И что это такое за место, где потребуется маска-противогаз? Народ явно был не рад такому повороту событий, но все стали вытаскивать из рюкзаков противогазы, проверяя сменные фильтры и крепления.

— А с этим что делать? — Данила кивнул в сторону ничего не понимающего американца.

— С этим? — Полковник подошёл к наёмнику, прищурился. — Тактические очки у него есть, куфия тоже. Помогите ему надеть,

Боец с позывным «Кот», тот, что сообщил о приближающемся вертолёте и оказавшийся ближе всех к американцу тут же нацепил ему тактические очки на морду лица и намотал добротную хлопковую куфию вокруг него же, завязав сзади узлом. Потом задумался и, приподняв угол платка, вытащил изо рта американца кляп.

— What the [f@ck](#) is going on? — попытался отплеваться он сквозь намотанный платок.

— An exciting adventure awaits you, John! — Полковник подошёл и похлопал американца по плечу. — Just don't make any noise. It's better not to make noise there. Get it?

Американец явно ничего не понимал, но в этом смысле Алексей недалеко отстал от него. Он тоже не знал, к чему стоит готовиться.

Смирнов подошёл к Афанасию, и все остальные подобрались поближе, даже бледный Санёк приподнялся на локте. Американец так и болтался на поводке, привязанный к полковнику.

— Так, народ, видит Бог, я сам не хочу туда идти, но вариантов у нас не так чтобы много. Можем остаться здесь и принять очередной бой, но против пехоты при поддержке вертушки мы вряд ли выстоим. Да и БК не бесконечный.

Бойцы, молча, слушали, кто-то кивнул, соглашаясь.

— Поэтому пойдём через Тихий мир... — продолжал полковник.

Данила наклонился к Алексею, произнёс полушёпотом:

— Прадед Афанасия называл это место Тихим лесом, но там походу всё такое... тихое.

— Под «тихим» ты имеешь в виду «мёртвое»? — Алексей вертел в руках маску-противогаз, на которой мелкими буквами были написаны её характеристики и название «Бриз».

— Можно и так сказать. Ты, главное, перчатки надень, застегнись плотно, кепку натяни и ничего там по возможности не трогай. Понимаю, что это трудно, но всё-таки постарайся, — он зло сплюнул под ноги. — Задолбаемся потом отмываться!

Полковник, тем временем, заканчивал речь:

— ... уверен, мы справимся. Так что давайте, проверьте снаряжение и вперёд!

Народ стал натягивать кто знакомые Алексею противогазы ГП, а кто маски по типу той, что вручили Алексею. На Санька тоже надели маску, и всем, кто был ранен, перевязали раны, постаравшись максимально их закрыть.

Плетнёв в раздумье смотрел на противогаз.

— Что не так? Сломан? — Не понял Данила.

— Нет, — замотал головой Алексей. — Так, сильное дежавю.

— Потом будешь со своим дежавю разбираться, надевай!

Алексей сделал глубокий вдох и натянул на голову маску, подтянув ремни креплений по размеру головы.

— Давай, Афанасий, работай! — отдал распоряжение полковник.

В этот момент послышался шум вертолётных винтов.

Глава 8. Сумерки

Поначалу Алексею показалось, что он оглох, такая тишь воцарилась вокруг.

Вроде только-только над тобой винтами взбивал воздух вражеский вертолёт, заполняя ущелье раскатистым эхом, только-только по камням начали отбивать смертельную чечётку пули, а вокруг свистел ветер, как в одно мгновение — полное безмолвие.

Ничего. Никаких звуков, абсолютно. Весь тот шум, который обычно нас сопровождает, даже с учётом того, что ты оказался в отдалённом районе, куда и пастухи-то не всегда забредают, внезапно пропал.

Попробуйте оказаться где-нибудь вдали от проезжей части в чистом поле, остановитесь, прислушайтесь. И вы поймёте, что мир вокруг вас всё также наполнен звуками. Да, природа у них другая, естественная что ли, но они всё равно есть.

Мир, на самом деле, никогда не молчит, даже ночью, даже зимой, когда, кажется, всё жизненные процессы переходят в режим экономии. Даром, что медведи, барсуки, да ежи в спячку впадают.

Однако же, вы бывали в лесу зимой? Вроде, тишина вокруг, а потом понимаешь, что даже зимний сонный лес полон жизни и сопровождающих её звуков. Вот ворона хрипло закаркала, вот дятел простучал своим перфоратором по стволу сосны в поисках затаившейся личинки, или вот где-то в чаще заревел олень, выпуская клубы горячего пара из своих лёгких. И это не говоря уже о том, что нет-нет, да и скрипнет с гулким эхом какой-нибудь старый ствол, зацепившись ветвями за соседнее дерево.

Даже снег, падающий под собственной тяжестью с развесистых еловых лап, и тот издаёт характерный шум случайно свалившейся на пол пуховой подушки.

А если прислушаться внимательнее, то можно услышать шум пролегающего где-то за лесом шоссе, или мерный гул газопроводной нитки. И захочешь — не заблудишься. Да, от цивилизации в наше время скрыться крайне трудно. Того и гляди, над тобой какой-нибудь самолёт пролетит.

Однако, первое впечатление было несколько обманчивым, и, на самом деле, складывалось на контрасте. Звуки здесь, куда Алексей попал после того, как сделал шаг в темноту, в густую мазутную тень, безусловно, были, хотя бы потому, что здесь была атмосфера. Но набор их был крайне ограниченным, и порождён, в первую очередь, ими самими: шорох одежды, скрип грунта под берцами, дыхание сквозь фильтр маски.

Обычно на эти звуки не обращаешь внимания, отчего складывается обманчивое ощущение, что их нет. Сознание отсекает их как фоновый шум, под который можно вполне себе комфортно спать.

Не замечали, что наступление тишины может разбудить ничуть не хуже, чем резкий звонок будильника?

Сколько раз вы, заснув под монотонное и не очень бурчание телевизора, возвращались в сознание, когда умная электроника отключалась по истечению нескольких часов? То-то же.

В обычной городской жизни ухо настроено на то, чтобы выхватывать звуки опасности: полицейскую или пожарную сирену, визжащие на пределе тормоза автомобиля, крики агрессивных прохожих, лай злых собак, срывающихся с поводка.

А так, даже ведь и не задумываешься над тем, как громко ты дышишь, пока кроме звука твоего дыхания почти никаких других звуков и не останется. Кроме усиленного маской-

противогазом твоего дыхания. И ты слышишь каждый свой вдох и выдох. Прямо как чёртов Дарт Вейдер в своём шлеме.

Алексей даже улыбнулся от такого сравнения. "Я — твой отец!" Ну-ну.

Они стояли на небольшом горном плато, позади них в скале зияла глубокая расселина, а рядом, прямо из камней, вгрызаясь в них корнями, росли три искорёженных дерева, определить породу которых Алексей не смог. Что-то вроде изувеченных суровым существованием берёз что ли. Хотя они были такими кривыми, что на берёзы, прямые и кудрявые берёзы, они походили менее всего. Разве что на те скрученные деревья, которые можно зачастую наблюдать из окна вагона, когда тот проезжает заболоченную местность.

Вот только болота здесь не было. Как и любого другого водоёма. Ни речки, ни ручья. Только сухие камни вокруг.

С другой стороны от горы простиралась огромная долина, заросшая не то высоким лесом, не то заваленная причудливыми острыми скалами, похожими на челюсть с разбитыми зубами. Отсюда было толком не разобрать даже в бинокль, который не был оборудован прибором ночного видения. Естественное освещение здесь было явно в дефиците.

Не зря это место называли Тихим миром. Здесь как будто всё затихло, осталось, замерло в том виде в каком однажды по какой-то причине застыло.

Алексей осмотрелся. Что здесь могло произойти? Какой катаклизм мог повергнуть всё вокруг в такое состояние?

Он взглянул вверх.

Над ними нависало тяжёлое свинцовое небо, состоящее из медленно перекатывающихся серо-сизых туч. Казалось, они выражали недовольство тем, что кто-то побеспокоил их тяжёлый сон, и теперь они вяло, клубились, выражая своё неудовлетворение.

Здесь не было холодно, здесь не было жарко. Обычные градусы двадцать по Цельсию, не больше. Правда, после Афганистана они ощущались максимум пятнадцатью градусами тепла. Но это пока. Совсем скоро тело привыкнет и будет воспринимать окружающую среду без видимых проблем, что касается температурного вопроса.

Вдали над горизонтом сверкали тусклые и беззвучные зарницы. Если где-то там за тучами и было солнце, то его лучи вязли в этой мгле, даря миру лишь рассеянный свет, который больше всего походил на сумерки.

Окружающий мир был погружён в какой-то анабиоз, который больше всего напоминал спокойствие, царящее в морге. Такое же отсутствие надежды и жизни.

Дежавю. Проклятое чувство ложного воспоминания, когда ты помнишь то, что с тобой ещё не происходило, нахлынуло с новой силой, заставляя Алексея ощущать себя не в своей тарелке.

Сумерки мира. Он уже это видел, но не здесь и не сейчас. Да и видел ли? Разве не может воображение таким чудным образом разыграть его? Столько всего нового узнал и увидел за последние дни, что было бы неудивительно, если бы его сознание выдало такой глюк от перенапряжения.

Санитар проверял надёжность повязок раненых, особенно у Санька. Кто-то ему помогал, кто-то проверял запасы оставшегося БК. Другие осматривали оружие.

И все, все старались максимально изолироваться от внешнего мира, плотно застегнувшись на все пуговицы и надев перчатки. Кто-то даже попытался замотать скотчем место, где заканчивались рукава и начинались тактические перчатки.

Если честно, так себе изоляция, особенно, если учесть, что маски в отличие от противогазов не закрывали уши, тут как бы опущенные уши кепки или натянутый капюшон хэбэшки тоже не особо спасал.

Понять бы ещё от чего так стоит защищаться.

Алексей сделал несколько шагов по направлению к искривлённым в болезненном параличе деревьям и протянул руку в перчатке к одной из веток.

— Нет, — рядом незаметно появился Данила, — я же говорил ничего не трогать без необходимости.

— Что здесь произошло? — Алексей не стал прикасаться к покрытой мелкой, словно пудра, пылью ветке, но попытался рассмотреть как можно ближе, насколько это позволяло стекло маски.

— Не знаю. Я здесь был один раз, и то на каких-то пять минут, по большой необходимости. Да и не здесь. В другой точке.

Данила тоже подошёл к дереву и присмотрелся к пыльным листьям. Они казались вроде как нормальными, только были тёмными и покрыты мелким-мелким налётом. Что-то подобное Алексей наблюдал, когда был проездом в городке, где размещался не то известковый, не то цементный комбинат. Там тоже, стоило остановить машину, чтобы заскочить в магазин, как по выходу крыша и капот автомобиля уже поседели от известковой пудры.

— А кто знает? — говорить через маску было неудобно, приходилось повышать голос, чтобы собеседник услышал.

— Думаю, даже если ты спросишь полковника, то ответа не получишь. И не потому что ты совсем недавно с нами. Скорее всего, он сам толком ничего не знает.

"А кто знает?" — подумал Плетнёв, но озвучивать вопрос не стал.

Он посмотрел себе под ноги. Пыль, эта пыль была везде. На камнях, на земле, на редких здесь деревьях.

А потом раздался треск, который был ему знаком ещё, когда он принимал участие в занятиях по РХБЗ. Это был треск дозиметра. Такой незнакомый, и в то же время, будто слышимый Алексеем на протяжении последних нескольких месяцев. Какая-то чертовщина.

Щелчки дозиметра явно свидетельствовали о повышенном радиационном фоне, но в целом терпимом, если не находится в зоне радиационного загрязнения слишком долго.

— Теперь понял, почему лучше ничего не трогать? — Данила легонько пнул камушек, такой же пыльный, как и всё вокруг.

Радиация? Война? Техногенная катастрофа? Какая из бед, связанная с ионизирующим излучением, могла поразить этот мир?

— И что, никто не занимается исследованием этого места? Надо же понять что здесь случилось, разве нет?

— Может, кто-то и занимается. А, может, нет, мне, по крайней мере, об этом не докладывали, — Данила действительно не выглядел человеком, скрывающим от новичка конфиденциальную информацию.

Старший сержант бросил взгляд в сторону полковника, который с маленьким фонариком в руках высматривал что-то на карте вместе с Афанасием.

— Но вы всё равно взяли с собой СИЗы, как будто ожидали чего-то подобного, заметил Алексей. — Только мне забыли об этом сказать.

— Бывает, — меланхолично ответил Данила. — Как сказал полковник, это должна была

быть просто миссия наблюдения. Мы-то на автомате уже их берём в комплект, хотя на моей памяти ещё ни разу применять не приходилось. На самом деле мы больше опасаемся использования слезоточивого газа, или ещё чего такого. Маски, в первую очередь, против этого берём.

— Ага, я, значит, такой везучий, — сарказм в голосе Алексея было не скрыть. — Только Смирнов прихватил запасной, как-то странно.

Даже маска не смогла скрыть, как изменилось лицо Данилы.

— Ты так лучше не говори. Не стоит его в подозревать. Денис Евгеньевич ради команды пойдёт на всё.

— Ради команды или ради службы? — Уточнил Алексей. — Мне вот показалось, что он готов был Санька добить прямо там, но в последний момент почему-то передумал.

Плетнёв ожидал, что Данила сейчас просто рассмеётся, переведёт всё в шутку, но он отреагировал совсем не так, как надеялся сержант.

— Иногда приходится принимать сложные решения, — на полном серьёзе ответил Данила. — Идти на сделку с совестью ради цели. Мне казалось, ты должен это понимать.

Чёрт! Во что же ты, Лёха, ввязался!

— Ну, или ещё поймёшь, — уже гораздо более непринуждённо добавил он. — Ладно, пошли, у полковника с Афоней, вроде, план родился.

Алексей был рад смене темы и тому, что это сделал не он, с его сослуживец.

Они быстрым шагом переместились от скрюченных стволов к основной группе.

— Так, народ, — начал полковник, — нас выбросило не совсем там, где мы рассчитывали...

Выбросило? Сильно сказано для процесса перехода, который никакими особыми эффектами не сопровождается. Оно, может, и к лучшему, но ожидания были явно завышены.

— ...чтобы попасть домой, нам придётся спуститься в долину и пройти через город...

О! Так вот что это за зубья! Это дома! [Грѐб@нные](#) дома городской застройки!

— ...это кратчайший путь...

Алексей одновременно испытал восторг, удивление, и страх. Город, построенный не людьми — посмотрели бы вы на себя, если бы столкнулись лично с чем-то подобным!

— ...не известно. Город пуст, что касается жизни в привычном нам понимании...

Надо в следующий раз брать маску с встроенной рацией. Плохо слышно, а так было бы в самый раз. Ведь есть же такие маски-противогазы, чтобы с рацией?

— ...говорит, что там или в окружающих лесах, через которые нам придётся идти, может скрываться нечто...

Афанасий сам это Нечто не видел, но слышал со слов своего прадеда, который, собственно, тоже его не рассмотрел, но почувствовал исходящую от существа (?) опасность.

Так себе вводные, если честно: идём через неразведанную, если не сказать, неизвестную территорию; опасаемся того, сами не зная чего. Да, ещё дозиметр своим треском вносит свою лепту в общую атмосферу нервозности, вызывая дичайшие приступы дежавю.

От последнего разве что не тошнило, настолько оно было ярким и одновременно неприятным. Кто бы мог подумать, что ложное ощущение того, что с тобой когда-то уже случалось, может быть настолько неприятным.

С другой стороны, нервозность, похоже, испытывает только он, а все остальные принимают происходящее как само собой разумеющееся. Это ж какую подготовку надо было пройти, чтобы не свихнуться от всего, что с ними произошло за последние пару дней.

Алексей отметил про себя, что при всём при этом мыслит он достаточно рационально. Пожалуй, любой гражданский на его месте действительно бы свихнулся, либо, в лучшем случае, закатил бы истерику — восторженную или паническую — вопрос второстепенный.

Хм... Может быть, поэтому ему предложили поучаствовать в этой миссии? Недаром же полковник сообщил, что ознакомился с его делом.

— Да, увидишь красные ягоды, не прикасайся к ним особенно. Даже если решишь, что ты голоден и никак иначе нельзя, не вздумай их брать в руки, и тем более, класть в рот, — Данила сообщил это на полном серьёзе.

Будучи в маске это сделать было бы проблематично, но не просто же так его внимание акцентируют на каких-то ягодах.

— Красные ягоды, — кивнул Алексей. Есть ему не хотелось, и он вообще плохо представлял себе ситуацию, при которой стал бы тянуть в рот что-то, в безопасности чего не был уверен. Ещё с детства помнил: не знаешь, что за гриб — не бери. Это же правило распространялось и на ягоды и вообще на всё, что растёт и бежит. Но всё-таки, поколебавшись, решил уточнить. — Почему?

— Кто его знает, — так завещал Афанасию его прадед. А наш Афоня вообще ни разу не собирается нарушать заветы предков. Для него это табу. В курсе, что такое табу?

Алексей почувствовал себя уязвлённым. Конечно же, он был в курсе, что такое табу! Данила либо решил поиздеваться либо подколоть Алексея. но то и другое сейчас были явно не уместно.

Кажется, Данила уловил, что с учётом их недавнего разговора о полковнике немного перегнул палку.

— Мир? — он протянул кулак.

— Мир, — Алексей своим кулаком обозначил удар по кулаку Данилы.

— Двинули! Фон пока терпимый, — констатировал полковник, подразумевая нервный треск дозиметра.

Они стали спускаться по тому, что можно было бы принять за дорогу, вниз, в долину, к мёртвому и пустому городу.

Впрочем, насчёт последнего Алексей по не понятным для него причинам сильно сомневался. Жизнь такая штука, которая может принимать самые непостижимые формы, пытаюсь сохранить себя даже в самых адских условиях.

Иногда жизнь вообще может перестать казаться таковой.

Дорога казалась обычной, покрытой асфальтом, но.... Вроде бы асфальт, но другой, не такой, каким привык его видеть Алексей. Другая фракция что ли, или ширина полотна, или разметка, которая отличалась от той, с которой он обычно сталкивался в повседневной жизни.

А это что? Дорожный знак? Он такого раньше не видел, хотя и имел законным образом полученные права категории "Б".

Вроде бы всё такое знакомое, и в то же время другое. И всё, буквально всё, покрыто этим чёртовым налётом!

Ты идёшь по дороге, делаешь шаг за шагом, а пыль поднимается облачками и оседает на твоих берцах, и ты понимаешь, что ничего хорошего эта субстанция не несёт. Ну не может пыль быть безобидной в таком месте. По определению.

И только тихое потрескивание дозиметра.

И только твоё дыхание в маске.

И ты идёшь по дороге, раздвигая одним своим существованием сумерки, как однажды уже шёл. Или ещё будешь идти?

Встряхнуть голову, сбрасывая морок фальшивых воспоминаний. Проклято дежавю.

Одно хорошо, на этот раз нести бездвижного Санька поручено снайперам, которые во всей этой ситуации остались теми, кто не был ранен и при этом сохранил максимум сил. Потом, конечно придёт и их очередь, но пока можно попытаться отдохнуть хотя бы так.

Боец "Академии", явно опарашенный всем происходящим (стоит признать, не меньше, чем Алексей), был по прежнему привязан как собачонка к полковнику и плёлся за ним, рассматривая окружающий мир через тактические очки, и вдыхая возможно отравленный воздух через намотанную на голову и лицо арафатку.

Глава 9. Города, дороги и... люди

Люди живут в городах.

Постепенно силуэт города на фоне лилово-серого неба становился всё отчётливее и больше, вырастая на глазах, но идти до него было ещё довольно много. Горы же, наоборот, остались позади, как и трудный спуск на главную, если можно так сказать, применительно к текущим условиям, трассу.

Путь пролегал по долине, по обе стороны от которой пролегали поля, а на горизонте возвышались горные хребты. Но сначала надо было спустить с того плато, на котором они оказались, покинув душный Афганистан. И если кто думает, что спускаться с горы всегда легче, чем подниматься в неё, то он сильно ошибается. Хотя, конечно, всё зависит от угла наклона.

Как-то пару лет назад, будучи в отпуске, Алесей с компанией друзей поехал в Абхазию, так как уже тогда военным было не так-то просто выехать за рубеж. Собственно, как и полицейским, а один из его приятелей таковым и являлся. Хотя для Алексея это было немного странно, учитывая, что географически он переместился не так чтобы уж очень далеко от места прохождения службы.

И вот поехали они погулять в Новый Афон и решили взобраться на Иверскую гору, чтобы сделать несколько красивых фотографий с вершины, к тому же, как оказалось, там есть старая средневековая крепость, а Алексей любил такие памятники истории.

Он тогда сразу предложил доехать наверх на автомобиле, а потом так же спуститься вниз, но москвич, оказавшийся в их компании, решил, что триста метров по вертикали это не так уж и много и переплачивать ушлым таксистам нет ни малейшей причины. При этом нашёл поддержку у женской части их компании, которые хотели быть красивыми, чтобы сделать красивые фото, но при этом тоже почему-то пожалели денег на авто.

Алексей с его приятелем-полицейским тогда только пожали плечами, мол, ладно, поднимемся на своих двоих, тем более, Плетнёву-то было не впервой бегать по горам, к этому он был привычен, да и опер тоже был в хорошей физической форме.

Триста метров. Всего. Обманчивая цифра, если учесть, что речь идёт о вертикали, а не о горизонтальном перемещении. Ну что, все, кто тогда голосовал за пеший подъём, сильно об этом пожалели, особенно девушки, которые к окончанию подъёма растеряли всю ту красоту, которую хотели продемонстрировать на фотосессии.

Пытаться изобразить что-то более-менее приемлемое, будучи задыхающимися, вспотевшими до состояния мокрых мочалок, с растекающимся макияжем, они не захотели. Ну, оно и понятно.

— А теперь будем спускаться, — постарался максимально загадочно тогда сказать Алексей.

Казалось бы, стоит прислушаться к человеку, знакомому с горами не понаслышке, но и здесь к нему не прислушались.

Но, как ощутили в скором времени на себе городские жители, спускаться по дороге (не по лестнице!) под углом в тридцать-сорок градусов оказалось немногим легче спуска, в конце которого ноги дрожали и отказывались держать их владельцев.

В общем, как-то так. Триста метров по горизонтали и триста метров по вертикали, это две большие разницы, как говорят в Одессе.

Сейчас же дорога была довольно пологой, по причине чего идти было относительно легко, так как, в отличие от того же Афганистана, их путь пролегал по вполне себе ровной асфальтированной поверхности. Хотя чем дальше, тем было больше сомнений, что это асфальт в классическом смысле слова, тот, к которому Алексей привык с детства.

Не оставляло ощущение, что полотно дороги было сделано из некоего полимера, уж как-то необычно, как ему казалось, оно пружинило при каждом шаге. Хотя — Алексей про себя пожал плечами — может быть, те, кто строил дорогу, просто добавили в асфальт много использованных покрышек. Он слышал, что так делают где-то на Западе, или в Японии.

Но вокруг была не Австралия. И уж точно не Япония.

Если бы не скудность естественного освещения, он бы, конечно, попытался разглядеть окружающий мир, как можно подробнее, во всех деталях, доступных человеческому глазу. К тому же этому мешала маска, которая заставляла дышать с большим усилием, чем обычно.

Но пока что приходилось довольствоваться необычной разметкой на дороге, которая, проглядывала из-под вездесущей пыли, смешанной с наносами песка, да чудными дорожными знаками, одни из которых стояли, как и положено, прямо, а другие уже успели покоситься.

В них вроде как угадывались знакомые символы, но таковыми они лишь казались, и при ближайшем рассмотрении, приходилось признавать, что ты понятия не имеешь, что они означают. Даже всем известный «человечек» (а он здесь был!) был изображён не привычным образом.

Кстати, знаки хоть и выглядели старыми, но, во-первых, не все, а во-вторых, таких потрёпанных жизнью указателей можно было с лихвой найти на любой Российской трассе.

Люди живут в городах.

Почему-то в нашей природе заложено собираться в большие поселения. И в принципе, этим мы не сильно отличаемся от многих животных. Правда, стоит отметить, что большинство хищников — одиночки по своей природе, которые если живут группой, то достаточно небольшой.

Это, конечно, если считать, что человек — хищник, а не кормовая база для других, высших животных. Ведь, если подумать, человек вне социума, вне своей стаи достаточно жалкое зрелище: ни клыков, ни когтей, ни стрекательных клеток, которыми можно парализовать жертву... ничего. И даже более-менее крупная собака может представлять для него смертельную опасность.

Но при этом мы всё-таки научились употреблять в пищу мясо других животных и по этой причине стали относить себя к верхушке пищевой пирамиды. Зазнавшиеся поедатели плодов и корешков, возомнившие себя высшими хищниками.

Кто-то возразит и скажет, что, вот же, есть пример волчьей стаи, которые размером достигают нескольких десятков особей, а значит, человек не так уж сильно отличается от других хищников.

Не знаю, не знаю. Природой так устроено, что хищников всегда на порядок меньше, чем объектов их охоты, которые, как раз, не имя ни клыков, ни когтей, ни внушительных размеров, чтобы одним своим видом отпугивать любого, кто вздумает полакомиться их плотью, или ни быстрых ног, приспособились сбиваться в большие стада.

А те же волки, ну, сколько их может быть в стае? Ну десять, ну двадцать голов, плюс-минус. И, главное — они не строят города, максимум их архитектурных способностей — вырыть большую нору, которая никак не тянет на определение комфортного жилища.

У вьюнков и то, гнезда гораздо более замысловатые, что уж говорить о муравьях, которые строят целые мегаполисы с функциональными помещениями и имеют кастовую систему, возведённую в абсолют, где члены социума отличаются не только по возложенным на них обязанностям, но и по внешнему виду.

А что, недаром же многоэтажную застройку называют человежниками, а? Осталось только наделить людей соответствующими функциональными приспособлениями, которые будут являться неотделимой частью их организма: рабочих — мускулами и длинными руками, полицейские будут плевать слезоточивым газом и бить током, как угри; а военные будут сильными, быстрыми с когтями и клешнями, и несколькими режимами зрения.

Ну, и как вы уже, наверное, догадались, руководить всем этим будут жирные, похожие на пчелиных маток, чиновники, за которыми будут ухаживать многочисленные мелкие слуги.

Алексей сморщился и усмехнулся представленной картинке. Уж очень она казалась ему одновременно и любопытной и в то же время отталкивающей.

"Надеюсь, люди никогда до такого не дойдут" — подумал он.

Или в строительстве городов у людей проявляется инстинкт самосохранения, как у животных, которые ради защиты сбиваются в стаи?

Да, многие мечтают о своём благоустроенном доме на берегу небыстрой речки, в окружении лугов или около лесочка, можно рядом с морским пляжем, что некоторым кажется пределом всех мечтаний.

Проблема в том, что в итоге всегда получается город. Вот, вроде бы, стояла себе деревенька, а потом, как по мановению волшебной палочки, на её месте уже шумит мегаполис.

Скажите, есть много деревень, которые загнущись без людей, превратились в декорации для фильмов ужасов?

Да, есть такое, только куда подевались жители таких заброшенных селений? Так они же перебрались всё в те же города!

Или вот тот же пляж на берегу тёплого океана: построил ты там виллу (ну, или маленький уютный домик), наслаждаешься красивыми видами моря на закате, и не замечаешь, как постепенно-постепенно рядом начинают появляться всё новые и новые домики и виллы. А потом и отель, а потом и гостиничный комплекс, а там и вся обслуживающая инфраструктура подтягивается.

И вот ты уже вынужден переходить пролегающую рядом трассу по подземному переходу, и заказывать обед в службе доставки, который тебе доставит курьер на самокате.

А в итоге понимаешь, что пытаясь получить защиту в большой стае, человек вынужден принимать её законы и порой становится опасным сам для себя. У стаи свои порядки, и только вожаки получают всё, хотя и их власть не безгранична. А комфорт зачастую бывает очень мимолётным: вот ты на вершине мира, а вот какие-то преторианцы или янычары уже свергают тебя и сбрасывают твоё тело в ров за крепостной стеной, а то и просто топят в отхожем месте.

В общем, здесь — где это "здесь" находится, Алексей пока так для себя и не уяснил — тоже были города. По крайней мере, один, тот, к которому он в составе группы из десяти бойцов и одного американца в наручниках и на поводке сейчас приближался.

Плетнёв уже успел пару раз сменить тех, кто тащил носилки с раненым, и сейчас на подходе к городу буквально отдыхал, стараясь расслабить затёкшие руки.

Города связывают дороги.

Постепенно по обе стороны от дороги, обочины которой поросли тёмной травой, появлялись какие-то мелкие и не очень строения, которые с одной стороны походили на обычные человеческие дома, а, с другой, отличались множеством неуловимых деталей.

Фермы? Просто загородные дома? Сложно сказать, исследовать их некогда — потрескивающий дозиметр постоянно напоминал, что время их пребывания здесь является ограниченным.

Вернуться бы сюда с набором соответствующего снаряжения, да провести разведку, как положено, чтобы хотя бы попытаться понять, что ввергло это место в такое состояние. Ведь, если такое могло произойти здесь, то почему это не может случиться у него дома, в его городе, в его стране? В его мире, в конце концов!

— Гляди! — Данила дотронулся до руки Алексея, привлекая его внимание и указывая куда-то в сторону.

— Где? — не сразу разобрал, куда смотреть.

— Да вон! — ткнул пальцем Данила.

Теперь Алексей заметил. На перекрёстке второстепенной и главной дороги, по которой они двигались, словно собираясь поворачивать стоял автомобиль.

То, что это был именно автомобиль, не было ни малейшего сомнения. Четыре колеса, двери, капот, бампер... Вот только напоминал он чем-то продукцию американского автопрома из семидесятых годов прошлого века, но всё также неуловимо отличающуюся от того, что Алексею когда-либо приходилось видеть.

Да и поворачивать если он и хотел, то очень и очень давно, судя по полуспущенным покрышкам, и вообще по довольно поношенному внешнему виду авто. Впрочем, Алексей и похуже видел, и они очень даже были на ходу.

Даже с учётом того, что американские автомобили тех времён серьёзно отличались по габаритам и форме от того, что тогда и потом ездило по советским, а позже российским дорогам, что-то в нём было непривычное. То ли пропорции, то ли ширина и диаметр покрышек, то ли форма и количество фар. Словно автомобиль собрали по рисунку человека, который видел автомобили не раз, но решил его воспроизвести так, как посчитал нужным для себя, на свой вкус цвет, как говорится.

Видели, как средневековые или даже художники эпохи возрождения изображали незнакомых им лично слонов, носорогов и жирафов? Хотя, нет, в случае с автомобилем всё было не настолько запущено. Скорее, даже, наоборот, в этой машине была своя эстетика.

Всё здесь было... какое-то знакомое и чужое одновременно. Словно ты видишь всё во сне.

— Проверьте! — ответил на незаданный вопрос полковник Смирнов, и Данила с Алексеем и Толик "Чекан", который в группе был за санитаря, быстрым шагом направились к транспортному средству. — Мы пока отдохнём здесь.

Подходя ближе, они замедлились, приготовив к стрельбе автоматы. Алексей стал снова слышать своё дыхание, когда стал оглядываться по сторонам, высматривая потенциальную опасность.

Пускай здесь тихо, как на кладбище, но кто его знает. В тихом омуте, сами знаете ли...

Наконец, оказавшись рядом с автомобилем, Алексей протянул руку, чтобы смахнуть налёт с лобового стекла.

— Не надо! — предупредил Данила, но было уже поздно. Всё равно придётся проходить

процедуру тщательной дезинфекции, так что терять? Тем более, полковник же сказал — проверить.

Видно было, что Толик тоже не одобряет такого действия, но как иначе? Он лишь провёл рядом с авто дозиметром, который стал издавать трескотню несколько чаще, но не так чтобы радикально сильнее.

Плетнёв ещё раз протёр перчаткой стекло, смахивая остатки треклятой пыли.

Из автомобиля на него смотрел ребёнок. Если, конечно, так можно назвать иссохшую морщинистую мумию, у которой местами, там где разошлась кожа, проглядывали кости.

Просто обтянутые сухой кожей кости.

Пустые глазницы безучастно встретили взгляд случайного пришельца.

Глаза давно высохли, и маленькое лицо не могло выразить никаких эмоций от встречи с незнакомцем из другого мира. Никаких, кроме ужаса, когда-то поразившего его.

А может быть, это просто нижняя челюсть отошла вниз со временем, оттягиваемая усыхающими сухожилиями и распадающимися хрящами. Может быть, ребёнок вовсе не кричал в приступе страха, а то, что произошло, стало для него такой неожиданностью, что он взирал на происходящее с молчаливой обречённостью и удивлением.

Ещё движение перчатки по стеклу — за рулём сидит явно молодая женщина. Когда-то молодая, а теперь такая же мумия, как и ребёнок на пассажирском кресле. Разве что волосы, бывшие когда-то пышными кудрями, свисали теперь редкими прядями.

Мать? Голова ребёнка тоже была в локонах неопределённого цвета.

Одежда, а вернее то, что от неё осталось, ничем примечательным не отличалась. Одежда, как одежда: на ребёнке когда-то было что-то вроде комбинезона, на женщине — обрывки истлевшей блузки и таких же жилетки и юбки, видна цепочка с маленьким кулоном на шее. Судя по свету металлу и сохранности — золотая.

В такой же золотой оправе был цветной камень, но какой, из-за вездесущей пудры было не понять.

Алексей обошёл автомобиль и взглянул на дверь со стороны водителя: ага, ручка была расположена не горизонтально, как он привык, а вертикально. Таких замков он на своей памяти не встречал.

— Может, не стоит? — подал голос Толик.

Плетнёв задумчиво посмотрел на него.

— Ты лучше скажи: раньше в таких местах бывал?

— Нет, — покачал головой Чекан, — хочешь верь, хочешь не верь.

Плетнёв бросил взгляд в сторону остальной группы: кто-то просто отдыхал, присев на дорогу, походу смирившись с вездесущем налётом, кто-то просто осматривал округу. Полковник же наблюдал за действиями старшего сержанта.

Дверь оказалась открытой.

Алексей осторожно потянул её на себя и от неожиданности вздрогнул, заставив вскинуть автоматы Данилу и Толика. Мумия женщины, до того удерживаемая силами притяжения в равновесии наклонилась в сторону старшего пограничника, а рука сползла с руля.

Голова ребёнка также сместилась, будто реагируя на вмешательство чужака, побеспокоившего их случайную усыпальницу.

Холодный пот выступил на лбу. Да, было неожиданно.

Сколько трупов повидал на своей жизни, а когда они начинают дёргаться, невольно

начинаешь додумывать самое невозможное.

И ведь они куда-то ехали, когда их застала катастрофа. Не было похоже на то, что они куда-то собирались заранее, в салоне не было заметно ни собранных в спешке чемоданов, ни рюкзаков, ни других сумок или пакетов.

Могли, конечно, обчистить мародёры, но даже если и так, то было это очень и очень давно.

Алексей протёр свисающий на золотой цепочке кулон. Глазам открылся прозрачный синий камень с фиолетовым оттенком. Не исключено, что хозяйка кулона была при жизни очень красива, но сейчас судить об этом было слуожно.

Получается, что апокалипсис застал их в пути, произошло что-то внезапное. Или то, что все ожидали, но до конца не верили в его реальность. Пока не стало слишком поздно.

Интересно, выжившие здесь вообще есть?

Алексей ещё раз посмотрел на кудрявую головку мумии, когда-то бывшей ребёнком.

Труднее всего во время апокалипсиса, наверное, придётся приходится, нет, не детям. Труднее всего придётся взрослым. Хотя на первый взгляд, кажется, что должно быть наоборот.

А ведь это именно взрослые вынуждены будут менять привычный уклад жизни, приспособиваясь к новым условиям, терпеть лишения, страдать по утраченному комфорту.

Образ мыслей детей гораздо пластичней. Если ребёнок с детства не знал, что такое Макдональдс, не играл в "плойку", не ездил на отдых в Египет, то и переживать по этой утрате не будет.

У каждого свой апокалипсис. Для этих двух он закончился на перекрёстке в автомобиле.

Как однажды вычитал где-то Алексей: апокалипсис — это время перемен, возможность появления чего-то нового из ничего. Время новых открытий и переживаний.

Этот ребёнок уже точно ни о чём переживать не будет и ничего нового для себя не откроет. А вот стоит ли опасаться того, что могло появиться на руинах здешнего апокалипсиса, было пока не ясно.

Признаться, Алексей многое повидал за свою не слишком длинную жизнь, зря он что ли на границе служит, но к мёртвым детям привыкнуть никак не мог. Дети для него, хоть бы пока он своих и не имел, были всем тем, ради чего стоит жить и ради чего не жалко умереть.

Такие вот установки он воспитал в себе, будучи сам не из полной семьи. Другие, оказавшиеся в его ситуации подсознательно, а то и вполне осознанно, копировали образ жизни своих родителей, но он так жить не хотел. Необходимо было разорвать это кольцо сансары.

А люди живут в городах.

Алексей осторожно закрыл дверь автомобиля.

Глава 10. Игрушки

В своё время, Алексей как-то услышал, что, в случае глобального конфликта, больше всего людей погибнет вовсе не от ядерной бомбардировки, а от последствий, которые неизбежно наступят позже и далеко не сразу. Цивилизация будет рушиться, как кости домино, которые, наваливаясь одно на другое, будут падать по цепочке, пока не упадут все.

Ведь непосредственно в огне, и от взрывной волны погибнут какие-то проценты, если не доли процентов от всего населения Земли. Многие страны вообще изначально не пострадают, разве что к ним прилетит сбившаяся с курса крылатая ракета. И даже ионизирующее излучение убьёт не так много людей, как может показаться на первый взгляд.

Да, ядерный взрыв выглядит грандиозно, вызывает масштабные разрушения, сметая всё на своём пути, но всё-таки... Всё-таки, немного погода начнётся кое-что другое.

Для начала, встанет промышленность из-за отсутствия комплектующих, нарушенных логистических связей и нехватки квалифицированных рабочих, которые будут заняты совсем не тем, что будут ходить на заводы и фабрики, или тем, чтобы восстанавливать уничтоженные производства, а, скорее всего, будут грабить магазины и продуктовые склады, горя желанием спасти себя и свои семьи.

Далее, прекратятся поставки топлива (как минимум, для гражданских нужд) и производство электроэнергии, что повлечёт остановку работы водопровода, очистных сооружений, канализации. Как следствие — взрывной рост числа инфекционных заболеваний, эпидемии захлестнут страны, оттягивая на себя и без того скудные ресурсы, если вообще будет что оттягивать.

Всё вместе взятое приведёт к падению производства продуктов питания: земля будет заражена, а те участки, которые останутся чистыми от радиации, будет невозможно обрабатывать из-за нехватки не только всего перечисленного выше, но и по причине отсутствия семенного материала, а также удобрений. Животноводство также быстро придёт в упадок — скот будет элементарно нечем кормить, много голов, не задумываясь, забьют, чтобы утолить голод здесь и сейчас.

Болезни и голод — вот, что убьёт больше всего людей, а не все боеголовки вместе взятые.

Самый обычный аппендицит станет смертельным из-за отсутствия обезболивающих и антибиотиков. Холера, тиф и дизентерия вновь очнутся от спячки и напомнят о себе во всей красе, перестав быть чем-то, присущим Африканскому континенту или латиноамериканским фавелам.

Да, ещё начнутся войны, мелкие и не очень, которые обязательно вспыхнут между остатками человечества за обладание всё теми же ресурсами, которых будет становиться с каждым днём всё меньше и меньше.

Скажите, человечество и так постоянно пребывает в состоянии войны? Может быть, может быть. Только одно дело, когда богатое государство воюет где-то в третьем мире, чтобы стать ещё богаче, и совсем другое — когда люди рубятся за кусок хлеба и упаковку тетрациклина, чтобы хоть сегодня утолить голод и не заболеть.

Что же, мысли о ядерном Армагеддоне не могут не возникнуть, когда ты идёшь по пустынной дороге под треск дозиметра. Алексей внимательно, через стекло маски осматривал местность, пока берцы поднимали ленивые облачка пыли.

Он даже как-то обернулся из любопытства, чтобы посмотреть на оставленные ими следы, которые чем-то напоминали следы, оставленные первыми людьми на Луне: такие же одинокие на девственной пыльной поверхности.

В этом месте произошло что-то не совсем понятное, на первый взгляд, не похожее на последствия ядерного взрыва. Вроде радиационный фон был явно выше нормы, но при этом разрушений, которых следовало бы ожидать от взрывной волны, или от температурного воздействия Алексей не замечал.

Не исключено, что здесь выпали радиоактивные осадки и это они погубили всю флору и фауну. Хотя насчёт флоры однозначное мнение отсутствовало, так как растительность здесь имелась, но пребывала она в каком-то подавленном состоянии. Вполне возможно, что она тоже доживала свой век, не имея доступа к воде и солнцу.

Периодически накатывало поганое чувство дежавю, от которого даже кружилась голова, из-за чего Алексея чуть не стошнило прямо в маску, но он удержался в последний момент. Одно радовало — он понимал, что это не от воздействия радиации, полученной дозы для этого было не достаточно. Да и полковник был уверен, что, если всё пойдёт по плану и они здесь не задержатся, то доза будет для них безвредная.

В какой-то момент тучи расступились, словно на старой простыне образовалась продольная дыра с рваными краями, и взору предстало кричаще-голубое с отливом бирюзы небо. Где-то там в самой высоте можно было даже разглядеть лёгкие пёрышки облаков.

На общем фоне оно казалось чем-то чужеродным и противоестественным, и тучи, словно осознав свой недосмотр и заметив удивление чужаков, тут же сомкнулись, погружая окружающий мир в уже привычный сумрак.

Внезапно Алексей осознал, что не чувствует ветра. И не потому, что был застёгнут на все пуговицы, а его лицо, закрытое маской-противогазом, не ощущало дуновений. Атмосфера оказывала лишь то сопротивление, которое было порождено их собственным движением, и не больше. И это при том, что слой облаков, нависающих над ними, то и дело перекатывался уставшими волнами.

Чем ближе они подходили к городу, тем чаще на дорогах и обочинах появлялись брошенные и не только автомобили, в том числе явно грузовые. Во многих находились такие же мёртвые тела, как и в том, который им попался первым.

При этом какого-то особого затора не наблюдалось. Катастрофа словно бы застала всех в пути, когда люди, кто шёл, а кто ехал по своим делам: на службу, на работу, на отдых, ещё куда-то.

Здесь, однако, тела уже, встречались не только внутри транспортных средств (один раз пешеходы увидели целый двухэтажный автобус с "сидящими" пассажирами и уткнувшимся в руль водителем), но и лежали рядом с транспортными средствами, а также в заведениях, в которых невольно угадывались придорожные кафешки и заправки.

— Вопрос можно? — обратился Алексей к Даниле, который вроде как стал его приятелем.

— Попробуй, — пожал тот плечами.

— Это, — он кивнул в сторону очередной легковушки с трупами, — люди? Не какие-нибудь там странники?

Данила молчал чуть дольше, чем ожидал Алексей.

— Наверное, уже посмотрел на них через фильтры? — задал встречный вопрос Данила. Плетнёв сделал неопределённый жест, подтверждая догадку Данилы.

— С такими вопросами лучше к Смирнову обращаться, хотя я не уверен, знает ли он больше нашего, — ответил Данила, подумав, и тут же поправился. — Нет, конечно же, он знает больше, но не факт, что именно по данному вопросу.

— Но ты-то что-то знаешь? — настаивал Алексей. — Если это гостайна, так и скажи.

— Я лишь знаю, что мы стараемся избегать этого места. Сейчас мы здесь, только потому, что нас припекло, и другого выхода не было, — произнёс он, когда они проходили мимо очередного автобуса, правда, уже не двухэтажного, но тоже пустого, даже водителя не было. — А люди ли они, или нет... Выглядят, как люди, как думаешь?

За ветровым окном автобуса крепилась табличка с непонятной надписью. Ничем иным это быть не могло, но буквы были хоть и похожи на те, что когда-либо в жизни встречались Алексею, но понять, что там было написано, не представлялось возможным.

Наверное, будь надпись выполнена на греческом, он бы и то узнал отдельные буквы, которые щедро использовались в математических формулах. Вопрос о том, как читать написанное — справа налево или слева направо — в таких обстоятельствах был второстепенным.

И если где-то на подкорке Алексей продолжал думать, что он находится где-то на Земле, просто в другой стране, то встречающиеся надписи его окончательно в этом разуверили.

Дополнялась табличка схематичным изображением маленьких человечков, держащихся за руки, которые почему-то, заставили обратить на себя внимание, вызвав лёгкую тревогу.

— Выглядят как люди, — согласился Алексей, бросив взгляд на придорожное здание, в котором он подозревал что-то вроде кафе.

— Ну, значит, скорее всего, они и есть.

— Но можно ведь взять пробы, образцы, — Алексей вспомнил желание полковника захватить хотя бы одно странника.

Данила чуть замедлил шаг.

— Ты думаешь, что никто этого не делал? — он не удержался от легкого сарказма, который всё-таки было видно даже за стеклом маски. — Хотя, скажу тебе честно, мне об этом не известно. Знаю только, что сейчас это не входит в наши задачи и вообще запрещено. Если хочешь, можешь отразить свои мысли и пожелания в рапорте по возвращению. Отсюда тащить ничего нельзя.

Он сделал упор на последних словах, и уже неопределённым тоном добавил:

— Если мы выберемся.

Вообще, Алексею хотелось бы верить в лучший исход этого приключения. Было бы обидно, если бы, прикоснувшись к чему-то непознанному и вызывающему острое чувство любопытства и бурю адреналина, ему бы пришлось унести это знание с собой в могилу.

Полковник поднял руку, объявляя о привале. Алексей посмотрел на бездвижно лежащего Толика, и только едва заметное движение грудной клетки свидетельствовало, что его товарищ ещё жив.

Полковник, тем временем, отправил их осмотреть придорожный ресторанчик, как их для себя определил Алексей, по близости с которым стоял пустой автобус. Надо было зайти, осмотреться и проверить, что да как и запомнить всё настолько подробно, насколько это возможно, чтобы потом отразить в рапорте. Видимо, решил воспользоваться ситуацией и совместить необходимое с полезным.

Рапорт, придётся писать рапорт. Старший сержант Плетнёв вдруг осознал, что не знает,

на чьё имя он должен будет его писать. В группу он попал по приказу начальника заставы, но что это вообще была за сводная группа, только часть которой состояла из пограничников, для него оставалось тайной.

Пока они подходили к зданию, Алексей думал, что окружающая обстановка вызвана, скорее всего, не ядерным ударом, а вернее, не только им одним. Потрескивающий дозиметр говорил однозначно — радиационный фон высокий, но не смертельный для человека, при условии, что тот не будет здесь задерживаться надолго. Но люди — пусть это будут люди — погибли, скорее всего, не от радиации, а от чего-то другого.

Алексей остановился у высокого окна и провёл пальцем в перчатке по стеклу, оставляя прозрачную полосу. На пальце остался пресловутый налёт, как будто ты проверяешь уровень пыли у себя в комнате и решаешь, надо ли её уже протереть или пусть ещё полежит. Потом расширил просвет и заглянул внутрь.

Вроде никакого движения внутри. Однако, он бы сильно удивился, если бы встретил здесь кого-то живого. За время пребывания в этом месте, у него сложилось стойкое убеждение, что здесь всё умерло, причём уже довольно давно, иначе объяснить мумифицирование мёртвых тел объяснить было трудно. К тому же одежда на трупах была порядком истлевшей.

Кот взялся за когда-то хромированную ручку двери, готовясь её открыть, Алексей и Данила приготовились войти внутрь. Чекан, он же Толик, стоял рядом, прикрывая, на всякий случай, хотя от кого здесь можно ждать опасности?

По команде Кот потянул дверь на себя, а Чекан с Алексом быстро вошли внутрь один за другим, держа оружие наизготовку.

Колокольчик, висевший над дверью, разорвал гробовую тишину, заставив холодок пробежать по спине. Ощущение было такое, будто ночью на кладбище вам кто-то положил сзади руку на плечо. Вопрос, зачем вы оказались ночью на кладбище опустим. Может быть, вы просто решили срезать путь до дома. Но ощущение было примерно такое же.

Даже приглушённый маской-противогазом и натянутым поверх кепки капюшоном, звон колокольчика продолжал стоять в ушах, так как он не терялся среди других звуков, которые свойственны заведениям общепита, и вообще пригородному шоссе.

— Вот ведь [ср@нь!](#) — выругался Кот, только было не понятно: это он из-за колокольчика, звук которого пронзил окружающее пространство, а заодно пробрал их до печёнок, или от того, что они увидели.

Длинный прилавок. Несколько столиков. Стулья. Вполне обычные стулья на четырёх металлических ножках, обтянуты потрескавшимся кожзамом. Такие легко можно увидеть в какой-нибудь средней кафешке в любом другом городе России.

Столы не круглые, а многоугольные, но Алексей подумал, что это тоже не Бог какая невидаль.

Только и здесь были тела. Но отчего-то это выглядело ещё неприятнее, чем двухэтажный автобус, набитый трупами, в который они, к слову, заглядывать не стали, так как двери оказалась закрыты.

Люди сидели за столиками, как будто катастрофа, в чём бы она ни заключалась, застала их за завтраком или обедом — что там у них было по расписанию, сказать сложно.

Кто-то откинулся на спинку кресла, свесив голову на грудь, кто-то наоборот положил голову на стол прямо на тарелки странной неправильной формы. Кто-то всё-таки упал и, скрючившись, лежал под столом: пытался таким образом спастись или умирал в

судорогах, — не понятно.

У некоторых в руках до сих пор оставались столовые приборы: трезубые вилки, обычные с виду ножи с закруглённым и слегка зазубренным лезвием, ложки с более круглым черпалом, а не овальным. На столах стояли тарелки, чашки на блюдах, по всей видимости хлебницы... Еда если когда-то в них и была, то давно истлела.

В углу у окна сидел человек явно в форме, точнее в том, что от неё осталось со временем, и смотрел широкое окно. Казалось, он будто что-то увидел и хотел встать, но не успел. Так и остался на своём месте, глядя вдаль пустыми глазами.

Они осторожно прошли между столиков и стойки, заглянув за которую, Алексей увидел когда-то бело-голубое платье и копну светло-каштановых волос. Рассматривать лицо сидящей на полу официантки он не стал, он и без того догадывался, как оно могло выглядеть.

— Чёрт! Неужели и нас это ждёт? — Произнёс за спиной Чекан.

— Да не должны, вроде, — неуверенно ответил Кот, в миру известный под именем Дмитрий. — Сплюнь!

Судя по непроизвольному движению Толика, он это и собирался сделать, да только вспомнил, что на голове у него маска, не позволявшая сделать полноценный ритуальный тройной плевков через левое плечо. Но скорее всего, он его всё-таки обозначил.

Глупый обычай. Но он давал ложное чувство спокойствия. Ощущение, что ты победил Зло.

В следующем зале, который был расположен перпендикулярно тому помещению, через которое они вошли, их ожидала ещё более ужасающая картина: за длинным низким столом, на котором были расставлены столовые приборы, на маленьких табуретах сидели дети.

Не меньше двадцати высохших трупиков, которые больше напоминали каких-то старых потрёпанных больших кукол, чем людей. Сколько им было лет, когда всё случилось — пять, шесть?

Они словно прилегли прикорнуть, положив головы на стол, правда сделали это, в том числе прямо на тарелки и чашки. Кто-то из детей не удержался на стуле и упал на пол, свалив за собой и табурет, а рядом валялось то, что не могло быть ничем иным, как игрушками.

Алексей обратил внимание на одну маленькую мумию, которая сжимала в руках нечто, более всего похожее на плюшевого медвежонка, только с вытянутой мордочкой.

Такое ощущение, что ребёнок пытался молиться, схватив пыльную игрушку двумя ручонками и склонив головку надо столом.

У Алексея застрял ком в горле, и он поскорее отвернулся.

Однако взгляд его упёрся в два женских тела, тоже одетых в нечто вроде форменного платья. По крайней мере, Алексею они показались одинаковыми.

Воспитательницы? Скорее всего. Одна женщина сидела на стуле, прислонившись левым плечом и головой к стене, правая рука безвольно свисала плетью. На столике перед ней кроме столовых приборов декоративная вазочка с небольшим засохшим букетом: метёлки, веточки с продолговатыми листьями, на них маленькими шариками, по всей видимости, ягоды.

А вот вторая... Вторая распростёрлась на полу в попытке дотянуться до детей. Рядом лежал опрокинутый стул.

Алексей живо представил картину, как одна женщина видит, что что-то происходит с её

спутницей (коллегой, возможно подругой), бросается в последнем порыве защитить детей, но всё кончается слишком быстро.

Достав салфетку из кармана, Алексей осторожно, самым кончиком, стряхнул пыль с ягод — тёмно-красные, как капли венозной крови. И выглядят так, словно их только-только сорвали. Хотя это вполне может быть непортящийся пластик.

— Походу, это их автобус снаружи стоит, — догадался Чекан, связав одно с другим, — тот, с табличкой. А мужик в форме — водитель, так вижу. Ехали, остановились, чтобы накормить детей и самим перекусить. Тут их и накрыло.

Остальные спутники только молча кивнули, согласившись.

Кот, он же Дима, приблизился к одной из воспитательниц и попытался рассмотреть её лицо в обрамлении светлых волос.

— Наверное, красивая была, — задумчиво произнёс он. — Плохо, когда умирают красивые женщины... и дети.

— Что бы это ни было, всё произошло очень быстро, они даже не успели опомниться, — заключил Алексей.

— Те, что лежат под столами в главном зале, и эта...воспитательница, — они точно что-то успели понять, — напомнил Толик.

Судя по всему, относительно профессии женщин он пришёл к таким же выводам, что и Алексей,

— Да, — согласился Плетнёв. — Может, и не поняли, но что-то заметили.

— Что-то вроде индивидуальной реакции на воздействие... — Толик попытался подобрать слова, — ...на поражающий фактор. Однако, по тому что я вижу, разница в воздействии на них и остальных отличается буквально на пару секунд. Чтобы это ни было, оно производит жуткий поражающий эффект на всё живое. Обрати внимание: обстановка почти не тронута, разве что временем. Неудивительно, что нашим запрещено что-либо отсюда таскать. Чёрт! Нас же в карантине замучают!

Они осторожно обошли длинный стол, за которым сидели маленькие детские мумии и заглянули на кухню, где среди плит и кастрюль обнаружили ещё несколько тел. Похоже, что один человек, падая, опрокинул на себя большую эмалированную кастрюлю, возможно с кипятком. Впрочем, ему, как подозревал Алексей, на тот момент уже было всё равно.

— Ладно, пошли отсюда, — предложил он, и никто с ним спорить не стал.

Материала для рапорта они собрали достаточно, осталось только выбраться отсюда.

Глава 11. Тлен

Никогда, никогда он не допустит такого у себя дома. Ради своих будущих детей, ради детей всего мира, нынешних и будущих. Он делает всё возможное, чтобы ничего подобного не произошло в его родном мире! Чего бы ему это не стоило!

Скажите, много пафоса? Что не стоит много на себя брать? Что же, каждому своё. Алексей видел и воспринимал всё именно так и не иначе. Может быть, причина крылась в его детстве, может быть, ещё в чем-то, но что есть, то есть.

Мозг, не без труда, но всё меньше и меньше противился тому, что вокруг видели его глаза, и Алексей постепенно, осторожно принимал для себя новую реальность, в которой существует не только тот мир, что знаком ему с детства — мир, в котором он родился и вырос — но есть ещё и другие, не менее реальные миры, существование которых никак не зависит от его личных представлений об устройстве Вселенной. Неважно, как хорошо он учился в школе, кто ему преподавал, какие книги он читал в детстве. Они просто есть. Для начала этого вполне хватит, остальные вопросы — потом.

И за время текущей операции он побывал уже, как минимум, в двух мирах, или планетах (кому как): там, где под чистым звёздным небом простиралась бескрайняя саванна, наполненная ароматами незнакомых трав, огнями потревоженных светлячков и стрёкотом ночных насекомых, и этот — мир, где, похоже, не осталось ничего живого, кроме бог весть как выживающих растений, хотя Алексей и не был уверен, что они до сих пор живы. Мир, полный пыли и тлена, с тяжёлыми свинцовыми облаками над головой и испуганным голубым небом, прячущимся за ними.

Что же ты такое увидело на поверхности, Небо, что решило закрыться от поверхности плотными шторами туч? Неужели очередной акт человеческого безрассудства и ненависти, вылившийся в тотальный геноцид всего живого?

Но сознание всё равно не оставляло своих хоть и ослабевающих, но попыток цепляться за остатки рационального восприятия текущих событий и пыталось подогнать окружающую обстановку под шаблоны, сформированные с детства. К тому же, чего уж тут, события последних дней с трудом укладывались в концепцию стандартного среднего образования, хотя тут и убеленный сединами академик мог запросто схватить инфаркт, осознав ущербность своих знаний.

Подсознательно Алексей пытался найти хоть что-то знакомое в окружающей обстановке, хоть что-то, что позволило бы воскликнуть: "Ага! Что вы мне тут про параллельные миры задвигаете! Вот же оно, вот же!"

Автомобили? Так может быть, это обычная продукция американского автопрома. Просто выглядят они, как своеобразное ретро 70-80-х годов, но если взять, да хотя бы Кубу, так там вообще весь частный и не только транспорт — ретро, результат "дружественной" политики Дяди Сэма. Да наверное, и по Штатам сегодня разъезжает не мало таких вот раритетов, просто ты же не ездешь по американским дорогам каждый день, и оценить всё собственным взглядом не можешь.

Двухэтажные автобусы? Так их в Англии полно, хоть [п@пой](#) жуй! Это вообще их фишка! Ну, может быть здесь даблдекеры и не совсем такие, как в Лондоне, Азии или Австралии, но очень похожие же! Да и такси в Лондоне тоже специфические, как из шестидесятых. Хотя аналог последних пока на глаза здесь пока не попадался.

Буквы на встреченных надписях? Все эти точки и чёрточки? А вы исландский алфавит видели? Или норвежский? Там этих приبلуд хватает с лихвой! И буквы вообще, мало что сказать, странные.

Другое дело, что фьордов поблизости не наблюдалось, как и вообще моря, да и выглядела Норвегия, насколько знал Алексей, несколько иначе. Собственно, Биг-Бен, тёплый океан и пальмы с авто а-ля "пятидесятые" тоже замечены не были, как и надписи на испанском, который Алексей хоть и не знал, но уж точно не спутал бы с любым другим языком. Как ни как, детстве из каждого окна раздавались звуки мексиканских сериалов. А английский он худо-бедно изучал по школе и даже смог бы объясниться на уровне "моя твоя понимать".

Нет, Лёха, ты точно не на Земле, и это непреложный факт. Можно, сколько угодно пытаться найти успокаивающую зацепку, но народ из твоей группы прекрасно это знает, и походу бывал в таких местах уже не единожды. По крайней мере, реагируют они на всё, что с ними происходит, очень и очень сдержанно, если не сказать флегматично. Не более эмоционально, чем на тот же афганский перевал. Самый обычный среднестатистический перевал. Для них эта миссия не более необычна, чем любая другая нелегальная вылазка на сопредельную территорию. А в данном случае, в сопредельный мир.

Но если подумать, то рациональность никуда ведь и не девалась. Она просто перешла на другой уровень, сменив вколоченную с детства в голову парадигму, новой. Это как если бы ты раньше думал, что чума это кара божья, а теперь понимаешь, что виной всему, на самом деле, бактерия и расплодившиеся кругом крысы, которые её переносят. А чума ведь и до этого никуда не пропадала, чума — это объективная реальность. Она просто была, есть и будет. Даже, если не проявляет себя в виде вздувшихся бубонов, а тихо ждёт своего часа где-нибудь в подтаявшем могильнике. Изменилось только восприятие болезни.

Алексей вместе с товарищами вернулся к основной группе и сменил тех, кто до этого нёс на носилках Санька, приняв тяжёлую ношу. Как и прежде, он встал спереди в паре с Данилой.

Надо что-то с этим делать. Они, конечно, будут его тащить до последнего, но следует подумать над тем, как сэкономить силы. Никогда не знаешь, чего ожидать в незнакомом месте за очередным поворотом. Зря что ли Афанасий говорил про какую-то не то сущность, не то существо, которое может здесь водиться. Хватит ему пока странников с их псевдоосликами, к встрече с новыми формами жизни надо морально подготовиться.

— Что там с фильтрами? Хватит? — спросил полковник одного из бойцов.

— Если будем двигаться в том же темпе, то должно хватить, но впритык, — ответил тот. — Но лучше бы ускориться.

Тут Алексей поспорил бы с бойцом, так как если они пойдут быстрее, то дыхание участится, и соответственно, фильтры быстрее израсходуют свой ресурс. Опять же нагрузка в виде раненого товарища играл свою роль, заставляя расходовать ресурс фильтров сверх нормы. Хотя в их случае разница могла быть и не принципиальной.

Он бросил взгляд на американца, лицо которого было замотано обычной, хоть и добротной хлопковой арафаткой. Что бы ни витало в окружающем воздухе, но такой самодельный фильтр вряд ли мог гарантировать адекватную защиту. Разве что от весьма крупной фракции какой-то пыли.

А если это всё-таки бактерия, или вообще вирус? Тут даже их маски-противогазы не могли бы дать полной гарантии, что зараза не попадёт в лёгкие.

Взгляд упал на порванные на коленке брюки. И когда он успел? В дыре виделась ничем не защищённая кожа. Небось, когда по скалам бегал да за камнями от стреляющих американцев укрывался. Хотя сейчас это не имело никакого значения. Тогда ли, чуть позже, или вот только что.

Нет, ни о какой герметичности их одежды говорить не приходилось. У них не было даже примитивных противочумных костюмов, какие он как-то видел, когда у них в районе объявили карантин из-за падежа свиней. Так, самый минимум защиты, чтобы хватануть заразы, если таковая здесь всё-таки имеется, как можно меньше.

Взгляд пробежал по окрестностям — зараза, в чём бы она не заключалась, здесь могла быть буквально везде.

Достав во время очередной короткой остановки из рюкзака скотч, Алексей вернул на место оторванный лоскут, наложил извлечённый оттуда же полиэтиленовый пакет на дырку, и всё плотно перемотал, но так, чтобы сохранилась нормальная подвижность.

Как там говорил полковник: их ждут недели в карантине, в ходе которого их будут драить, как [шп@ху](#) перед свадьбой? Ну-ну. Главное, чтобы потом вообще из карантина выпустили, а то с таким развитием событий Алексей бы ничему не удивился. Поместят в какую-нибудь секретную лабораторию и будешь ты там куковать под неусыпным наблюдением охранников и учёных всю оставшуюся жизнь.

Однако... однако, что ни говори, а восьмидесятикилограммовый мужик, которого приходится тащить на руках, самым серьёзным образом замедлял их продвижение к цели и сковывал движения.

Надо будет что-то придумать, чтобы не тащить его в ручную, да только что? Ничего подходящего не попадалось на глаза. Какая-нибудь тележка или даже тачка не помешала бы, вот только где её взять? Какие-нибудь колёса, которые можно было бы приладить к доскам.

Вскоре они вышли к железной дороге, которая тянулась откуда-то справа и наискось пересекала асфальтированную трассу. Скорее всего, где-то там далеко в горах, возвышающихся на горизонте, пробит тоннель, через который и проложены рельсы. Интересно было бы увидеть, что скрывается за горами. Там всё так же, как здесь, или всё же есть хоть какой-то просвет и намёк на жизнь?

Потом железная дорога разделялась и начинала ветвиться множеством веток, часть из которых уходила в город, к которому приближалась группа, а часть уходила в сторону, где виднелись какие-то башни и высокие постройки явно нежилого характера.

Найди они самый настоящий вокзал, если бы и решили пойти в город вдоль "железки", пожалуй, никто бы не удивился, это было бы логично. Но они, не сворачивая, двигались прямо по дороге, которая обещала превратиться в обычный городской проспект или широкую улицу.

Поиски вокзала и подробное исследование территории в планы их группы не входили, так что транспорт надо будет искать по пути.

— Что там, как думаешь? — Алексей посмотрел вдаль, взглядом указал на постройки в стороне от основного массива города.

— Похоже на завод или фабрику? — отозвался Данила. — Судя по всему, мы сейчас движемся по промзоне, а там дальше... типа трубы что ли. Ну да, точно фабрика. У нас подобный завод по производству удобрений тоже за городом размещался.

— Похоже на то, — согласился Алексей. — При других обстоятельствах, на них наверняка бы сверкали проблесковые маячки, чтобы какой-нибудь вертолёт сослепу не

влетел.

— Это точно. Штука в том, что тут, похоже, уже давно ничего не сверкает. [Хр@н](#) пойми, сколько времени прошло с момента... — он подыскивал слово, — местного апокалипсиса.

— Если судить по тому как высохли тела, — Алексей вспомнил тела, которые им довелось увидеть, решив выдать предположение, — а некоторые так вообще до костей уже распались, то минимум лет двадцать. Хотя, я не специалист. Тут судмедэксперт нужен, хотя бы студент медицинского, он бы точно сказал.

— Нет, — покачал головой Данила.

— Что нет? — не понял Плетнёв.

— Гораздо дольше, чем двадцать лет, — пояснил Данила. — При прадеде Афанасия здесь уже всё было так. А тот ему рассказывал, что и во времена его молодости тоже.

— Значит, мы точно не на Земле. — пробормотал Алексей.

— Вот ведь человек! — Данила как-то умудрился расслышать последние слова Плетнёва. — Ты всё ещё сомневаешься, что находишься не на Земле?

— Нет, просто... — попытался оправдаться Алексей.

— Да ладно, забей, я сам поначалу не мог поверить в то, что оказался где-то ещё, кроме Земли. Ко всему был готов: к ЦАР, Конго, Афганистану, да хоть и к Гондурасу, не к ночи будет помянут. Но чтобы оказаться вне родной матушки-Земли! По крайней мере, вне той, к которой мы все привыкли.

— То есть это может быть всё-таки Земля?

— Да Бог его знает. По большому счёту, это не имеет большого значения. Окружающий мир гораздо сложнее, чем мы о нём думаем. Вот мы, например, не видим в ультрафиолете, а кто-то видит. Не слышим инфразвук, а есть животные, которые слышат. А кто-то и магнитные поля видит.

— Всё это верно, только понимать, где ты сейчас находишься, и где можешь очутиться — очень важно.

— Кому надо, тот знает. Твоё дело — исполнять приказы и делать свою работу, — наставительным тоном произнёс Данила.

— Однако, — не успокаивался Алексей, — если уже прадед Афони застал здесь всё таким дохлым.... Хотя я не о том! Получается, что люди, жившие здесь, ушли от нас в развитии гораздо дальше, — продолжил на ходу рассуждать Алексей.

— Ага, обогнали и перегнали, — невесело заметил Данила, оглядывая очередное тело, лежащее на обочине. Через плечо у него была перекинута большая сумка, из которой выглядывали светлые уголки, и Алексей не удивился бы, если бы труп принадлежал местному почтальону.

"Не без этого" — мрачно подумал Алексей, но произносить вслух не стал. "Почтальон" лежал, скрючившись обхватив свой груз обеими руками. Кто-то так и не дождался писем, не прочитал поздравительную открытку, не получил свежую газету...

А ведь, действительно, если здесь сейчас такая безрадостная обстановка, то вольно-невольно задумываешься, сколько же лет осталось существовать их родной человеческой цивилизации. Хотелось бы, конечно, чтобы на его век хватило. И детям его. И внукам.

С другой стороны, почему он решил, что его родной мир должна постигнуть такая же участь? Совсем не обязательно! Пускай, здесь и получилось так, как получилось, но у него-то дома люди могут оказаться поумнее, чтобы не допустить такого же развития событий.

Если... Если только здесь не было вторжения. Можно быть сколько угодно миролюбивым и посвятить жизнь познанию нирваны, но если ты помешал кому-то, кто не озабочен поиском путей мирного сосуществования, кому-то, на чьём пути ты оказался помехой... Мда..

— Как думаешь, это война? Это всё из-за войны? Или местный Чернобыль рванул?

— Без понятия. Я специально не спрашивал, не до того было. Ты, если очень этим вопросом заинтересовался, то лучше нашим по возвращению скажи, а ещё лучше полковнику. Если он решит, то сведёт тебя с кем надо.

Плетнёв принял это к сведению.

Они прошли некоторое расстояние, молча, оглядывая безрадостные окрестности, которые могли вогнать в депрессию самого отъявленного оптимиста, а пессимиста так сразу вогнать в могилу.

Тяжёлые носилки и накапливающаяся усталость не располагали к непринуждённой беседе. Казалось, будто само окружающее пространство вытягивает из них все силы, словно какой-то энергетический вампир. Или ему этот просто кажется? Как знать...

До кучи своей унылостью и беспросветностью их изматывала однообразная окружающая обстановка. Для полного "набора" не хватало, чтобы ещё дождь пошёл, вот тогда точно будет абзац, подумал Алексей, но тут же себя одёрнул — не стоит посылать в космос такие мысли. Дождя как раз здесь и не хватало, ага. Хорошо ещё, если он окажется обычным. А вдруг здесь идут только кислотные дожди? Или каждая капля будет нести [хр@нову](#) тучу радионуклидов. Нет-нет, дождя не надо. Слышишь, Вселенная?

Вместо дождя в воздухе, словно желание, искажённое хитрым джином, появился и стал витать, медленно оседая какой-то тлен, который Алексей поначалу принял за пепел, но нет, это был не он, да и на то, чтобы что-то в округе горело, было не похоже. Просто что-то почти невесомое, полупрозрачные серые частицы падали сверху.

Когда их, наконец, сменили, Алексей решил продолжить свои рассуждения на тему катастрофы, которая постигла это мир.

— Меня смущает кое-что, — начал он.

— Что именно? — отозвался Данила. Он разминал затекшую руку, массируя её на ходу.

— Ну, — Алексей подумал, — тела.

Данила взглянул на него сквозь стекла маски и как-то чрезмерно серьёзно спросил:

— Что с ними не так?

Плетнёв подумал, прежде, чем высказать свои опасения. А ведь, окружающая обстановка реально заставляла задуматься, хоть он пока и не мог толком сформулировать причину того, что его исподволь беспокоило. И дело было не только в тотальном вымирании, которое могло заставить призадуматься любого.

— Они, — он вспомнил увиденные тела, — вроде как не гнили. Как думаешь?

— То есть? — заинтересовался Данила.

— Столько трупов, а следов гниения нет. — сообщил Алексей. — Может, я ошибаюсь, но они же буквально высохли, превратившись в мумий, некоторые истлели, но не сгнили.

Они шагали по асфальтированной дороге в чужом мире, а из-под их обуви при каждом шаге вырывались маленькие облачка белёсой пыли.

— Уверен? — уточнил Данила. — Сам же говорил, что тут нужен судмедэксперт, разве нет?

— Если честно, то не уверен. Точнее, не совсем, — размышлял на ходу Алексей. — Так

просто, интуитивная догадка. Только... — Алексей задумался, — чтобы человеческое тело превратилось в мумию, должны быть созданы особые условия окружающей среды. Я, конечно, не специалист, но читал чуть больше, чем предусмотрено школьной программой.

— Мумия мумии рознь, скажу я тебе, — произнёс с лёгкой наставительностью Данила. — Я как-то по питерским чердакам и подвалам, в своё время, побегал вдоволь, так что повидал всякого.

— Но должны же быть бактерии, которые бы стали есть мясо? Личинки насекомых, опять же. Должны быть следы воздействия. Где всё это? У меня такое ощущение, что из живого здесь только мы.

Данила пожал плечами и впопад произнёс:

— Знаешь, я сейчас больше всего на свете хочу закурить, а никак нельзя, — он постучал пальцем по стеклу маски.

Алексей усмехнулся, хотя под маской этого толком не было видно, но Данила словно бы почувствовал реакцию Плетнёва.

— Да-да, дико хочется курить, — почти серьёзным тоном сообщил Данила. — А про бактерии и насекомых... Знаешь, в бытность... — он внезапно осёкся, как будто не хотел сообщать лишнего. — В любом случае, изложи свои мысли в рапорте, когда выберемся. Хотя я и не думаю, что ты первый, кто пришёл к такому выводу, но я таких пока не встречал. В любом случае, твоё мнение не будет лишним и поможет понять это место, сформировать знания о нём.

Пройдя промзону, они задержались в пригороде. По крайней мере, постройки вокруг больше всего его напоминали. Здесь были одно-двухэтажные здания, какие-то больше походили на жилые, какие-то больше — на складские, кругом заборчики и столбы, между которыми были натянуты провода. Некоторые, правда, были оборваны и свисали до земли словно чёрные спагетти с огромной вилки.

Здесь, к слову, они впервые увидели не только мёртвых людей, но и высохшие трупы животных, больше всего похожих на собак и кошек, и ещё были плешивые мятые тушки каких-то животных, видовую принадлежность которых Алексей не смог определить. Не исключено, что это тоже были собаки, просто неизвестной породы.

По обочинам росли (если здесь вообще может что-то расти) аккуратно подстриженные кусты, на ветках некоторых можно было заметить всё тело же красные ягоды, которые ему категорически рекомендовали не трогать. И что они так на этих ягодах помешались?

Каждый листик, каждая веточка, как и редкие ягоды были покрыты вездесущим налётом, который опадал, стоит их неосторожно задеть.

Всё такое знакомое и одновременно такое чужое. Ты вроде как оказался в чужом городе, но в похожем районе. Или в месте, которое ты когда-то видел на фотографиях, но когда тебе случилось в нём оказаться, выяснилось, что оно с тех пор, как были сделаны снимки, сильно изменилось.

На этот раз остановка была сделана по требованию Афанасия, который встал на колени в позе самурая прямо на асфальт и закрыл глаза. Вот, что он такое делает? В чём смысл такой медитации, особенно, когда каждый час на счету. Если не сказать, минута.

— Нам надо идти прямо этой улице, — расслышал Алексей слова Афанасия. — Часа через четыре, если не задерживаться, мы должны выйти на противоположную окраину, а там, на трассу и к тоннелю.

— Там точка перехода? — полковник достал карандаш и сделал пометку на карте. —

Здесь?

Афанасий закрыл глаза, словно не собирался отвечать на вопрос старшего по званию. Очнулся, посмотрел на карту.

— Да, там. Дед рассказывал, что она прямо в тоннеле находится, но надо будет пройти по "железке" вдоль леса. А там...

— Сущность, — кивнул полковник, — ты уже говорил. И как твой дед тогда ушёл от неё?

— Как-то ушёл, — пожал плечами Афоня. — Кто знает, что у Сущности на уме? Может, тогда она не захотела нападать, не испытывала голода, например.

Афанасий поднялся на ноги, отряхнулся, бубня себе что-то под нос при виде отлетающей от штанов пыли.

— То есть твой дед и прадед это Существо не видели?

— Нет, только взгляд ощущали. Слышали ещё.

— А ты уверен, что эта Сущность, или Существо, или что там, вообще представляет хоть какую-то опасность? — не отрывая взгляда от карты, спросил полковник. Время от времени, сверяясь с ней, он делал зарисовки на чистых листах блокнота.

— Я бы не стал проверять. Дед говорил, что лучше не испытывать судьбу. Что он его ощущал его взгляд как холод в затылке. В общем, если услышите плач...

— Плач? — не понял полковник.

— Да, плачь. Дед рассказывал, что оно кричит так, словно плачет. Жуткое дело. Мне от одних его рассказов спать не хотелось, боялся глаза закрыть. Детская травма, — хмыкнул Афанасий.

Тем временем, американец всем своим видом показывал, что ему надо в туалет. Признаться, Алексей и сам давно хотел, но старался терпеть. Оно, конечно, сложно говорить о какой-то герметичности их одежды, но лишний раз оголять части тела, тем более, самые дорогие, в таком месте не хотелось. Кто знает, как повлияет на них проклятая пыль если невзначай на них попадёт.

Полковник, наконец, заметил мучения янки.

- [Сс@ть](#) хочешь? — спросил он по-русски. — Уверен?

Американец энергично закивал головой.

Вообще Алексей тоже был бы не прочь отлить, но решил терпеть до конца. [Хр@н](#) знает, что это такое в воздухе витает, а детей ему своих. как ни крути, а завести хотелось.

Полковник раздумывал пару секунд, после чего развязал узел на верёвке, связывающей его с американцем.

— Ну, иди, — произнёс полковник, отвязывая наёмника от себя. — Коля, проследи за ним!

Американец в сопровождении одного из бойцов отправился к кустам, хотя мог бы сделать свои дела прямо здесь, никто бы и слова не сказал. Нашим всё равно, а местным, так и тем более. Но, видимо, был чутка стеснительным оказался.

— Не боишься, что [пис@н](#) потом отвалится? — провожая янки взглядом, попытался поддеть его Чекан, но посмеялись только свои, в то время как американец лишь непонимающе хлопал глазами из-под тактических очков. Хотя по самой интонации наверняка догадался, что пограничник отпустил в его адрес скабрзную реплику.

— Коля, если у него там что отвалится, тот пусть он сам подбирает! — раздался групповой смех. — Только зачем? Если и донесёт, то пришивать-то уже бесполезно будет!

Последовала новая волна приглашённого противогазами смеха. Да, даже в такой ситуации люди искали повод для шутки. Такова природа психологической защиты.

Встретив взгляд Алексея, полковник бросил:

— А куда он тут от нас денется? — потом добавил. — Пойдёт с нами — есть шанс его пустить по обмену, попытается здесь сбежать — сдохнет, причём очень быстро.

Американец протиснулся через живую ограду. Послышался звук расстёгнутой молнии, а потом и соответствующий звук малого облегчения. Потом вновь звук молнии и американец, зацепившись за кусты, с которых тут же осыпалась пыль, направился обратно. При этом он споткнулся и упал, чем вызвал очередной приступ смеха у бойцов, хотя ведь тоже устал, хоть ему и не доверили тащить носилки, но мог уже надыхаться всякой гадости.

Алексею даже стало в чём-то его жаль.

— Ну что, товарищи бойцы! Прогуляемся по городу? — понятно, что это был не вопрос. Народ подсобрался, проверив рюкзаки и оружие. — Насколько мне известно, город пуст и никого кроме мертвецов в нём нет, так что проблем не ожидается, но сохранять предельное внимание всё равно надо.

Бойцы молча закивали, все и так это понимали.

— Этот путь проложен мертвыми. И мертвые хранят его, — невесело произнёс Толик, и Алексею показалось, что он где-то уже слышал эту фразу.

А с неба продолжал падать серый снег, который с настоящим не имел ничего общего.

Глава 12. Что-то мне не нравится, но давай посмотрим

Идти через город категорически не хотелось.

Город — место, где можно легко спрятаться, пожалуй, даже лучше, чем в лесу: тут тебе и квартиры, и гаражи, и чердаки и подземные коммуникации и вообще много-много всяких полостей, где можно укрыться и вести прицельный огонь по противнику. А ещё можно заминировать всё, что угодно и на тебя обвалятся тонны кирпича и бетона. Недаром, городские бои являются наиболее сложными, и чтобы выбить врага порой приходится равнять город с землёй ракетами или авиабомбами, а то и тем и другим сразу.

Успокаивало одно — Афанасий и полковник Смирнов были уверены, что здесь им точно никто не повстречается. Мол, все кто мог умереть уже умерли и очень давно, а мертвецы только в кино из могил восстают. В реальности никакой угрозы, кроме болезней, они живым нести не могут. Лежат себе и лежат в сырой земле, взирают на проходящих мимо пограничников бессильным пустым взглядом.

Да, этот путь был самым коротким, но в настоящих условиях, это всё равно, что идти через кладбище ночью: вроде ты понимаешь, что мертвецы тебе ничего плохого не сделают, но подспудно всё равно нервничаешь, ожидая того самого, невероятного. Суеверия, вколотенные в подсознание веками сказок и баек, в которых мертвецы могли, если им припрёт, подняться из могилы, игнорировать было почти невозможно.

А может, это просто естественная реакция, выработанная миллионами лет эволюции, говорящая тебе, что там, где лежит много мертвецов, там — опасность. Там — болезни и смерть. И лучше тебе убираться оттуда подобру-поздорову и как можно быстрее.

Однако, пацаном Алексей на спор даже ночевал на кладбище. Натерпелся, правда, страху, когда в потёмках увидел шатающиеся меж могил силуэты, но оказалось, что это обычные кладбищенские бомжи, которые пролезали через дыру в ограде и искали чем бы поживиться: оставленной водкой с хлебом, или конфетами, благо сильны ещё в нас древние языческие традиции, требующие снабдить покойника едой из этого мира.

Ну и цветы, искусственные и живые, стырить, чтобы потом продать их по новому кругу скорбящим родственникам.

Бомжей тогда сторож с дустволкой разогнал, а его, Лёху Плетнёва, не заметил. В общем, так тогда Плетнёв и вышел победителем в споре с пацанами, обзаведясь определённым уличным авторитетом.

Количество мёртвых тел, которые они встречали по дороге, выросло в разы, и ничего иного, собственно, никто и не ожидал. Город есть город.

Каждый город по своему похож и одновременно отличается от любого другого, но оказавшись в любом городе мира, ты всё-таки будешь понимать, что ты всё ещё находитесь на брэнной Земле и никуда её не покидал.

В эпоху высокоскоростного интернета ты наверняка видел пейзажи и ландшафты иностранный поселений и особо волноваться не будешь, окажись ты, например, в каком-нибудь средиземноморском городишке, которые, что в Хорватии, что в Греции, что в Италии или на Кипре очень и очень похожи. ну, это если ты, конечно там окажешься по своей воле, а не очнёшься с мешком на голове.

Много солнца? Значит окна должны быть узкими и высокими, скорее всего

оборудованными жалюзи, а крыши будут плоскими, так как на них не будет скапливаться много снега даже зимой, да и дожди там в дефиците.

Много тепла? Значит можно установить солнечные батареи и цистерны для нагревания воды на крыше, а не проводить центральное отопление или горячую воду отдельным водопроводом, но это что касается частного сектора.

Дорожные знаки, в принципе, во всех городах мира одинаковые, разве что отличаются в небольших деталях прорисовкой человечков, обозначающих пешеходный переход, детей и т. п. А "зебры", так они и в Африке зебры, как говорится.

Сейчас они были в городе. Чужом городе. Он был похож на многие земные, и от этого становилось лишь неуютнее. Ты словно оказался в зазеркалье, из которого не можешь вырваться. Всё такое похожее, но одновременно другое.

С двух сторон и впереди возвышались высотные дома от пяти этажей и выше, но таких небоскребов как в Штатах или в Дубае не было. По прикидкам Алексея самое высокое здание, которое он мог увидеть было этажей тридцать в высоту и чем-то напоминало московскую "сталинку", но лишь на первый взгляд и издали.

Первые этажи, как и положено, в обычных городах занимали, судя по всему супермаркеты и рестораны разной степени дороговизны и размера. Что касается этажей выше, то не исключено, что там, в своё время, были как офисы, так и жилые квартиры.

Алексей испытал острый приступ любопытства: очень уж хотелось зайти в один из подъездов, подняться на жилой этаж, и посмотреть как жили люди этого мира, пока он был полон жизни. Оно, конечно, тревожить мертвецов в их квартирах, которые стали им склепами, не очень правильно, но разве не этим занимаются археологи? Вскрывают чужие могилы и вытаскивают на свет останки незнакомых их людей, чтобы показывать их в музее вместе с сокровищами, которые должны были помочь мёртвым оплатить их дорогу в загробном мире.

Интересно, сколько времени требуется, чтобы захоронение человека перестало считаться таковым, перейдя в статус археологического наследия, раскопав которое, можно выставить вещи покойника и его самого на обозрение любопытствующей толпы? Судя по Египетским мумиям, минимум две с половиной тысячи лет, а то и больше.

— Словно в одном огромном морге, — Данила осматривал группу тел, лежащих на тротуаре. По всей видимости это была семья, или хорошие знакомые. Заглядывать в трёхколёсную коляску, рядом с которой на широкий подоконник витринного окна присела, словно бы отдохнуть женщина, он не стал.

— Чёрт! — а Алексей заглянул. И пожалел об этом. Маленькое тельце лежало, накрытое маленьким одеяльцем, и в одной ручке сжимало некогда цветастую погремушку. Такое теперь долго не развидеть. Но интерес к коляске был вызван другим.

— Слишком хлюпкая, — заметил Данила. — На младенцев рассчитана.

— Да вижу я, надо искать, что покрепче. По первым этажам прошвырнуться что ли.

Это была типичная широкая городская улица. И на ней было полно автомобилей и прочих транспортных средств, занявших проезжую часть. Много-много легковых автомобилей, автобусов, небольших грузовиков. Как же здесь должно быть было шумно... когда-то. И это при том, что город издали показался им не таким уж и большим.

Все они неподвижно стояли уже десятки (а может и сотни) лет, если, конечно, верить прадеду Афанасия. Часть из них стояли ровными рядами, будто апокалипсис застал их в ожидании разрешительного сигнала светофора.

Собственно, да, вот и светофор. А вот там ещё один. Закреплены над проезжей частью на столбах. Пучеглазые такие, словно кто-то пытался изобразить светофор в стиле ретрофутуризма. Вот только сигнальные лампы размещались здесь не вертикально, а горизонтально, что в обычных городах, в которых приходилось бывать Алексею, было редкостью, и некоторые имели четыре "глаза".

Но на перекрёстке и перпендикулярной улице, дела обстояли совсем иначе: здесь было видно, что транспортный поток был в движении, когда произошла катастрофа, чем бы она ни была вызвана. Автомобили столкнулись и образовали кучу-малу, навалившись друг на друга, многие выскочили на пешеходную часть, врезавшись в стены домов, и задавив, скорее всего, уже мёртвых людей.

Другие влетели на полном ходу в витрины магазинов, разбив их в дребезги и усеяв тротуар миллионами стеклянных осколков, которые неприятно хрустели под ботинками.

Одно из зданий, мимо которого они шли, привлекло внимание Алексея, так как через разбитое огромное стекло можно было увидеть внутреннюю обстановку.

— Денис Николаевич! Разрешите обратиться! — Алексей смешал неформальную и официальную форму обращения.

— Говори, — пробурчал полковник Смирнов из-под маски. Ему здесь явно не нравилось.

— Я понимаю, что здесь ничего трогать нельзя, и всё такое, но нам бы найти что-нибудь на колёсах, чтобы Александра тащить было полегче, как думаете? Если эту чёртову пыль стряхнуть, да чтобы сильно не фонило...

— Да уже как бы всё равно. Врачи нам во все естественные и не естественные отверстия залезут, чтобы не оставить и намёка на заразу, — обречённо произнёс полковник, глянув на замотанную скотчем штанину Плетнёва. Добавил. — Идти ещё долго. Есть предложения?

— Ну, можно пошарить в этом торговом центре или другом по пути? — он указал на разбитую витрину. — Прощвырнуться по ближайшим зданиям. Если здесь были магазины, то товар же надо со склада в отделы на чём-то развозить.

— Хорошо, — согласился полковник, — возьми Дмитрия с его дозиметром, Данилу и осмотритесь вокруг, может, что-то и накопаете. А мы пока передохнём. Только ищите что-нибудь попроще, всё равно из техники здесь ничего не заведётся, изоляция рассохлась, топливо испарилось. Да и как управляться с ней, мы, если честно, не знаем.

Алексей хотел было сказать, что это лишь вопрос времени — понять, как управляться с местным транспортом, но его-то как раз сейчас было в обрез, и пытаться завести неизвестный автомобиль с неизвестным двигателем, а потом пытаться им управлять... Хотя, чего уж там, он бы удовольствием попробовал!

Но полковник был прав, транспортные средства спустя столько лет простаивания под открытым небом выглядели непригодными к езде.

Получив добро от командира (видимо, тот, помимо прочего, решил воспользоваться ситуацией и собрать о данном мире, как можно больше информации) и включив фонарики, так как естественного освещения категорически не хватало, они осторожно прошли в пролом, чтобы осмотреться.

— Что-то мне это не нравится, но давай посмотрим, — произнёс Дмитрий под мерный треск дозиметра перед тем, как соскочить с подоконника разбитой витрины внутрь.

Судя по всему, здесь когда-то давно располагался ресторан, бывший частью большого торгового центра. Да, здесь определённо должно было найтись что-то подходящее для

перевозки их раненого товарища.

Открывшуюся их взорам картину Алексей уже видел в заведении на трассе, где они нашли группу высохших маленьких детских мумий в сопровождении двух воспитательниц. Только здесь масштаб был гораздо больше: десятки трупов, сидящих за столиками, склонившиеся над столовыми приборами, положившими головы на столы или прямо на тарелки, в которых когда-то была еда. Многие лежали рядом с опрокинутыми стульями и столами. Как и в придорожном кафе, здесь были те, кто умер не сразу, и попытался что-то сделать, но что ты можешь успеть за несколько секунд? разве что осознать, что смерть окружающих тебя людей, это последнее, что ты видишь в своей жизни. Наверняка в голове успеют пронестись образы родных и близких, но не более. Слишком всё быстро здесь произошло.

Трупы за столами, трупы на полу, трупы за барными стойками. Везде. Всех возрастов.

Если это было оружие, боевой патоген или что-то вроде бомбы (нейтронной?), то военные всего мира оторвали бы руки за любую информацию о нём и хоть какие-нибудь образцы.

Один из иссохших трупов, вроде как молодого мужчины, лицо которого оскалилось безгубой улыбкой смерти, полулежал на барной стойке, держа в вытянутой руке широкий стакан с толстым доньшком, и положив голову на плечо. Такой себе Джокер с того света. Если что-то в стакане и было, то оно давно испарилось, оставив место пыльному осадку.

Как будто изрядно набравшись, посетитель в последний момент решил попросить у бармена ещё одну порцию горячительного, но так и уснул, не дождавшись выполнения заказа. А может, бармен и не собирался наливать очередной стакан клиенту, видя, в каком состоянии тот находится.

А вот и сам бармен, лежит в проходе за стойкой среди поваленных и разбитых стаканов и бутылок из разноцветного стекла с этикетками на непонятном языке. Многие бутылки не пострадали, и в голову Алексея закралась крамольная мысль открыть одну из них и посмотреть, что там внутри есть и сохранилось ли вообще. Но в итоге он только повертел одну из них в руке, потряс — внутри что-то радостно булькнуло — вздохнул и поставил обратно. И дело не в том, что хотелось выпить, чтобы снять стресс, Алексей не страдал болезненным пристрастием к алкоголю. Ему было просто любопытно.

А вообще, учитывая обстоятельства, мысль напиться по возвращению не такая уж и плохая, просто тупо нажраться, чтобы потом от одной мысли о спиртном тебя воротило.

Но полковник дал чёткие указания — ничего с собой отсюда не брать, мол, и так на себе притащим кучу "грязи". Да-да, карантин, не забыли. Помним. Алексей внутренне уже смирился с тем, что придётся провести долгое время под неусыпным контролем врачей, и постоянно сдавая всевозможные анализы.

А вдруг несчастный посетитель, перебрав со спиртным, действительно уснул и не заметил, что произошло вокруг? Что же, тогда можно сказать, что ему даже в чём-то повезло. Люди умирали прямо на месте, там, где их застала катастрофа. Некоторые успели осознать, что происходит что-то ужасное, увидеть, как люди вокруг, теряя сознание, падают со стульев на пол, ухватившись за скатерть, но многие просто замирают, сидя за столом и держа в руках столовые приборы.

За всю свою жизнь, Алексею не приходилось видеть такое количество мёртвых тел, которые были буквально повсюду.

— Вот ведь! — подал голос Данила. — Какой-то холокост. Хиросима отдыхает.

— Не, — возразил подошедший Дмитрий, — Хиросима ничем не лучше. Там просто всё по-другому было.

Под мерный треск дозиметра он наклонился над одной из фигур, чтобы получше её рассмотреть.

— Никак не пойму, чем их так долбануло. Это же какой-то новый тип ОМП, — вздохнул, нервно почесался. — Никогда такого не видел. Задолбаюсь отчёты писать.

Похоже, Дмитрий в их компании был наиболее осведомлённым по части оружия массового поражения, догадался Плетнёв.

Дима осторожно дотронулся до головы жертвы дулом автомата. Тихо хрустнули шейные позвонки, и голова отвалилась и гулким звоном упала на стол прямо в тарелку ромбовидной формы.

— Тише ты! — шуганул его Данила.

— Боишься потревожить крепкий сон? — махнул рукой Дима. — Некому тут просыпаться от громких звуков.

— Я думаю, — вклинился в разговор Алексей, — что Данила имел в виду, что мы в чужом и неизвестном мире, о котором на самом деле мало знаем. Лучше всё-таки перестраховаться.

«Кот» сделал неопределённый жест, из которого абсолютно не было понятно, признаёт он правоту Плетнёва, или нет. Похоже было, что он всё-таки склонялся к мысли, что здесь нет ни одной живой души, если не считать Существо, о котором предупреждал Афанасий.

Они стали продвигаться по помещению, нашли лестницу на верхние этажи.

Судя по всему, это действительно был большой торговый центр. Что-то подобное Алексей встречал только в Питере и Москве. В Москве такие моллы ему ничем не запомнились, а вот торговый центр на Лиговском, рядом с Обводным каналом очень сильно напоминал своим антуражем и внешним видом этот.

Чёрт! Здесь даже эскалаторы были! Правда, только на верхние этажи, а вот никаких признаков подземки Алексей не обнаружил. Впрочем, город был, судя по тому, что он увидел, не очень большой, а в России в таких населённых пунктах метро не предполагалось.

Это, конечно, не Россия, и даже ни любая другая известная страна, но если здесь когда-то жили люди, то, с высокой вероятностью, они рассуждали аналогичным образом, и не стали бы копать подземку там, где на автомобиле город можно пересечь от края до края за какие-то полчаса-час.

Они не стали подниматься на верхнюю галерею по замершему эскалатору, ступени которого подозрительно скрипели при попытке поставить на него ногу, а прошли дальше, выйдя из ресторана и оказавшись в просторном холле.

На второй этаж и выше они решили подняться, только если не найдут ничего подходящего для перевозки Александра, всё-таки это была их основная задача.

С одной стороны холла тянулись торговые отделы, названия которых обозначались соответствующими табличками и вывесками, исписанными неизвестными буквами на неизвестном языке.

Письмена казались знакомыми, но лишь на первый взгляд. Вот буква, похожая на "О", только с низу идет горизонтальная черта. А вот такая же, только с чертой сверху. Вот что-то вроде перевёрнутой "Ф", совмещенной с "Т", а это не то "Л", не то "А", только с кривой чертой...

А ведь расшифровать эти надписи не такая уж и неподъёмная задача, подумал он. Ведь, как минимум, одно слово он точно знает — "дети", он даже запомнил, как выглядели, символы. Да, как звучал язык, без образцов речи понять будет сложно, но в целом расшифровать письменность шансы не плохие.

Впереди было огромное помещение и, похоже, это когда-то был магазин одежды. Ну да, точно! Вон полки с истлевшими от времени шмотками и обувью, а вон ряды вешалок, на которых висели остатки истлевших костюмов и платьев, обрывки которых вместе с покупателями лежали на полу.

Товарищи разошлись по сторонам, но оставались в пределах прямой видимости.

Глава 13. Шёпот

...И много-много манекенов. Здесь, там, везде. Пожалуй, даже больше, чем следовало, на первый взгляд. Но, вдруг, здесь было так принято, и местные жители любили, когда манекенов много. Или просто не успели их расставить, как следовало, распихать по этажам, по отделам и салонам: завезли, надели на них одежду для демонстрации, а нормально распределить времени не хватило — случилось то, что случилось, и они таки остались стоять там, где этот мир застала катастрофа.

Если бы не количество и хаотичность в расстановке пластиковых кукол, то всё было бы как в самом обычном магазине одежды — ну, может быть, не в обычном, а каком-нибудь крупном и дорогом — в которые Алексею иногда приходилось заглядывать — всё-таки салоны и залы были довольно просторными, и, наверное, когда-то выглядели очень и очень богато.

Если честно, Алексей предпочитал закупаться на рынке, так как небезосновательно считал, что там дешевле, и переплачивать за лейбл не видел смысла. Какая, в конце концов, разница: протрутся у тебя джинсы за три тысячи или за тридцать, и те и другие станут дырявыми примерно за одно и то же время. По крайней мере, он был в этом твёрдо уверен.

Да и не любил он зачастую не в меру напыщенных и зазнавшихся продавцов бутиков. Последние, бывало, как глянут на него, на обычного парня из провинции, будто сами являются не простыми наёмными работниками, а прямо таки собственниками заведения и вообще хозяевами жизни. Так хотелось иногда им съездить по напыщенной морде, чтобы опустить с небес на землю! Благо сейчас ситуация стала исправляться и таких становилось всё меньше. Деньги есть деньги, и любой покупатель, даже если он, на первый взгляд, выглядит как среднестатистический житель регионов, может явиться источником выручки.

Алексей, осторожно переступая через лежащие на полу тела, двигался мимо манекенов, которые загоразживали проход к тому, что он считал подсобкой. Оно, конечно, может оказаться обычным пожарным выходом или лестницей на верхнюю галерею, но теперь уже надо было в этом убедиться, из принципа.

Где-то сбоку вполголоса (понятно, что через противогазы, но всё-таки), почти шёпотом переговаривались Данила с Димой. То "Кот" готов был, демаскируясь, греметь, ни в чём себе не отказывая, в том числе костями усопших, то вдруг начинает соблюдать режим тишины. Впрочем, сейчас все на нервах, это место буквально заставляло чувствовать себя не в своей тарелке. Вроде в стольких передрягах побывал, а тут мандраж всё никак не проходит.

Неудачно зацепившись за один из манекенов, Алексей чуть не потерял равновесие, и, оступившись, с хрустом раздавил берцем кисть руки очередной мумии. Незадачливый покупатель или сотрудник магазина, застигнутый катаклизмом врасплох за выбором нового костюма, безучастно лежал на каменном полу, и не мог возмутиться столь бесцеремонному поведению чужака.

— Да чтоб тебя! — выругался Плетнёв, в тотальной тишине, звук ломающихся костей даже через резину противогаза показался невообразимо громким. Сердце резко ударилось вскачь. Хотя казалось бы, бояться надо живых, а не мёртвых. Место, видать, просто такое.

Плетнёв оказался перед группой близко стоящих манекенов, из-за чего пройти к дверям, не сдвинув их с места, было просто невозможно. Он заглянул через плечо одного, потом через другого. Попробовал примериться, чтобы пролезть пригнувшись. Не вышло.

"Твою ж!.. Понаставят, [хр@н](#) знает как! Пожарной инспекции на них нет! Эти бы быстро научили, как не захламлять проходы! — почувствовал раздражение Плетнёв. — Пара протоколов и минус премия за полгода!"

За столпившимися, словно живые люди, манекенами можно было рассмотреть аккуратные таблички на дверях с неизвестными надписями. Пару символов Алексей даже узнал, вспомнив надписи на автобусе, перевозившем детей.

"Неужели до настоящего времени никто не попытался их расшифровать? — Плетнёв вновь попытался протиснуться между замершими манекенами, стараясь их не касаться, но серая пыль всё равно стала с них осыпаться не только на пол, но и на форму.

— Да бл@! — разозлился он, проклиная в уме дурацкое табу на посещение этого мира, не позволявшее толком изучить его. Давно уже можно было собрать достаточно информации, чтобы люди, отправляющиеся на задание могли спокойно воспользоваться этой дорогой. И чтобы были готовы как следует, а не так чтобы искать потом лишний противогаз, как лишний билетик в театр.

Неужели кто-то там наверху так боится заражения, неизвестно чем, что свели визиты сюда к минимальному минимуму? Если дед и прадед Афанасия здесь были, и ничего глобального на Земле не произошло, то может не стоит так уж перестраховываться?

В конце-то концов! Это всего лишь большие куклы, а он и так уже щедро осыпан пудрой, которая то ли опасна, то ли нет, и никто толком ничего объяснить не может. Приходится всё принимать на веру. Ведь, массовая смерть жителей города могла быть вызвана не этой пылью, а, как сказал Дима, каким-нибудь патогеном, который давно уже перестал быть опасным. Или техногенной катастрофой, а пыль... что пыль? Попробуй год не делать влажную уборку в квартире, ещё и не столько наберётся.

Сейчас он просто возьмёт и отодвинет руку вот этого манекена, одетого когда-то в яркое женское платье, а теперь в потускневшие распадающиеся лохмотья, потом отодвинет вот того и того, и тогда можно будет, наконец, дойти до двери.

За руку и корпус манекена он взялся всё-таки с некоторой брезгливостью и стал осторожно его поворачивать, опасаясь вызвать эффект домино среди манекенов, и чтобы в воздух взлетело, как можно меньше пыли, а то фильтр реально сдохнет раньше срока.

Рука манекена была не то резиновой, не то пластиковой со множеством мелких трещинок, прикрытая полуистлевшим рукавом. Оно и не удивительно пластик и резина со временем разваливаются на части, но это был походу хороший пластик, даже определённую упругость сохранил, так как протянуть столько лет в таком сухом климате — это много говорит о качестве материала.

Однако, у всего есть свой срок годности. Даже у пластика. К слову, может Афанасий и прав, что касается времени здешней катастрофы, ведь если уж пластик стал распадаться, то прошло точно лет сто, не меньше, или сколько он там разлагается.

Энтропия — всплыло в памяти почти незнакомое слово. Что-то связанное со временем. Наверное, когда-то где-то вычитал, а сейчас память услужливо его подкинула, добавив странности и загадочности и без того малопонятной обстановке.

Где-то за спиной продолжали препираться Данила с Димой, но слов было уже не разобрать. Всё больше какой-то шёпот на грани белого шума. Ладно, потом с ними переговорю, решил Плетнёв.

Ещё вспомнились худосочные манекены, больше похожие на жертв немецких концлагерей, или фэнтезийных эльфов. Почему-то было принято их делать лишь издали

похожими на среднестатистического покупателя.

С другой стороны, уж лучше такие, чем если бы это были какие-нибудь бодипозитивные чучела в соответствии с развивающимися тенденциями в просвещённой Европе. Вот уж смеху было бы.

Стараясь бесшумно сдвинуть манекен с места (лишь бы он не упал!), Алексей мельком посмотрел на пластиковое лицо под пыльными обвислыми светлыми кудрями.

Только что думал, насколько на Земле производители делают манекенов непохожими на нормальных людей, а тут всё ещё хуже. Лицо, какое-то деформированное что ли: глаза, нос, рот...да и вообще форма скул и черепа... Слишком уж они отличались от мёртвых тел, во множестве попадавшихся им на пути.

Станный всё-таки вкус был у местных жителей, раз они делали манекены такими непохожими на самих себя. Какое-то влияние местного аналога бодипозитива, или так было надо согласно религиозным верованиям? От общего с человеком осталось разве что количество конечностей и голова, а вот черты лица... Нет, пожалуй, манекен на вещевом рынке в его родном городке и то больше на человека походил.

Алексей попытался отодвинуть манекен ещё сильнее, и понял, что зацепился рукавом.

Он посмотрел на свою левую руку, и холодный пот прошиб его в ту же секунду.

Он не зацепился за манекен. Это манекен ухватился рукой за его левый рукав. Нет, ему не показалось, кисть куклы именно что цепко сжимала ткань его формы. А потом она ещё раз дёрнулась буквально у него на глазах, сжимая ткань ещё сильнее. Кажется, он почувствовал, как рвётся рукав.

Иногда ты должен сделать то, что очень не хочешь, но делаешь это просто потому, что у тебя нет другого выбора, некая сила тебя заставляет это сделать вопреки твоей воли.

Сердце колотилось как бешенное.

Алексей поднял глаза и сквозь стекло маски взглянул на лицо манекена — на него смотрели два неподвижных мутных глаза неопределённого цвета. Выглядели они как искусственные.

Показалось? Может и с рукой показалось? Бывают же механические манекены? Бывают?

Он повёл фонариком, закрепленным на автомате, и зрачки существа тут же среагировали на свет! А в следующий миг манекен уж наклонил на бок голову и открыл рот, наполненный рядами неровных почти прозрачных жёлтых зубов, издав шипящий звук, в котором с трудом можно было разобрать членораздельную речь.

Рука, продолжавшая цепляться за левый рукав Алексея, стала с неожиданной силой сгибаться в локте, подтягивая Алексея всё ближе и ближе к лицу манекена, который, уже было понятно, таковым не являлся.

Вторая рука манекена уже тянулась к горлу Алексея.

Автоматная очередь разорвала окружавшую Алексея гробовую тишину, а заодно и странное существо, вырывая из него куски тёмной желеподобной плоти. В воздухе сверкнул маленький металлический медальон, сорванный пулей с цепочки.

Тело вновь было на шаг впереди разума.

Вспышки выстрелов рывками освещали полутёмное помещение, и движущаяся масса манекенов напоминала какую-то адскую дискотеку.

Хватка манекена ослабла, и он медленно осел на пол, продолжая шептать что-то невнятное. До Алексея дошло, что источником шёпота были не совсем не его товарищи.

И тут Алексей заметил, что в движение пришёл весь зал, а порядочно позади него тоже раздались выстрелы. Чёрт! Он даже не догадывался, как далеко удалился от остальных!

Ещё одна короткая очередь снесла голову другому существу, одетому в явно мужской костюм и тоже решившему схватить Алексея за плечо.

— Да чтоб вас! — шепчущие непонятные слова манекены двигались к нему со всех сторон, пытаясь ухватиться за одежду и подтянуть к себе.

Неестественно худые руки тянулись к нему со всех сторон.

Ещё выстрел! Потом ещё! надо беречь патроны!

Очередные пронзительные глаза уставились на Алексея, стоило ему обернуться на движение. Выстрел в область живота — фигура сложилась как тряпичная кукла.

Надо перезарядиться!

Отточенными движениями Плетнёв отбросил пустой магазин, вытащил новый и вставил его до щелчка в приёмное окно. Догнать патрон в патронник. Можно стрелять.

Схватившего его за ногу чужака Плетнёв огрел вторым берцем с размаху, заставив того ослабить хватку. Следующая пуля, выпущенная в спину твари, тут же успокоила её навсегда.

Отбиваясь от тянущихся к нему рук, которые принадлежали не только "взрослым манекенам", но и таким, которых вполне можно принять за детей, Плетнёв отходил туда, откуда пришёл, и откуда раздавались выстрелы его товарищей.

— Да что, бл@, вам надо?! — новая очередь скосила ещё одно существо, которое упав продолжало ещё какое-то время ползти, пялясь на него своими ненормальными глазами, и шевеля своими узкими губами.

Кто-то схватил Плетнёва за плечо со спины и старший сержант развернулся, готовясь стрелять.

— Алекс! Цел?! — это был Данила.

— Да! — выдохнул Алексей, опуская автомат.

— Что это за х@рня вообще? Кто это?

— Без понятия! Прут со всех сторон!

— Уходим отсюда! Быстро! — Данила отпихнул очередную фигуру, оказавшуюся слишком близко, в то время как Алекс прикладом уложил "ребёнка", протянувшего к нему руки. Пришлось успокаивать себя тем, что это существо лишь примерно напоминало человеческого ребёнка.

Они быстро-быстро побежали по торговому залу обратно в "ресторан", где их уже ждал "Кот", ведя стрельбу из-за опрокинутого стола по приближающейся толпе. Одиночными в голову он методично снимал одного манекена за другим, а те падали, словно марионетки, лишившиеся удерживавших их нитей.

Пробежав мимо барной стойки, где "спал" один из клиентов, Алексей задел его и тот вместе со стулом с хрустом повалился на пол, поднимая облака пыли. Рядом со звоном на множество осколков разбился бокал, который до этого сжимал в руке труп. Не повезло клиенту, ни тогда допить не дали, ни сейчас в покое никак не оставят.

— Валим-валим! — крикнул Данила, выпуская короткую очередь, и несколько манекенов рухнули на пол.

Тем временем выстрелы уже стали раздаваться и с улицы. Причём, судя по звуку, стреляли в направлении здания, в котором они сейчас находились.

Застрелив ещё несколько манекенов, которые повалившись на пол, заставили затормозиться основную толпу, бойцы выскочили через разбитое окно на улицу, где их уже

ждали остальные товарищи, которые вели стрельбу по окнам верхних этажей.

Там наверху виднелись десятки, если не сотни существ, которые подошли к окнам и смотрели на незваных гостей, посмевающих потревожить их покой.

— Отставить огонь! — скомандовал полковник, глядя наверх.

Существа стояли. Их совместный шёпот сливался в один зловеющий шелест. Непонятные слова на непонятном языке разлетались по округе, отражаясь эхом от соседних зданий. Они стояли, тянули руки, но дальше не двигались.

Посмотрев карем глаза на полковника, Алексей заметил, как тот изменился. Такое он уже наблюдал, когда Зверь помог разорвать группу американских наемников. Неужели, командир и сейчас готовился дать волю своему симбионту?

— Почему они остановились? — спросил Алексей, ни к кому конкретно не обращаясь, но отозвался "Кот".

— Кто ж их разберёт. Может, не могут догнать. Медленные они какие-то, как мне показалось.

— А может потому, что я их чётко выстрелом в тыковку снимал, — с невесёлым задором заметил Дима.

— Стрелять по голове не обязательно! — сообщил Алексей — Их вполне останавливает огонь по корпусу. Сам нескольких так уложил.

— Или они просто решили не преследовать, — озвучил неожиданную мысль полковник, оглядывая скопившиеся на этажах фигуры. Даже через маску противогаза было видно, как на его лбу выступили крупные градины пота.

— В смысле? — не поверил Алексей. Он, на всякий случай, обернулся поглядеть назад, на здание, стоявшее, на противоположной улице, но там ничего подобного не происходило. Уже хорошо.

— Лёша, — обратился к нему Смирнов, — как они себя вели?

Плетнёв пожал плечами, продолжая удерживать наготове автомат, ему всё ещё не верилось, что он смог вырваться из этой толпы чудовищ.

— Хотели схватить меня, цеплялись руками. Хотели укусить. — Алексей запнулся.

— Или тебе показалось, что хотели укусить, — задумчиво прокомментировал полковник, заметно успокоившись. Похоже, Зверь пока останется на поводке.

— Разбираться было некогда, товарищ полковник! — возразил Алексей, — Не поговорить же они хотели?!

— Может, и хотели. Только тебя никто ни в чём не винит, Лёша. В текущей ситуации ты всё сделал правильно.

— Денис Николаевич, — Алексу даже поплохело, — вы что, считаете, что они хотели типа выйти на контакт? А я... мы, значит, их из автоматов?

— Ничего я не думаю, — бессильно бросил полковник. — Значит, так [хр@ново](#) пытались выйти на контакт, раз мы их не поняли. А может и в самом деле хотели вас сожрать. Так, ладно, уже хорошо, что они нас не преследуют. Никого не покусали, случаем?

Алексей, Данила и Дима осмотрели себя с ног до головы.

— Вроде, нет, даже не поцарапали, — сообщили они.

— Тогда смотрим в оба и продолжаем движение, — скомандовал он и добавил. — Теперь мы знаем, что мы здесь не одни. Кстати, Афанасий? Это и есть та сущность о которой рассказывал твой дед?

— Не-а, — покачал головой Афоня. — Эти просто нагоняют страх, а от того аж мороз

по коже. И плачет оно, плачет. А эти шепчутся.

— Мы ничего подходящего для перевозки Александра не нашли, — виновато констатировал Алексей.

— Не важно, ребята нашли, — полковник указал на что-то вроде складской трёхколёсной тележки, на которую уже перенесли Александра.

Ну, и то хорошо, что хоть кому-то улыбнулась удача, подумал Алексей. Всяко будем двигаться быстрее.

Американец вновь, как и прежде был привязан верёвкой к полковнику, и тоже с видимым удивлением, страхом и, как показалось Плетнёву, восхищением, наблюдал за рядами существ, который взирали на бойцов с первого и верхних этажей здания, продолжая тянуть к ним свои руки и шептать, шептать, шептать. И что-то было безысходное в их шёпоте, в их жестах, что-то до невозможности наполненное непонятной, чуждой тоской.

— Всё, двинули, народ! А то чего доброго эти... создания передумают. Не хочется испытывать их терпение и замыслы.

С неба продолжал падать серый почти невесомый тлен.

Глава 14. Скелеты в шкафу

— Что это было? — встреча с человекоподобными существами никак не выходила из головы Алексея. Особенно он переживал из-за "ребёнка", которого машинально уложил наповал — сработали рефлексы.

Плетнёв обращался не к кому-то конкретно, а больше задавал этот вопрос себе, пытаюсь самому для себя найти хоть какое-то вменяемое объяснение произошедшему.

Он растерянно ощупывал пустой карман на разгрузке, где должен был быть использованный магазин от "калаша", но от неожиданности он бросил его на полу торгового центра. Никогда такого с ним ещё не было.

Если бы чёртовы манекены продолжили их преследовать, если бы попытались на них напасть, отхватить своими прозрачными жёлтыми зубами кусок его мяса, стали грызть товарищей, он бы не сомневался в правильности своих действий. Но картина шепчущих существ, словно наводящих заклинания, одетых в лохмотья полуистлевшей одежды, стояла перед глазами во всех красках.

И этот ребёнок! Его искажённое лицо! Ни страхом, ни ненавистью, ни жаждой крови... Просто какое-то чуждое... И к тому же он был там не один, Алексей заметил, как минимум, с десятком таких "детешек". Страшное и жуткое зрелище одновременно.

— Что это, [бл@ть](#), такое было?! — чуть ли не кричал он, глядя себе под ноги.

— Что ты хочешь услышать? — спокойно уточнил полковник. Алексей, погружённый в мысли, даже не заметил, как оказался рядом с командиром.

Они шли по центральной улице города, внимательно осматривая окна возвышающихся по обеим сторонам зданий и заглядывая в заглохшие много лет назад автомобили, забитые древними трупами, некоторые из которых уже успели превратиться в скелеты, обтянутые тонким пергаментом кожи. Как же здесь должно было бы вонять, если бы они стали разлагаться по-настоящему!

Но пока ничего похожего на манекены из торгового центра им по пути не попадалось. Никто не шёл по их следу, не преследовал по пятам, не толпился у окон, глядя на них сверху и шепча свои непонятные и оттого жуткие заклинания.

По этой причине их продвижение, вопреки ожиданиям, не сильно-то и ускорилось, разве что теперь толкать тележку с раненым Александром было под силу всего лишь одному человеку, и то только после того, как на смазку колёс ушло несколько пачек сала и масла из запасов провианта и тубик какой-то мази из аптечки.

Стоит отметить, что им в чём-то повезло. Будь здесь более влажный климат, то за столько лет, колёса, проржавев, срослись бы в одно целое с подшипниками и осью. И тут уж никакое сало бы им не помогло, а запасы антикоррозийных средств спецназ, как правило, на задания не берёт. Как-то не принято.

Но здесь сухо. Сухо так, как Алексей ещё ни разу нигде не встречал. Ему даже казалось, что через фильтры противогаса не проникает ни одной лишней молекулы воды. Самым большим источником влаги здесь были они сами, их тела.

Куски чуждой плоти, вырванные под напором пуль, — они ведь даже не кровоточили! Что это, твою [м@ть](#), было?!

Когда смазывали салом и маслом ось с колёсами, желудок свело от приступа голода, и походу такая реакция имела место не у одного Алексея. Он заметил, как сощурился Данила,

как сглотнул Толик и Дима.

Запах через противогаз не пробивался, но воображение и память предательски компенсировали этот недостаток, рисуя картину чесночного аромата и сливочный вкус сливочного масла на кусочке бородинского.

Только сейчас до него дошло, что он не ел уже часов восемь, если не больше, а пил буквально перед тем, как по ним стал шмалять американский вертолёт, когда они прощались со странниками. Время что ли здесь тянулось как-то иначе, чем обычно.

Очень хотелось есть. Очень хотелось пить. Времени до полного истощения, когда начнутся галлюцинации, было ещё достаточно, особенно, что касалось пищи, но голод и жажда уже начинали исподволь точить их сознание.

Полковник предложил (вот умеет же он так приказывать, будто просто предлагает, а ты просто соглашаешься!) терпеть до самого выхода из этого проклятого места. А там он обещал всем проставу с шашлыками и спиртным на любой выбор в пределах разумного, естественно.

Шашлыки это хорошо. Знавал Алексей одного человечка, который шашлыки так мариновал, что пальчики оближешь! Тьфу ты!

Плетнёв попытался сглотнуть, но язык прилип к нёбу. Вот ведь! Почему-то мумифицирование местного населения после гибели уже не казалось чем-то необычным.

Просто хотелось пить. Просто обычной воды. Холодной, колодезной. Или из ключа. Припасть к источнику и пусть зубы и голову сведёт от холода.

Но это место... Такое чувство, что здесь нет ни капли влаги, воздух не содержит ни одной молекулы воды. Оставалось непонятным, как здесь могли сохраниться деревья и растительность — без доступа к солнечному свету и воде.

Хотя... Алексей с нескрываемой со злобой надломил ветку кустарника, торчащего из обнесенной бордюрами клумбы, мимо которого проходил. Они скорее мертвы, чем живы.

— Я хочу понять! — он даже забыл обратиться по званию или хотя бы по имени-отчеству, но полковник либо делал вид, что ему всё равно, либо ему, реально было плевать на формальности. По крайней мере, в настоящий момент.

— Кто это был? Или что это было? — ровным голосом озвучил он вопрос.

— Да! — чуть не выкрикнул Плетнёв. — Я убил... ребёнка! И я хочу быть уверенным, что это ни чёрта не ребёнок! Я хочу знать, что это ср@ный мутант, который хотел меня сожрать. а не больной ребёнок!

Казалось, полковника ничто не может поколебать.

— Я тебе скажу честно: я не знаю. Если тебе будет от этого легче, то остальные ребята тоже положили немало этих существ.

— Мне — не легче!

— Ну, — Смирнов пожал плечами, — кто это был, я не имею ни малейшего представления. Скажу больше, всё, что я знаю об этом месте... Я ничего о них не слышал. Сам под впечатлением, если честно. Мы думали, что город пуст. Близко к нему мы не подходили, но наблюдение не выявило никакого движения. И я сейчас не о себе конкретно, а о тех, кто осмеливался сюда зайти вольно или невольно, понимая, что по возвращению им придётся сидеть в карантине и сдавать уйму анализов. Как мы сейчас.

— Но Афанасий...

— Афанасий сказал, что эти существа не то о чем, он предупреждал. Он и сам об этих... — было видно, что полковнику не нравится термин, который он хотел озвучить, — ...

мутантах ничего не знал. Мы думали, что это место необитаемо. Теперь будет, чем занять наших учёных. Пусть они ломают голову над этим феноменом. Пусть объяснят, как эти существа могли выжить там, где нет ничего, что можно было бы назвать пищей.

— Денис Евгеньевич, — Алексей сделал паузу, — а вы уверены, что здесь мог кто-то побывать и не пройти карантин, я имею в виду не из наших.

— Случайный гость?

— Может и случайный, — хмыкнул Алексей, — может, нет. Просто тот, о ком не знает ваша организация.

— Ты реально сметливый, Алекс, нам нужны такие, — ответил полковник. — И да, ты абсолютно прав. Мы стараемся контролировать основные точки перехода, но только те, которые нам известны. Проблема в том, что они могут возникать спонтанно и на временной основе. А ещё, наверняка, есть те, о которых у нас нет никаких данных. И есть те, кого мы называем проводники.

— Проводники?

— Да, мы стараемся их отловить, но, признаюсь, получается это далеко не всегда. Уж больно хитрые твари.

— Проводники — не люди?

— Мы думаем, что они — что-то вроде странников, которые решили вести себя иначе. Внезапная мысль вспыхнула в голове подобно яркой молнии.

— Афанасий — проводник? — спросил Алексей.

Полковник улыбнулся.

— Афанасий — человек, наделённый особыми способностями. Можно сказать, что он их получил по наследству.

— Это я уже понял, — казалось, разговор отвлек Алексея от мрачных мыслей, но они накатили с новой силой. — Всё как-то неправильно. И эти существа... Ведь они реально не сделали нам ничего плохого!

— Или не успели сделать, Алексей, — возразил полковник. — Не переживай. Постарайся отстраниться.

— Но если... — начал Плетнёв, но полковник его перебил.

— А ты помнишь тот случай. когда вы преследовали наркокурьеров и зашли на территорию сопредельного государства? — не глядя на Плетнёва сказал Смирнов. Тон полковника ровным счётом не изменился никак, но от этого становилось только хуже. — Пару лет назад, кажется, это было?

Алексей буквально замер. Да, он продолжал всё также идти, но внутри он словно застыл. Тело двигалось независимо от него.

— Напомнишь мне, что тогда произошло с пастушонком? Паренёк лет тринадцати, может, помладше, если я не ошибаюсь. Имени вот только не вспомню... — продолжал полковник.

Плетнёв сглотнул застрявший в горле ком.

— Зачем вы?...

— Чтобы ты, наконец, повзрослел, Алекс, и понял, что иногда приходится принимать тяжёлые и спорные решения. иногда они оказываются ошибочными. И чтобы два раза не вставать, считаю, что ты тогда всё сделал правильно, — полковник был по-прежнему предельно спокоен.

— У нас не было выбора. Он бы нас выдал, — пробормотал Алексей.

— Да, — согласился Смирнов, — безусловно, выдал бы. Сдал бы с потрохами, вас бы догнали превосходящими силами и перебили. Или устроили засаду, когда бы возвращались. Я же говорю, ты всё сделал правильно.

— У нас не было выбора! — повторил Алексей.

— Что ты всё " у нас" да " у нас"? Выбор ведь сделал ты, Алекс, разве не так? — полковник, наконец, посмотрел на него. — Ведь это сделал ты, другие не стали. И скажу тебе больше: они до сих пор благодарят Бога, что это были не они. И отношение к тебе с их стороны как-то потом изменилось, правда? Всё вроде бы так, и не так одновременно, верно? Ты, по факту, спас всю команду, а они как бы невзначай стали тебя сторониться.

Алексею нечего было на это ответить. Каждое слово полковника было правдой. Он и на миссию-то эту согласился потому, что хотел вырваться с заставы. Причём ведь, если вспомнить, никто ему никакого приказа не отдавал. Даже начальник заставы. Фактически ему сделали предложение, на которое он с готовностью согласился.

Плетнёв вдруг понял, что он здесь может быть не один с такими тараканами в голове, что вся эта команда — своего рода отряд прокажённых. Осталось только понять, какие секреты хранят остальные. А то, что они были у каждого, или почти каждого, он уже не сомневался.

И это совсем не обязательно должно быть какое-то преступление или спорный поступок. Это может быть что угодно.

И Данила тоже ведь что-то скрывает. Что-то, что, кроме него, известно ещё таким людям, как полковник Смирнов. Не даром же он осёкся, когда рассказывал, как бегал по чердакам и подвалам Питера. Интересно, кем он был? Опером? Или был по другую сторону? Нет, скорее всё-таки опером. Вопрос в том, как он сюда попал. И не конкретно в это забытое Богом место, а в Организацию.

Плетнёв ещё не знал, как она называется, поэтому просто решил называть её "Организация". И этот так называемый сводный отряд, это всего лишь малое проявление её работы.

— Так чем тот пастушонок отличается от сегодняшнего мутантёнка? — добил его вопросом Смирнов.

— Нельзя быть таким циничным, Денис Евгеньевич, — покачал головой Алексей. — Нельзя.

— Можно, Лёша, можно. Признаюсь, бывает сложно, но можно. Ты ещё нарастишь необходимую броню, которая тебе потребуется для выполнения поставленных задач.

Перед Плетнёвым внезапно развернулась перспектива его будущего: стать бездушным и циничным сотрудником околосударственного полулегального органа безопасности, возможно частной военной компании (которых, как известно, в России нет), которому убить ради поставленной цели будет, что плюнуть да растереть.

Он вспомнил, как полковник явно задумался, стоит ли тащить с собой раненого Санька, который, будем честны, может и не дожить до возвращения домой, и всё это время откровенно сковывает их и тормозит.

Вспомнил, как остальные бойцы отводили глаза, готовясь к тому, что сейчас может произойти худшее. Как Санёк, будучи ещё в сознании, яростно утверждал, что он сможет идти во что бы то ни стало. Он понимал. Он ждал. Он не хотел умирать.

Однако...

— Об этом знали только члены группы, — произнёс Алексей.

— Да, — подтвердил полковник.

— Кто рассказал? — его голос стал жёстким.

— Думаешь, тебе от этого будет легче? Поверь, это уже не имеет никакого значения. И потом дело ведь не в том, что кто-то нам что-то рассказал. А в том, что ты сделал. В том, что ты посчитал правильным именно в той ситуации, и... что действительно важно, так это то, что твоё решение спасло жизни всей группе. А что ещё важнее, твоё решение спасло десятки детей в нашей стране, которые не попробуют первую дозу, и не превратятся потом в [н@ркоманов](#).

— Но...

— Вот только давай не будем про слезинку ребёнка. У тебя была задача и ты её выполнил.

Полковник сделал глубокие вдох и выдох. Было слышно, как воздух с шумом выходит через клапаны.

— Вот ты думаешь, мне нравится сосуществовать вместе со Зверем? Так я тебе скажу, что нет. Ни разу, Алекс! Чувствовать на языке вкус человеческой крови, человеческого мяса, при том, что я сам его даже и не ел — сомнительное удовольствие. Поверь.

— Данила назвал его симбионтом.

— Данила иногда не может держать язык за зубами, — кажется это показалось полковнику смешным. — Но в целом и общем, да, это симбионт. Довольно своеобразный, но симбионт. Если ты ему понравишься, он будет тебе помогать, хотя и станет, время от времени, требовать своего рода дань, — разоткровенничался полковник, а Плетнёв понял, что вербовка продолжается, что он увязает в этой трясине всё глубже и глубже, ведь перед тобой не будут раскрывать секретную информацию, если не хотят иметь с тобой дел в дальнейшем. — А может превратить жизнь любого человека буквально в ад. Многих из тех, кто пришёлся ему не по нраву, сошли с ума и даже покончили с собой.

— Они бывают разными?

— Симбионты? Да, они бывают разными. Какие-то вполне безобидные, какие-то, — полковник сделал паузу, — как мой. Но у такого сосуществования есть и свои плюсы.

— Какие?

Но ответа Алексей дожидаться не успел, так как к ним быстрым шагом подошёл Данила и постучал по плечу Плетнёва, привлекая его и полковника внимание.

— Смотрите!

Глава 15. Божья кара

Они вышли на просторную площадь, в центре которой стояло здание, по архитектуре явно отличающееся от остальных городских построек. Было оно сложено из тёмного отёсанного камня и имело острую черепичную крышу. Пожалуй, профессиональный архитектор усмотрел бы в нём признаки псевдоготического стиля.

С одной стороны от постройки можно было увидеть заброшенную чашу фонтана, с другой — что-то вроде небольшого парка с серыми от пыли деревьями.

От площади в четыре стороны строго перпендикулярно уходили широкие улицы, по одной из которых сейчас и пришли пограничники.

В парке среди чёрных деревьев можно было заметить что-то вроде древнего колодца, а рядом с ним большой, в рост человека дольмен, и ещё, то тут, то там разбросанные в ненавязчивом порядке остатки каменных сооружений, представленные большей частью старыми плитами и прочими остатками мегалитов.

В другое время и в другом месте их можно было бы принять за руины древней постройки, окультуренные и используемые в качестве антуража для городского парка.

— Уважаемые туристы! Добро пожаловать в историческую часть нашего славного города! — весело и как можно громче произнёс "Кот", чтобы через маску противогаза слышали все. — В центре вы можете наблюдать церковь 12–13, или..., а в конце концов, какая разница, какого столетия, посвящённую Святому Фоме, Луке или ещё кому-нибудь святому! Вы всё равно всё забудете, когда вернётесь к себе домой!

На обочине в значительном количестве были припаркованы автомобили. В отличие от тех, что занимали проезжую часть, эти были пустыми, по всей видимости, их здесь попросту припарковали, а значит, какая-то часть людей, скорее всего, сейчас находится внутри того, что они приняли за храм.

Проезжая часть огибала и здание, и парк с фонтаном по кругу, но группа двинулась напрямик прямо к так называемой церкви. Да, судя по всему, это здание, так контрастирующее по архитектуре со всем, что им до этого попадалось, было ничем иным, как культовым сооружением, фронтон которого был украшен, по всей видимости, символом местной религии — круг и вписанный в него крест.

"И здесь тоже крест" — подумал Алексей. Хотя, в данном случае, он мог обозначать всё, что угодно.

— Зайдём, посмотрим? — предложил Дима, проверяя дозиметр.

Полковник только кивнул, выражая одобрение.

Один из бойцов, который толкал тележку, надавил на перекладину, чтобы приподнять переднее колесо и перетащить через бордюр. Раненый Александр, под голову которого был положен рюкзак, тут же пошевелился, издав слабый стон. Жив ещё, подумал Плетнёв. Однако оказать ему какую-то более-менее вменяемую медицинскую помощь пока что просто не было возможности.

Перевалив на тротуар, боец продолжил толкать тележку, которая, надо отметить стала нещадно скрипеть, что в условиях тотальной тишины по громкости производило эффект чуть ли ни автомобильного клаксона. Мда, так себе смазка оказалась.

Подходя к зданию, Алексей осмотрел его внимательнее.

Кроме небольшой башенки, которая, скорее всего когда-то играла роль колокольни,

хотя колокола или чего-то такого он с этого ракурса и не заметил, над крышей больше ничего не возвышалось.

Вообще, сначала Алексей принял круг с крестом за слуховое окно, но нет, подойдя ближе, стало понятно, что это не окно, а лепнина. Также стены часовни или церкви — именно на них больше всего походило строение — украшали фальшколонны с резными изображениями каких-то неизвестных событий. На фасадах были видны высокие узкие окна.

Спросить бы экскурсовода, кому посвящена церковь и о чём повествуют изображения на колоннах, но он, похоже, сейчас лежит где-то среди вот этой группы высохших мумий. Они обошли очередное скопление жертв катастрофы.

— Я видел похожие на мумиях, — сообщил один из бойцов, глядя на круг с крестом.

— А я на некоторых манекенах, — подтвердил Алексей.

Полковник, как оказалось, умеет неплохо рисовать, так как прямо сейчас быстро и умело делал наброски храма в своём блокноте, уже и так порядком исписанном заметками и набросками карт, и это в дополнение к фотографиям, которые делал один из бойцов на цифровик, любые телефоны было запрещено брать на миссию.

— Зачем вы зарисовываете, если есть фотоаппарат, — поинтересовался Алексей.

— Фотографии ещё распечатать надо, флэшку донести до компьютера, а если мощное электромагнитное воздействие?

— А бумага — сгореть, — возразил Алексей.

— Ты чей друг: мой или льва? — вопросом из анекдота ответил полковник. — А потом, может, мне нравится рисовать.

Они с трудом отворили тяжёлые, окованные похожим на бронзу зеленоватым металлом двери, также послужившие древним мастерам своеобразным полотном, чтобы показать какие-то только им известные события.

Последний раз Алексей видел что-то подобное, когда в отпуске посетил проездом Великий Новгород, и даже название запомнил — Сигтунские ворота.

Как тогда он узнал, лихие новгородские ребята, ничтоже сумняшеся, совершили набег на шведский город Сигтуну, где им и приглянулись красивые кованые ворота одной из церквей. Фактически тогда потомки грозных викингов на своей шкуре ощутили то, что испытывали другие прибрежные народы, заметив в море драккары под полосатыми парусами.

В принципе, внутри они ничего другого увидеть и не рассчитывали. В просторном помещении с высоким сводчатым потолком, которое всем своим видом говорило, что да, это церковь или иной подобный храм, на длинных скамьях сидели и лежали тела прихожан, пришедших на службу, оказавшуюся для них последней в их жизни. Ещё несколько тел распластались в проходе, ведущем к тому, что с высокой долей вероятности можно было назвать алтарём.

Они шли между рядами к алтарю, который был похож на дольмен, который они только что видели в парке, только этот был гораздо меньше. Сложенные каменные плиты были отполированы руками прихожан за сотни лет. Может быть, это был и не дольмен по своей сути, а большой каменный стол, на котором осуществлялись жертвоприношения? Кто знает...

Не исключено, что именно так когда-то и было. А потом, вполне возможно, жертвоприношения приняли условный характер, примерно как христиане в наши дни причащаются плотью и кровью Христа, используя хлеб и вино.

За столом-дольменом возвышался чёрный каменный монолит почти правильной прямоугольной формы, с вырезанным на уровне глаз всё тем же символом круга с вписанным в него крестом, а свободное пространство было исписано письменами, лишь примерно напоминающими увиденные ими в городе. Пожалуй, они даже больше походили на скандинавские руны. Скорее всего, это было какое-то древнее письмо, которое использовалось в религиозных обрядах, а может быть, сам монолит был ещё более древним, чем можно было представить.

Алексей обошёл дольмен и монолит. Все они стояли на некоем каменном же основании, которое было умело вписано в общую архитектуру здания. Судя по всему, этот храм строили вокруг этих камней, как неких сакральных объектов, причём они были заметно, заметно старше остальной церкви. Это даже без радиоуглеродного анализа было понятно, уж очень контрастировало одно с другим.

Со стороны зала в дольмене, как и положено, было проделано небольшое круглое отверстие, в которое без проблем можно было просунуть разве что руку, а вот голова уже никак не помещалась.

Посветив внутрь узким лучом фонарика, Алексей, обратился к полковнику:

— Что-то кубическое, хотя видно плохо. Тоже чёрное, как и этот монолит.

Полковник Смирнов, поручив надзор за американцем одному из бойцов, с карандашом и блокнотом подошёл и тоже посмотрел внутрь, а потом засунул руку и несколько секунд ощупывал внутренности дольмена.

Признаться, учитывая обстоятельства, Плетнёв был готов к тому, что полковника схватит за конечность какая-нибудь тварь и откусит её к [x@p@m](#) собачьим.

Но нет, всё обошлось. Смирнов просто вытащил руку в перчатке, стряхнул с неё и рукава пыль.

— Да, какой-то кубик на подставке. И на нём что-то вырезано, — он встал и осмотрел дольмен. Покачал головой. — Нет, не сдвинем. По крайней мере, не сейчас.

Народ разошёлся по залу, осматривая настенные изображения, исполненные в виде цветных мозаик.

— А потом Бог наказал своих детей за грехи их, — задумчиво произнёс "Чекан", переводя взгляд с одной из мозаик на скамью с парой прихожан, держащихся за руки.

— Думаешь, это всё — наказание Божье? — Данила осторожно дотронулся до круглого с равносторонним крестом медальона, что висел на цепочке одной их мумий.

— Не знаю. Знаю лишь, что всегда найдётся тот, кто увидит в подобных событиях десницу Всевышнего, кару, которую он насылает на погрязших в блуде и разврате, богатстве и роскоши людишек, возомнивших себя хозяевами мира и забывшими о том, что они всего лишь пыль, — он смахнул порошок со спинки скамьи, — на подошве Его сандалий.

— И тоже, видать, кого-то распяли, — решил Дима, — если судить по кресту.

— Почему ты думаешь, что распяли? Этот символ вполне может обозначать солнце или какое-нибудь колесо судьбы, — "Чекан" протянул руку и смахнул пыль с мозаики, которая оказалась на удивление красочной.

— Символ Солнца — круг с точкой внутри, — сообщил подошедший полковник. — А вот символ Земли — как раз, круг с крестом. Проблема в том, что это символы нашей астрологии, а здесь они могли иметь совсем другое значение, которое без соответствующего контекста мы не поймём.

— Не-не, точно распяли, — "Кот" указал лучом фонарика на мозаику.

Довольно добротная и красиво сделанная мозаика демонстрировала казнь мужчины средних лет, которого не то прибили, не то привязали к толстым спицам колеса, отрубив при этом руки и ноги. Кусочки ярко-красного стекла, на удивление не потерявшего за многие годы, если не века, насыщенности цвета, сложились в потоки и лужи натёкшей крови.

— Тогда уж колесовали, — Толик пожал плечами.

— Типа колесо с крестом — символ колесования?

— Не обязательно, — полковник рассматривал развернувшуюся перед ними картину древних событий, запечатлённых в стекле и смоле. — Может быть, просто удачное совпадение.

Смирнов вглядывался в картину. Кажется, он испытывал настоящее восхищение от увиденного.

— Похоже, здесь тоже было своё святое семейство, с которым расправились. Отец, мать и сын, — наконец, сообщил он. Его рука потянулась к подбородку, чтобы почесать его, но наткнулась на маску противогаза.

— И дочь, — добавил Дима.

— Что? — не понял полковник.

"Кот" рукой указал на мозаичную стену, на которой судя по всему, разворачивался некий мифологический сюжет: разозлённые, богато одетые люди в старинных одеждах и явно солдаты с копьями, мечами и щитами, под взоры толпы топили в водоёме совсем ещё молодую девушку.

— Отец, мать, сын и дочь — местное святое семейство, которое несло слово Божье, но народ, не хотел слушать. Народ хотел лишь ублажать свою плоть, пребывая в постоянной неге и поисках новых, иногда извращённых, удовольствий. Они не хотели слушать. Им это было не нужно. И они не хотели, чтобы рабы или слуги слушали. И расправились с несущими благовую весть.

— Откуда вы всё это знаете? Вы что, знаете их язык?! — удивился Толик.

— Просто интерпретирую картинки на стене, — ответил полковник, указывая на мозаику. — Здесь примерно всё как в любой церкви на Земле. Люди в старину в большинстве своём читать не умели и чтобы до них донести суть Святого писания, церковники расписывали стены храмов сценками из Ветхого и Нового завета. Своего рода комикс.

Он протянул руку, показывая на стену.

— Вот Семейство получает благовую весть. Вот оно пребывает город (непонятно только, откуда) и начинает проповедовать, вот люди собираются вокруг них, внимая словам. По крайней мере, если читать их с лева направо.

— А здесь, получается, кому-то не понравились их проповеди и понеслась Настя по ненастьям, — вставил Дима.

— Получается, что так.

Дальше действительно пошли картины казни: Отца колесовали, лишив конечностей, Мать — сожгли, Сыну вырвали из груди сердце, которое, судя по всему, не то продолжало ещё долго биться, будучи изъятым из сердца, а заодно заливать всё кругом ярким светом, из-за чего у местных первосвященников и властителей случилась маленькая истерика. В общем, это очень сильно не понравилось местным фарисеям.

На следующей стене было изображено, как высшие чины города решали, что делать с оставшейся Дочерью. Решили не резать, чтобы не видеть сияния бьющегося сердца, а просто

утопить в озере. И судя по картинкам, топили несколько раз, ибо Дочь никак не хотела умирать, и каждый раз, когда её вытаскивали из воды, она смущала народ своими речами. В итоге решили привязать её к тяжёлому чёрному камню и так и бросить на самое глубокое место в озере.

— Может быть, смысл символа вовсе не в колесовании, а в количестве казнённых членов святого семейства?

— Не исключено, что четыре конца креста, в данном случае, символизируют четырёх членов казнённого семейства, — полковник словно прочитал мысли Плетнёва. — Как у нас три пальца — "отец, сын и святой дух". Но без контекста, повторяюсь, можно только гадать.

— В общем, расправились со всеми, как и с нашим Святым Семейством, — констатировал Толик. — Бритвой по горлу и в колодец.

Алексея задела деланная весёлость Толика, всё-таки это место хоть и принадлежало чужой религии, но немного уважения не помешало бы, а полковник покачал головой, саркастически заметил:

— Вот ты, вроде православный, а не знаешь, что только Иисус умер насильственной смертью, когда его на кресте распяли римляне по требованию иудейских первосвященников. Его родители, Иосиф и Мария, умерли своей смертью, хотя что касается Иосифа, земного отца Иисуса, тут ни одно Евангелие точных данных не содержит. Скажем так, судьба Иосифа не описывается.

Они подошли к противоположной стене. И стояли некоторое время молча, разглядывая очередные мозаичные панно.

— А потом Бог решил покарать грешников и уничтожил причастных к смерти святого семейства, мда, — наконец, выдал Дима под мерный треск дозиметра.

Стоит отметить, что те, кто создавал эту мозаику имел представление о том, что такое перспектива, гораздо больше, чем среднестатистический средневековый или античный художник. Египтяне так вообще с этим вопросом не заморачивались, изображая всё в одном масштабе, просто на разной высоте.

На этой стене в адском пламени горели города, леса, животные, испарялись водоёмы, с людей срывало кожу, у них вытекали глаза... а на заднем плане было нечто до боли знакомое. Поначалу можно было подумать, что это дерево, большое дерево с богатой раскидистой кроной.

Только это было вовсе не дерево. Скорее уж это больше походило на гриб. Ядерный. Самый натуральный ядерный гриб.

Алексея пробил озноб и у него закружилась голова. Незаметно для других он опёрся на скамью, чтобы не упасть и прийти в себя.

— Чтоб меня! — произнёс один бойцов. — Это то, чем кажется?! Не, я сейчас серьёзно! Это же оно самое!

Алексей смотрел на мозаику и не мог отделаться от мысли, что уже что-то подобное видел. И нет, не на кадрах хроники Хиросимы или с испытательных полигонов.

— Типа местные, — боец обвёл взглядом помещение храма, — всё-таки погибли в ядерном апокалипсисе? А, Дима? Ты у нас специалист по этим вопросам.

— Ты прям вот, как скажешь, так скажешь! — Дима хлопнул его по плечу, выбивая облака пыли. Его тон стал походить на тон учителя, в пятый раз объясняющего недалёкому ученику тему урока. — Если на мозаике изображены реальные события (в чём я лично сомневаюсь, всё-таки в религии полно искажений и домыслов тех, кто решался записать

древние легенды), то они произошли задолго до того, как большой медный таз решил накрыть собой данный городок. Нет, здесь произошло что-то другое.

— Но блин, ведь похож! Похож ведь! А, товарищ полковник? Что там могло быть: выросло над землёй древо Смерти и были от него плоды по грехам людским.

— На ходу сочиняешь? — поинтересовался Данила.

Лицо полковника даже под маской выглядело крайне серьёзным и сосредоточенным.

— Похож, — наконец, произнёс он. — И даже очень. Остаётся понять, как правильно читать эти комиксы — справа налево, или слева направо. Если вообще одна стена является смысловым продолжением другой.

— Меня другое смущает, — Алексей, вроде пришёл в себя и всматривался в сцены гибели, выложенные разноцветным стеклом на стенах. — Я не вижу сцен с воскресением.

Про себя он отметил, что Смирнов был не простым воякой. Человек явно был начитан и имел широкий кругозор.

— Может мы её просто не видим, а может, для этого надо зайти в другой храм. Но не факт, что чудо в виде воскресения казнённой семьи являлось обязательным элементом для зарождения местной веры.

— Или надо просто получше всмотреться.

Алексей сделал несколько шагов к стене, подойдя к ней почти вплотную. Протянул руку и смахнул пыль, делающую изображение нечётким.

Рядом оказался полковник.

— Молодец, — только и сказал он.

Недалеко от того, что можно было принять за мозаичное изображение ядерного взрыва, виднелась маленькая фигура в белых одеждах. И не было понятно, то ли она парит в воздухе, то ли стоит на холме. А художник настолько тщательно выложил изображение, что сомнений, кто это, не оставалось.

— Осмелюсь предположить, что властители города сильно пожалели, когда решили её казнить через утопление, а не просто отрубив ей голову, — почему-то Алексею казалось, что если бы они смогли очистить потолок и рассмотреть, то что изображено на нём, то они бы встретили лик той самой «утопленницы». Вот только непонятно, в какой ипостаси они бы её там обнаружили. В качестве несущей смерть, как наказание, или всепрощающей девы любви и милосердия? С другой стороны, сцена с горящим городом любви как бы подсказывала ответ. Хотя, кто его знает, вера, да и религия как её формальное проявление — довольно тонкие материи, иногда требующие вдумчивого толкования.

Даром, что из-за веры даже, казалось бы, в одного и того же бога, люди готовы были с упоением друг друга кромсать, то устраивая крестовые походы, то джихады, то принося в жертву сотни пленников во славу летающего змея.

Мозаика с апокалипсисом, на которой одновременно был изображен ядерный взрыв — а сомнений в том, что это был именно он, почти не осталось — и парящая фигура девушки производили завораживающее впечатление.

Неотвратимость наказания. Возмездие. Жестокость. Справедливость. Ассоциации приходили на ум одна за другой.

Девушка на изображении ничего не делала. Она просто взирала на то, что происходило. На то, как сгорали в адском пламени те, кто посмел убить её семью, те, кто попробовал убить её.

Или она взирала на то, до чего довели себя люди, лишённые божьей любви, истины,

которую они не захотели услышать и принять?

— Хоть одну религию можно построить не на смерти? — задал риторический вопрос Алексей.

Они вернулись к малому дольмену и чёрному обелиску с рунами.

Между дольменом и монолитом лежало тело в одеждах, которые иначе как священническими назвать было сложно. Они были другие, надетые поверх обычной гражданской одежды, которую можно было во множестве видеть на остальных жертвах, и явно носили ритуальный характер.

Почему-то Алексей ждал увидеть белый воротничок католического священника, но нет, ничего такого не было. А вот в руке служитель культа сжимал цепочку со уже знакомым символом, только этот был побогаче, явно из золота и украшен четырьмя кроваво-красными камнями.

— Интересно, о чём он подумал за секунду до? — заглянул через плечо Толик. — Что пришло время кары Божией? Что много грешил? Что зря он пнул соседского кота и подсматривал за одноклассницами в душевой?

— Что-то я вообще сомневаюсь, что он успел, что-то подумать, — Дима не отреагировал на шутки товарища, а просто стал фотографировать священника. При этом его дозиметр ускорил свой тревожный треск рядом с дольменом. — То, что здесь бабахнуло — я ни о чём таком никогда не слышал, даже представить не могу, чтобы это такое могло быть. Но штука исключительно эффективная и смертоносная. Положить столько народу одним махом за несколько секунд, не повредив здания и технику — это надо суметь. Я говорю — что бы это ни было, это стоит даже не миллиарды, сотни миллиардов долларов!

— Ты же вроде говорил, что это могла быть нейтронная бомба.

— При взрыве нейтронной всё равно должны быть разрушения от взрывной волны.

— Так может, мы их просто не видели эпицентра, который где-нибудь за городом.

Дима скривился, выражая сомнение, что-то в теории с нейтронной бомбой, по его мнению, не сходилось.

За алтарём оказалась комната, с минимальным набором мебели: массивный деревянный стол, такие же стулья и длинный шкаф того же материала. Материал успел рассохнуться и кое-где пошёл большими трещинами.

Больше всего комната походила на рабочий кабинет.

Полки шкафа были уставлены пыльными фолиантами и свитками, которые, наверное, рассыпались бы труху, реши Алексей до них дотронуться.

На свободной от книг стене висело уменьшенное чеканное изображение известного по главному залу монолита.

На столе тоже были разложены пожелтевшие бумаги. Нет, это точно не бумага. Большие листы были чем-то иным, но не бумагой. Бумага бы так долго не сохранилась. Это был пергамент, по крайней мере, очень похож. С рисунками и текстами.

Из кабинета вела ещё одна дверь, и когда Плетнёв на неё посмотрел, он понял, что его что-то насторожило. Что-то, что пока ускользало от его взгляда, не давая мозгу осознать проблему.

Он выглянул из кабинета и посмотрел в зал, где в свете фонариков пограничники оставляли свои следы на каменном полу, по которому возможно уже несколько столетий не ступала нога человека. А американец сидел на корточках под тщательным присмотром двух бойцов.

Что-то мельтешило на самом крае внимания Алексей, но что именно, он понять не мог. Что-то, что он заметил, но ещё не осознал. Или?..

Дождавшись, пока полковник, который делал зарисовки внутреннего убранства церкви и алтаря с руническим камнем, посмотрит в его сторону, он движением руки предложил, ему подойти в кабинет. При этом, старший сержант, знаками показал, что нужно соблюдать тишину.

Остальные это тоже заметили и сразу привели оружие в готовность, сняв его с предохранителей. Даже американец подобрался. Наверняка, он бы сейчас не отказался от самого завалящего пистолета, а то и простого ножа.

Впечатления от встречи с манекенами были ещё чрезвычайно свежи, и разбираться в том, насколько безобидными существами или нет они являются, никто особым желанием не горел.

Смирнов прошёл в кабинет за алтарём, где его ждал Плетнёв и другие.

— К слову о неконтролируемых визитах, Денис Евгеньевич, — на грани слышимости произнёс Алексей и указал на следы у второй двери. — Это — не наши.

Дима и Толик машинально посмотрели на свои берцы. Нет, следы точно принадлежали не им. И что самое плохое, они были свежими.

— Сдаётся мне, — произнёс полковник, приседая, чтобы внимательнее рассмотреть следы, — этот мир не такой уж и Тихий, как мы думали.

Глава 16. Во тьму

Бывает так, что события начинают принимать оборот, на который совершенно не рассчитываешь. Ты принимаешь решение, и события начинают развиваться по совершенно невообразимому сценарию, который может полностью изменить твою жизнь, или по просту её отобрать.

Вышел в магазин за сигаретами — пьяный водитель сбил на перекрёстке. А, может быть, и не пьяный, а очень даже трезвый. Просто оса залетела в салон и отвлекла водителя. Да и ты, на самом деле, собирался бросить курить, и решил, что эта пачка уж точно будет последней. А ведь мог бы вполне без неё обойтись.

Или ты соглашаешься участвовать в вылазке на сопредельную территорию, ожидая, что целью будет караван торговцев оружием, боевики или наркокурьеры. Или те и другие вместе, они, как можно догадаться, зачастую, прекрасно совмещают одно с другим.

И вот ты уже стоишь посреди чужого мира, о существовании которого даже и не думал, а твоя команда состоит из людей, о которых, как оказывается, ты абсолютно ничего не знаешь, но зато они о тебе очень даже осведомлены.

И вообще, всё что происходит, начинает напоминать дурной сон, из которого ты всё никак не можешь вырваться.

Другой вопрос: хочешь ли ты этого? Или адреналин твоё всё?

И как бы ты не думал, прежде чем принять даже самое простенькое решение, кто-то уже принял своё, не подумав.

***

— Вы не обижайтесь, но какой-то проходной двор этот ваш Тихий мир, — не скрывая скепсиса, позволил себе высказаться Плетнёв.

— Трудно возразить, — с расстановкой ответил Смирнов, рассматривая следы на пыльном полу, где сохранился рисунок протектора. Кажется, можно было разобрать даже какую-то надпись, причём вполне обычными латинскими буквами. Какая-то импортная марка.

Он бросил быстрый взгляд на обувь остальных бойцов.

— Точно не ваши? — решил всё-таки уточнить полковник, как показалось Плетнёву, с лёгкой надеждой. Хотя было очевидно, что это точно не армейские берцы и не кроссовки кого-то из группы. Просто хорошие ботинки на толстом протекторе.

— Точно. Я не подходил к этой двери, и мужики тоже, — ответил Алексей. — Не сразу понял, что меня насторожило, но когда посмотрел в зал, где мы уже порядком наследили, то до меня дошло. Там тоже были следы, когда мы вошли, просто не сразу заметили.

— Это могут быть манекены?

— Не думаю. У них походка не та, они ноги словно волочат, это было бы заметно, а здесь видно, человек ступал осторожно, словно боялся шуметь. След чёткий, с упором на носок.

— Или словно кого-то заметил и попытался по-тихому скрыться, — дополнил полковник, он выглядел напряжённым. — Да, собственно, и ботинки наши, земные, если судить по отпечатку надписи.

— Тележка так скрипела, что не услышать нас могли только мёртвые, — Дмитрий покосился в сторону зала, заполненного почившими много лет назад прихожанами.

Полковник выпрямился и проверил свой автомат, дослал патрон в патронник, осмотрел свою разгрузку с запасными магазинами.

— Если проход сквозной, — сказал он, — то можно попробовать преследовать, но без особого шанса на успех, у него хорошая фора. А если нет, то есть шанс познакомиться с нарушителем.

"Нарушитель" — повторил в уме Плетнёв. Значит, у них, то есть теперь у нас, есть какие-то регламенты и порядки, устав, в конце концов, который описывает, что можно, чего нельзя, кого следует задержать, а кого можно без особых церемоний отправить курить трубку мира с предками вокруг вечного костра.

Однако, как можно нарушить закон, о существовании которого ты даже не осведомлён? Да-да, незнание закона не освобождает от ответственности — известная и исправно работающая максима. Но лучше, чтобы тебя для начала всё-таки ознакомили с его текстом, а то несправедливо получается.

— Попробуем? — обращаясь к полковнику, спросил Данила, который судя по всему, был готов сорваться в погоню прямо сейчас. И откуда только силы берутся.

— Уверен? — высказал опасение Плетнёв. — Может, всё-таки сначала выберемся, а потом разберёмся, что да как? Возьмём людей и снарягу получше. У нас фильтры на исходе, БК не плохо бы пополнить, люди давно не ели и не пили. Сане требуется серьёзная помощь.

На словах о фильтрах Дмитрий заметно замялся, переступив с ноги на ногу.

Было видно, что Смирнов размышляет, и что внутри него сейчас борются два человека: один хочет попытаться преследовать и задержать так называемого нарушителя, какие бы он правила и порядки не нарушил; другой — понимал, что их ресурсы ограничены, и к тому же один член команды тяжело ранен, что делает такой ресурс, как время, крайне ограниченным и от этого очень ценным. Каким образом, Александр продолжал держаться, оставалось только гадать и поражаться его желанию жить.

Полковник выпрямился. Похоже, решение было принято. Что же, будь что будет, тебя никто, Лёша, за язык не тянул, когда ты давал своё согласие на участие этой вылазке. Теперь терпи до конца. В каком-то смысле ты сам этого хотел, ведь так?

— Американец пока живой, — сообщил он, глядя в зал, где янки сидел на полу, прислонившись к колонне, — и ухудшения его состояния я не замечаю. Не исключено, что мы перестраховываемся.

— Может, и перестраховываемся, товарищ полковник, но лучше не рисковать, — высказал своё мнение специалиста Дмитрий. — Не зря мы этого места избегаем. И то, что убило местных жителей, ещё может сохранять активность и находиться вокруг нас.

— Не зря, — кивнул Смирнов, — только у нас из нормальной защиты одни "бризы", которые даже уши не закрывают. У многих одежда повреждена, у самого вон пыль на открытом запястье. Как думаешь, могла инфекция, если она здесь есть, уже проникнуть в организм?

Кот по-быстрому глянул на свою руку, стряхнул её пыль. Все они, что уж тут говорить, были щедро ей обсыпаны. Он прекрасно понимал, что вопрос полковника был скорее риторическим, но рискнул возразить:

— Но мы до сих пор не знаем, от чего вымерли эти люди. Да тут вообще всё вымерло!

— Вот именно! Не знаем! — отрезал полковник, — А значит, если мы сдохнем, то мы убедимся, что здесь действительно опасно. Понимаю, что не сильно приятно выступать в роли подопытного кролика, но Алексей правильно заметил, что тела не гнили. Не

исключено, что единственные патологические микроорганизмы, которые есть в этом мире, это трихомоноз, который ты притащил с собой, — добил его полковник.

Интересно, однако, что своими размышлениями относительно состояния тел мертвецов Алексей делился только с Данилой. С другой стороны, соблюдения конфиденциальности он ведь и не требовал. А Данила мог посчитать его мысли важными и донести их до командира.

Тем не менее, Алексею действительно ни разу не упало умереть во имя науки, но несмотря на то, что особого выбора у него сейчас не было, он решил, на свой страх и риск, поддержать Дмитрия:

— Может и так, Денис Евгеньевич, а может случится так, что мы пополним ряды манекенов, разве нет? — высказал предположение Алексей.

Полковник бросил на него резкий взгляд:

— Вот именно! Мы ни черта не знаем, что здесь произошло, поэтому это место и закрыто на карантин! Представь, что будет, если то, что превратило этих людей в манекенов, попадёт в наш мир!

Алексей представил, и картина, которая родилась в его воображении, ему не понравилась.

После секундной паузы командир решительно произнёс:

— Мы разделимся. Вы, — он оглядел Алексея, Дмитрия и Данилу — пойдёте со мной — проверьте оружие и БК. Толик остаётся с остальными за главного и наблюдает за раненым, займёте оборону в церкви на случай появления манекенов и ещё кого — ничему уже не удивлюсь! — и если через два часа мы не вернёмся, уходите к точке перехода, недалеко осталось, Афанасий вас выведет. Нас — не ждать! Руководство само решит, стоит посылать нам помощь или нет. Если американец будет чудить — пристрелите.

Что же, решение разделить было не самым рациональным, так как оставшиеся имели ранения разной степени тяжести, но, в то же время, оптимальным, насколько оно вообще могло быть таковым. В конце концов, только они могли в полной мере попытаться преследовать и задержать незваного гостя в этом проклятом мире.

Тем более, что идти им придётся практически на ощупь. Час туда, час обратно, ведь надо будет ещё и вернуться по незнакомой местности. Догнать, выследить, захватить, вернуться — расставил в уме этапы Алексей.

Его в очередной раз кольнуло подозрение, что полковник поддался желанию собрать, как можно больше информации об этом городе в частности и этом мире в целом, по крайней мере, той части, которую они могли обозреть. Неужели какой-то там нарушитель может быть настолько опасен в данной ситуации? Бывало, что Плетнёв и сам в ходе рейдов пропускал мелких рыбёшек, лишь бы заманить в засаду рыбу покрупнее.

А ещё, где-то на подкорке Плетнёву показалось, что полковник, на самом деле, знает больше об этом месте, чем пытается показать. Оно как бы и понятно, у всех свои уровни допуска, но всё-таки... всё-таки сейчас попытка преследования неизвестного могла оказаться для него последней. И стоит признать, что раньше он не ощущал это так остро, как сейчас.

— И ещё, — добавил командир, — если станет совсем невозможно, разрешаю снять маски и попить воды и подкрепиться, с соблюдением мер предосторожности. И оказать максимально возможную помощь Александру. Похоже, нам терять особо уже нечего. Тем более, что противогазы выработали свой ресурс... где-то час назад, да, Дима?

— Лучше так, чем совсем без защиты, — засопел Кот.

— Лучше так, да, — задумчиво повторил Смирнов. — Толя, всё понял?

Анатолий кивком дал понять, что принимает приказ к исполнению.

— Ну, что, пошли, мужики!

Пограничники заняли позиции, чтобы держать дверь под контролем, но так, чтобы не быть на линии огня друг у друга. За дверью могло оказаться всё, что угодно, и чужак мог уже приготовиться к тому, чтобы открыть по ним беспорядочный огонь.

Полковник кивнул Плетнёву и тот осторожно взялся за тяжёлую кованую ручку в виде головы неизвестного животного, более всего похожего на результат удачной гибридизации собаки и дракона, который держит в оскалившейся пасти витое кольцо. Памятуя о возможных растяжках, медленно приоткрыл, осмотрев образовавшийся просвет.

Чисто, ничего похожего на леску или верёвку — уже хорошо. Видать тот, кто здесь был, уходил в спешке, либо не обладает соответствующими навыками и оружием. Но не стоит расслабляться, всё может измениться так быстро, что даже не успеешь это толком осознать, уж в этом-то Алексей теперь был уверен, как никогда.

Он потянул дверь сильнее, и она отошла на удивление легко. Казалось бы за эти годы даже самая крутая смазка должна была потерять свои свойства, но нет! Петли, конечно, дико закрипели, но дверь поддалась без особых трудностей. Всё здесь было не так как, должно быть! Хотя, не исключено, что это заслуга того самого нарушителя. Если он тут не первый раз, то мог уже разработать петли, или смазать их хотя бы той же ВД-40.

Ещё раз присмотрелся: нет, ничего подозрительного по периметру дверного полотна не наблюдалось. Он резко дёрнул дверь на себя, в то время как Данила и полковник направили в проём дула своих автоматов, готовые открыть огонь в любой момент.

Нет, там действительно никого не было: ни растяжек, ни потенциального противника, или как его назвал полковник, нарушителя.

Нарушителя режима карантина.

Может, стоило это место так и назвать? Карантин! А не какой-то там Тихий мир, Тихий лес и т. п. Ясно и просто — Карантин!

С одной стороны, то, что они ни на кого не натолкнулись — хорошо, с другой стороны им придётся идти дальше. Если бы сейчас по ним открыли огонь, то Алексей, как бы странно это не прозвучало, испытал бы облегчение, так как неизвестность перестала бы быть таковой.

Их взору открылся короткий коридор, метров пять-шесть в длину, не больше, в котором с трудом могли разойтись два человека, чуть шире дверного проёма, в который они сейчас собирались пройти.

Стены и потолок были выложены из подогнанного друг к другу камня различной формы, примерно такого же, как и стены церкви, но всё-таки отличного от последнего.

На другом конце коридора их ждала гораздо более массивная, окованная металлом дверь, чем та, что вела в кабинет. Она была встроена между двумя вертикально установленными в рост человека каменными блоками, на которые был уложен третий горизонтальный блок. Всё было тщательно встроено и подогнано в кладку коридора, хотя, вернее было бы сказать, что и дверь и сам коридор были возведены уже вокруг этой арки.

Вот только она ожидаемо оказалось открытой, да не просто, а так, что тяжёлые кованные петли засовов были сорваны, причем сделано это было изнутри. В то, что это мог сделать человек, который постарался избежать встречи с пограничниками, почему-то не верилось.

За второй дверью лучи их фонарей упёрлись на очередную стену, а вернее сказать, потолок.

Спуск. Да это был спуск в ту самую неизвестность, о которой только что подумал Алексей. Вселенная словно услышала его мысли и решила жёстко над ним подшутить.

Когда ты идёшь на задание, хоть бы и на сопредельную территорию, ты готовишься, ты изучаешь карты, особенности местности, и в целом и общем, ты готов ко всякого рода отклонениям от первоначального плана действий, но здесь! Здесь ты буквально ступал в сферу непознанного, делая шаги по неизвестной территории чужого мира. Встречи с манекенами ему хватило, чтобы ожидать от этого места всего, что угодно. Так что же может ждать их там, во тьме, в которую они сейчас собирались спуститься?

— Походу, там лестница, — Дмитрий светил фонариком, закреплённым на автомате. Он провёл узким лучом по полу, высвечивая следы. — Пошёл туда.

Алексей представил в уме внешний вид церкви и примерный план, исходя из того, что они уже увидели. Выходило, что коридор действительно переходил в спуск в подземелье, так как дальше, по уму, должна была быть либо очередная миниатюрная комната, либо выход на улицу, за которым вновь начинался парк и город.

— Не нравится мне это, — не успокаивался Дима, однако с решительным фатализмом произнёс. — Но мы опять пойдём и посмотрим, что там может быть в этой крошечной тьме.

— Ни пуха! — хлопнул Алексея по плечу Анатолий, дожидаясь пока они пойдут.

Плетнёв коротко кивнул.

— К чёрту!

Они стали продвигаться вперёд, осторожно ступая на гладкие каменные плиты, которыми был выложен пол. Не хватало ещё вызвать действие какого-нибудь скрытого механизма, который настигнет их арбалетными болтами, выпущенными из стен, ошпарит их выпущенной под давлением соляной кислотой, или обрушит на них потолок, завалив тоннами камнями.

Насчёт болтов и прочих метательных снарядов Алексей небезосновательно сомневался. Это в кино тысячелетние механизмы сохраняли работоспособность и могли поразить незадачливого расхитителя гробниц заготовленными снарядами. В реальности, любая тетива, хоть бы и арбалетная, равно как и пружина, скорее всего потеряла бы всякую упругость, а соответственно и возможность приведения механизма в действие.

Хотя, чем чёрт не шутит, учитывая, что они смогли использовать ту же тележку, просто смазав колёса. Место нехорошее, со своими заморочками, как оказалось.

А вот потолок на них мог вполне обвалиться. И не по причине действия устроенной древними строителями ловушки, а элементарно из-за прошедшего с момента постройки времени. Весь этот проклятый город, хоть выглядел довольно современным, нёс на себе печать усталости от своего существования, ветхости, обусловленной течением времени.

Раствор мог рассохнуться, кладка ослабнуть, и их появление здесь могло оказаться той соломинкой, которая бы переломила хребет верблюда.

Полковник осторожно, но с силой постучал по стене, Данила надавил ногой на пол, топнув по плите.

Нет, никакой реакции. Походу они малость перестраховались. Ну, дай-то Бог! Хотя, глядя на то, как вели себя остальные, Алексею показалось, что с чем-то подобным они уже в своей жизни сталкивались.

Несколько шагов до лестницы они совершили без каких-либо приключений, попутно

осматривая изображения, которыми были покрыты некоторые камни, составляющие кладку.

На отдельных проступал всё тот же символ в виде креста в круге, в то время как на других явно старались изобразить женское лицо. И ничего хорошего это изображение не предвещало, уж очень оно было похоже на разъярённую Медузу Горгону из древнегреческой мифологии, а не ту симпатичную девчушку с грустными глазами, которую можно было увидеть на мозаике в главном зале. Там, где люди в непривычных, но явно богатых одеждах приговаривали её к утоплению.

К слову, об одеждах палачей и судей. Она ведь могла быть совсем другой, если подумать. Художники могли не знать, как одевались люди эпохи, от которой их отделяли сотни, а может быть и тысяч лет, и постарались изобразить, в первую очередь, сюжет, а внешний облик героев списывали со своих современников. Это как художники эпохи возрождения, писали картины на библейские сюжеты, при этом "одевали" их участников ровно в те одежды, которые носили люди здесь и сейчас.

Или эта странная манера девятнадцатого века писать сюжетные картины и портреты с современников, изображая их в античном стиле? Что, не ожидали? Да, старший сержант Плетнёв, бывал в музеях. Давно, правда, но бывал.

Но вот это лицо на камнях... вот оно точно было древнее самой церкви. Почему-то Плетнёв был в этом уверен.

Скорее интуитивно, чем осознанно, Алексей понимал, что та девушка, обречённая на мучительную смерть и это лицо, полное гнева (только праведного ли?), связаны, и вообще не исключено, что это один и тот же человек (да и человек ли, учитывая, то, как светило сердце её брата в руках палачей).

И всё бы можно было списать на мифы и сказания, не имеющие ничего с реальностью, на то, что у кого-то когда-то внезапно разыгралось воображение и все мозаичные изображения, что были так скрупулёзно выложены в главном зале церкви. Можно было бы отмахнуться, сказав, что это всего лишь плод чьей-то фантазии, но, что если в основе такой фантазии лежит какое-никакое, но реальное событие?

Что если Иисус действительно накормил тысячи людей пятью хлебами и двумя рыбами? Думаете, это невозможно? Но ведь достаточно просто дать пяти тысячам человек пять хлебов и две рыбы, чтобы спустя некоторое время и множество пересказов такая история из забавной выходки чудака переродилась в утверждающую догму, провозглашённую чудом?

Что если лишённый критического мнения житель Мезоамерики увидел нечто — явление природы, птицу, которую никогда раньше не видел, или и то и другое одновременно, но в специфических условиях — чему потом ацтеки дали имя Кетцалькоатль?

Что если Зевс — всего лишь человек, когда-то поразивший соплеменников каким-то особенным, но, в целом, обычным для нас умением, а потом уже людская молва нарастила на скелет события мясо мифологии?

Человек такое существо, что обречено искать смысл и причину своего существования, а способность к воображению даёт ему возможность объяснить практически всё, что угодно.

В другое время и другом месте подобная резьба по камню всего лишь показалась бы забавной — ну древние камни, ну с мордой лица мифической бабы, мало ли таких по свету оставлено. Но сейчас, после всего, что тебе пришлось пережить и увидеть, после мозаики на стенах чужой церкви, где парящая женская фигура соседствовала рядом с тем, что иначе, как

ядерный взрыв и не воспринималось — в общем, после всех тех событий, что на тебя так щедро свалились, ты смотришь на исполненное ярости женское лицо уже совсем иначе.

Да, по манере кладки и обработки камня, коридор явно отличался и от основного здания храма и от дольмена с каменными плитами, на которых тот был установлен.

— Судя по всему, это остатки от предыдущего строения, — подтвердил его догадку полковник, оглядывая стены. — Строили одно святилище на другом, потом ещё одно. Впрочем, ничто не ново под Луной, у нас также поступали.

Под потолком, на каменной перекладине было высечено некое послание. Всего несколько слов на неизвестном языке угловатыми буквами, но, даже не имея представления о том, что там написано, ничего хорошего оно явно не предвещало. Особенно вкупе с сорванными засовами на тяжёлой выломанной двери.

Алексей посмотрел под ноги — на полу валялась маленькая красная ягода.

Глава 17. Оставь надежду

— *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate!* — произнёс Дмитрий, осветив надпись над дверью.

— Что? — не понял Алексей.

— Оставь надежду, всяк сюда входящий! — перевёл полковник. — Божественная комедия Данте. — Дима у нас итальянским увлекался, мечтал по Риму прогуляться.

Вот уж чего-чего, а знания итальянского Плетнёв от Кота не ожидал. Как говорится, «О! Сколько нам открытий чудных...»

— Так и написано? — удивился Алексей.

— Нет, конечно! — ответил Дима. — Кто же знает, что тут нацарапали, просто обстановка соответствует. Но то, что что-то в этом роде, ни капли бы не удивился.

Над аркой, прямо над надписью, на крупном камне было высечено ещё одно женское лицо, которое буквально заставляло обратить на себя внимание, притягивая взгляд. Видно было, что над ним неизвестный скульптор поработал максимально усердно, хотя стилистика оставалась прежней, характерной другим изображениям в коридоре.

Нет, это лицо не было в ярости, оно не было искажено криком или злостью, как другие, скорее, наоборот. Оно пронзительно смотрело на пришельцев с холодным надменным любопытством. Кажется, она даже улыбалась. Еле-еле заметно, но улыбалась.

— Твою [м@ть!](#)! — шёпотом произнёс Дмитрий.

— Да уж, заставляет понервничать, — согласился полковник, бросив короткий взгляд на вырезанное в камне лицо. — Идём! Чую, внизу будет ещё интереснее.

— Внизу? — зачем-то уточнил Дмитрий.

Полковник ничего не ответил, а лишь посветил вглубь тоннеля фонарём. Свет терялся в глубине, не находя за что можно было бы зацепиться, кроме как за ступени. Каменная лестница уходила вниз под углом градусов сорок пять, почти как в каком-нибудь питерском метро. Только здесь не было никакого освещения, кроме того, что давали фонарики на автоматах.

Они стали спускаться один за другим, следя за равновесием, чтобы не свалиться. Любой неосторожный шаг грозил обернуться бесконечным падением и переломанными костями, и это в лучшем случае.

"Сейчас бы самый простенький ПНВ не помешал" — подумал Алексей. А ведь учитывая уровень развития здешней цивилизации, могли бы и электричество сюда провести. Да, оно бы уже давным-давно не работало, но всё-таки странно, что никаких ламп на потолке или на стенах здесь не было. Никаких креплений для факелов, никаких крюков для переноски. Только морды лица на стене, да символы, напоминающие руны.

Никаких тебе перил или ручек тоже не наблюдалось, только стены по бокам и низкий потолок. Ступени сложены из разных по ширине и высоте каменных блоков. Одни — порядком высокие, раза в полтора выше, чем ступени лестничного пролёта в среднестатистической "хрущёвке". Другие — наоборот, довольно низкие, из-за чего Алексей уже пару раз оступился. И привыкнуть к этому было невозможно в отсутствие всякой систематичности.

А ещё ступени были гладкими и со сколами, из-за чего спуск по ним стал настоящим кошмаром. От мысли, что следующий неосторожный шаг может привести к

неконтролируемому падению в неизвестность, по спине пробегал зыбкий холодок. Перспектива лежать где-то внизу со сломанной шеей откровенно не радовала.

Что радовало, так это то, что здесь отсутствовали, присущие множеству подземелий летучие мыши, крысы и всякого рода слизи, которых Алексей очень уж не любил, особенно если они падают за воротник. Только откуда здесь взяться слизням, если здесь так же, как и на поверхности, любой намёк на сырость напрочь отсутствовал.

Что тут скажешь, был, в таком тотальном вымирании свой плюс. Ну, это если не брать в расчёт всё тех же манекенов, которые застряли между жизнью и смертью.

Они спускались настолько быстро, насколько это было вообще возможно в текущих условиях, но лестница всё никак не заканчивалась. В какой-то момент, Алексею показалось, что прошло уже минимум полчаса, но, скорее всего, это была игра воображения, вызванная ограниченным пространством, отсутствием нормального освещения и однородностью обстановки.

Так бывает, когда вместо лифта спускаешься по лестнице в какой-нибудь многоэтажке и в какой-то момент ловишь себя на мысли, что она долго не заканчивается, но это всё игра воображения, не более.

Они шли по следам, оставленным незнакомцем, который, судя по размеру отпечатков, оставленным ботинками, был мужчиной.

— Если выберемся, пойду в массажный салон оторвусь по полной. Держите меня семеро! — проговорил Дмитрий.

— В тот самый? — уточнил Данила.

— Ага.

— Не если, а когда! — подбодрил полковник. Месяц отпуска гарантирую всем и отмажу от любой административки.

- [X@pace!](#) — выразил одобрение Данила. — Если так, то я сделаю всё, чтобы выбраться из этого проклятого места живым!

Наконец, блеклый луч фонарика упёрся в каменные плиты пола, отчего Алексей испытал определенное облегчение, а спустя несколько секунд они вышли в довольно просторный зал с высокими стенами, метров пять, и сводом, который поддерживали массивные колонны. И все видимые поверхности были украшены вырезанными в камне барельефами.

Однако, слово "украшенные" здесь, если и подходило, то с большой натяжкой. Сами посудите, можно ли считать украшениями искажённые муками лица людей, которых умерщвляют всеми возможными способами, какие только могут родиться в воспалённом воображении древних скульпторов?

Что-то было в этих барельефах от изображений, оставленных майя на своих пирамидах. Все эти вытащенные наружу языки, вытараченные глаза, специфические профили лиц.

Людей кромсали и поодиночке и группами, сразу и медленно. И топили, и душили, и варили, и четвертовали. Их вели связанными на экзекуцию, их бросали со скал на острые камни и колья. Горы мёртвых тел и черепов лежали у подножий пирамид и жертвенных камней, над которыми стояли жрецы, омытые кровью своих жертв.

Нет, крови, конечно же, не было. Красящий пигмент уже давным-давно выцвел, оставив лишь намёк на былое буйство красок, которыми были расписаны стены и колонны.

— Ну что, Денис Евгеньевич, как вам? — поинтересовался Дима.

— Видел и пострашнее, — был ответ.

О! А на этой стене изображена сцена, которой позавидовал бы лютой завистью сам Влад Цепеш: настенный барельеф с претензиями на перспективу изображал сотни насаженных на колья людей, которые многие из которых, насколько можно было понять, ещё были живы, но в их случае это было скорее недостатком, чем достоинством. А ведь другие люди хватали их за ноги и тянули вниз, чтобы насадить поглубже.

— Не хотел бы я оказаться на их месте, — произнёс Данила.

— Твою ж... — ошарашенно произнёс Дмитрий. — Что за чёртова преисподняя? Куда мы попали?!

— Что ты из себя институтку строишь, которая на заборе кое-что увидела? — полковник стоял перед барельефом и буквально впитывал информацию, пытаясь всё запомнить, зарисовки делать было некогда. — Ты же и не такое видел.

— Но не в таких же масштабах!

"И не в таких обстоятельствах. Ты это забыл добавить" — подумал Алексей.

— Если это часть их культа, то они больные [убл@дки](#), — выразил мнение Алексей, и добавил. — Были.

— Не суди сторяча, Лёша, — отозвался полковник. — Если думаешь, что на Земле обстояло сильно иначе, то ты ошибаешься, у нас и не такое происходило.

— Не знаю-не знаю... — Алексей как замороженный осматривал высеченные в камне изображения, не забывая при этом, что где-то здесь вполне может прятаться так называемый нарушитель карантина.

Здесьний бог явно не страдал избыточным милосердием и мстил (и мстил ли, а сам по себе был таким?!) за смерть своих посланников по полной программе! особенно ему, видать не понравилось то, как расправились с его дочерью.

Не хочешь соблюдать заповеди божьи — получи кол в [з@dницу](#)! Он задержался перед красноречивым изображением.

На Алексея буквально таранилось одно лицо с барельефа искажённое гримасой боли, с выпученными от происходящего вокруг ужаса глазами. Ещё бы! Учитывая, что в левый бок ему вошёл кол, остриё которого вышло через правую ключицу. Тут да, действительно, было отчего выпучить зенки.

"И живые позавидуют мёртвым" вспомнилась фраза даже не из книги, из известного мультфильма! И от этого контраста становилось ещё больше не по себе. Если на секунду представить, что в основе барельефов лежали минимально правдивые события, то живые действительно лютой завистью завидовали мёртвым, ведь для них уже всё закончилось.

Подземелье производило гнетущее впечатление пыточной, вот только ни дыбы, ни плахи, ни других приспособлений палаческого искусства здесь не наблюдалось. Всё-таки это был больше храм, или... Или что-то несколько иное?

Лучи фонарей выцепили из темноты нечто массивное, возвышающееся над уровнем пола на высоте человеческого роста.

Посреди зала на постаменте, представляющем примитивную низкую усечённую пирамиду с плоской вершиной, был установлен большой гранитный саркофаг, к которому с каждой стороны вели несколько ступеней. Чем-то он напоминал всё тот же дольмен, который они видели наверху в церкви, только выполнен он был в гораздо лучшем качестве. Собственно, вот тебе и отверстие по центру одной из плит. Что же это за саркофаг такой, что в нём просверлили круглую дыру, внутрь которой вполне можно было с легкостью просунуть руку.

В свете фонарей можно было рассмотреть несколько направлений следов разной степени свежести, но сказать точно, какие из них самые поздние, было невозможно. Одна такая нитка следов вела по ступеням к саркофагу. Ну что же, чем не место для того, чтобы спрятаться? Было бы глупо не проверить.

Не сговариваясь, они вместе направили лучи фонарей на саркофаг и стали подниматься по ступеням.

— Леопольд! — негромко, но достаточно слышимо и с азартом в голосе произнёс Данила, — выходи, подлый трус!

Плетнёв не совсем понял, кого тот подразумевал под Леопольдом: возможного нарушителя, из-за которого они спустились в это обиталище боли, или к тому, кто мог скрываться в саркофаге. Не исключено, что наш клиент как раз там и ныкается.

Они поднимались на постамент шаг за шагом, вырывая узкими лучами жалкие фрагменты окружающей обстановки, в то время как Дмитрий что-то монотонно и постоянно бубнил, а когда Алексей прислушался, то не поверил своим ушам:

— Отче наш, Иже еси на небесех!

Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое,

Да будет воля Твоя,

Яко на небеси и на земли.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь;

И остави нам долги наша,

Яко же и мы оставляем должником нашим;

И не введи нас во искушение,

Но избави нас от лукаваго.

Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки.

Аминь.

Нет, страха в голосе Кота не было. Скорее, всё тот же решительный фатализм, с которым он пошёл в подземелье. Однако, проявления веры, учитывая обстоятельства, Алексей не ожидал. Сам он порядком очерствел за время службы, и вся его религиозность была довольно условна, и выражалась прежде всего в том, что он не забывал поздравить знакомых и друзей с Рождеством и Пасхой.

Однако, чего-чего Плетнёв не ожидал от специалиста по ОМП, так это того, что он будет зачитывать молитвы. Что же такого он повидал в своей жизни, что выучил наизусть текст "отче наш"?!

— Дракулы нам только не хватало, — прошептал Дмитрий, когда они шаг за шагом, освещая узкими лучами фонарей окружающее пространство, подходили к постаменту.

— Да [хр@н](#) с ним с этим румыном, — заметил Данила. — Как бы чего похуже не встретить.

— Дракула не был румыном, — заметил полковник, — Цепеш был валашским князем.

— Да и пох, кто он там был — нервно ругнулся Дима. — Как его сюда протащили-то?

Он осветил снизу саркофаг и круглую дыру в боковой плите.

— Здесь и построили, — ответил полковник. — Выдолбили в скале, как Ракму. Потом, судя по всему засыпали. Потом — нашли и откопали.

— Ракму? — не понял Алексей.

— Больше известна, как Петра, древний город в современной Иордании, вырубил прямо в скале. Ещё в Эфиопии есть храм, который вырубил прямо в скале, но только вниз.

Они остановились на площадке рядом с саркофагом, готовые в любой момент открыть огонь, кто бы оттуда не показался. Хоть бы и сам валашский князь.

Даже непонятно, что настораживало больше: то, что саркофаг по размерам явно превышал потребности для захоронения одного человека, или то, что гранитная крышка саркофага, которая, на первый взгляд, весила не одну тонну, была сдвинута в сторону.

И знаете, через образовавшийся просвет вполне мог пролезть взрослый мужчина. В другое время и другом месте, Алексей плюнул бы и растёр: мертвецы напасть из засады не могут. Но после встречи с манекенами горизонты возможного в его сознании значительно расширились.

И зачем круглое отверстие сбоку?! Твою дивизию, это же гроб! Просто большой гранитный гроб!

Или не совсем гроб?

Вам известно, то такое звенящая тишина? Так вот сейчас она была именно такой, настолько бездвижным был воздух в склепе, а они буквально задержали дыхание, глядя на место древнего погребения.

А то, что это был склеп, сомнений уже не оставалось. Вопрос лишь в том, для кого он предназначался?

А, может, не склеп? Может, тюрьма? Чем чёрт не шутит!

Поверхность крышки саркофага, как оказалась, не была плоской. Поверх неё была вырезана лежащая фигура молодой девушки, руки которой лежали чуть пониже груди со сцепленными в замок пальцами.

Кисти рук были «связаны» золотыми витыми верёвками в палец толщиной, то же самое было с ногами и шеей: там тоже были изображены путы, обездвиживающие фигуру.

— Почему у неё открыты глаза? — спросил Дмитрий.

Молодое женское лицо скульпторы действительно изобразили с открытыми глазами. Причём последние они и в самом деле постарались сделать максимально правдоподобными, используя помимо белого минерала, неизвестный ярко-синий с фиолетовым отливом самоцвет для изображения радужки.

Девушка смотрела на чужаков яркими сапфировыми глазами, по которым из стороны в сторону перемещались тёмные "зрачки", от которых нельзя было скрыться.

— Может потому же, для чего они просверлили дыру в стенке гроба — высказал предположение Данила.

Воображение, которым Алексей был далеко не обделён, рисовало жуткие картины, которые далеко не всегда соответствовали его представлению о логике. Вот только царапины снаружи вокруг круглого отверстия в боковой плите саркофага, практически не оставляли сомнения в их происхождении.

— Она на меня смотрит, — произнёс Дима.

— Она на всех смотрит, — констатировал полковник. — Это камень такой. Эффект кошачьего глаза.

— Только здесь он ни разу не кошачий, — произнёс Алексей. — Если бы зрачок был узкий, как у кошки, то, ещё куда не шло, но здесь! Да вы только посмотрите!

Тёмный "зрачок" в сапфировой радужке двигался вслед за взглядом Алексея, никак не желая смотреть на что-то иное, от чего становилось не по себе. Впрочем, он сейчас таким же образом «смотрел» на всех присутствующих.

— Это всего лишь камень, — спокойно произнёс полковник. — Такой эффект. Не

заморачивайтесь.

Плетнёв сделал усилие и присмотрелся.

— А глаза-то чистые, — сообщил он. — Кто-то их протёр.

— Вижу, — согласился Смирнов.

Он вытянулся, словно принохиваясь, хотя что там можно учуять в противогазе. Или полковник сейчас так общается со Зверем? Пытается выяснить, здесь ли ещё их клиент или уже ушёл далеко?

Где-то на самом краю зрения Алексей заметил нечто. Нечто размером с большую пуму, впрочем, с его размером вообще творилось что-то непонятное. Он то увеличивался, то уменьшался, становился то более размытым, то снова чётким, как будто не попадал в фокус, не попадал в частоту.

Зверь был не столько напуган, сколько растерян и насторожен, а ещё его раздражало, что его присутствие оказалось видимым и осязаемым тем, для кого это знание вообще не предназначалось.

Прижатые уши, осторожные движения. Для него здесь всё было внове. Всё было не таким, как он привык. Неужели и Зверь может чего-то бояться? Существо, разорвавшее на части с десятков американских командос, и вдруг чего-то боится?!

Алексей повернул голову в попытке рассмотреть Зверя более внимательно, но как только он попытался это сделать, мираж рассеялся. Наваждение растаяло.

Он вновь обратил своё внимание на саркофаг.

Девушка была облачена в длинное платье, на запястьях браслеты, тоже украшенные настоящими самоцветами, и как их не вытащили грабители! На шее, помимо золотой верёвки, скульпторы изобразили ожерелье с парой десятков ярких кроваво-красных камней.

"Как те ягоды наверху" — пронеслось в голове.

А ещё по её лицу "текли" слёзы. Да, в виде всё тех же, только чуть более мелких, красных самоцветов. Камни не были огранены, скорее, отшлифованы по форме капель, или просто тот, кому поручили эту работу, пытался найти похожие по виду и размеру. Они стекали по щекам и шее, собираясь лужицами, для изображения которых были использованы более крупные и тёмные, но всё такие же красные камни.

Вот только лицо не сказать, чтобы было грустным или опечаленным, больше всего в нём читалась некая надменность. Спокойная такая, холодная надменность. При этом оно было довольно красивым, насколько это вообще можно было изобразить в граните.

— Циркон или гранат, — заключил полковник. Оно даже протянул руку, чтобы коснуться крышки саркофага, но в последний момент его рука замерла в миллиметрах от камней.

— Или турмалин, — произнёс Данила. — Помните? Как там!

"Что значит "как там"?! Народ, вы вообще о чём?! Вы где-то видели что-то подобное?!" — Плетнёв бросил сосредоточенный взгляд на данилу, но тот ушёл от зрительного контакта.

— Это не к добру, — озвучил общую мысль Дмитрий. Он был настроен наиболее пессимистично относительно того, что открылось их взору. — Не буди Лихо, пока оно тихо. Ох и не стоило нам сюда забредать. Надо было попытаться отбиться от америкосов.

— От двух вертушек? — скептически спросил Данила.

Да, кто-то, может быть, думал чуть иначе, со своими, так сказать нюансами, но слова, озвученные Дмитрием, были своего рода квинтэссенцией ожиданий четырёх человек,

осмелившихся потревожить чужой склеп, даже несмотря на то, что ни здесь явно были не первыми.

— Сплюнь, — произнёс полковник.

Высеченному в камне изображению было далеко до античных скульптур по части реалистичности. Больше всего оно напоминало творения египетских зодчих, как их себе представлял Алексей, в противном случае, он понял бы, что сходство с египетскими скульптурами лишь кажущееся. Оно просто было особенным, другим, как и всё вокруг.

Древний скульптор вложил в эту работу все имеющиеся у них знания и навыки. Они буквально вытёсывали каждый волосок, каждую складку на платье (или саване?) насколько это было вообще возможно при их технологическом развитии.

Ну и, конечно, тот, кто придумал вставить эти камни на место глаз — был просто чёртов гений своего дела!

— Посвети, — обратился Алексей к Даниле, прежде, чем заглянуть внутрь саркофага.

Вот вроде бы ты всякое видел в жизни, даже как чужие мозги разлетаются в разные стороны, но чужие могилы почему-то у тебя вызывают суеверный трепет. Казалось бы, почему?

Сказать честно — смотреть внутрь не хотелось. Совсем. Вообще. Но проверить, не скрылся ли в древнем саркофаге беглец, было необходимо.

Плетнёв заглянул внутрь.

Никого. Только пыль и горсть разбросанных ярко-красных ягод, которым здесь уж точно было взяты неоткуда. Маленькие такие, похожие на смородину, или на рябину, или на что-то, чего Алексей в своей жизни ещё никогда не видел.

Просто красные ягоды.

— Знаете, — произнёс Дмитрий, заглядывая внутрь вслед за Плетнёвым, — если бы здесь какой-никакой скелет или мумия, мне было бы спокойней.

— Согласен, — произнёс, отряхиваясь, Алексей.

Просто красные ягоды.

И больше ничего.

Что же не так с этими ягодами?

Они разошлись, обходя саркофаг, а лицо с надгробия провожало их холодным сапфировым взглядом. Стали спускаться по ступеням с другой стороны, разойдясь небольшой цепью, при этом полковник и Дима с Данилой ушли вперёд.

Что-то показалось Алексею странным, заставившим его остановиться. Он задумался, втянул воздух носом.

Яркий цветочный аромат ударил в ноздри, раздражая рецепторы и задевая отделы мозга, ответственные за обоняния. Так пахли фиалки на подоконнике, которые когда-то давно растила его мать. Тонкий, но яркий аромат, если втянуть воздух совсем рядом с цветами.

Но. Он. Был. В противогазе!

Плетнёв явственно ощутил пристальный взгляд, который пронзал его насквозь и словно смеялся над ним. Нет, это был не Зверь! Этот взгляд смеялся и презирал! Испытывал любопытство и презирал! Смотрел как на надоедливое насекомое, которое осмелилось забраться в поисках съестного на кухонный стол, в то время, как над ним уже завис тапок, готовый в любой момент с размаху опуститься и расплющить его. Нет, не животного, а именно насекомого — именно так он ощутил себя под свербящим взглядом из темноты.

Он обернулся, осветив пространство между колоннами, и забыл, как дышать.

Луч фонаря вырвал из тьмы женскую фигуру в длинном белом платье в пол. Она стояла на чёрном каменном полу и смотрела прямо на Плетнёва. Красивое лицо с правильными чертами, длинные тёмные волосы, заплетённые лентами, яркие синие-синие глаза. И пристальный взгляд, пробирающий до костей.

Если бы она парила в воздухе, как на той мозаике в церкви, он бы, пожалуй, не так бы нервничал. Но она твёрдо стояла на полу, и от этой её материальности становилось только хуже.

Девушка слегка склонила голову на бок, словно изучая его. И всё бы ничего, но движение это было отрывистым и резким, а от того показавшимся неестественным.

И в следующий миг Плетнёв ощутил, как на него накатывает волна панического ужаса, такого, которого он ещё никогда в своей жизни не испытывал. Даже, когда попадал под перекрёстный огонь. Даже когда боевик приставил к его горлу нож во время одного из рейдов.

Каждый волосок на его теле поднялся, оцетинившись от страха.

Впереди немного и в стороне послышался шорох и глухие звуки быстрых ударов по телу.

— Народ! — раздался спокойный и довольный голос Данилы. — Гляньте, кого я тут нашёл!

Алексей моргнул, и видение пропало, словно ничего и не было, только чёрные стены с изображением пыток и казней. Сделал глубокий вдох.

Глава 18. Слабоумие, отвага и жажда наживы

Когда Плетнёв подбежал, всё было кончено. Данила сработал быстро и профессионально. Было в нём что-то цинично-профессиональное. Интересно, какой скелет в твоём шкафу припрятан.

Тем не менее, сейчас обошлось без лишней крови.

— *Vuongiorno bambino!* — Кот рассматривал незнакомца, который сидел на пятой точке и жмурился от света фонарей, а на сведённых за спиной руках поблёскивали наручники. — И как же тебя сюда занесло, amico?

Молодой парень, лет двадцати, может, чуть старше. Так мог бы выглядеть типичный студент.

Джинсы-джоггеры с карманами, хорошая туристическая куртка, под ней толстовка с капюшоном, небольшой рюкзак, и да, отличные ботинки на толстой рифленой подошве. Алексей даже испытал чувство зависти, ему бы такие. На голове — выключенный налобный фонарик на светодиодах. На лице — хороший медицинский респиратор повышенного класса, и обычные туристические очки из плексигласа. Обычные, но тоже хорошие, такие просто так не разобьются.

Может, то, что они потеют в противогазах, у которых уже и фильтры свой ресурс выработали, — действительно, напрасная предосторожность и для защиты достаточно использовать просто шарф или вот такой вот респиратор?

Хотя, скорее всего, парень использует респиратор не потому что боится заразиться патогеном, а просто не хочет дышать здешней пылью, которая, стоит её побеспокоить, реально лезла во все незащищённые одеждой места, да и на одежде тоже скапливалась в достаточном количестве.

— А чего ты не предложил ему сдать, руки в гору и всё такое, как положено? — шутивым тоном поинтересовался Дмитрий.

— Кем положено? — Данила изобразил искреннее удивление. — Да и времени не было. Вдруг бы не понял, или оказал сопротивление. А так, раз и можно спокойно разговаривать.

Он обошёл пленника, не заморачиваясь, пнул его по голени, заставив показать подошву, довольно кивнул. Ага, та самая надпись. Что ж, хоть не зря сходили, даже осталось время на допрос по горячим, так сказать, следам, пока клиент не очухался и не выстроил тактику поведения.

Плетнёв обратил внимание, что парень, хоть и отворачивается от яркого для глаз света фонарика, при этом постоянно тайком озирается, словно кого-то высматривая.

— Перестань, — произнёс полковник, — мы же не гопники какие. Мы — люди воспитанные. Наш новый знакомый нам всё сам расскажет, ведь так?

Полковник наклонился над студентом, как его про себя уже стал называть Алексей, и посмотрел на него через стекло маски максимально дружелюбным взглядом, какой только мог изобразить. Оттянул респиратор, чтобы увидеть лицо парня, отпустил "намордник" и тот с легким щелчком вернулся на место, заставив студента вздрогнуть от неожиданности.

— Ну, расскажешь нам, что ты здесь забыл и как попал сюда? И помни — у нас не так много времени, чтобы возиться с тобой. Но прежде... Кот, обыщи его!

Всё это время они держали незнакомца под прицелом. Кто его знает, какой он фокус выбросит, хоть бы он и был скован наручниками, лучше перестраховаться, а то знал Плетнёв

умельца, который ловко так большой палец на руке выворачивал, что запросто мог из наручников выбраться.

Дима ловко перекинул автомат за спину, на которой и без того находился рюкзак, и без лишних церемоний завалил парня на гранитную плиту, прихватив за связанные руки и надавав коленом на спину, от чего тот даже застонал. После этого тщательно похлопал ладонями по его одежде, осмотрел все карманы, которые только попались ему на глаза, выворачивая их и выбрасывая на пол содержимое.

— Чисто! — сообщил он, на полу помимо всякого никчёмного хлама, какой обычно скапливается в карманах словно бы путём самозарождения, оказались обычный складной нож и такой же обычный кнопочный телефон. Невзрачная монохромная Нокиа, а не какой-нибудь популярный смартфон, которые стали быстро входить в моду. У Алексея такой мобильник лет пять назад был, если не ещё раньше. Вслед за ножом и телефоном на полу оказался электронный брелок-ключ от хорошего импортного автомобиля, по крайней мере с виду он таким казался. О каменный пол звякнули и ключи от автомобиля попроще с обычным металлическим брелоком в виде ладьи.

После процедуры досмотра Кот рывком посадил пленника на пол, заставив пинками, раздвинуть ноги. Из такой позиции сильно не повоюешь: не прыгнуть, ни ударить ногой, да и руки, скованные наручниками за спиной, быстро не перекинешь вперёд.

— Что в рюкзаке?! — продолжил допрос полковник, вновь направив свет от фонарика незнакомцу прямо в глаза.

— Ничего такого, — растерянно сообщил парень по-русски.

— Оружие?! Взрывчатка?!

— Да нет!

— Да или нет?! — наседал Смирнов.

— Нет! Нет там ни оружия, ни взрывчатки! Только личные вещи! — чуть не закричал парень. Походу он был реально напуган, но пытался этого не показывать.

— Гляди-ка ж ты, — вполголоса произнёс Данила, обращаясь к стоящему чуть в стороне Алексею, — по-русски балакает. Значит, сюда откуда-то от нас попал.

— Я знаю ещё минимум пару стран, где говорят по-русски, — таким же тоном возразил Алексей.

— Не, скорее всего, от нас. Я даже догадываюсь, откуда, судя поговору.

Тем временем, полковник продолжал разговор-допрос со студентом, как его в уме уже окрестил Плетнёв.

— Верю, — внезапно изменившимся тоном спокойно сказал полковник. — А теперь расскажи мне, кто ты, и как сюда попал? Для начала, назови имя.

— Егор, — последовал быстрый ответ, пока Дима шерстил его рюкзак, а Данила бегло высвечивал фонариком близлежащие закутки подземелья. — Я просто студент.

Ну, надо же! Со студентом Алексей угадал.

— Егорка, ты здесь один? Как ты сюда попал? Кто провёл?

— Один! Да никто, — засопел парень, отворачиваясь от света. — Хобби у меня такое по подземельям лазать.

— Ты смотри, если окажется, что сейчас здесь прячутся твои знакомые, то они могут пострадать, да и ты тоже. А мы только-только начали друг другу доверять. Ведь мы же доверяем друг другу?

Тон полковника принял тот самый оборот, когда собеседник вроде бы демонстрирует

дружелюбие, но на самом деле ты понимаешь, что лучше бы он открыто угрожал.

— Нет, нет никого! Я один! Хожу по старым подземельям. Ради интереса!

— Диггер что ли?

— Он самый, — ответ прозвучал, как показалось, Алексею не очень уверенно. Был нюанс в интонации, который был не то, чтобы подозрительным, просто студент словно испытал облегчение оттого, что его приняли за диггера, подкинув вариант ответа, который лучше всего удовлетворял.

— Какой ты [нахр@н](#) диггер, Егорка?! — влез в разговор Данила, похоже ответ студента ему тоже пришёлся не по душе. — Ни заколенников, ни каски! Из снаряжения один фонарик, даже верёвки толковой нет!

Да, если бы Плетнёв пошёл в такое путешествие, он бы точно взял с собой что-то более подходящее под определение оружия, чем обычный туристический складной нож. Но это верно, если ты готов применить это оружие. К тому же наличие огнестрела при встрече с незнакомцами может наоборот сыграть против такого, как этот студент, искателя приключений, даже если он им не успеет воспользоваться. Так что минимум того, что можно принять за оружие, это в чём-то даже дальновидное решение, хотя не факт, что осознанное.

— Я — начинающий! — попытался выкрутиться парень. Похоже его стало отпускать, он понял, что его не собираются убивать здесь и сейчас, а значит, скорее всего, и вообще жизни лишать не будут.

К полковнику подошёл Дима и показал тому раскрытый рюкзак, после чего Смирнов запустил туда руку и вытащил её уже полную золотых украшений с цветными камушками, которые свисали с кисти и переливались в свете фонариков всеми цветами радуги. Тяжело вздохнул.

— Это вот твои личные вещи? — по голосу полковника Алексей понял, что тот самую малость удивлён, но не содержимым рюкзака, а тем, что на секунду поверил студенту. — Ради интереса, говоришь, по подземельям ходишь?

— А чьи же ещё?! — внезапно заупорствовал Егор. — Раз не чьи, значит мои!

Кажется, стало понятно, почему полковник сразу не прочитал его — парень был полностью уверен в своей правоте. Смирнов размышлял пару секунд, потом резко сменил тему.

Кот перевернул рюкзак вверх ногами и стал трясти его за лямки: на пол со звоном посыпались цепочки, браслеты, поскакали по полу цветные гранёные камушки, с хрустом выпала бутылка с недопитой минералкой, недоеденный шоколадный батончик в обёртке и надкусанный крекер, которые студент проводил грустным взглядом.

— Что, Егор, не получилось обратно уйти? Точка перехода нестабильная, сместилась, не смог найти? Или ещё что помешало?

— Не понимаю, о чем вы. Я простой диггер, любитель, оттого и снаряжения нет. Забрался в городские коммуникации, случайно вышел на ветку метро, потом вот вылез в этом районе города.

— Где ты, говоришь, вылез?

— В этом районе, — шмыгнул носом Егор. — Заброшенном. Не знал, что у нас в городе такой есть.

Вот сейчас был перебор. Студент однозначно переиграл и полковник, да и остальные ему не верили ни на грамм.

— У вас в городе? — с виду Смирнов с трудом пытался сохранить серьёзный вид, но Алексею показалось, что это была лишь обманчивая ширма. — В каком, говоришь, городе?

— В Ёбурге, — парень с отчаянием завравшегося ученика явно решил дальше отыгрывать роль наивного дурачка.

— Где? — не понял полковник.

— Это они так Екатеринбург называют, — пояснил Данила.

— Тьфу ты! А я-то уж было подумал: где это в Йоханнесбурге так хорошо русскому учат.

— И ты типа хочешь мне сказать, что думал, что бродишь по заброшенному району своего города и просто собираешь золотишко с мертвецов, которым оно уже без надобности? Так я тебя огорчу, для этого тоже статья есть.

— Да видно же — горбатого лепит! — вновь вмешался Данила, желающий, по всей видимости, прибегнуть к более радикальным методам допроса. — Говори, откуда явился!

Данила резко замахнулся прикладом, парень сжался, но удара так и не последовало.

Полковник никак не отреагировал на это представление, а продолжил допрос, не сводя глаз с парня. Очевидно, что тот много не договаривал, но Смирнов сейчас был не настроен на применение, как говорится, непопулярных мер, как в случае с тем же американцем, в которого, не раздумывая, всадил нож, чтобы разговорить по-быстрому.

— И много у нас простых диггеров на "мерседесах" премиум-класса разъезжает? — он нажал на кнопку брелока. Автомобиль, понятно, не отозвался, но попробовать-то стоило.

— Это просто брелок! — возразил Егор. — Просто понтуюсь, визуализирую. Мечтаю.

— А вот сейчас не верю, — резко отрубил Смирнов. — У тебя есть настоящий и очень дорогой "мерс", и купил ты его на золото и камни, которые отсюда таскаешь. А это, — полковник подбросил в ладони вторые ключи с символикой "автоваза", — ты используешь, чтобы доехать до нужного места, скорее всего, по бездорожью. Что, подержанная "нива"?

По взгляду было видно, что полковник если и не угадал, то был близок к действительности.

— Арендуешь где-нибудь гараж на окраине, доезжаешь до него, меняешь тачки и едешь дальше. Но только не по какому метро ты не шляешься, по подземелью — возможно, но не метро, — Смирнов буквально впился в студента взглядом.

— Да кто вы вообще такие?! — вдруг взвился парень, пытаясь встать на ноги, — И какого [xp@на](#) меня допрашиваете?! Я не обязан вам отчитываться! Я имею право не отвечать без адвоката!

В следующий миг он скрючился на полу, получив знатный удар прикладом по рёбрам. Плетнёву даже показалось, что он расслышал хруст, но скорее всего, это уже его воображение дополнило картину удара.

- [C@ууки](#), - пытаясь сделать вдох, процедил студент сквозь зубы и заелозил ногами по полу. — Твариини.

— Ты ещё скажи "менты поганые и волки позорные", — рассмеялся Кот. Такое ощущение, что его ситуация явно веселила.

— Вот тебе адвокат, — Данила крепко держал автомат в руках, — а сейчас ещё и омбудсмен с правозащитниками подойдут. С кем предпочитаешь общаться: с эмнисти интернешнл или с хьюман райтс вотч?

Он выразительно посмотрел сначала на один, а потом на второй берцы.

Полковник движением руки остановил Данилу, который уже занёс ногу, обратился к Егору. И тон его не предвещал ничего хорошего. Даже притворная доброжелательность куда-

то испарилась, уступив место холодной угрозе.

— Дружок, — он наклонился над студентом, отчего тот попытался отползти в сторону, нервно засучив ногами по полу, — и ты, и я знаем, что ты здесь находишься незаконно, грабишь трупы и дома. Готов поклясться, что продаёшь потом по цене лома в ломбарды или ювелирные мастерские, которые не слишком заморачиваются над происхождением драгметалла и брюликов.

Парень так и смотрел на полковника снизу, даже не пытаясь вновь принять сидячее положение. И правильно, потому как Алексей совсем не был уверен, что Данила не огреет его по новой, даже несмотря на формальный запрет полковника.

— Меньшая из проблем состоит в том, что тебя, скорее всего, уже заметили скупщики краденного и прочие господа, близкие к криминальным кругам, обычно именуемые в народе бандитами. А они могли установить за тобой слежку, и в итоге выйти на это место. Улавливаешь логику, студент?

А вот дальше начинается главная проблема: и ты и те, кто за тобой придут — ведь им захочется узнать, откуда ты таскаешь неучтённые изделия из драгметаллов, да ещё без пробы — могут притащить отсюда заразу, от которой может погибнуть очень много людей.

Слова "очень много людей" полковник произнёс с расстановкой, практически по слогам. Продолжал:

— И ещё, — он сделал паузу, — сейчас мы тут, персонально для тебя, и полиция, и суд, и адвокат с прокурором. И тебе откровенно повезло, что при тебе не было огнестрела, и ты не начал по нам шмалять, иначе этого разговора бы вообще не состоялось.

Полковник распрямился, нависая над студентом.

— Впрочем, ты уже и так натаскал заразы порядочно, — с некоторым сожалением произнёс он.

— Какая ещё зараза, — наконец осмелился выдать из себя парень. Нет тут ничего. Всё сдохло, [xp@n](#) знает когда. Я проверял.

А вот это он зря сказал. Полковник буквально изменился в лице.

— Что ты сказал? — ледяным голосом спросил он. — Ты выносил отсюда что-то кроме побрякушек?

— Тупень, а уровень радиации ты проверял?! — сейчас уже Дима готов был огреть расхитителя гробниц чем-нибудь тяжёлым.

Егор захлопал глазами. Было ясно, что про ионизирующее излучение он, если и слышал, то только из учебника физики и то вскользь, не акцентируя на этом своего внимания.

Дмитрий вытащил дозиметр из кармана и для наглядности провёл им рядом с иномирной ювелиркой, отчего того издал радостный треск.

— Бл@...- было видно, что парень искренне поражён таким поворотом событий.

— Покраснения на коже, сыпь, ухудшение зрения или ещё что-то, чего раньше не было, замечал за собой, частая рвота, понос? — перечислял Дмитрий.

— Н-нет, — ошарашенно замотал головой Егорка.

— Ну, это пока ты критическую дозу не успел получить. А теперь подумай, что будет с людьми, которые таскают, так сказать, твоё золото на себе. Сколько людей болеет, не понимая, что с ними происходит?

Парень понурил голову и уставился в пол не то от безысходности, не то от осознания, что всё в этом мире имеет свою цену. Неужели реально совесть проявилась? Да нет, студент какой-то хитровыделанный, надо с ним лично потолковать при первой возможности.

Глава 19. Деконтаминация

Опять это чувство, что кто-то тебе смотрит в затылок. Словно покалывает иголочками. Что-то подобное Алексей испытывал буквально совсем недавно, до того, как Данила сцапал студента. И опять этот запредельный, загробный холод пробежал по спине.

Она вернулась. Вот только, что это: реальность или галлюцинация? Еле заметный невесомый абрис в рассеянном свете фонарей, лучи которых сейчас направлены в сторону.

И что же это получается, только он её и видит? Данила с Димой шерстят рюкзак студента, вытряхивая на пол драгоценности, ещё раз шманают его карманы, полковник что-то там продолжает говорить, пытаясь воздействовать на психику диггера.

А что диггер? А диггер обливается потом, скосив взгляд и глядя на незваную гостью.

Неужели Смирнов не чувствует? Или, как говорил Данила, Зверь — существо иного порядка, и ему не под силу в полном объёме осмыслить происходящее, и поэтому он испытывал тревогу и растерянность, которую ощутил Алексей?

Но тогда почему он её видит, и уже второй раз, а остальные — нет?

— Так, пойдёшь с нами, — громко произнёс полковник, обращаясь к студенту.

Алексей моргнул, и наваждение исчезло, будто его и не было. Или всё-таки галлюцинация?

— Что не так? — полковник заметил заминку Алексея.

— Да так, показалось, — ответил Плетнёв.

— Точно? — а вот сейчас полковник что-то почувствовал.

— Обезвоживание сказывается, — утвердительно кивнул старший сержант.

Сначала надо получить подтверждение своим ощущениям, а уже потом вываливать свои подозрения. С другой стороны, она так была похожа на... да ну, бред какой-то!

Алексей ещё раз обернулся, осветив пространство между колоннами, но ничего кроме стены, заполненной сценами пыток, луч из темноты вырвать не смог. Но зато можно было лишний раз удивиться человеческой изобретательности в способах причинении смерти себе подобным.

Или не совсем человеческой? Алексей присмотрелся к барельефу: среди творящегося на нём хаоса, переплетения рук, ног, неизвестных видов холодного оружия, терялась фигура молодой девушки, которую так сразу было и не рассмотреть. Хорошо сработали скульпторы — не поспоришь!

Она стояла в центре очередного кровавого бесчинства — старательно вырезанная из камня вплоть до камней на ожерелье и диадемы на голове. А в руках она держала... сердце? Уж не сердце ли убитого брата? Но это если содержание настенных барельефов гробницы имеет прямое отношение к тому, что они видели на мозаиках в молельном зале наверху.

И тут ей тоже попытались выложить глаза из самоцветов. Разе что белков не было видно, а в сапфировую радужку обеих глаз было вмонтировано по рубину.

Ну понятно, он просто спутал изображение на стене с реальностью. Может и до этого ему просто показалось? Обезвоживание реально может довести человеческий организм до крайности.

Студент получил ещё несколько тычков, пока они возвращались наверх.

По пути они не смогли миновать пирамиду с саркофагом, внутри которой лежала горсть кроваво-красных ягод, невесть каким образом здесь появившихся и каким-то чудом

выглядыщих так, будто их сорвали пару минут назад.

— Это ты ей глаза протёр? — задал вопрос полковник, когда они задержались около надгробия.

Студент молча кивнул.

— А почему не попытался отколупать камушки? Вот же они! Бери — не хочу!

— Так могила же, — неуверенно ответил так называемый диггер. — Неправильно как-то было бы.

— Там, наверху, — назидательно произнёс командир, подняв указательный палец, — одна сплошная могила. Никакого диссонанса не испытываешь по этому поводу?

Студент очевидно диссонанса не испытывал, подразумевая, что могила это могила, а валяющиеся на улице трупы — это другое.

Плетнёв, однако, решил, что нежелание Егора отколупать камни с саркофага обусловлено несколько другими причинами.

— Да его просто баба своими глазищами напугала! — засмеялся Дмитрий.

— Прямо, как тебя, — не преминул подначить Данила. — Сам не мог оторвать от неё глаз.

— Ну так если... — Кот бросил взгляд на саркофаг в центре зала, задумчиво произнёс — ...она же реально пялится, чтоб её!

— А крышка, — продолжал полковник, — кто её сдвинул?

Егор пожал плечами, вроде как искренне.

— Ну, уж точно не я. Она же весит как автомобиль!

— То есть саркофаг уже был вскрыт, когда ты здесь появился первый раз?

— Был. Я лишь поднялся посмотреть и смахнул пыль, чтобы сделать снимки.

— Где они?

— Кто?

— Не кто, а что, твою @@@@! Снимки! Где они?! На что ты их делал?!

— Карта памяти дома, я на цифровик снимал. Для себя.

— Кому-то показывал?

— Не успел.

— А хотел?

— Ну...

Полковник жестом уставшего человека хотел помассировать переносицу, но пальцы упёрлись в стекло противогаза. Кажется он тихо ругнулся, произнеся что-то из разряда "ДБ".

— Ладно, пошли, как бы народ без нас не ушёл, а то если Егорка не смог выбраться, то и мы рискуем здесь застрять на неопределённый срок. Будешь чудить — останешься здесь навсегда. По возвращению дашь детальные показания. Усвоил?

— Усвоил. А вы типа секретная служба при правительстве? — проявил толику смелости парень.

— Типа.

В следующий момент студент получил ощутимый тычок дулом автомата в спину и пошёл, прихрамывая вперёд.

***

Никто не ушёл. И все были живы.

Когда они поднимались по каменным ступеням лестницы, Алексей больше всего опасался, что когда они окажутся наверху, то никого не обнаружат несмотря на ещё

остававшееся до контрольного срока время, или что они найдут своих товарищей убитыми манекенами или другими тварями, которые, как оказалось, могут обитать даже в этом, казавшемся таким мёртвым, на первый взгляд, городе.

Ещё до того, как они вернулись в церковь, Алексей испытал подлый укол страха, что без Афанасия придётся остаться в этом мире навсегда. Да, это "навсегда", скорее всего, длилось ровно до того момента, когда бы у них закончилась еда и вода и они бы мучились от жажды ещё несколько дней. Недаром смерть от голода и жады считается одной из самых тяжёлых.

Но нет, все были на месте. Народ под командованием Чекана превратил церковь в оборонительный пункт, которому так и не удалось испытать себя на прочность.

Единственное, что сразу бросилось в глаза — наворачивающие из котелка какую-то кашу Толик и Афанасий. Противогазы, понятное дело, болтались прицепленными на рюкзаки.

Полковник, когда это увидел, лишь махнул рукой. Они задержались здесь гораздо дольше чем рассчитывали, и было очевидно, что без еды и питья им не обойтись. Как ни крути, приходилось рисковать.

Разве что место приёма пищи, обустроенное прямо на алтаре-дольмене, они постарались максимально, насколько это возможно, очистить от вездесущей пыли.

В итоге, полковник сам снял противогаз и разрешил остальным сделать то же самое, чтобы подкрепиться.

Алексей сразу же сделал несколько жадных глотков из фляжки, с трудом заставив себя не выпить всю воду разом. Нет-нет, надо чутка сэкономить, кто знает, сколько им ещё придётся здесь ошиваться.

На пойманного нарушителя карантина оставшиеся в церкви бойцы поглядывали с любопытством, но вопросов не задавали, потом всё равно всё узнают.

Студента отсадили подальше от американца, чтобы те не могли общаться. Почему-то в то, что парень в достаточной степени знал английский, верилось с трудом, но лучше перебдеть. Кто его знает, что у него на уме, учитывая то, чем тут промышляла эта мужская версия Лары Крофт.

Горе-диггеру тоже выдали сухпаёк, который он с заметным аппетитом стал уплетать за обе щеки, чуть не давился, глотая еду почти не пережёвывая.

Когда Алексей снял противогаз, он сначала сделал осторожный вдох, словно прислушиваясь к своим ощущениям, даже не смотря на то, что остальные уже, судя по всему, дышали здешним воздухом уже, как минимум, полчаса, но пока оставались живы и бодры, насколько это вообще возможно.

Сухой безжизненный воздух. Никаких ароматов и запахов, кроме тех, что исходили от них — помыться, кстати, не помешало бы, хорошая русская баня будет в самый раз. А так, ничего особенного. Даже более чем, ничего особенного.

В воздухе всегда есть молекулы, которые отвечают за запах, а тут словно прошла тотальная дезинфекция. Необычное ощущение.

Дима, похоже, тоже был озадачен таким положением вещей. Он стоял посреди зала и открыто принялся и разговаривал сам собой.

— Тотальная деконтаминация, — донеслось незнакомое слово до Плетнёва.

Он подошёл к полковнику, который уплетал сэндвич, запивая его водой из фляги. Что там со Зверем не понятно, а полковник точно проголодался как самый обычный человек.

— Денис Евгеньевич, — обратился он. — Почему мы его не ликвидировали?

— Кого? — уточнил полковник, делая большой глоток.

Если честно, Алексей хотел бы это знать и в отношении американца, но сейчас он говорил о студенте, который, что уж тут, был обычным, хотя и не очень сообразительным грабителем, которому на голову свалилось целое состояние.

— Тебе ещё многое предстоит узнать, Лёша, — ответил полковник. — И среди прочего то, что такими людьми, как наш Егорка не разбрасываются. Пристрелить — дело секунды, только для начала есть смысл попробовать завербовать пацана. раз уж он сюда смог забраться. А если уж не получится, то можно и в расход, впрочем, есть и другие способы.

— Думаете, он может быть полезен? По-моему, он...

— Туповат? — полковник посмотрел в сторону студента, сидящего на скамье, на другом конце которой расположилась семья из нескольких мумий. — Он ещё молодой, наглый, характер такой. Обтесать можно, и не таких обламывали. Собственно, надо разобраться как он сюда попал: сам проход нашёл, или просто случайно воспользовался случаем. В конце концов, надо выяснить, где находится точка перехода — про метро это он пурги нагнал, здесь Данила прав. Надо ещё будет выяснить, как сильно он наследил у нас. Куда сбывал камушки. По возможности изъять. Есть у нас определённые подвязки в МВД.

— А как люди обычно себя ведут, когда попадают... сюда, или в какое-либо другое место?

— По-разному, Лёша, по-разному, — полковник будто на несколько секунд погрузился в воспоминания. — Кто-то испытывает эйфорию. Кого-то парализует страх. Кто-то сходит с ума. Кто-то ведёт себя как ты. Но имей в виду, что ты находишься в группе, а это значительно снижает накал восприятия происходящего, хотя тоже не панацея от безумия и неадекватности. Ну а кто-то пытается разбогатеть. А кто-то проявляет то, что обычно называют слабоумием и отвагой. По-разному, в общем. Но закономерности есть и способы снизить вероятность неадекватного поведения, как ты уже понял, тоже.

Да, Плетнёв уже примерно понял, как всё устроено. Но со студентом кое о чём переговорить с глазу на глаз всё-таки не помешает.

***

Улучив момент, когда полковник интересовался состоянием Александра, а остальные готовились к дальнейшему пути, Плетнёв выхватил студента и прижал к стене в церковном закутке.

— Слушай сюда, Егорка! — вполголоса заговорил Плетнёв, дуло пистолета с силой упёрлось в живот студенту. — Ты сейчас либо скажешь то, что меня удовлетворит, либо я тебя [нахр@н](#) пристрелю, и скажу, что ты пытался сбежать. Понял?!

Егор прижался к стене, безуспешно пытаясь просочиться сквозь неё, из-за чего он словно вырос ещё сантиметров на десять, испуганно хлопал глазами, глядя на Плетнёва, но даже не пытался отстранить или перехватить пистолет.

— Ты видел что-то в склепе, так? — угрожающе прошептал Алексей. — Что ты видел? Что чувствовал?

Егор сглотнул, но быстро взял себя в руки, стал отвечать.

— Девочка! — наконец просипел, учитывая пистолет, который давил ему на солнечное сплетение. — Нет, девушка. Видел. В длинном белом платье, тёмные волосы! В ожерелье! Обод на голове или диадема, или что-то подобное. Думал, показалось. Чего в темноте ни привидится.

— Ещё! — требовала Плетнёв.

— Запах, — нервно шептал Егор. — Аромат. Сначала появился цветочный аромат. Не уверен, но, по-моему, это были розы. Аромат роз!

— Розы? — Алексей с силой вдавил пистолет под рёбра диггеру. — Точно?!

— Да я хэ зэ! Пахнет и пахнет! — запаниковал Егорка, и, кажется, попытался ещё больше слиться со стеной. — Похоже на розы! Я маме дарил на день рождения!

— Ещё!

— Она как появилась, так я и не смог вернуться! Вроде иду прямо, куда надо, а возвращаюсь всё к тому же месту! — быстро шептал он. — Как в петлю попал! Думал, спятил! Да я сам чуть не обосрался, когда эта панночка явилась! Решил, что это она из гроба вылезла! Похожа ведь! Похожа?

— Кто?!

— Ну, панночка! Как у Гоголя! — залепетал студент.

Угораздило же его ввязаться в историю, подумал Плетнёв: командир с каким-то симбионтом, верующий любитель итальянского языка, а тут ещё знаток русской литературы.

Однако что-то не вязалось в рассказе студента. Плетнёв взгляделся в его лицо. Теперь при рассеянном свете дня, если это можно было назвать днём, было видно, что студент выглядит довольно истощённым и усталым: впалые щёки, синяки под глазами, щетина, по меньшей мере, недельной давности.

Теперь понятно, почему он с такой жадностью поглощал выданные сухпаёк.

— Сколько ты, говоришь, уже находишься здесь? — он ослабил нажим пистолета.

— Шестой день пошёл. Но я не уверен: телефон сел, а часов у меня нет. В последний раз взял еды и воды совсем немного, думал, всё пройдёт как обычно, а оно вон как обернулось!

— Почему от нас попытался скрыться?

— От группы неизвестных вооружённых до зубов людей? — задал встречный вопрос Егор. Стоит признать, некоторая логика напуганного человека в его словах была. — Решил, прежде чем вам сдать, попробовать ещё раз пройти галереей. Не вышло.

Что же, вроде как, начинающий диггер не врал. Да и насчёт схожести гостыи с изображением на крышке саркофага, как и на той стене, где девушка держала в руках чьё-то сердце, студент тоже был прав. Что-то у них было общее.

Ну что там, существуют массовые галлюцинации, да ещё практически идентичные? Вроде как получалось, что ты не спятил, и показания студента это подтверждали. Непонятно было только, кто вскрыл саркофаг и когда это случилось. Однозначно, это был не этот, пусть и спортивного вида, но студент, масса не та. Да и вскрыта гробница, скорее всего, действительно была гораздо раньше, чем шесть назад, если верить словам студента о сроке его здесь пребывания. Да даже с учётом всех его предыдущих визитов — слишком всё старым выглядело.

— У вас всё нормально? — поинтересовался проходивший мимо полковник.

— Всё отлично, Денис Евгеньевич! — Алексей похлопал Егора по плечу. — Так, лёгкое недоразумение. Всё разрешилось.

И что теперь с этой информацией делать?

Глава 20. Улыбка бога

Как выяснилось, студент был в курсе существования манекенов, только называл он их «спящими» или «сонными», так как те, с его слов, большую часть времени находились в своего рода анабиозе, не проявляя никаких признаков жизни, и вообще опасности не представляли, если особо близко не подходить и не беспокоить.

Студент как раз и напоролся на них примерно так же, как Алексей с остальными, но отсутствие оружия, в данном случае, сыграло ему даже в плюс, так как он не стал палить и привлекать лишнее внимание, а воспользовался преимуществом в скорости передвижения. А потом он заметил, что спящие долго свою жертву, если здесь это слово вообще уместно, не преследуют, тормозятся и снова засыпают, при этом, как правило незаметно возвращаются в места прежней дислокации.

Ну да, учитывая то, как Алексей с товарищами повёл себя с ними — ну так они вообще думали, что они неживые, оттого манекенами и назвали — нечего и удивляться, что они попёрли на них со всех сторон.

Кроме, как в большом торговом центре, где Плетнёв впервые столкнулся с манекенами, студент назвал ещё пару мест, где кучковались "спящие". Среди прочих был местный железнодорожный вокзал и фабрика, которую они видели издалека, когда только-только подходили к городу. Там их, по словам Егора, было особенно много, из-за чего подходить ближе он не рискнул. Всё-таки здраво опасался того, что эти создания окажутся не такими уж и безобидными, и что будет, если они, даже еле волочащие ноги, вдруг решат его обложить со всех сторон, проверять не хотел.

Студент тоже слышал шёпот, исходящий от манекенов, и также в момент, когда оказывался поблизости с ними. Слов было не разобрать, хотя на что он надеялся, учитывая то, куда они попали, было не совсем понятно. Очевидно же, что они говорили на каком-то своём языке!

С одной стороны, парень вроде как выглядел наблюдательным, схватывающем на лету, с другой же, как подметил полковник, туповатым, или скорее простоватым да и интересовали его, прежде всего, побрякушки, богатство, свалившееся на голову не с того ни с сего. И как его полковник собрался вербовать, Плетнёв представить не мог.

Простота хуже воровства — это про него, про студента. Лёгкого бабла приподнял, себя пересилил с мертвецов его снимать, да ювелирки обчищать, а вот то, что это всё может иметь фонить — не догадался.

К тому же Смирнов не верил рассказам студента про то, что он попал сюда через метро Екатеринбурга. Объект и без того по причине борьбы с терроризмом находился под плотным контролем органов правопорядка, выскочить на пути или попасть в тоннель откуда-то со стороны, было практически невозможно, да и точек перехода там никогда не было. Не то место, как объяснил Смирнов.

Они бросили последний взгляд на церковь, ставшую их временным пристанищем и построенную над другим более древним храмом, которому больше подошла бы характеристика гробницы, а то и вообще одного большого склепа. Правда, мертвецы внутри, кроме тех, что были изображены на барельефах, им на глаза так и не попались.

А манекены, что манекены... Или, как говорит Егор, спящие, они, если верить полковнику, далеко не мертвы, они, скорее, другие, но не мёртвые.

Исследовать галерею, посредством которой в это место попал студент, они не стали, так решил полковник. Сказал, что если диггер не смог пройти обратно, то и они не смогут, по крайней мере, без Афанасия, а он остался наверху. Правильнее было бы дойти до уже известной точки перехода, чем пробовать новую, к тому же, вероятно, нестабильную, и не факт, что она приведёт именно туда, куда нужно, слишком уж тонкая материя.

Размышляя над увиденным, Алексей пришёл к мысли, что от момента своего создания вход в подземелье был доступен далеко не каждому. Скорее всего, оно, подземелье, имело некий сакральный смысл, постичь который было доступно не каждому, а точнее, не каждого до него допускали. Что-то вроде царских врат в современных храмах, за которые не пускают женщин. Чужая вера — потёмки. Даром, что ли вход в него был заперт тяжёлой дверью. Поправочка: был заперт. И когда его открыли, причём, очень похоже, что изнутри и силой, неизвестно.

Полковник вскользь указал, что различного рода запретные и священные строения и даже целые территории есть и во многих религиозных традициях Земли. Люди всю свою историю любили устанавливать всякого рода запреты. В общем табу, оно и в Африке табу. Пойдёшь в ту рощу — боги тебя проклянут, ты заболеешь и помрёшь в корчах, покрывшись коростой. Войдёшь в церковь с непокрытой головой — тоже ничего хорошего.

Вот только кто ставит саркофаг в центре всего комплекса, а потом сверлит у него в боку отверстие, или так сразу было задумано? Зачем дырявить саркофаг? Это же гроб! Большой каменный гроб! Чтобы что? Чтобы вести наблюдение за усопшей? Но через такое отверстие много не наблюдаешь. Да и зачем, если она уже того? Вонять же будет. Чертовщина, одним словом.

С другой стороны, как показывает исторический опыт, гробница сама по себе зачастую становилась местом поклонения, а то и сразу строилась как храм. И если вы думаете, что одно с другим в наше время не совместимо, то просто стоит посмотреть на святые мощи, которые зачастую можно обнаружить во многих христианских церквях.

Да и вообще, учитывая, что центром любого христианского храма является распятый на кресте человек, то понимаешь, что отличий на самом деле не так уж и много. Антураж другой — верно, но суть везде, по большому счёту, одна.

В основе любой религии должно лежать чудо и желательно, чтобы это чудо было связано с жизнью или смертью, в данном случае с воскрешением из мёртвых («смертью смерть, поправ» — всплыла цитата в голове), либо достижением лучшей, по мнению многих, загробной жизни. Собственно, остальные мировые религии не сильно в этом плане отличаются от христианства. Всё вертится вокруг того, как бы попасть на Небеса, в Рай. Естественно, после того, как брэнное тело устанет от бытия в земном мире.

Однако, в случае с «вентиляционным» отверстием в стенке саркофага, Плетнёв уже не был ни в чём уверен. Какими соображениями руководствовались создатели гробницы, можно было только строить догадки.

После вскрытого саркофага и видений, с которыми Алексей пока не знал, что делать (в конце концов, ничего подобного до сих пор с ним не случалось, психика у него считалась крепкой — Плетнёв невесело про себя усмехнулся — до текущих событий), он несколько иначе стал глядеть на историю воскресения Христа, тело которого замуровали в гроте, закрыв проход огромным обтёсаным валуном, а потом тот, как ни в чём не бывало, явился своим ученикам в лучах света.

Получается, что здесь тоже бог, ну или богиня (не всё же ему являться в образе своего

сына, можно ведь и дочь предстать перед грешниками), воскрес и явился своей пастве с новыми силами? По крайней мере, если подобным образом трактовать мозаики на стенах церкви. А что делать с барельефами подземелья? Хотя, если подумать, они не сильно по смыслу отличались.

Только, что он/она смогла принести в мир, побывав за порогом смерти, пройдя незримой дорогой между Тем и Этим Светом? Вот в чём вопрос! Знание о Царствии Небесном, или адские муки и отлучение за казнённых родных и наплевательское отношение к Божьему слову? Какое откровение открылось душе перешагнувшей незримую границу, разделяющую живых и мёртвых, и не станет ли она по возвращению в бренный мир мстить тем, кто её убил, вместо того, чтобы даровать всепрощение?

Да и можно ли вообще убить бога? И если можно, то какой он, к чёрту, бог? А если нельзя, то к чему тогда этот спектакль с умиранием и воскрешением, которое, будем честны, для обычных людишек остаётся недостижимой мечтой. О котором остаётся лишь фантазировать и всё больше и больше думая, что это всего лишь предание. Миф. Старая-старая сказка.

Голова шла кругом.

Ещё перед тем, как они были готовы выйти из чужой церкви, Алексей подошёл к Дмитрию. Тот, после перекуса, упаковывал рюкзак, проверяя содержимое и матерясь над противогазом и использованными фильтрами.

— Дима, а ты что, веришь в Бога? — сразу начал разговор Плетнёв. — Там, в подземелье, я слышал, как ты читал молитву.

Кот на секунду замер, а потом, после того, как закончил с рюкзаком, продолжил, как ни в чем не бывало проверять автомат. Взглянул мельком на Алексея.

— Чтение молитвы помогает мне сосредоточиться, — ответил он. — Хотя, в целом лучше верить, чем не верить.

— После всего, что ты видел? — уточнил Алексей.

— Ага, а что? — он спокойно, патрон за патроном, набивал магазин. — Не вижу никаких противоречий.

— Неужели? А как согласуется с верой в Бога всё, что с нами произошло? Все эти миры, непонятные люди, манекены... К тому же, ты наверняка видел гораздо больше, чем я... — Плетнёв постарался максимально избежать скепсиса в голосе.

Специалист по ОМП скептические интонации всё равно распознал, но отреагировал на удивление довольно добродушно, и не стал, образно выражаясь, охаивать Плетнёва клюкой, как это бывало делала одна бабка в деревне.

— Всё очень просто, Алекс. Всё, что ты перечислил, никак не противоречит вере в Бога, — ответил он. — Даже в нашего, христианского. Ты же крещён?

Плетнёв действительно был крещён в детстве — ещё живая прабабка настояла, но крест, в силу определённых причин, давно не носил.

— Думаю, какой-нибудь батюшка на селе, или даже в городе, с тобой бы не согласился, а посчитал бы тебя вообще одержимым бесами. А в средние века тебя вообще бы сожгли за ересь. Какие такие другие миры! На костёр его! Солнце вертится вокруг земли! — шутливым тоном закончил он.

— Ну, тогда и не такое творилось, — Дмитрий непринуждённо пожал плечами и со щелчком вогнал последний патрон в магазин. — Только делал это не Бог, а люди, которым Бог дал возможность самим отвечать за свои действия. Правда потом придётся предстать

перед высшим судом, но свободу воли никто не отменял. Ты сам думаешь, что делаешь, и сам отвечаешь за свои действия.

— Я не знаток библейских преданий, но помнится, Всевышний изгнал из Рая двух человек только за то, что они съели одно яблоко, которое он сам там вырастил. До этого люди там обитали на правах любимых собачонок.

Кот, облокотившись на край дольмена-алтаря, с явным интересом выслушивал рассуждения новобранца. В его взгляде не было огня фанатика, наоборот, ему нравилось слушать и отвечать.

— Хорошие вопросы задаёшь! — признал он, подняв указательный палец. — будет что обсудить, когда выберемся. Пока что скажу следующее: кто мы такие, чтобы знать Его замыслы и возможности? Должен признать, иногда мне кажется, что Бог, он не совсем то, как его нам преподносят священнослужители. И даже таким, как мы, или я себе представляем. И что, на самом деле, он давно нас оставил. Не потому что хотел, а потому что просто спешил по другим делам. А может, и не хотел нас создавать, а всё получилось случайно. Или хотел, но получил не совсем то, что хотел. Или создавал нас для чего-то другого.

— Ты реально веришь, что всё сущее создал Бог? А как же теория Большого взрыва? — удивился Алексей.

— А ты подумай, и поймёшь, что так называемый Большой взрыв и даже теория эволюции Дарвина никак не противоречат тому, что всё вокруг создано Богом.

— Ну ладно, пускай так, — Алексей был озадачен. — Только если, как ты сказал, мы — результат ошибки, то зачем тогда верить?

— Просто я хочу верить в лучшее, — улыбнулся Дмитрий, держа перед глазами патрон с красной головкой. — В доброе и светлое. Понимаешь?

Вот он сейчас шутит или всерьёз это говорит?

— Не уверен, — честно признался Алексей. — У нас работа — людей убивать, если ты не заметил?

Дмитрий, не моргая, посмотрел прямо в глаза Алексею, положил ему правую руку на плечо и чётко с расстановкой произнёс:

— У нас работа — людей защищать. Если ты ещё не понял.

Плетнёв решил, что на высшие темы пока разговоров хватит, вместо этого решил уточнить, то, что его интересовало с момента их появления здесь, да всё как-то руки не доходили вопрос задать.

В себе он давно воспитал определённого рода цинизм, который позволял ему жить и эффективно служить, поэтому, как ему показалось, он распознал в специалисте по ОМП тоже определённый цинизм, несмотря на его веру, какую бы форму она не имела.

— Слушай, а почему мне сказали не прикасаться к красным ягодам? — спросил Алексей Дмитрия.

— Кто сказал? Данила? — уточнил Кот.

Алексей кивнул. Он прекрасно помнил тот разговор перед тем, как они шагнули в темноту и оказались в этом проклятом мире.

— А самому разве не понятно? — немного удивился Данила.

— Лучше поясни, — устало отмахнулся Плетнёв.

— Ну, сам подумай, если в вокруг не осталось ничего живого (на что, к слову, ты сам обратил внимание) в то время как на кустах висят ярко-красные ягоды, то, по-моему, их

стоит опасаться, не находишь?

Вопрос был риторическим и ответа не требовал, так как он был очевиден.

Что же, приходилось только согласиться, что логика в рассуждениях Дмитрия была. Странная логика, как говорится, от обратного. Ведь действительно: если в мире смерти есть что-то с виду живое, то это что-то, как минимум, заслуживает того, чтобы относится к нему с опаской.

— Кстати, вот ты упомянул слово... — Алексей попробовал его воспроизвести, — деком..., декор..., тьфу!

— Деконтаминация, — помог вспомнить Дмитрий.

— Да, она самая, — быстро согласился Алексей, оставив попытки выговорить слово. — Что это такое?

— В целом и общем, процесс уничтожения микроорганизмов в целях обеспечения инфекционной безопасности. Обычно состоит из дезинфекции, предстерилизационной обработки и стерилизации, — перечислял Дмитрий.

Внезапно он замер, будто бы его только что посетила отличная догадка или идея.

— Кстати, насчёт бесов это ты хорошо заметил, да и вообще... Это надо обдумать.

На какую мысль Плетнёв подтолкнул Дмитрия, он так и не понял, а тот не стал дальше развивать тему разговора.

Вскоре они покинули площадь, и вышли на одну из четырёх главных дорог, которые образовывали крест, отходя перпендикулярными лучами от площади с церковью. Складывалось ощущение, что город строился вокруг этого культового сооружения. По крайней мере, именно так когда-то и могло быть, а потом уже застройку проводили по инерции и по необходимости. В целом город ничем не отличался от какого-нибудь земного. Но от этой схожести картина катастрофы, постигшей этот мир, становилась только мрачней.

Молчаливый поход и поскрипывающая с постоянным интервалом тележка, на которой перевозили раненого товарища, способствовал погружению в размышления.

Всего несколько дней назад, когда Плетнёв не внял совету не смотреть в глаза странникам, Данила рекомендовал не ставить полковника об этом в известность. Почему он так сказал? Неужели то, что он увидел, что больше всего походило на обычный сон, страшный, кошмарный, но сон, могло иметь какое-то значение для его будущего? Или Данила сам однажды посмотрел им в глаза и увидел свой кошмар?

Так стоит ли сейчас полковнику знать о том, что в гробнице Плетнёву привиделась, как там сказал студент (с филфака парень что ли?), панночка? Почему он чувствует, иногда, присутствие Зверя? Неужели это результат того, что он столкнулся взглядами с замотанной в накидку странницей, которая только с виду, в видимом человеческому глазу диапазоне, выглядела замотанной в хиджаб бесправной женщиной востока. А применишь "волшебные" светофильтры — перед тобой оказывается существо, неизвестного происхождения, впрочем, всё также замотанное в цветные расшитые тряпки.

И вот ты бредёшь по городу, который подвергся, как там сказал Дима — деком..., декор...тьфу! Слово-то какое! От которого несёт медициной и запахом больничных коридоров за версту! Короче, в городе, где всё вымерло, подчистую. Вот даже вплоть до какого-то несчастного вшивого микроба.

И только эти ягоды на ветвях. Они словно манят тебя, уговаривают сорвать. И нет, даже не съесть, а просто набрать полные карманы и отнести домой. Да хоть бы и не целые карманы, а всего лишь одну-единственную ягодку. Возьми. Отнеси.

Алексей встряхнулся, помотал головой. Со стороны донеслись приглушённые почти бесполезными противогазами голоса товарищей и скрип тележки. Неужели он уснул на ходу? Всё-таки они устали и очень сильно, даже вынужденный привал с обедом в церкви не помогли.

Ничего, скоро они выйдут из города мёртвых, вновь поднимутся на склон, и, пройдя, как сказал Афанасий, вдоль старой железной дороги, выйдут к точке перехода. С его слов, она находится в тоннеле, пробитом в одной из гор, опоясывающих долину, в которой раскинулся город.

В общем, если остаток пути пройдёт без лишних приключений, надо будет вновь сделать шаг в густую мазутную темень, и они окажутся в своём родном мире. По крайней мере, таков основной план.

Да, там их будет ждать, возможно, длительный карантин и необходимость написания десятков листов рапорта (интересно, на чьё имя-то?!), но они будут дома. А дома, как говорится, и стены помогают. А уж кому и что писать, думаю будет понятно.

Естественно, потом надо будет ответить на главный для него вопрос: принять предложение полковника и остаться в деле — от перспективы того, где он мог бы побывать в этом случае, даже закружилась голова — или вернуться обратно на свою заставу.

Принять его, конечно, примут, скорее всего, даже в звании повысят. Вот только сможет ли он после этого жить прежней жизни? И не будет ли с необъяснимой тоской смотреть в след уходящим патрулям, представляя, как через пару-тройку часов они будут идти под ночным небом, усеянного незнакомыми созвездиями?

К тому же, сил нет, как хотелось бы ещё раз пройтись по той саванне, чей травостой колышется подобно морю, с такими яркими звёздами на высоком ночном небе, незнакомыми ароматами цветов, и загадочными криками неизвестных животных, повывлезавших из своих нор в поисках пропитания.

Его повело в сторону, нога задела кусок кирпича. Чуть не упал.

Пришлось попрыгать, чтобы взбодриться. Глаза предательски закрывались. Учитывая, как давно он спал в последний раз, то ничего удивительного.

По-моему, где-то со стороны раздался смех Чекана (почему так далеко?), но это он, скорее всего, рассказал скабрёзный анекдот, а не потому, что я прыгаю. Мало ли почему я прыгаю. Устал, вот и прыгаю.

Да, оказывается, апокалипсис может быть и таким, а не вот этим всем, что связано с биологическим оружием, болезнями, эпидемиями прочим. Однако, кто его знает, что здесь стряслось, и даже предположение Кота может оказаться ошибочным, ведь так? Да и радиационный фон здесь, как ни крути, повышен.

Поэтому давайте-ка лучше лишний раз не рисковать — вдруг всё-таки получится вернуться из этого мира мёртвых, полковник опять же накрыть поляну обещал — и наденем противогаз, который хоть как-то защищает дыхательные пути и слизистые оболочки лица.

В нише высотного здания по правую руку, отдалённо напоминающего московские высотки, была установлена пятнадцатиметровая статуя женщины. Здесь же решили устроить пятиминутный привал.

У постамента лежало всего несколько мумий с протянутыми к ней руками, словно бы в последней молитве. Очевидно, жители из числа тех, что на какие-то секунды смог сопротивляться смертельной опасности. Для остальных конец света стал настоящей неожиданностью, не исключено, что они даже не успели ничего не понять. Ну, может быть,

В этом им повезло.

— А здесь походу всё-таки был целый культ, посвящённый Ей, — сделав ударение на последнем местоимении, Дмитрий указал на статую рукой. — Понять бы суть их верований! Было бы интересно погрузиться в их культуру.

Статуя представляла собой изваяние молодой женщины (если бы она в местных верованиях оказалась девственницей, Плетнёв бы ни разу не удивился — и почему в религии это так важно?!) в длинной приталенной тунике, с разрезом, сквозь который просматривалась левая нога от бедра и до ступни.

Вообще, в данном случае, было сразу заметно, что искусство со времени создания подземного склепа ушло далеко вперёд. Создателям скульптуры удалось изобразить в металле, похожем на бронзу, тело, которое облегает тонкая ткань, из-за чего грудь выглядела даже более детальной, чем следовало бы. При этом металл почти не пострадал от действия времени, если не считать налёта пыли.

Она просто смотрела на людей свысока. Не то снисходительно, не то с любопытством. Примерно, как то лицо над входом вы подземелье. Мастера скульптор знал своё дело, отрицать было сложно.

— Какая-то стилизация, — продолжал Кот. — Слишком...

— Эротично? — помог появившийся рядом Данила и порядочно так зевнул, вызвав цепную реакцию у товарища.

— Типа того, — согласился Дмитрий и размял рукой шею. — Но красиво, тут не поспоришь.

В этом плане древнегреческие изваяния, которые сразу демонстрировали всю красоту обнажённого тела, в каком-то смысле были гораздо честнее. Здесь же, туника так облегла фигуру, что лишь вызвала взрыв фантазии в здоровом мужском мозгу.

— Да уж, — продолжал комментировать Дима. — Умели же делать! Как думаешь, это вариации на тему, что мы видели в церкви и гробнице?

— Кто бы знал, — Данила тоже приобщился к прекрасному. — Не каждая статуя женщины изображает Деву Марию. Может здесь так же? Было много богов, и в какой-то момент они решили запечатлеть в бронзе одну из их числа?

— А ты погляди, что она держит в руках, Даня, — не унимался Дима. — Что это, по-моему?

— Большой лимон? — неуверенно ответил Данила.

— А по-моему, это больше похоже на человеческое сердце.

— Ну и? Может, это центр кардиохирургии.

Последний аргумент, если и заставил Дмитрия задуматься, то не сильно.

— Ты знал, что библейский Бог убил людей больше, чем Дьявол? — внезапно спросил Кот.

— Наверное, у Бога были на то причины, как думаешь? — Данила продолжал рассматривать статую. Чуть в стороне полковник карандашом делал наброски в блокноте.

Талию женщины обвивал тонкий пояс с вставками, в волосах — диадема, похожая на ту, что видел в гробнице Алексей. А на шее непременно ожерелье, только здесь создатели не стали заморачиваться над вставками красных самоцветов, как, собственно, и над глазами — вся статуя была выполнена в едином лаконичном стиле из одного материала.

— Эта выглядит совсем не так, как та что в гробнице.

— Ну, правильно, современная интерпретация. Ну, в смысле, для местных

современная, — поправился Дима. — Или вообще несвязанные образы.

— Кстати, слышал анекдот? — решил сменить тему Данила.

— Какой?

— Приходит Богатырь в одно селение, а там все грустные-грустные. Спрашивает у местных: что случилось, чем помочь? Ну, местные сообщают, что, мол, прилетает каждую неделю Змей Горыныч и съедает одну девственницу. Подумал Богатырь и говорит: "Решу я вашу проблему!"

— И что? Решил?

— Через месяц Дракон умер от голода.

Кот сипло засмеялся над явно бородатым анекдотом, который, небось, слышал уже не первый раз, но разум требовал психологической разгрузки.

Нет, не панночка. Панночка — обычная ведьма, которая не могла пробить священный круг, а тут, ты погляди какая красота!

Пятнадцатиметровая молодая женщина из металла загадочно улыбалась, глядя на чужаков, осмелившихся потревожить её спокойствие. Её Город. Её Мир.

Вот только что сулит такая божественная улыбка? И не станет ли она проклятием вместо того, чтобы быть благословением? Ведь, будем честны, бывает так, что иногда лучше бы Бог тебя не замечал, чем решил бы, что ты ему чём-то интересен.

Глава 21. Горькие ягоды

Изваяние снисходительно взирало на нас сверху, сомкнув губы в неуловимой улыбке. Причём именно что смотрело на нас, точнее, на тех, кто внизу, на прохожих, когда-то спешивших по улице по своим иномирным делам, а не куда-то в пустоту перед собой, как многие статуи на Земле.

"Что смотришь? — спросил я мысленно статую. — Или девушка желает познакомиться?"

«Вашей маме зять не нужен? Ах да, её же сожгли злые горожане! — подкат так себе, признаю, но усталость требовала выхода, хотя бы такого. — Хотя, знаешь, ты не в моём вкусе, видал и получше.»

Стоит признать, тут я немного лукавил. Было в ней что-то притягательное, завораживающее, заставляющее смотреть на неё без остановки. У тех ребят, что её делали, явно был хороший вкус. Какой-нибудь местный скульптор с известным именем, и уж точно не аналог Церетели, или этого, как его, который тоже Петра Первого изваял для Петропавловки. Никогда не понимал авангардистов, а за фразу "я художник, я так вижу" хотелось надавать по башке.

Тебе же, художник, деньги дали, чтобы ты слепил статую великого человека — императора! а ты, то чучело пучеглазое делаешь с милип@здр@ческой головой, то страшного гигантского монстра на игрушечном паруснике, да которого ещё по знакомству установишь в Москве, к которой Пётр Алексеевич испытывал более чем прохладные чувства.

Здесь — другое дело. Здесь видно, что богиню, или кем там её считали сгинувшие жители (может, она была покровительницей, как это, страждущих?), делали со знанием дела без всех этих ваших художественных закидонов.

Она была не просто красива. Она была великолепа. Скульптор воспроизвёл в бронзе красоту, которая без обиняков притягивала взгляд, заставляла на себя смотреть, получая настоящее эстетическое удовольствие.

Да, кажется, я словил тот момент, когда ты увидишь что-то очень-очень красивое и пытаешься задержать этот момент в своей памяти, закрепить его в ней, но он, этот момент, всё время ускользает, растворяясь, словно утренний туман над полем, словно мираж над пустыней.

В общем, у меня слов-то столько нет, чтобы описать свои ощущения. Может, когда подучусь, как обещал полковник, то пополню свой словарный запас, кто знает.

Красивая богиня, саркофаг в подземелье, дольмены, алтари... алтари, как дольмены.

Я когда-то что-то слышал о дольменах, но сам лично их не видел. Данила вкратце разъяснил, что дольмены создавались для жертвоприношений, мол, именно в эти отверстия в фасаде люди пропихивали внутрь всяческие подношения духам и богам.

В церкви перед выходом полковник попытался ещё раз достать кубический предмет из алтаря, просунув внутрь руку, но у него ничего не вышло — ухватить было невозможно, он тупо не помещался в ладонь, а сам куб, похоже, оказался тяжелее, чем предполагал Смирнов.

Тогда, вытащив руку, он от досады чуть не пнул алтарь, остановившись в последний момент. Всё-таки он старался с уважением относиться к культуре погибшей цивилизации. Правда это уважение заканчивалось ровно на том моменте, когда вставал вопрос о заинтересовавшем его артефакте. Ведь кубик-то его заинтриговал, как ни крути. Взял бы с

собой, и плевать было бы на радиацию, более чем уверен. На месте бы уже попытались дезактивировать, или так бы изучали.

С другой стороны, археологи же раскапывают древние скифские курганы в научных целях, и особенно о традициях канувшей в лету цивилизации кочевников не думают. Мумии египетских фараонов так вообще на всеобщее обозрение выставляют.

— Вольфрамовый ты что ли? — разговаривал сам с собой полковник, подсвечивая фонариком внутрь дольмена.

Интересно, сколько лет должно пройти, чтобы место захоронения потеряло сакральный смысл и превратилось просто в объект научного интереса? Не исключено, что меня тоже вот так как-нибудь откопают спустя пять тысяч лет, и выставят в витрине вместе с остатками броника и ржавым автоматом.

И буду я вот так стоять — или лежать — а школата будет делать мои фотки на какие-нибудь супергаджеты.

Склонившись над алтарём, как над столом с тактическими картами, полковник о чём-то напряжённо размышлял, наконец, выдал:

— Вернёмся. Обязательно вернёмся. Теперь точно! — произнёс он больше для себя, чем для других. — Костями лягу, а руководство буду убеждать в необходимости тщательного исследования этого города.

К слову, пока мы ловили студента, Афанасий с Толиком попытались сдвинуть верхнюю плиту подручными средствами, но безуспешно. Тут нужны были спецсредства, а то и направленный взрыв, видимо каменные плиты не были просто сложены друг на друге, а были стянуты какими-то креплениями.

Хотя, ну вот вытащили бы они куб, и что? Тащить вольфрамовую чушку с собой? Мы и так уже потеряли несколько часов из-за того, что приходится нести раненого, а вольфрам, насколько помню, самый тяжёлый металл, какой только может быть.

Да и вообще не факт, что полковник смог бы вытянуть куб через отверстие, даже если бы смог его ухватить. По-моему, эта штука была большего диаметра отверстия. А если так, то его туда поместили не как подношение, он там оказался изначально, когда складывали плиты алтаря.

Да и кому подношения-то? И что означает вся эта дикая пляска извращений и смерти, изображённая на барельефах гробницы? Когда смотришь на статую прекрасной во всех отношениях женщины, пускай и с сердцем в ладонях, сложно представить, что она имеет какое-то отношение к этим бесчинствам, пускай и мифическим.

Ещё эта галлюцинация с панночкой, которая пару раз явилась мне. Ну ладно, один раз, второй раз мне просто показалось — игра теней и света на стене, где молодая женщина с сердцем в руках вообще терялась на фоне убивающих друг друга человеческих фигур.

Чёрт! Тоже. С сердцем. В руках.

Я вновь снизу-вверх посмотрел на Неё. Кто же ты такая? Внутри зашевелилось то, что принято называть интуицией: ты вроде видишь факты, обрывки информации, но связать их воедино логической цепочкой не можешь. Лишь догадываешься об их взаимосвязи.

Никогда не считал себя суеверным. Для меня любой храм — всего лишь здание, и войдя в него, я никакого религиозного трепета никогда не ощущал. Тихо, красиво, хотя везде по-разному, не более.

Никогда не выполнял каких-то действий, сродни просмотра «Белого солнца пустыни» космонавтами перед стартом, которые помогли бы мне вернуться живым из рейда, там всё

от тебя зависело, да ещё немного от удачи. А что такое удача — просто стечение трудно просчитываемых факторов.

А тут такой неприятный холодок по спине пробежал, мало сказать, что я почувствовал себя неуютно.

Стоит, смотрит. Держит в руках чужое сердце. Даже не на подносе или хотя бы блюдце, а прямо так, в ладонях. Может, и вправду это всего лишь большая кардиоклиника, как сказал Данила, а я просто загоняюсь?

Или здание суда? Может же это быть здание суда! Только глаза у неё не были завязаны, как у Немезиды. Хотя погодите, богиня правосудия не Немезида. А кто? Блин, забыл. А Немезида тогда кто? Ну, может, у них богиня правосудия вырывала сердца тем, кого признавали виновными?

Мда, далеко мне всё-таки до энциклопедических знаний полковника. Тот почти на всё имел своё мнение или предположение.

Интересно, если это всё-таки одна и та же, то это реально сердце её брата? Как там, в настенной мозаике: вынув его из груди её брата, оно билось ещё несколько дней, освещая место казни ярким светом.

Если это, конечно, его сестра. Хотя по всему выходило, что да.

Ладно, как сказал полковник, он постарается убедить начальство снарядить сюда полноценную экспедицию, тогда и разберёмся. Может, отловим пару-тройку манекенов на опыты, надо же понять что они вообще такое, и если это люди, то понять, что с ними произошло и как они здесь выживали столько лет, учитывая, что подобное состояние дел в этом городе наблюдалось ещё во времена прадеда Афони.

Сколько нам ещё необходимо было пройти? Полгорода? Треть? Еще пригороды всякие, только с другой стороны. На автомобиле бы уже давно добрались, а пешком, да ещё с ранеными (один из которых не может самостоятельно передвигаться) даже относительно небольшое расстояние по пересечённой местности превращается в часы долгого перехода. И это ещё хорошо, что здесь есть довольно неплохие дороги, правда они завалены рядами столкнувшихся автомобилей, между которыми приходится лавировать.

Ну и не забывать мониторить близлежащие здания на предмет возможной засады, пускай студент и говорит, что здесь он манекенов не замечал. Это он их вчера не видел, а сегодня они решили поменять дислокацию. Кто его разберёт, что творится в их головах.

Город протянулся на дне долины подобно толстой объевшейся змее, которая с одного конца была толще, чем с другого. И сейчас нам предстояло пройти по более длинной его части. Только идти становилось всё сложнее. Усталость брала своё.

«Толстой змее, съевшей слона» — всплыло в памяти. Змея, похожая на шляпу. Шляпа. Слон. Где я это уже слышал? Шляпа съедает слона...

— Ты, я смотрю, мужик, в целом, правильный, зла я на тебя не держу! — заговорил невесть как оказавшийся рядом студент.

Я вздрогнул, осознав, что заснул, сидя на бордюре.

— С кем не бывает, — продолжа Егор. — Понятно, что ты на службе, все на взводе, всё такое...

Вот сейчас мне только разговоров по душам не хватало. Сидел бы уже и радовался, что его не таскают на поводке, как американца! Даже наручники с него сняли, решив, что он так уж и опасен, как тот же янки.

— Проехали, — буркнул я, ещё мне хватало выяснять отношения с каким-то студентом,

отличие которого от остальных заключалось лишь в том, что он смог каким-то макаром попасть в чужой мир и построить на этом примитивный бизнес.

Веки предательски слипались.

В конце концов, я действительно был как сжатая пружина, а явление гоголевской панночки меня чуть не выбило из колеи. Да-да, теперь я вспомнил, что в детстве смотрел этот фильм. Мама тогда, решив приобщить меня к прекрасному, сказала, что это классика, но лучше бы она меня тогда отправила спать. Образ летающей в гробу покойницы ещё очень долго стоял у меня, восьмилетнего, перед глазами. И это несмотря на спецэффекты уровня середины прошлого века.

Студент довольно улыбался. Да, на нём был всё тот же респиратор повышенной степени защиты, но даже с ним на лице было понятно, что он расщерепился от уха до уха.

Вот чего лыбится, дурачок? Натаскал заражённых радиацией побрякушек к себе домой, закладывал их в ломбарды, может, даже подарил какой-нибудь дурочке халявную цепочку с цветным камушком. Хорошо ещё, что Кот утверждал, что такая доза человека сразу не убьёт, но при длительном контакте здоровье подорвать может запросто.

Их же теперь искать надо будет, изымать отовсюду! Ну и привалит же кому-то работёнки!

Студент по-панибратски толкнул меня локтём, что вызвало у меня горячее желание забыть недавние слова о мире и наградить его приличной зуботычиной — вообще, как он так незаметно подкрался?! кто за него отвечает?! — но в следующее мгновение я забыл, не только как моргать, кажется, у меня перехватило дыхание.

— Смотри, что у меня есть! — он разжал ладонь, и я чуть не выпал в осадок, свалившись с бордюра.

Да чтоб тебя, [хр@нов](#) диггер!

В потной ладонке студента перекачивались несколько рубиновых, похожих на крупную смородину, ягод.

— Вытащил из саркофага, прикинь, — с какой-то ненормальной тихой радостью произнёс студент, — надо отдать на анализы в лабораторию института. Интересно, что они обнаружат. Прикольно же, да?

— Ты! — я захлебнулся, понимая, что происходит что-то неправильное, из-за чего парень реально рисковал своей жизнью. Полковник, скорее всего, пристрелит его прямо на месте и без лишних разбирательств. А то, что поменять милость на гнев он может по щелчку пальцев, я не сомневался. Студент, конечно, дурень, но всё-таки! — Ты какого чёрта творишь, [д@бил](#)?!

Я шипел на него, стараясь не привлекать внимания остальных, а студент просто сидел рядом, разглядывая яркие ягоды, и, то и дело, сжимая их в кулаке, улыбался, и что-то бормотал. Нет, не говорил — он шептал! Размеренным речитативом, таким, как обычно читают молитвы:

"И будут вам ягоды .... горше моих страданий. И когда плоды созреют, поймёте вы, как были не правы, но .... будет поздно"

"И будут ягоды.... горше моих слёз" и покроет тлен ваши земли и да иссохнут ваши тела"

"день тот настанет"

"Когда... вы потеряете в него всякую веру"

"А когда уверуете... будет поздно... ибо вера ваша фальшива"

«Да придёт царствие моё...»

Периодически он вообще только шевелил губами, из-за чего большую часть слов я не мог расслышать. Да и какая нафиг разница! На моих глазах происходила какая-то жесьть!

Полковник, словно ощутив, что думают о нём, обернулся, оторвался от зарисовок и задержал на мне взгляд чуть дольше, чем следовало бы, но так ничего и не сказал. Просто кивнул мне — я кивнул в ответ — и всё, вернулся к наброскам, пока американец сидел на капоте рядом стоящего разбитого автомобиля.

Вот только движения у него и у остальных были какие-то неестественно медленные, словно при замедленной съёмке в кино. Словно вокруг не воздух, а прозрачный кисель.

По-моему стало ещё, тише, чем было. В уши будто бы набили ваты. И опять, это ощущение пристального взгляда, уж не спятил ли я на фоне всего увиденного за последние дни. Мозг перенапрягся, не выдержал и решил, что шизофрения — не так уж и плохо в данной ситуации, а?

И этот лёгкий цветочный аромат вновь защекотал ноздри.

Я открыл глаза — а они у меня были закрыты?! — шарахнулся как от огня, и, что есть сил, закричал:

— Тревога!!!

Девушка неземной красоты с сапфировыми глазами с красным отблеском стояла передо мной на одном колене и божественно улыбалась. Но что-то в этой улыбке было безумное, карающее. До парализующей жути.

Но никто, никто на мой крик не отреагировал. Люди продолжали, кто сидеть, кто стоять, не проявляя никакой реакции и не обращая на меня никакого внимания.

Я снова издал истошный вопль, но всё также бес толку! Да твою же м@ть, что это такое?! Даже под водой кричать — и то громче получилось бы!

Я попытался орать громче, чем заставил гостью лишь запрокинуть голову и улыбаться ещё шире, во все тридцать два зуба. По-моему, она громко и заливисто смеялась, но я её смеха не слышал. Либо он был так громок, либо так тих — я не понимал!

Внезапно она сомкнула губы, спрятав белоснежные зубы за розовыми устами, но при этом сохранила ту самую улыбку, которую я видел на личине над входом в подземелье.

Протянула правую руку к моему лицу. Яркий цветочный аромат фиалок ударил в нос, обволакивая сознание и заставляя голову кружиться.

Указательным пальцем она слегка коснулась моих губ, её кожа оказалась на удивление тёплой. «Не вампир» — родилась в голове дурацкая мысль. При этом только сейчас я понял, что сижу без маски.

Легко покачала головой из стороны в сторону, как делают матери, когда их дети шалят. И взгляд её буквально обжог меня изнутри. А потом охладил боль, будто вылив на раскалённое добела железо ведро ледяной воды.

А в следующую секунду она непринуждённым жестом показала вверх. Мол, смотри, смотри, что там происходит, что там интересного! Гляди же! Гляди!

Подняв глаза туда, куда она указывала, я увидел Егора, который стоял на краю крыши здания. И когда он успел туда забраться, ведь он только что сидел рядом со мной, перекатывая в руках злосчастные ягоды.

В полной тишине я вскочил, не обращая внимания на зловещую гостью, и попытался позвать Егора, но всё так же безуспешно, мой крик увязал в киселе окружающей меня атмосферы, отказываясь подчиняться законам физики.

А гостья в белой приталенной тунике и с ожерельем из красных камней подошла ко мне сзади и обняла меня, положив голову мне на плечо. Я ощущал, как она подрагивает, но не мог разобрать плачет она или смеётся.

Я хотел сбросить её объятия, но быстро понял, что набор моих движений сильно ограничен. Я просто не мог ей противостоять, пока она обеими руками держала мою голову, чтобы я смотрел.

Егор взглянул на меня с веру — и я понял, что он смотрит не на меня, а ту, что стояла у меня за спиной. Его взгляд не предвещал ничего хорошего. Он был полон ужаса и страха, и наполнен обречённостью. И в то же время он словно был счастлив так, как никогда ещё не был.

Я проснулся.

Стоя посреди улицы, я орал во всё горло до тех пор, пока не понял, что на меня все смотрят.

— Товарищ полковник! Народ, чтоб вас! Студент! — я дёрнулся, обернувшись, но позади меня, ожидаемо, уже никого не было.

На этот раз все меня слышали и стали озираться по сторонам в поисках незадачливого любителя лёгкой наживы, но нигде не могли его найти.

— Да [бл@ха-муха](#)! Он наверху! — я тыкал пальцем на крышу впереди стоящего здания, высотой метров тридцать-сорок, не меньше.

— Вижу! — закричал Чекан, указывая рукой.

На краю крыши одного из зданий на фоне серого клубящегося неба виднелся силуэт. И не надо было быть пяти пядей во лбу, чтобы распознать в нём студента.

Он просто стоял и смотрел перед собой, не проявляя никакой активности.

— Что происходит?! — ко мне подскочил Данила.

— Без понятия! — замотал я головой. — Я просто уснул, а когда очнулся!... В общем, всё так, как было во сне!

— Во сне?! — удивился Данила и жёстко выругался.

Полковник быстро отрядил трёх бойцов, чтобы те побежали на крышу, но... и дураку было понятно, что всё это бесполезно. Бессмысленно. Они просто не могли успеть. Не должны были успеть. Не для того она всё это сделала.

Перед моими глазами стояла её улыбка. Такая игривая и такая... грустная. Такая невинная, и такая развратная. Милосердная и жестокая. Она была буквально наполнена ненавистью и какой-то странной извращённой любовью. А в мозгу, области, отвечающие за обоняние, всё ещё продолжали воспроизводить чёртов цветочный аромат!

Я знал, что произойдёт, но не мог ничего с этим поделать. И никто не мог. Не в этом была задумка.

Егор повернул голову. Казалось, что он смотрит на нас, но было слишком далеко, чтобы разобрать, однако я его взгляд прекрасно помнил по недавнему сновидению, слишком свежо оно ещё было в памяти. Вот только на нас ли он сейчас смотрит? Может, на неё?

Подспудно опасаясь вновь увидеть Её, я всё же быстро обернулся, чтобы посмотреть себе за спину, но никого кроме своих, естественно, не обнаружил.

Ребята уже подбегали к зданию, но... в следующее мгновение студент сделал роковой шаг вперёд. В пустоту.

Казалось, он падает вечно, несмотря на то, что, на самом деле, на это ушло всего несколько секунд.

— Чёрт! — выругался Дима.

Судя по звуку, студент упал на один из автомобилей, выбив из него окна и наверняка раздавив пару мумий, для которых машина стала последним пристанищем.

Я успел сорвать маску за секунду до того, как меня вырвало.

— Почему ты мне не сказал?! Почему?! — полковник тряс Алексея за грудки, в какой-то момент даже подняв его над землёй, отчего раздался треск рвущихся швов. — Какого, бл@ть, х@ра ты скрыл это?! Старший сержант, чтоб тебя!

За спиной полковника, переминаясь, стоял Данила, на его скулах играли желваки. Он понимал, что какая-то часть вины за произошедшее лежит и на нём. Ведь это он посоветовал Плетнёву молчать о том, что ему показали странники, зародив в новеньком не только зерно сомнения в том, что происходит, но и в какой-то степени породив недоверие к собственному командиру.

И даже если он специально был приставлен к Плетнёву как наставник или даже куратор, то его работу можно было охарактеризовать двумя словами — «не доработал».

— Командир! — всё же попытался вступить Данила. — Он не знал! Не он первый, ктс пугается и не верит, командир!

— Отвали! — рявкнул полковник. — Он видел эту тварь и смолчал!

В глазах полковника пылала ярость, смешанная с досадой, а где-то на краю зрения Плетнёв заметил уже знакомое мерцание, и в нос ударил не запах фиалок, а мускус большого хищного животного.

— Я думал, мне привиделось! — попробовал снова оправдаться Алексей, хотя и понимал, что это не имеет никакого смысла.

— Да чтоб тебя! — полковник резко отпустил Плетнёва, и тот растёр рукой горло.

Группа собралась возле автомобиля, на смятой крыше которого лежало тело студента, а вокруг были разбросаны осколки стекла из выбитых окон.

Он лежал, повернув голову на бок и глядя в пустоту неподвижными глазами. На лице его застыла странная смесь блаженства и ужаса.

Смирнов повернулся к старшему сержанту.

— Он что-то ещё говорил?

— Нет, — хрипло ответил Алексей, растирая горло. — Только читал что-то вроде молитвы.

— По-русски?

— По-русски, — подтвердил он, — но я такой раньше не слышал.

— Что было в молитве? О чём она?

— Да он больше бормотал, толком не разобрать, — отвечал Плетнёв. — что-то про эти ягоды

— Но говорил по-русски? Точно?

— По крайней мере, я его понимал, — сердце продолжал стучаться в ускоренном темпе.

— Понятно.

Что было понятно? Вот что ему, нахр@н, было понятно?!

Полковник ещё несколько секунд изучал стоял, глядя на труп, затем подошёл почти вплотную к Алексею. Уставился прямо в глаза испытующим взглядом.

— Есть ещё что-нибудь, что ты бы хотел мне сообщить?

— Нет, — решительно ответил Плетнёв. — Я рассказал всё, что знаю.

— Хорошо, — сухо произнёс полковник и обратился ко всей группе. — Всем быть

начеку! Следить за окружающей обстановкой с повышенным вниманием! Докладывать обо всех странностях и [ср@ных](#), чтоб их, сновидениях и даже если вам что-то просто показалось! Даже если вам показалось, что показалось! Даже о долбанном дежавю! И держитесь подальше от ягод! Всё ясно?!

Бойцы молча приняли к сведению. Все и так всё понимали. Особенно то, что к ягодам, висящим то тут, то там на кустарнике с тёмными жёсткими листьями, ни в коем случае нельзя прикасаться, тем более, без перчаток.

— Тело оставим здесь, — резюмировал полковник. Он растирал виски, будто у него резко заболела голова.

Опять знакомое движение — Зверь был встревожен и ещё больше растерян, но от этого не менее опасен.

— What's going on? — вдруг подал голос американец. Больше для того, чтобы обозначить своё присутствие, чем в попытке получить хоть какую-то информацию.

Никто не обратил на него внимания. Сейчас он был не главной их проблемой.

Глава 22. Что я видел

Высотки, свойственные центру любого города, наконец, начали постепенно уступать место более низким зданиям. Разбитого транспорта также становилось всё меньше, что могло свидетельствовать о том, что они, как ни крути, а скоро покинут это проклятое место, где за каждым твоим шагом следят мумии с пустыми глазницами, и ещё непонятно как существующие манекены. Последних, правда, уже долго не было заметно, но это вовсе не значило, что они где-то не толкутся, впад в свой странный летаргический сон. В каком-нибудь очередном торговом центре или кинотеатре.

Ну да, сейчас их нет, а в другой момент они могут вывалиться толпой из-за угла, и, попробуй, уйди от них, когда они могут элементарно завалить тебя массой. К тому же бедолага Егор толком не успел рассказать о том, как долго он шарился по городу и вообще по долине в поисках халявного золота. Где он ещё видел манекенов, или "сонных", как он их окрестил, и насколько они вообще быстро могут передвигаться. А если они ведут себя как комодские вараны, которые кусают жертву, а потом, не спеша, так идут по её следам, пока та не грохнется от усталости и от заражения крови?

Если судить по опыту личной встречи, то ходят они довольно бодро. Да, волочат ноги, да не бегут, но ходят вполне себе со скоростью, близкой к прогулочному шагу. А вдруг они всё-таки могут делать пускай и короткие, но забеги? Идут-идут себе, шаркают, а потом как втопят на стометровке! И попробуй, скройся от такой толпы!

Толком о манекенах ничего неизвестно, короткая стычка не в счёт, и как долго они могут поддерживать заданный темп передвижения непонятно, а если они могут пускай и медленно, но передвигаться с постоянной скоростью на протяжении длительного времени, то, как бы быстро ты не бегал, эти создания имеют неплохие шансы тебя настичь. Тупо возьмут измором. И сейчас не до того, чтобы рассуждать о том, насколько они разумны или нет, и живы ли в том смысле, какой мы обычно вкладываем в это понятие.

Может быть и живы, может быть где-то там, в искажённой неизвестным воздействием черепной коробке до сих пор тлеет искорка разума, а может быть и полноценная умственная деятельность. Да, другая, но он есть! В конце концов, если они могут шептать свои заклинания, то это может говорить только том, что речевые центры в их мозгу худо-бедно, но работают.

И мумии, мумии, мумии... кругом тела жителей в пускай и старой, но всё-таки сохранившейся одежде. Если ткань и портилась, тол исключительно от времени, а не от гниения, вызванного воздействием бактерий.

"И тела ваши иссохнут", вспомнил слова Плетнёв, которые шептал подобно молитве Егор. Звучит, как проклятие, не находите? И что-то там про горькие ягоды... Которые то ли сами по себе горькие, то ли должны быть на самом деле сладкими, а горькими становятся только при определённых условиях.

Взгляд невольно упал на веточку кустарника с яркими красными бусинками. На них даже пыль оседала как-то неохотно. Не то, что на лежащих тут же горожанах.

"И вострубит первый ангел" всплыло в памяти невесть откуда, хотя, это уже из другой оперы, ведь так?

Однако, такое количество мертвяков, которого ты ещё никогда в своей жизни не видел, порядком действовало на нервы. И пусть бояться надо живых, а не мёртвых, долгое

пробывание, по сути, в одном большом морге, в который превратилась не то, что город — вся долина! — могло расшатать даже самую крепкую психику.

Хотя засушенных тел и становилось всё меньше, всё-таки уже не центр города, где ими были завалены целые улицы, в целом картина оставалась всё такой же безрадостной. Добавь сюда поскрипывающую — скрип, скрип, скрип — с одинаковым интервалом и на одной и той же ноте тележку, на которой лежал привязанный ремнями раненый товарищ, чтобы невзначай не соскользнул, да вновь начавшие падать с неба серо-сизые хлопья, более всего похожие на пепел — хочется забраться под горячий душ и мыться, мыться, мыться, растирая себя мочалкой до красноты.

Откуда, чёрт бы побрал, его приносит, этот пепел? Неужели он валится из этих набухших туч, которые всё никак не разродятся дождём? Если это вообще пепел, а не что-то другое. И если эти тучи вообще несут в себе хоть каплю влаги.

«Деконтаминация» — слово-то какое, подумал Алексей. И что имел в виду Дмитрий, когда вспомнил о ней?

Алексей стряхнул с плеча насыпавшийся тлен, но новые частицы тут же стали покрывать его одежду. Всё равно, что пытаться отряхнуться от снега, находясь под снегопадом. Так же бессмысленно.

Да ещё небо периодически озаряется тихими зарницами. Вроде сверкает прямо над тобой, но никаких раскатов грома до поверхности так и не докатывается. Если и гремит, то где-то очень и очень далеко. Здесь, на поверхности, ничего не слышно. Тихий-тихий мир.

На глаза попалась очередная семья (должно быть, семья): на скамье, судя по всему, мать обнимает, прижимая к себе, двух детей-погодок, из сжатого кулака правой руки свисает цепочка.

Плетнёв дулом автомата слегка разжал пальцы трупа, который, когда-то был, наверное, довольно красивой светловолосой женщиной. Хотя как тут можно судить, не ясно. Пальцы мумии противно хрустнули, на землю посыпалась пыль, а на цепочке повис круглый по виду серебряный медальон с вписанным крестом и мелкими красными камушками по центру и четырём по концам креста.

Очевидно, что она, эта женщина была одной из тех немногих, кто понял, что происходит что-то неправильное, что-то ужасное. Она успела обнять детей, успела сжать в кулаке местный аналог святого распятия, может быть, вспомнила молитву, а может быть и не успела.

Да уж, перед лицом Небытия, которое готово навсегда стереть тебя из этой Вселенной, многие становятся верующими, хотя при жизни в особой религиозности замечены не были. Немногим удаётся принять судьбу с холодной головой и открытыми глазами, это верно. Многие не могут смириться с тем, что за последней чертой ничего нет, верят, что там обязательно должно быть какое-то другое продолжение их земной жизни. В каком-то ином, совершенно непонятном виде, но обязательно должно быть.

О чём она молилась? О спасении? Для себя или для детей? Или о быстрой и лёгкой смерти? Или о царстве небесном, каким бы его не представляла себе? Кем она считала ту, к которой были обращены последние слова молитвы за секунды до? Могло быть так, что все её жизненные установки рухнули в одно мгновение, и вместо веры в её сердце осталось одно лишь разочарование и злость?

Перед лицом смерти люди ведут себя по-разному. Это Алексей знал по собственному опыту. И те, кто собирается умереть, и те, кто собирается эту смерть причинить.

Бесовщина и чертовщина, вспомнилась прическазка его прабабки, которая ещё последнего царя застала, а потом пережила Гражданскую и обе Мировые войны, по причине чего являла собой пример парадоксального сплава критического отношения к попам и в то же время какой-то фатализма.

— Поскорее бы уже свалить отсюда, — послышался голос кого-то из мужиков позади.

— Скоро уже, — это был Афанасий.

Скоро ли? Такое ощущение, что они здесь уже целый месяц пылят по пустым улицам.

Но самое гадкое в ситуации, в которой они оказались всей командой, было то, что определить момент, когда Панночка нанесёт очередной удар, было практически невозможно. Чего стоит только то, каким образом она явилась к Алексею на грани яви и сна, сотворив что-то со временем и пространством.

Он тогда даже не понял, как оказался в этом странном пространственном коконе, где всё кроме него самого замерло, даже воздух вокруг. Не понял, как так случилось, что только что сидевший рядом с ним Егор, вдруг обнаружился стоящим на краю крыши, а в следующий миг уже сделал роковой шаг вперёд. Причём сделал его однозначно не по собственной воле. Люди, готовые ради золота забраться, чёрт знает куда, даже в чужой мир, — они очень любят жизнь, ведь для этого они и занимаются поиском сокровищ, а для студента Тихий мир был настоящим Клондайком, банковским сейфом, хозяин которого отлучился, забыв запереть дверцу.

Плетнёв поймал себя на мысли, что совсем не факт, что он сам смог бы удержаться от соблазна разбогатеть подобным образом, занимаясь сбором того, что плохо лежит. Деньги, они в Африке деньги так-то. А догадался бы он проверить побрякушки на ионизирующее излучение? По идее, как военный, знакомый с тем, что такое ОМП, должен был бы. Но ведь такое богатство могло легко затмить разум, понизив уровень внимания, разве нет?

Студент, думал Алексей, очевидно, столкнулся с Ней раньше всех. По крайней мере, он сам так сказал, но сказал ли он всё что знал? Да и мог ли он сказать всё, что хотел, учитывая последующие события? Вот один из главных вопросов. Может, он просто не мог этого сделать, находясь под воздействием этой... твари?

Тварь... Алексей несколько раз произнёс это слово в уме. Тварь... тварь...

С одной стороны, определение, данное опасной гостье полковником, хочешь — не хочешь, как нельзя больше подходило к месту и ко времени. С другой стороны Она выглядела ровно так, как могла бы выглядеть любая другая женщина: красивая, молодая, самоуверенная, эгоистичная, спятившая...

Алексей даже зло улыбнулся. А ещё она по какой-то причине выбрала его для демонстрации своих способностей. Не зря же она ему показала, на что способна, не потому же, что он ей приглянулся. Нет, дело точно не в этом.

Да уж, со спятившим божеством ещё не хватало дело иметь. И это ж как над ней должны были поиздеваться, чтобы довести до такого состояния? Вон, одного пытали, распяли, ткнули копьём под ребро, проверяя, жив ли, и ничего: прощаю, говорит, ваши грехи, мол, искупил я их за вас, живите и радуйтесь. Плодитесь и размножайтесь, ага.

А тут что? Цена показалась чрезмерно высокой? Искупление не удалось? Задание, выданное Всевышним, оказалось не по силам? Всепрощение не прокатило? Публика оказалась невосприимчива к увещаниям?

Хотя, если подумать, то зачем Бог направляет своих посланников именно тогда, когда их особо никто слушать не будет, а те, кто услышит, всё поймут по-своему и перевернут

божественное откровение настолько, насколько это вообще будет возможно.

Тьфу ты! В конце концов, почему он решил, что изображение на крышке саркофага с дырой в боку, статуя у "сталинской" высотки и панночка — одно и то же лицо, и что она вообще имеет хоть какое-то отношение к тому, что здесь произошло?

Хотя, что уж тут спорить, некоторые основания для этого были. Но считать Её божеством! "Да ну [нах@p](#)" — выругался Плетнёв почти в слух. Хотелось вытрясти из башки все мысли, которые там во множестве роились, но таки не приходили к какому-то общему знаменателю.

И вообще, всё может оказаться не тем, чем кажется! В первый раз что ли!

В паре шагов слева молча шёл Данила, он был максимально собран и сосредоточен, казалось, он тоже сейчас гоняет в голове одну и ту же мысль по кругу. И было, отчего призадуматься! Ведь это он посоветовал Алексею молчать об увиденном во время контакта со странниками. И это он всячески намекал на то, что не хочет знать, что там было, в видении Алексея. Что будет лучше, если это так и останется откровением только для самого Алексея и не более.

Неужели пожалел о своём совете?

То, что, Данила когда-то испытал нечто, подобное тому, с чем столкнулся он сам, Алексей не сомневался. И то, что хранил это глубоко внутри себя — тоже. Настолько глубоко, сколько потребуется для того, чтобы полковник не смог этого распознать.

Но теперь ситуация приобрела неожиданный поворот (можно подумать, что их появление здесь было запланированным!), и от этого, возможно, напрямую зависела не только его жизнь, но и жизнь всей группы. В то время как, Алексей рассказал полковнику лишь часть правды, лишь то, что с ним случилось в этом мире, а про взаимодействие со странниками предпочёл умолчать, постаравшись запихнуть эту информацию в самый глубокий погреб памяти. Оттуда, конечно, периодически постукивали, напоминая о себе, но пока текущие события позволяли обращать на приоткрытую крышку подпола не самое пристальное внимание.

Так что то, что Данила чувствовал себя не в своей тарелке, Плетнёву было понятно и вполне объяснимо.

— Почему полковник назвал Её тварью? Вы уже раньше сталкивались с подобными... существами? — решил прервать затянувшееся молчание Алексей. К тому же требовалось хоть как-то себя подбодрить, усталость начинала наваливаться с новой силой, а в глаза хоть спички ставь — само это место словно бы убаюкивало смертельной колыбельной, предлагая прилечь под каким-нибудь навесом и потихоньку иссохнуть, как это сделали остальные обитатели этого склепа.

Данила не обернулся, и Плетнёв даже успел подумать, что ответа не последует.

— Нет, никто из наших, — всё-таки ответил его куратор, слегка мотнув головой, как бы указывая на всю группу, — ни с чем подобным ранее не сталкивался. Если только полковник, но он мне не докладывал.

Под маской было заметно, как Данила кисло улыбнулся.

— Пока только ты видел её вживую, а мы — наблюдали результат этой встречи.

Да, картина с лежащим на разбитом автомобиле студентом, это странное блаженное выражение на лице, стояли перед глазами.

— Но Смирнов явно знает что-то ещё, — констатировал Плетнёв.

— Знает, безусловно, — согласился Данила, и серьёзно добавил. — Мы сталкивались с

похожим эффектом, который ты описал. И ничего хорошего он не предвещает. Опасная штука, очень.

— Да уж понимаю...

— Нет, ты ни черта не понимаешь! — довольно резко, но сдержанно оборвал его Данила. — Это очень опасное явление. Это именно то оружие, наличие которого мы подразумеваем у странников. И массовое вымиранием мы уже наблюдали, видели его последствия!

Плетнёв припомнил слова, сказанные Данилой у саркофага: «Как там». Правда, тогда они обсуждали саму гробницу и красные камни, судя по всему, символизирующие ягоды.

Метров тридцать они прошли молча под скрип тележки, звук собственных шагов, да глухой стук снаряжения по телу.

Массовое вымирание, говоришь. И где же ты его наблюдал, Даня? Господи, и чем же вы вообще занимаетесь, народ, а? Как там сказала Дима: "Мы людей защищаем!". От чего же вы их защищаете?

Когда он впервые услышал это словосочетание — глобальное вымирание — от полковника, Плетнёв не воспринял его всерьёз, точнее просто отнёсся как к любой другой информации. Ну, сказал и сказал, а я принял к сведению. Тем более, что он тут пока новичок.

А потом ты увидел то, что при других обстоятельствах, развивайся твоя жизнь своим чередом, наверное, никогда бы и ни при каких обстоятельствах не увидел бы и не узнал: встреча со странниками, гуляющими из мира в мир, обширная долина в одном из них, а в ней с город, заваленный мертвецами.

И ещё... кое-что было ещё.

— По крайней мере, это то, что нам стало известно из тех разрозненных документов, что попали к нам в руки, — сообщил Данила.

Документы, подумал Алексей, теперь ещё и некие документы, которые могли быть кем-то уничтожены, причём возможно специально. Что же, становилось всё интереснее и интереснее. Вот только неужели Данила специально делится с ним крохами информации? И что он потребует взамен?

— И полковник решил, что Она, — Алексей кивнул в сторону небольшой часовни по правую сторону, фасад которой украшал гранитный барельеф уже со знакомой композицией девушки с сердцем в руках. Пусть она и была изображена здесь чуть иначе, в другом стиле, но по сути — это была она же.

Данила бросил быстрый взгляд в сторону церквушки, в дверях которой лежало очередное тело, собственно, как и на дорожке, ведущей к входу.

— То, что ты держишь в руках "калаш" и то, что аналогичный автомат сжимает в руках колумбийский партизан, не означает, что они как-то связаны, — покачав головой, задумчиво произнёс Алексей.

Данила только хмыкнул, парировал:

— Это означает, что, есть кто-то, кто эти "калаши" производит, продаёт, и даже больше: что кто-то когда-то их изобрёл. А то, что их может использовать как спецназовец "Альфы", так и какой-нибудь бармалей в шлёпанцах или боевик колумбийского наркокартеля — это уже проблема совершенно другого уровня, но не менее важная.

Данила подождал, пока его слова произведут соответствующий эффект.

— Осознал глубину проблемы? — наконец, спросил он.

Алексей только молча кивнул. Да уж было над чем задуматься.

— Гляди-ка ты! — выдал вдруг Данила. — Эта гадость перестала с неба сыпаться.

Пепел или что бы там это ни было, действительно перестал сыпать так, как это было ещё несколько минут назад. Теперь в воздухе витали лишь отдельные мелкие частицы. Хотя позитивным это изменение, всё равно, сложно назвать.

Они с Данилой шли на заметном удалении от остальной группы. Алексей обернулся, посмотрел назад: один из снайперов толкал тележку, рядом шёл, осматриваясь, Толик "Чекан", чуть дальше Дима "Кот" и полковник с привязанным к нему американцем, который плёлся, еле волоча ноги. Неужели он реально хочет пустить его на обмен, подумал Алексей. После всего, что он видел? Вряд ли янки готов будет дать честное слово, что будет молчать, если его передадут в обмен на кого-нибудь из наших. Точнее, он-то уж точно хоть на Библии побожится, вот только обещания своего не сдержит. Видели — знаем.

За ними тянулись следы, чем-то напоминающие те, что оставили после себя американские астронавты на Луне.

— Что ты видел? — вопрос Данилы вырвал его из размышлений о судьбе американского наёмника.

— Когда? — не сразу понял Плетнёв.

— Ты прекрасно знаешь, о чём я.

Ага, а вот и цена откровенности Данилы. Информация за информацию. Естественно, он понимал, о чём тот его спрашивает! Вот только как быстро ответ Алексея станет известен полковнику?

— Разве не ты мне советовал никому не говорить об этом, — напомнил Алексей, — и особенно полковнику?

— Я, — подтвердил Данила. Видно было, что он искал аргументы, чтобы дезавуировать свои прошлые слова, но не мог, — было дело. Любопытство гложет, — озвучил он, в итоге самый незатейливый предлог.

Алексей размышлял не долго. Что ж, придётся вытащить наружу то, о чём ты хотел бы обстоятельно подумать по возвращению, но раз обстоятельства требуют быть откровенным чуть больше, чем планировалось, то почему бы и нет.

Не исключено, что сейчас он совершает самую большую ошибку в своей жизни, даже большую, чем тот случай в рейде, не считая эпизода, когда он посмотрел в глаза страннице, не последовав, как оказывается, довольно ценному совету.

— Я видел свою смерть, — слова на удивление прозвучали довольно равнодушно, он даже сам от себя такого не ожидал.

— Вот чёрт! — искренне ругнулся Данила. — Чёрт! Чёрт! Ты помнишь, как это произошло?

Как-то глупо звучало слово "помнишь" по отношению к событию, которое ещё не случилось, да и не факт, что случится. Вариант того, что он при зрительном контакте со странницей ты испытал своеобразный психоделический трип, Плетнёв до конца не отметил, тем более, что...

— Я умер два раза.

Показалось, что маска противогаза на лице Данилы поползла вверх, но он продолжал шагать, ожидая продолжения, и было понятно, что он готов с жадностью впитывает каждое слово, а Плетнёв вспоминал то, что вообще-то хотел бы забыть, как ночной кошмар, то, от чего на душе становилось муторно и вполне реально подташнивало.

— Один раз меня... — Алексей сморщился как от боли, — разорвало, насколько я понял, наверное, граната была. Хотя всё так странно, что толком не разобрать. Второй — я не то задохнулся, не то захлебнулся, собственной кровью, — проговаривал он, — в груди жгло. Эту боль трудно забыть. Вроде всё как во сне, и в то же время всё, как по-настоящему. И если это не галлюцинация, то разве можно умереть дважды? И ещё...

- **Охр@неть!** — перебил его Данила, услышанное точно произвело на него впечатление.

— И что теперь с этим делать? — вопрос был обращён не столько Даниле, сколько самому себе. — Доложить по всей форме полковнику?

— Я буду молчать, — решительно произнёс Данила, — Решать тебе, но я повторю свой совет: не говори об этом Смирнову. Не стоит. Особенно если хочешь остаться в команде. Просто постарайся забыть о том, что увидел. Иначе тебя запихнут в такое далёкое место под такой тщательный надзор, что ты больше света дневного не увидишь!

— А были прецеденты?

— Да.

Понятно. Алексей как бы невзначай обернулся, и тут же поймал на себе взгляд полковника, хотя отсюда из-за маски противогаза толком было не понять, куда он смотрит, но Плетнёв был уверен, что на него.

Он помолчал и спросил.

— Ты тоже?

Короткий кивок.

— А у других, видение подтвердилось?

Ещё один кивок.

— А видели только свою смерть?

Отрицательное качание головой. Было понятно, что слова, произнесённые Плетнёвым, заставили Данилу много и упорно размышлять.

— Всякое видели. Бывало, что вообще ничего.

Однако. Надо это обдумать. Но потом. Тем более, что если это имеет хоть какое-то отношение к действительности, то видение и положительный момент: они, по крайней мере, он выберутся отсюда, вернувшись в привычный мир.

Оставалось только догадываться о том, что мог видеть полковник, который уж точно общался со странниками напрямую.

И всё-таки, раз пошла такая пьянка:

— Даня, что это может означать?! Я видел, как умру, два раза! Я умирал два раза! Я ощутил всё, как по-настоящему! Но почему два раза?

— Один раз, — задумчиво произнёс Данила. — Я видел, как умираю один раз. Два раза это что-то новое.

Было о чём поразмыслить в свободное время. В том числе о том, что будущее не predetermined, как некоторые утверждают.

— А повлиять можно? Кто-то пытался?

— Только этим и живу! — с каким-то несвойственным озорством в голосе и в то же время фатализмом отозвался Данила.

Они прошли ещё немного.

— Слушай, — внезапно сменил тему Данила, озираясь по сторонам одними глазами, — тебя ничего не напрягает?

Алексей не замечал ничего подозрительного, но решил, что лучше перестраховаться и

тоже стал внимательно осматривать ближайшие постройки.

Сейчас они продвигались по дороге, по обеим сторонам которой тянулись одно-двухэтажные дома, больше похожие на индивидуальную застройку, а чуть впереди по ходу движения трассу пересекало полотно железной дороги, перед которым, как и положено были установлены сейчас поднятые шлагбаумы, раскрашенные поперечными полосами. Были здесь и светофоры.

Данила поднял кулак левой руки, сообщая тем самым остальным о необходимости остановиться, и проявить внимание. За спиной послышались звуки перезарядки автоматов.

— Слышишь?

Нет, это был не поезд. Это было бы уж совсем ни в какие ворота.

— Нет, — Алексей напряг слух. — Погоди!

Они развернулись и быстрым шагом направились к полковнику, остальные тоже подтягивались.

Глава 23. Началось

Похоже, остальная группа тоже почувствовала что-то неладное. Люди быстрым шагом подходили к командиру, собираясь вместе и занимая круговую оборону в ожидании новых приказов.

В тишине, которую ещё пару минут назад даже ветер боялся нарушить, и были слышны лишь звуки, производимые ими самими, можно было различить шорох, подобно тому, как море набегает на каменистый берег, вот только если волны накатывали на камни и потом уходили обратно, здесь шум шёл по нарастающей и доносился он в большей степени со стороны центра города, откуда они совсем недавно ушли.

Ну, уже хорошо: что бы это ни было, им хотя бы открыт путь в сторону точки перехода. Если, конечно, их таким незамысловатым образом не загоняют в ловушку. Другое дело, кто это может быть? Впрочем, вариантов не так уж и много, если судить по тому, с чем им к настоящему времени довелось столкнуться в этом, лишь на первый взгляд, тихом и мрачном месте.

И почему-то ничего хорошего от этого шороха ты не ожидал. Не может здесь быть ничего хорошего, только опасность. Только к ней стоит готовиться и исходить из того, что будет только хуже. Алексей почувствовал, как сердце начало учащённо колотиться. Адреналин, как и ранее до этого, хлынул в кровь и стал разгоняться по кровеносной системе, заставляя трепетать весь организм в предвкушении предстоящей стычки.

Однако, не только адреналин и ожидание возможного боя сейчас занимали его мысли. Было кое-что другое.

Неоднозначное ощущение, подумал он. С одной стороны, ты постоянно борешься за свою жизнь, чтобы покинуть мёртвый город, с другой — ты, если верить откровению странников, снизошедшем на тебя, совершенно точно отсюда выберешься, причем вполне себе живым и целым. Ты это знаешь. Непонятны сроки и обстоятельства твоей гипотетической будущей гибели, но отсюда-то ты точно выйдешь!

И тут же в голову закралась крамольная мысль: а что будет, если прямо сейчас просто сесть на асфальт, а то и лечь (чего уж мелочиться!), и уставиться мечтательным или пустым взглядом в свинцово-сизые облака над головой. Иными словами, ничего не делать. Сбудется тогда предсказание странников? Или ты закончишь своё существование здесь и сейчас? Если ты просто ничего не будешь делать. Предопределено твоё будущее, или есть ещё смысл помучиться?

С другой стороны, кто тебе сказал, что то, что ты увидел это правда? Если серьёзно подумать, то никаких гарантий этого тебе никто не даст. Другое дело, что, по словам Данилы, ранее подобные случаи подтверждались на практике, а это, как ни крути, заставляет задуматься. Вот только он не успел уточнить у Данилы, что случилось с теми, кого изолировали в попытках изучить феномен. Их предсказания тоже сбылись? Или ты, Даня, говорил только о тех, кто решил поделиться с тобой или с кем-то другим своим откровением о том, что их ждёт в будущем?

И потом, если ты ничего не будешь предпринимать для своего спасения, то какие силы тогда вернут тебя домой? Божественная рука, или очередное чудесное стечение обстоятельств? Земля разверзнется перед надвигающейся опасностью или вихрь подхватит тебя как ту девочку из сказки и унесёт тебя в безопасное место?

С другой стороны, вдруг жизнь — это своего рода книга, которая уже когда-то кем-то написана? А ты даже не читатель, ты — герой повествования и не знаешь, чем твоя история закончится, но при этом финал-то всё равно давно известен, как и все главы произведения. Просто ты не можешь заглянуть в конец, чтобы удовлетворить любопытство, а кто-то может. А кто-то может хотя бы мельком пролистать книжку перед тобой, показав, что будет в конце.

И что тогда? Можно переписать те части, которые тебе не сильно нравятся и изменить, в итоге, финал? И кто будет их переписывать? Ты сам, или кто-то ещё?

Нет, он не может так поступить. Не может просто свесить руки и понадеяться на чудо, которое должно его спасти. По крайней мере, сейчас. Нельзя полагаться на секундную галлюцинацию, пускай она и казалась такой бесконечно долгой.

Почему? Потому что моя судьба, думал Алексей, может быть, и предрешена, а вот о судьбе своих товарищей я ничего не знаю, и от моих действий могут зависеть их жизни. К тому же, будем честны, мне интересно узнать, есть ли в картинке, показанной странниками, хоть доля истины.

Когда Данила с Алексеем подбежали к остальным, они увидели, как Дмитрий что-то быстро объясняет полковнику, при этом последний не забывал следить за окружающей обстановкой и отдавать краткие указания.

— ...будет основной гипотезой, объясняющей произошедшее здесь, — донесли до слуха Плетнёва обрывки разговора, — и то, что мы видели на барельефах в гробнице, — Дима был явно возбуждён, осенившей его догадкой. — Вопрос остается в причинах и обстоятельствах, но это будет хоть что-то. Надо только кое-что додумать. И я думаю, что противогазы здесь нафиг не нужны.

Полковник только кивал, мол, да, конечно, но время ты, Дима, выбрал всё-таки не самое удачное, а когда рядом оказались Данила с Алексеем, спросил:

— Тоже слышите?

— Так точно.

— Есть мысли, что это может быть?

— Есть, — подтвердил Алексей, — нам надо либо ускориться, либо готовиться к бою.

— Судя по скорости, с которой приближается звук, нам не оторваться, мы не успеем добраться до точки перехода. Я так понимаю, наши знакомые из торгового центра решили лично с нами попрощаться, как думаешь?

— Думаю, да, это они, — согласился с предположением полковника Алексей, взгляды в конец улицы, которая здесь уходила вниз под небольшим, но заметным уклоном. — Но что их стукнуло-то? Хотели бы догнать, давно бы уже это сделали!

— А разве могут быть ещё какие-то варианты? — скривился полковник и быстро осмотрелся, заострив внимание на одном из ближайших строений с обычными по размеру окнами, а не витринными, и толстыми с виду кирпичными стенами. Здание больше всего напоминало или склад, или гараж в полтора этажа. — Так, занимаем оборону в том здании и ждём. Будем надеяться, что мы ошибаемся, и манекены просто решили совершить ежегодную миграцию.

И действительно, Алексей нутром чуял, что начавшееся движение явно не обошлось без участия его знакомой в рубиновом ожерелье, и что так любит духи с фиалковым ароматом. Тут прямо затылком ощущаешь покалывание мелких иголочек надвигающейся угрозы.

Двустворчатые двери в здание оказались открыты, и действительно внутри оно более

всего напоминало некий склад с рядами стеллажей и полок, на которых были расставлены коробки и ящики, покрытые толстым слоем пыли.

Внутри ожидаемо обнаружилось несколько засушенных тел, облачённых в нечто более всего похожее на рабочую одежду, правда, один труп был скорее в офисном костюме. Начальник, подумал Алексей. И всё-таки удивительно, как их одежда похожа на ту, что можно легко увидеть на улицах любого города нашего мира. Лишь отдельные детали покроя напоминали тебе, что ты не у себя дома и вообще не на Земле. А так, если не приглядываться — один в один, жители какого-нибудь европейского или американского города.

Когда внутрь вкатили тележку с раненым, стали готовиться к возможной обороне, баррикадируя стеллажами и мебелью все входы и выходы, которые только смогли найти и по возможности оконные проёмы, которые не планировали использовать в качестве бойниц. Стоит отметить, что из оставшихся окон улица очень даже хорошо простреливалась, как и пара соседних переулков. Вопрос лишь в том, насколько их оружие будет эффективным не столько против манекенов — их-то как раз можно было застрелить, причём не только в голову, в чём они уже успели убедиться, — сколько против Той, что заставила прыгнуть с крыши студента. Именно её способности вызывали наибольшее опасение.

Очнувшийся Александр — всё-таки ранение и потеря крови, хоть бы кровотечение и было остановлено, сказывались — полусидя, пристроился на тележке и заторможенными движениями пытался перезарядить автомат.

Увидевший затруднённые движения товарища Анатолий, помог ему совершить эту операцию, а заодно проверил его пистолеты, закреплённые в кобрах на разгрузке. Вложил оружие Александру в руки, похлопал его по плечу и развернул тележку так, чтобы в случае чего не попасть на линию огня.

Александр схватил его за рукав, удерживая.

— погоди, — еле слышно просипел он, тяжело вдыхая воздух. — Дай гранату.

— Уверен? — серьёзно уточнил Чекан.

— Более чем.

Толик отстегнул одну РГД со своего бреника и прикрепил её на карабин к разгрузке Александра так, чтобы тот, в случае чего, мог легко выдернуть чеку и метнуть гранату.

Двух снайперов полковник отрядил занять позиции на крыше здания, а заодно проверить возможные пути отхода, которые полковник приметил ещё с улицы. Вместе с ними он отправил Афанасия, которому, как подозревал Алексей, был дан приказ выбираться отсюда во что бы то ни стало, чтобы сообщить руководству об увиденном.

Повесив на себя помимо винторезов, ещё и трофейные автоматы, отжатые у американских наёмников, гремя амуницией, они скрылись в дверном проёме с лестницей ведущей наверх.

Закончив подготовку укреплений, они стали ждать. Шелест и шорох, в котором уже можно было различить шаркающий топот множества ног и многоголосый шёпот, что приносил непонятные слова на чужом языке.

Вскоре на улице показались первые манекены, их дёрганные движения не спутаешь ни с чем.

Потом ещё манекены, и ещё, а потом они уже заполонили улицу большими и малыми потоками, огибая стоящие автомобили и другие препятствия шаркающим потоком.

— Сколько их там?

— Несколько десятков, не меньше!

— Десятков? Разуй глаза, их там сотни!

Бинокль позволил рассмотреть манекенов поближе. Ну и лица у них! Вроде человеческие, а вроде и нет, словно их перекосило невыносимой болью, а потом отпустило, снова перекосило!

А это кто там идет среди толпы "сонных"?

По спине пробежал неприятный холодок. Непринуждённой и такой же уверенной походкой, окружённая со всех сторон шепчущими подёргивающимися при каждом шаге манекенами, шла Она, Та, чьего имени никто не знал. Да и не знать бы, если честно, никогда.

Уверенный взгляд. Плавные движения. Кажется она улыбается. Еле заметно, но улыбается.

— Видите? — обратился Алексей к полковнику.

— Вижу. Надо её уничтожить. Или, по крайней мере, вывести из строя. Это она их ведёт! — уверенно произнёс полковник.

— What the f@ck?! — не выдержал американец, которого полковник предусмотрительно пристегнул наручниками к водопроводной трубе, чтобы тот не мешал в случае чего, и наблюдающий за надвигающейся толпой в соседнее окно. — Who is this damn b@tch?!

— Только бы они прошли мимо, — проговорил Анатолий. — Слишком много, слишком много.

— Не пройдут, Толя, не для того она это затеяла, — ответил Данила. — Гонит, как пастух скотину. Гляди, как они её слушаются.

Алексей посмотрел на Кота, тот вытащил нательный крестик, поцеловал его и убрал обратно за воротник футболки.

Отпустив висящий на ремешке бинокль, Плетнёв приложил приклад автомата к плечу, захватил цель в коллиматорном прицеле, собираясь нажать на спусковой крючок. Он был согласен с полковником, что манекенов взбаламутила именно панночка, вылезшая из саркофага.

Если сонные не стали их преследовать тогда, в центре города, когда им ничего не мешало, то зачем им сейчас срываться с места и топтать вслед за ними на окраину? Однако, надо признать, что шли они довольно бодро, несмотря на их походку. Впрочем, мелкие шли гораздо увереннее.

Чёрт! Мелкие! Да это же дети! Плетнёв сразу вспомнил, что столкнулся с такими ещё в торговом центре. Опять стрелять по детям? Или уже не стоит их считать таковыми? Неужели манекены ещё и размножаться могут? И вдруг, то, что произошло с ними, является обратимым? Нет, лучше об этом не думать. Сейчас не терзаний совести.

Короткий взгляд на полковника — безмолвный приказ был получен.

Палец медленно надавил на спусковой крючок, глаз видел в прицеле фигуру с длинными волосами и тунике, уверенно вышагивающую в окружении подёргивающихся фигур, которые держались от нее на некотором расстоянии.

Раздался выстрел, но стрелял не Плетнёв. Это был Кот, тоже выцеливавший заметивший неизвестную.

— Вот ведь xp@нь! — прошептал Алексей, когда перед его глазами зависло в воздухе сразу несколько частиц пепла, отказываясь продолжить своё падение, а уши словно залили монтажной пеной.

Он несколько раз открыл и закрыл рот, но слух не возвращался.

С трудом повернув голову, он увидел вырвавшееся из автомата Дмитрия пламя выстрела, зависшую в метре от него пулю и застывшую, не долетев до бетонного пола, пустую гильзу с тянущейся из неё вуалью порохового дымка.

И как предупредить остальных, что уже началось, если все замерли так же, как эти зависшие пылинки в воздухе, так же, как гильза, вылетевшая из автомата Кота? Да и чего, собственно, стоит ждать?

Ничего хорошего, вот это точно!

Глава 24. Её глаза. Его сердце

— Алексей..., - она произносила его имя с лёгким придыханием и странным мягким акцентом, её тёплые пальцы нежно гладили его по щекам, а голос так сладко убаюкивал. Хотелось лежать так вечно. И слушать, слушать её голос.

Как же долго он ждал этой встречи, как же он был сейчас счастлив. Не выразить словами! Хотелось и кричать и молчать одновременно!

И... наконец-то покой! Тишь и благодать! А то сколько можно бежать и идти?! Сил уже никаких просто не оставалось.

Он же куда-то шёл, да? А с другой стороны, какая, в конце концов, разница! Значит, пришёл уже! Хватит, находился уже!

— Защитник людей... Ты такой милый, и забавный, — раздался звонкий девичий смех. И совсем не обидный. Даже наоборот, он испытал гордость за себя. И за то, что она обратила на него внимание. — А ещё ты интересный.

До чего же был хорош этот голос, что тёк подобно струям лесного ручья, будто ключевая вода била из-под земли посреди лесной поляны в жаркий солнечный день. И спокойствие. И тишина. И благодать...

Алексей открыл глаза. На самом деле, не хотелось открывать, хотелось так и лежать на мягкой и тёплой траве. Но он боялся, что всё это окажется хоть и сладким, но всего лишь сном. А сна сейчас было бы мало. Хочется. Чтобы это была реальность.

Над ним бездонной бирюзой сияло небо. И рваный пух облаков нисколько не портил его. Скорее, дополнял гармоничными мазками белого. Чистый белый, на чистом голубом... И где-то рядом шелестели листьями на ветру деревья.

Боже, как же это прекрасно!

И ты лежишь на мягкой зелёной траве, а твоя голова нежится на бёдрах той единственной, о которой ты мечтал всю свою жизнь. Мечтал же? Да? Вот, твои грёзы обрели реальность.

Её глаза, такие бездонно-синие, завораживают настолько, что ты готов с разбегу прыгнуть в них будто в глубокий омут чистой воды, и будь что будет! И пускай все беды и проблемы останутся позади.

— Алёшенька, — снова, улыбаясь, произнесла она. Какая красивая у неё всё-таки улыбка. — Ты покажешь мне, где ты живёшь? Здесь так грустно и тихо...

Она вздохнула. И от этого вздоха засосало под ложечкой. Он хотел было ей ответить, но случайная мысль, далёкая как грозовая туча на самом горизонте, не позволила ему это сделать.

Куда он шёл, и откуда? И почему они должны уйти отсюда, ведь здесь так красиво и безмятежно. По-моему, это самое замечательное место, в котором ему когда-либо приходилось бывать.

Её тёмные волосы с вплетёнными лентами щекочут твои щёки и шею, но тебе это нравится и ты готов терпеть эту щекотку вечно. Как и этот нежный фиалковый аромат, который поглощает тебя, унося прочь от земных забот.

Не думай о них. Не время размышлять о проблемах! Думай о хорошем! Думай с прекрасном! Думай о Ней!

Его сердце зашло сладостным учащённым ритмом в предвкушении.

Она наклонилась. Тень от её головы заслонила небо и солнце. Будто луна набежала на солнечный диск, погрузив окружающий мир во тьму, а от светила осталась только одна корона с изогнутыми протуберанцами.

Стало как-то не по себе. Почему? Откуда эта тревожность? Для неё нет ни малейшего основания!

— Ты любишь меня? — спросила она. — Отведёшь меня к себе? Покажешь путь?

Хотелось ответить "Да! Безусловно! Конечно! Ты — та, которую я искал всю эту чёртову жизнь! Носился, как ошалелый, по горам и лесам, не спал по несколько суток, терпел лишения и ранения!" Хотелось полностью погрузиться в её глаза, в прикосновение её нежных розовых губ.

Но...

Что-то было не так. Зачем ей нужно к нему домой? И почему ей здесь не нравится? Ведь здесь так хорошо! Тепло! Солнечно! Сочная зелёная листва даёт прохладную тень! Зачем вообще уходить отсюда? У него дома совсем не так. Совсем. А как у него дома? И где его дом вообще?

Но это сейчас вообще не имеет никакого значения!

Её лицо приближалось, как и её губы. Волна нежного цветочного аромата накрыла его, а её язык протиснулся сквозь его губы и соприкоснулся с его языком.

Как же это прекрасно! Как же долго ты этого ждал!

Поцелуй, казалось, длился вечно. Но... почему стало так темно и холодно? Почему деревья перестали шелестеть на ветру, а вместо этого раздаётся какой-то странный непонятный шёпот, будто кто-то творит молитву на неизвестном языке.

"Что-то не так!"

Что-то не так!

ЧТО-ТО НЕ ТАК!!!

Она отняла свои губы от его губ, он вновь увидел её лицо полностью и рубиновый отсвет в её таких глубоких, таких красивых глазах. Такой же, как тот, что давали камни в её ожерелье, свисавшем с её шеи.

Рубиновый блеск её ожерелья, напоминающего гроздь рассыпанных ягод, чем-то похожих на смородину, только более ярких и более красных.

— Я люблю тебя, Алексей!

Боже! как же это было сладко слышать!

И тут же игривое весёлое:

— А ты меня?!

Он попытался пошевелиться, чтобы обхватить её за шею, чтобы погладить её тёмные волосы, чтобы прикоснуться к её лицу... не смог.

Что-то всё-таки не так. Неужели он спит и ему всё это снится. Какая-то тягучая тяжесть давит на разум, вызывая непонятное беспокойство.

Волна тревожности прокатилась по сознанию, зарождающая признаки пока ещё далёкой паники.

— Успокойся, защитник! — улыбается она, продолжая гладить его по голове, а он так и лежит с открытым ртом после поцелуя, смотрит в её ведьмовские глаза и не может даже моргнуть.

Нет, это нехорошо! Очень нехорошо! Так не должно быть! У него что, перебит позвоночник? Почему он не может двигаться?

И снова убаюкивающий гипнотизирующий голос, словно кто-то пытается его уговорить. Или уже спорить?

"Что есть правда, Алексей? Истина? Разве тебе плохо?" — произнесла Она в его голове.

"Покажи мне путь в твой мир, Алексей! И ты сделаешь всех людей счастливыми!"

"Ты же счастлив? Ты же хочешь поделиться счастьем с другими, ведь так?"

"Так?"

"Ты хочешь?"

Нежные пальцы гладили его по голове, играли с волосами, убаюкивали, но уже как-то не так как прежде. Уже чувствовалась в их движении сдерживаемая сила, потаённая власть и решимость.

Красные камни ожерелья продолжали мерцать так, что не позволяли полностью отвлечься и погрузиться в негу лобызаний.

Куда же он шёл? С кем? Ведь он точно был не один. Они встретили какой-то караван. К чёрту! Откуда здесь может быть караван?! Но ведь... было же?

На мгновение Она замерла, глядя ему в глаза, и её брови слегка приподнялись, выражая, кажется, искреннее удивление.

— О! Странники? Вы так их называете? — до чего же прекрасны её глаза! Как же хотелось бесконечно долго смотреть в них! — Получается, они до сих пор ходят по маршруту?! Неужели?!

Она впервые разорвала зрительный контакт и задумчиво посмотрела куда-то вдаль, куда сам Алексей посмотреть не мог, ведь он совсем не мог двигаться.

Почему он не может пошевелиться?

— Странники...странники, — произнесла она. — Какие, однако, удивительные повороты иногда делает история...

Она продолжила гладить его по голове, и ему ничего в этой жизни не хотелось, кроме как ощущать её прикосновения.

— Как всё, однако, оборачивается, Алёша...

Она что, разочарована им? Почему? Когда он успел её огорчить? Он не хотел её расстраивать!

Она снова посмотрела на него, но только куда-то уже мимо, куда-то в область груди.

Тонкими красивыми пальцами она потянула за цепочку и подхватила крест с распятием на серебряной цепочке, внимательно на него посмотрела.

Невероятно глубокие синие глаза вдруг стали влажными. По идеальным ланитам потекли идеальные слёзы.

— Что с вами не так, Алёша? — спросила она, держа пальцами крестик. Повторила, — Что с вами не так? Егор вот тоже не хотел, тоже сопротивлялся. Но разве это пошло ему во благо?

Егор... Да, был какой-то Егор. Когда? Совсем недавно. Они встретили его в походе. Он не мог вернуться домой. А они, они могут вернуться? Они ведь шли, чтобы вернуться домой, так? Тогда как он оказался здесь?

Она наклонилась над ним и посмотрела в его глаза своим — пронзающим насквозь взглядом.

— Прими свою судьбу, Алёша, — она нежно улыбнулась. — Не стоит сопротивляться. Всё уже решено.

Почему?! Почему так трудно дышать?! Хочется глотать воздух, что есть сил, но всё

равно мало!

И без того открытый рот сам собой распахнулся ещё больше в тщетной попытке максимально насытить свой организм кислородом.

Его глаза смотрели прямо в яркое солнечное небо, а перед ними было её лицо. Такое прекрасно, такое милое, что хотелось отбросить все условности и наслаждаться одним только его видом, сколько бы не было на это отпущено времени. И в то же время порождающее такое странное и неприятное беспокойство.

И её рука. Прямо над ним. В её пальцах — маленький рубиновый шарик, переливающийся всеми оттенками красного.

Два пальца, сжимавшие кровавую каплю, разжались, и она стала падать вниз, прямо ему в рот.

— В этом ничего страшного, Алёша. Нет ничего плохого. Не бойся.

Её голос убаюкивал и в то же время заставлял грустить. Вселенское блаженство и такая же вселенская печаль нахлынула на него, заставляя подчиниться воле безумного течения.

Любовь и скорбь, слившиеся воедино.

Но что-то было в этом водовороте эмоций ещё. Что-то, что так сразу и не бросалось в глаза.

Что же это? Алексей пытался найти подходящее слово тому, что смог ощутить, глядя в её зачаровывающие сапфировые глаза.

Рубиновый шарик всё падал и падал, как при замедленной съёмке.

Что же это?

Ягода-капля всё ближе, а он как дурак лежит с открытым ртом, как младенец, ожидая первую подачку материнского молока!

Что же это такое?!

Что он упустил?!

И чем ближе рубиновая ягода была к нему, тем отчётливее он понимал. Но мозг отказывался произнести это слово.

Такое ёмкое.

Такое простое.

Такое холодное.

Всепоглощающее.

Выжигающее самое нутро человека.

МЕСТЬ!

Он уже буквально бился в конвульсиях, пытаясь хоть на сантиметр сдвинуть свою голову в сторону. А она всё смеялась и смеялась своим звонким заливистым смехом, удерживая его голову в своих руках.

Он уже понимал, что происходит что-то совсем неправильное, что-то, что может привести к ещё большей беде. Судороги всё больше напоминали предсмертную агонию. Он уже вспомнил странников, в памяти стали всплывать лица его боевых товарищей, а она продолжала с каким-то извращённым удовольствием наблюдать, как ягода всё падала и падала.

Почему она падает так медленно? Уж не потому ли, что он противится её воле? Возможно. Но она всё равно падает!

Такие нежные и чувственные, но такие сильные пальцы с силой сдавили его виски.

Было больно. Но ещё больше было обидно.

За что?! Что он такого сделал, чтобы лишиться вечного блаженства?! За что она собирается мстить? Почему ему? За что ему всё это?

Вырваться! Вырваться! Преодолеть!

Ягода всё ближе и ближе.

Стремительная тень пронеслась над ним, и ягода пропала. Ягода не успела упасть. Казавшаяся такой огромной лапа с вытянутыми когтями с размаху пронеслась там, где только что находилось Её лицо, но удар пришёлся в пустоту.

Выражение Её лица приняло уставшее и в то же время раздражённое выражение, как если бы на пути взрослого и умного человека появилось препятствие в виде надоедливой ребёнка.

Алексей опустил глаза и увидел большого зверя, чем-то похожего на большого горного льва, который был нечётким и всё время менял свои размеры, становясь то чуть больше, то совсем небольшим — почти с кошку. Зверь медленно переступал с лапы на лапу, пригнув голову и обнажив острые клыки.

— Плохая киска, — разочарованно произнесла Она.

В следующее мгновение всё вокруг изменилось. Алексей осознал, что стоит посреди помещения с оружием в руках, а напротив него стоит Кот, который словно был помещён в плотный прозрачный кисель. Они все сейчас были будто в этом киселе. Фигурки, залитые застывающей эпоксидной смолой. Движения Алексею давались с трудом, но это было уже хоть что-то. Он хотя бы ощущал своё тело.

Вот только позади Дмитрия уже показалась, появившись из ниоткуда, фигура в тунике и в золотом ожерелье с маленькими красными камнями, так похожими на капли свежей крови.

И, кажется, Алексей что-то кричит Дмитрию, пытается его предупредить, но слова застревают в киселе, в который превратился воздух, не долетая до слуха товарища.

Одна её рука коснулась головы Дмитрия, а другая... другая её рука медленно, но при этом очень легко, как раскалённый нож в масло, проникла в грудную клетку со стороны спины. И нет, не было ни крови, ни мяса, ничего такого. Она просто опустила руку в его тело, как во что-то бесплотное.

Алексей ощутил, что пытается всеми силами сбросить невидимые путы и вырваться в нормальное пространство. Его колотило так, будто у него случился внезапный эпилептический припадок.

Она смотрела ему в глаза из-за плеча Дмитрия, просто смотрела, а в его голове раскалённым железом звучали слова:

"ВЫ. МНЕ. ОТВЕТИТЕ. ЗА. ВСЁ!"

Хищное стремительное тело тенью пронеслось за спиной Алексея. Клыки вцепились в рюкзак за спиной и с силой рванули. Лямки врезались в тело с непривычной болью.

И хрип. Жуткий, страшный хрип, смешанный с рыком смертельно раненого животного, с торчащим в боку обломком копья. Рык, полный отчаяния и в то же время решительный, как выстрел последним патроном. Как сила, у которой не осталось никакого другого выбора.

***

Внезапно всё вокруг пришло в движение, и мир вокруг наполнился пороховым дымом, криками, матом, хлюпающим хрипом, шёпотом на непонятном языке и короткими хлесткими очередями автоматов и щелчками винторезов.

Но прежде Алексей увидел стоявшего у разбитого оконного проёма Дмитрия «Кота», который смотрел на него затуманенным взглядом. Одежда под бронежилетом быстро

намокала. Он кашлянул, и у него изо рта тёмным потоком полилась кровь.

Теряя сознание, Кот сорвал с разгрузки гранату, освободив её от бремени сдерживающей чеки, и в этот же миг несколько желтушных рук схватили его за одежду, ремни бронежилета и рывком вытащили его из здания.

Гроыхнувший взрыв раскидал части манекенов по сторонам, образовав в их толпе целую прогалину.

— Чёрт! Твою же! — закричал Алексей. — [C@ка!](#)

Очередь из "калаша" разнесла сразу несколько восковых голов, неосторожно показавшихся в оконном проёме.

Алексей посмотрел в оптический прицел и увидел то, чего опасался, но что ожидал увидеть: метрах в ста-ста пятидесяти среди бредущих в их сторону манекенов стояла Она, а в левой руке на уровне груди она держала сердце Дмитрия. Кровь капала с её кисти, стекала по её предплечью, пачкая когда-то белоснежную тунику и оставляя темные пятна на асфальте.

А свободной рукой она словно дирижировала: взмах — и манекены, позабыв свою неспешную походку, с яростью безумцев бросаются на штурм склада. Пас — и они карабкаются по телам убитых сородичей, стараясь добраться до крыши, где отстреливались снайперы.

При этом её взгляд практически не выражал никаких эмоций, кроме высокомерия и уверенности в своей власти.

А потом Она соединила обе руки и стала почти один в один похожа на те статуи и изображения, что им приходилось видеть в городе.

"Убить всех" — звучал в его голове её почти монотонный ледяной голос. — "Убить всех"

А потом... потом она поднесла сердце к лицу и с наслаждением откусила от него кусок.

Плетнёв нажал на спусковой крючок и сразу несколько пуль устремились к цели.

Но ни одна не достигла цели. Все пули приняла манекены, которые словно по мановению волшебной палочки возникли на линии огня. Нет, отсюда её не достать!

— Give me a gun! — орал американец. — Give me a [f@cking](#) gun! In the name of all that's holy! Now is not the time to find out who the enemy is!

Полковник доли секунды, после чего отстрелил наручники, которыми вздрогнувший от неожиданности американец был прикован к трубе, и бросил ему автомат. Янки ловко поймал оружие, проверил магазин и передёрнул затвор, отправляя патрон в патронник. Единственное, что американец не заметил, так это быстрый жест полковника одному из бойцов, который мог означать только одно: заметишь что-то подозрительное со стороны янки — пристрели его.

Короткая очередь, выпущенная американцем, срезала несколько манекенов, препятствуя остальным пролезть в окно, и тут же кто-то из бойцов вдогонку бросил гранату. Взрыв раскидал манекенов, но их место тут же заняли другие. Продолжая ломиться внутрь.

Двери, припёртые столом и стеллажами, начинали трещать под давлением обезумевших человекоподобных существ.

— Уходим на крышу! — скомандовал полковник. — Быстро!

Американец разнёс голову очередного показавшегося манекена.

— На крышу! — заорал полковник. — На крышу!

Данила взвалил на спину похожего на тряпичную куклу Александра и потащил его на

крышу под прикрытием остальных.

Несколько секунд спустя Плетнёв рванул по лестнице вверх, где работали снайперы. Правда, сейчас они вели огонь из автоматов, расстреливая скопившихся внизу манекенов, не забывая периодически отправить в их сторону выстрел из подствольника.

Расстреляв очередной магазин, один из снайперов, закинув автомат за спину, сорвал с разгрузки две гранаты РГН и с размаху швырнул их вниз с криком "Держи, шайтан, камбулю!"

Раздался сдвоенный хлопок, и вверх взметнулись рваные куски одежды и желеподобной плоти.

Глава 25. Враг есть враг

Вскоре из дверей надстройки на крышу выскочил последний боец, в то время как внизу раздавался треск ломающихся дверей, звон разбитого стекла и падающих стеллажей — манекены ворвались внутрь.

Боец с разворота метнул в проход сразу несколько гранат, от детонации которых содрогнулось всё здание, и тут же раздался звук обрушения чего-то массивного, а из дверного проёма, резко распахнув двери, вырвалось облако пыли.

— Лестница обвалилась! — закричал Чекан. — Это их задержит!

Сонные, бодрости которых сейчас можно было позавидовать, толпились внизу, протягивая руки вверх в желании схватить укрывшихся на крыше людей, не замечая того, что топчутся по телам тех, на кого рухнули обломки лестницы.

— Ненадолго! — ответил Данила, отстреливая голову монстру, который смог каким-то образом ухватиться за поребрик плоской крыши, находившейся на уровне почти третьего этажа.

До чего же странно лопались их головы при попадании в них самых обычных, не экспансивных пуль.

Пальцы бывшего человека разжались, и спустя секунду послышался звук упавшего тела, похожий на падение тяжёлого мешка, сопровождаемый хрустом костей. Алексей подбежал к краю, чтобы взглянуть, что происходит внизу, и это ему совсем-совсем не понравилось.

Твари как огромные муравьи лезли по телам друг друга, создавая самую настоящую движущуюся гору, вершина которой настойчиво тянулась вверх по стене, как какой-то агрессивный лишай.

Очередной манекен с вытаращенными невероятно яркими глазами и растрёпанными волосами на удивление ловко подскочил, оттолкнувшись от плеч своего сородича, и с булькающим хрипом оказался прямо перед Алексеем.

Организм действовал впереди мысли. Плетнёв нажал на спусковой крючок, чтобы очередью из автомата отправить тварь туда, откуда она появилась.

Клацнул механизм. И ничего. Просто щелчок. Выстрела не последовало. Магазин был пуст. Кажется, манекен только и ждал этого, чтобы рвануться вперёд с вытянутыми перед собой руками, обтянутыми полупрозрачной кожей и жёлтыми потрескавшимися ногтями.

И когда пальцы монстра должны были уже вот-вот сцепиться на горле Плетнёва, за спиной раздался выстрел, и половина головы манекена разлетелась на куски, а сам он под действием инерции с размаху рухнул на Алексея, сбив того с ног.

Сбросив с себя тяжёлое тело, Плетнёв обернулся: у вентиляционного короба сидел раненый Александр, с усилием удерживающий обеими руками оружие.

Алексей благодарно кивнул и получил в ответ аналогичный кивок.

Однако с этим надо было что-то решать. Плетнёв подбежал к краю и посмотрел на растущую пирамиду манекенов, пытающихся добраться до крыши с рвением, достойным упёртости японских камикадзе. И вот уже очередные костлявые пальцы цепляются за край, а над поребриком появляется голова с раскрытым ртом, в котором виднелись полупрозрачные, как стеклянные, зубы.

Удар берцем в лоб отправил тварь в неконтролируемое падение, увлекая за собой ещё несколько тел, устроив настоящий обвал. Тем не менее, твари всё прибывали и прибывали,

полностью заполнив улицу. Они как ополоумевшие рвались к зданию склада, наскакивая друг на друга, шагая по телам убитых, которых лежали уже буквально горы.

И где-то там, за толпами манекенов стояла Она, и словно в издёвку над ним держала в сложенных перед собой ладонях надкушенное человеческое сердце.

Слава, тот, что снайпер, высадил все десять патронов в сторону кровавой панночки, но всё было бессмысленно — каждую пулю на себя принимали манекены, подпрыгивающие, словно на батуте и жертвующие собой без малейшего сомнения. А может быть, и без всякого выбора.

Какие же они, однако, быстрые, подумал Алексей. Кто бы мог подумать, что еле переставляющие ноги существа, с которыми им пришлось столкнуться в торговом центре, могут быть такими быстрыми.

Если так пойдёт дальше, то они впустую растратят весь боекомплект — манекены словно предвидели, куда полетит очередная пуля, или это знала она и заставляла их жертвовать собой — и лезущие на крышу твари задавят их толпой и элементарно порвут на куски. И это при условии, что Она не придумала для них более изощренную пытку.

И при этом она в окружении дёргающихся манекенов медленно, но верно приближалась к зданию склада.

Однако, это всё терапевтические меры, подумал Плетнёв, а надо принимать радикальные. Надо было устранить ту, которая заправляла всем этим вертепом. Думаете, это невозможно? Но она же закрылась телами манекенов, когда ты стрелял по ней до этого. И когда стрелял снайпер, тоже. И сейчас явно хочет себя защитить. А если так, то это означает, что она далеко не бессмертна и страх смерти её не чужд, по крайней мере, она опасается, что ей можно навредить даже нашим оружием.

Мозг на интуитивном уровне анализировал информацию. Особенно то, что Она снова не применяет своё умение управлять пространством и временем — значит, пока не может, значит, надо поторопиться. Видимо, Она, как ни крути, не всесильна.

Сзади что-то зашуршало по поверхности, и обернувшийся Плетнёв обнаружил у своих ног холщовую сумку, брошенную Александром.

— Позаимствовал у американцев, — ослабевшим голосом пояснил он. — Пластид. Умеешь обращаться?

Отчего же не уметь? Конечно, умеем! Не пальцем деланные! Курсы по минно-взрывному делу пройдены в полном объёме и зачёт сдан на отлично! Алексей схватил сумку и методично стал разбирать содержимое. Главное, чтобы были детонаторы и дистанционные взрыватели, ага, вот они в другом отделении. И пара кусков взрывчатки грамм на пятьсот-семьсот каждый, которые, учитывая, что они были изъяты у американских наёмников, являлись ничем иным как Си-4.

Пока Плетнёв собирал бомбу, остальные бойцы во главе с полковником отстреливали манекенов, не позволяя им создать из своих тел особенно большую гору, по которой они бы смогли бы взобраться наверх. Время от времени бухали подствольники, оставляя настоящие проплешины в кишасей внизу толпе. Но если так будет продолжаться ещё минут десять, им придётся отбиваться прикладами и ножами!

По ушам бил звук выстрелов и падающих на твёрдую поверхность крыши гильз, которые здесь казались особенно громкими. Алексей обмотал куски взрывчатки с воткнутыми детонаторами изолентой и ещё раз проверил сборку бомбы.

Правее уже росла ещё одна гора манекенов, пытающихся в своём безумии добраться до

людей на крыше.

- [F@ck](#) off! — кричал американец, разmozжив голову очередному манекену, перевалившему через поребрик, и схватившему американца за ногу. Вторая голова, клацающая зубами, показавшаяся над краем, была тут же разнесена на куски.

Что ж, сейчас мы все в одной лодке, думал Алексей. Сейчас мы все зависим друг от друга. Не время выяснять, кто враг, а кто нет. Потом, всё потом.

Очередная фигура в истлевших обносках с хрипом промелькнула где-то справа, но Алексей даже не обернулся, так как услышал автоматную очередь — манекен был уничтожен, он был в этом уверен.

— Слава! — закричал Алексей. — Приготовься!

Снайпер перезарядил винтовку и встал на одно колено, целясь в сторону гостыи, вокруг которой, будто в ожидании чего-то особо занервничали манекены.

Алексей выдохнул, размахнулся и метнул бомбу как можно дальше в сторону сумасшедшей богини, хотя какая она к чёрту богиня! Так, спятившая от долгого лежания в саркофаге баба!

Наверное, ему показалось, но манекены будто бы проводили летящие куски пластида молчаливым взглядом. Или это она смотрела?

— Ложись! — закричал Алексей, нажимая кнопку взрывателя.

На мгновение снова стало тихо, так, как было, когда они только-только появились в этом странном мёртвом мире. Казалось, замерли даже кишачие внизу и ползущие друг по другу манекены.

А потом раздался взрыв.

Все взрывы, с которыми Алексей сталкивался в Тихом мире, показались обычными хлопками петарды по сравнению с тем, как рванул пластид. По ушам ударило так, как никогда не било. Мир наполнился звуками падающих фонарных столбов, осыпавшегося кирпича и бесконечным звоном бьющегося стекла. Для полноты картины не хватало хора завопивших автомобильных сирен, как это было бы в любом земном городе. Но здесь, если автомобили и были оснащены сигнализациями, то они уже очень и очень давно не работали.

А потом — снова тишина.

Алексей приподнял голову, стряхивая пыль и обломки с головы.

— Ты видишь её?! — почти прокричал оглушённый Алексей, обращаясь к снайперу?

Снова вставший на колено Слава, жмурился, высматривая цель в оптический прицел. Да, план Алексея оказался не так идеален, как казался ещё полминуты назад.

— Нет! Не вижу! Может её к чертям разнесло на куски?

Остальные тоже стали высматривать женскую фигуру в длинной тунике.

— Не думаю, — покачал головой Плетнёв. — Слишком живучая. Не бессмертная, но живучая.

— Или завалило телами с обломками, — задумчиво произнёс подошедший Данила.

Что-то насторожило Плетнёва. Он смотрел на обломки стен и груды размётанных по улице взрывом тел, многие из которых продолжали шевелиться, но уже не так активно, как ещё полминуты назад. Похоже, они вошли в свой обычный режим, если можно так сказать. Значит, в каком-то плане, взрыв достиг своей цели.

Манекены, манекены... всё было завалено их телами. Некоторые успели подняться и бесцельно стояли, уткнувшись в уцелевшие стены.

Дикая мысль посетила Алексея: если Она знает про странников, то... чем чёрт не

шутит!

Он вытащил из подсумка бинокль и вставил в него загадочные цветные фильтры, с которыми впервые столкнулся ещё в Афганистане, когда полковник Смирнов показал, как выглядят странники в реальности.

Манекены. Кучи манекенов. Некоторые шевелятся и пытаются ползти, другие, как было сказано, уже стоят на своих двоих, но явно не понимают, что делать дальше.

Ползёт! Вон она ползёт, прикрывшись внешним видом манекена. Навела морок, тварь! Гляди-ка ты ж! Значит, ещё что-то может.

— Вижу! — холодно произнёс Плетнёв. — Посреди улицы. Манекен в синем костюме. Используйте фильтры.

У кого были бинокли с фильтрами, тоже посмотрели туда, куда указывал Алексей. Послышался лязг затворов.

Женская фигура, накинущая на себя обличье манекена, уже успела подняться на ноги, но стояла она явно не уверенно, да и выглядела также. Ещё бы, килограмм пластида — не меньше!

Однако, в глубине души, Алексей надеялся увидеть вместо молодой девушки чуждое, замотанное в тряпье существо, наподобие странников. Но нет, с виду она казалась человеком, даже в чём-то беззащитной девушкой.

Более того, при взгляде через фильтр нельзя было не заметить слабого свечения, исходящего от неё, и особенно от её головы. Зрелище странное, и одновременно завораживающее, путающее, сбивающее с толку.

Словно ощутив их взгляды на себе, она, шатаясь, обернулась и посмотрела прямо на них.

"Может быть, ты и воскреснешь, но будет это потом, когда мы уже покинем это чёртово место, — думал Алексей. — В конце концов, если тебя смогли запечатать в каменный саркофаг дикари, значит, и у тебя есть пределы возможностей"

Палец уверенно надавил на спусковой крючок...

Вот только за мгновение до того, как первая пуля, его пуля достигла цели, она успела посмотреть ему прямо в глаза. Алексей не понимал, как это было возможно, и почему он так решил, но это было и неважно.

Но он увидел... Нет, он пропустил через себя, ощутил то, что чувствовала когда-то она. Увидел, как варвары убили, подвергнув колесованию её отца, сочтя его еретиком. Хотя они всю её семью считали еретиками. Еретиками, посмеявшимися оспорить действующий порядок вещей. Заявивших, что нельзя жить так, как привыкли жить люди, что есть нечто большее в этом мире, чем поиск всё новых и новых способов удовлетворения плотской похоти и набивания желудка. Что нужно делиться со страждущими, что нужно любить ближнего своего.

Они заставили её смотреть на то, как он умирал.

Но сначала их пытали. Требовали отречься от того, что они считали ересью. Пытали долго и со всем возможным усердием и изобретательностью. Предлагали призвать на помощь Бога, который бы их спас, и тогда бы они все сразу уверовали и признали бы их правоту.

А когда после очередного удара плетью со стальными шипами с них слетали окровавленные лоскуты кожи, а небо оставалось всё таким же чистым и солнечным, и никакой голос сверху не приказал палачам остановиться, не покарал громом и молнией... тогда они смеялись и наносили очередной удар, вырывающий очередной кусок плоти.

Варвары сожгли её мать, назвав ведьмой. Она отказалась покаяться, но палач, тот, что готовил костёр, жалился над ней и бросил в костёр особой травы, дым от которой задушил её мать быстрее, чем та успела почувствовать обжигающие укусы пламени.

Какая никакая, но милость. Палач — святой. Палача можно простить. Остальных — нельзя. Его — можно.

Так она думала, когда смотрела, как горит её мать, а вокруг бесновалась толпа, нищая безродная толпа, перебивающаяся с воды на хлеб, которых они пришли спасти, но которые не захотели, чтобы их спасали. Может быть, они не поняли, что им требуется спасение и помощь, но теперь это уже не имеет значения.

Они не захотели слушать, они не хотели слышать благую весть, им нравилось жить в своём зловонном болоте, которое они называли городами, и они отнюдь не жаждали спасения. Они хотели лишь издеваться над ними, так как получали от этого удовольствие. Они видели, как её сковал ужас, как она оцепенела, глядя в глаза матери, умирающей на костре, как она шептала ей одними губами, просила простить их, понять, что они просто ещё не готовы к восприятию.

Как будто кто-то когда-то был готов!

Её заставляли смотреть.

Её брата на площади уложили спиной на жертвенный камень, приковав ноги и руки цепями к эшафоту. А потом, на потеху публике вырезали сначала глаза, а потом — сердце.

А тот палач, что подсунул сон-травы Её матери, отказался участвовать в казни её брата, и его избили плетьюми, ослепили и изгнали из города. Больше его никто не видел.

О, как же они, эти оборванные, голодные, нищие людишки, их вожди и священники испугались, когда вырванное из груди сердце продолжало биться и при этом сиять. Так им казалось. Так было надо. Но брат умирал по-настоящему. В конвульсиях и мучениях.

Их священники, такие примитивные, пытались спрятать его сердце, пытались укрыться от сияния, исходившего от него. Глупые, они не понимали, что видят это только в своём воображении. Но, тем не менее, они решили спрятать сердце так далеко, как только могли вообразить их примитивным разумом.

Но брат умирал по-настоящему. А её заставляли смотреть.

А потом — пришёл её черёд. Насытившись отсечением конечностей, запахом жареного мяса и изъятием органов, они решили попробовать что-то новое. Они решили её утопить.

Поместили её в склёпанную из плохого железа клетку, прицепленную медным кольцом к длинной перекладине с противовесом в виде корзины, наполненной камнями, на другом конце.

И они топили её. Раз за разом. Раз за разом... Казалось этот ужас будет длиться вечно. А потом, когда поняли, что она всё равно жива....

Алексей моргнул, сбрасывая морок.

Чувство жалости? Гнева? Тоски? Его захлестнула целая волна эмоций, которую он ощущал физически.

Но он должен был нажать на спусковой крючок. Сейчас у него не было выбора. Он должен был сделать всё, чтобы его группа вернулась с задания с минимальными потерями.

Сейчас не время искать прощения.

Палец уверенно надавил на спусковой крючок... Под действием расширяющихся пороховых газов пуля вырвалась из сковывающей её гильзы.

Выстрел. Одновременно со всех сторон началась массированная стрельба.

***

Когда последняя пуля вылетела навстречу своей жертве, и дымящаяся гильза, испуская кислородный запах порохового дыма со звоном ударилась о поверхность крыши, установилась звенящая тишина.

Они стояли в лёгком оцепенении на крыше склада и смотрели, как посреди улицы лежит изорванное пулями тело в окровавленной тунике. И не было в его позе ни театральности, ни красоты. Только боль и страдание.

Было ощущение, что все сейчас чувствуют одно и то же, но озвучивать это никто не решался. Да и говорить, если честно, не хотелось. Совсем. Но кто-то должен был заговорить первым.

— Надо бы убедиться, что она мертва, — озвучил очевидное Данила.

Полковник покачал головой.

— Нет, надо уходить, и как можно быстрее. Мы и так здесь сильно задержались. Тем более, нас больше ничего не сдерживает, — полковник взглядом указал на сидящего у вентиляционного короба Александра, а рядом с ним труп манекена с протянутой к горлу товарища окровавленной рукой.

Казалось, Санёк всё также смотрит на них, вот только в этом взгляде больше не было жизни, а из разорванного горла уже перестал течь кровь.

— Тело оставим здесь, — ожидаемо сообщил полковник, никто не спорил.

Анатолий подошёл, присел на одно колено перед Александром и движением правой руки закрыл ему глаза, а потом вложил ему в руки автомат.

— Спи спокойно, друг, — тихо произнёс он.

— Спи спокойно! — повторили вразнобой остальные, сняв головные уборы.

Перепрыгнув на крышу соседнего здания, они спустились на первый этаж, и вышли на улицу, где продолжали шататься уцелевшие манекены, но на удивление не проявлявшие к людям никакого интереса. Разве что одна из особей, как показалось Алексею, посмотрела на него осмысленным взглядом, и продолжая что-то шептать на своём непонятном языке.

Но прежде, чем они приготовились совершить последний рывок на пути к точке перехода, полковник подошёл к американцу и забрал у него оружие, которое тот отдал без каких-либо возражений. Да, союзник снова стал врагом.

Глава 26. По старым вешкам

Вскоре они покинули пределы города. Двигались быстро, стараясь лишний раз не останавливаться, благо ранения остальных это вполне позволяли. Оставив позади промзону с её железнодорожными и шоссейными развязками, они вскоре оказались за городом, где по бокам шоссе виднелись далёкие и не очень фермы, по крайней мере на них больше всего были похожи стоящие в отдалении здания.

Чуть позже они свернули на просёлочную дорогу, и под ногами захрустел песок и гравий. Путь вёл в гору туда, где на склоне возвышался густой лес. Деревья наверху казались хвойными, но точно сказать отсюда было нельзя. Скорее всего, они находятся в таком же состоянии ни жизни-ни смерти, как и вся остальная растительность, встреченная ими ранее.

То тут, то там встречался уже знакомый кустарник с плотными тёмными листьями, обсыпанный редкими ярко-красными ягодами, чей цвет нельзя было скрыть даже под толстым слоем пыли.

Наконец, грунтовка вывела их к перпендикулярно проложенной железной дороге, проход к которой преграждал старый простенький шлагбаум, покрытый облупившейся краской и когда-то уж совсем поземному раскрашенный в чёрно-белую полоску.

— Нам туда, — показал рукой вдоль железной дороги Афанасий.

— Туда, так туда, — устало согласился полковник. — Напомни-ка, эта твоя Сущность, она ведь в лесу обитает?

— Да, так прадед рассказывал, — подтвердил Афанасий, поправляя рюкзак, — поэтому будьте начеку, и если услышите плач или что-то в этом роде, сразу сообщите, даже если вам просто покажется, что вы слышите.

Последние слова Афанасия практически слово в слово повторяли указание полковника после того, как погиб Егор, оказавшись под воздействием той, чьё имя они так и не узнали. А вообще, было бы неплохо понять, кто она такая или даже что такое есть. Просто случай представиться по форме как-то не представился. Да и общение не задалось. Хотя, как минимум его имя, и имя студента Она знала, а вот своё оставила втайне.

Интересно было бы узнать, как её звали. Как она называла себя, как её называли люди, жившие в долине, и вообще в этом мире. Проблема в том, что после всего произошедшего не факт, что руководство, где бы оно ни размещалось и кем бы представлено ни было, разрешит подготовку серьёзной экспедиции в этот мир, как на то рассчитывал полковник. Скорее всего, ещё больше ужесточат режим карантина, чтобы ни одна мышь не проскочила, а всех, кто случайно или специально здесь окажется, будут ликвидировать сразу, как только смогут. Зашёл сюда — здесь и оставайся, или ищи другое место для коротания своих деньков, возможно не очень многочисленных.

В голове засвербела предательская мысль: а что если бы раненый Александр сразу остался в Афганистане (слово "бросили" никак не хотелось произносить, даже в уме)? Что если бы им не пришлось его тащить всё это время, ведь после бойни на складе они проделали этот отрезок пути за достаточно короткое время. Остался бы тогда в живых студент? А Дмитрий?

Не, не, всё правильно было сделано. Без вариантов. И точка. Хватит об этом. Есть возможность спасти — спасай, а там видно будет.

Шли молча. Не оттого, что сэкономили энергию, а оттого, что говорить не хотелось,

надо было переварить недавние события, принять гибель товарищей.

Полковник выглядел подавленным и казался гораздо более сосредоточенным, чем обычно и в то же время напоминал человека, который что-то потерял, и никак не может найти. Похоже, Алексей догадывался, в чём дело.

— Не чувствуете его? — решился спросить Плетнёв, когда поравнялся со Смирновым.

Полковник глубоко вздохнул.

— Нет, как отрезало.

— А обычно?

— Обычно его присутствие ощущается. Когда сильнее, когда меньше. Но ты знаешь, что он где-то рядом.

— Денис Евгеньевич, — Алексей жевал губу, — Я думаю, это он тогда вырвал меня из того состояния, не дав проглотить ягоду.

— Догадывался, — с каким-то облегчением сказал Смирнов. И добавил уже с сожалением, — значит он погиб. Подозревал, что без него не обошлось. В конце концов, наш мир — его мир, у него были причины пожертвовать собой, хотя, может, он изначально и рассчитывал выжить.

Алексей обдумывал услышанное.

— А разве его можно...

— Убить? — подхватил полковник.

— Да.

— Убить, Алёша, можно кого угодно. Надо просто способ знать. А так, можно кого хочешь отправить в небытие.

Была в словах полковника своя правда. Вот только Алексей вовсе не был уверен, что им удалось убить Её. Он хотел в это верить, но получалось не очень.

— И как вам без Зверя? — спросил он.

— Необычно, — пожал плечами Смирнов. — Одиноко. Ощущается какая-то пустота. Как будто чего-то не хватает.

— Но ведь этот Зверь не последний? — Алексей понимал, что может сейчас звучать наивно, но что поделаешь. Лучше задать глупый вопрос и получить соответствующий ответ, чем маяться тем, что ты так и не спросил. — Вы можете получить нового? Он же не в единственном экземпляре существовал? Или в единственном?

— Не каждый Зверь примет хозяина, Алёша, — Если ты им не понравишься, они сведут тебя с ума. Ты будешь слышать шорохи, шумы, шаги, звуки бьющейся посуды. Некоторые подражают человеческим голосам, причём очень реалистично, гораздо лучше, чем самый заправский ара. Они будут тебе мерещиться в темноте и особенно в сумерках, представляя в разных образах, даже с лицами твоих давно почивших родственников.... Поверь — случайный человек спятит, и очень быстро.

— А вы... были подготовленным?

Полковник тяжело вздохнул. Казалось, разговор вызвал у него старые воспоминания.

— Нет. Мне Зверь достался, можно сказать, случайно. Но предыдущий хозяин, как мог, объяснил ему, что теперь его хозяин я.

— А вот то, что вы его Зверем называете, это какая-то классификация? Или просто так повелось?

Полковник ухмыльнулся.

— Классификация, конечно, есть, но тут скорее так повелось. В конце концов, не

домовым же его называть. Тем более, что они разные бывают.

Сначала Плетнёв хотел задать очередной вопрос, который напрашивался из последних слов полковника, но потом передумал, всему свое время. Особенно, когда есть другие важные темы.

— Денис Евгеньевич, — Алексей замялся, думая, стоит ли задавать вопрос, — а вас можно убить?

— Надеюсь, ты не разрешения спрашиваешь? — поднял брови полковник и, заметив замешательство Плетнёва, тут же с улыбкой добавил, — Даже бога можно убить, Лёша, особенно если до того, ты убил его в себе. А я всего лишь человек. Старый человек, можно сказать, инвалид.

На последних словах полковник стал заметно прихрамывать, наклонился, чтобы на ходу растереть колено.

— Болит гадина! — прошипел он. — Вроде и нет давно, а снова заболела. Вот тебе и сказывается отсутствие Зверя. Уж лучше бы я здесь пустоту ощущал.

И только сейчас Плетнёв заметил, что у полковника реально нет одной ноги. Да, протез был, как говорится, по последнему слову техники, но ноги-то не было! И сейчас это было заметно, как никогда! Видимо, кто-то из манекенов добрался до полковника и разорвал штанину своими когтями.

Полковник проследил направление взгляда старшего сержанта.

— Всякое бывало, — сообщил полковник заурядным голосом.

— Где это случилось? — всё-таки поинтересовался Алексей.

— Далеко отсюда, — ответил полковник. — Да и давно это было. Очень. На войне.

Понятно, что на войне, подумал Плетнёв, только мало ли их было за последние лет тридцать. По возрасту, так Смирнов мог ещё и Афган зацепить, тот, что ещё при Союзе был, а потом весь Союз сам запылал, конфликтов на его бывшей территории была куча, одна Чечня чего стоит.

— Она... — решил поделиться информацией Плетнёв, — Она намекнула, что знает о существовании странников, и удивилась тому, что мы их так называем, и что они до сих пор ходят по маршруту.

Кажется, Плетнёву удалось не только заинтересовать полковника, но реально удивить его, а в глазах появились искорки азарта.

— Знает, говоришь? Это ценная информация, — закивал он, — очень ценная. Укажешь это в рапорте, обязательно, — Смирнов явно стал что-то обдумывать. Кажется, эти сведения даже придали ему сил.

Они шли двумя группами по обеим сторонам насыпи, которая давно заросла острой жёсткой травой, покрытой белёсым налётом. Но здесь рельсы и шпалы казались гораздо более старыми, чем там, внизу. Похоже эта "железка" была заброшена или редко использовалась задолго до катастрофы, постигшей этот мир.

По правую руку среди деревьев внизу просматривалась обширная долина с расположившимся в ней городом. По левую — возвышались вековые сосны, покрытые мелкой пылью. Под ногами перекатывался и хрустел пыльный щебень.

Ни одна веточка не треснула в лесу, никто не крикнул, ни запищал, ни зашуршал, не было слышно ничего. Безмолвие, полное безмолвие, такое нехарактерное для того леса, в котором приходилось бывать Алексею. Да что там! Даже в горах всегда есть какое-то движение: то журчание ручья услышишь, то камешек обвалится в пропасть, то парящий

высоко в небе орёл издаст свой охотничий крик.

Плетнёв притормозил, решив, что от полковника он получил максимум информации, по крайней мере пока. Через пару минут он поравнялся с одним из снайперов.

— Что такое камбуля? — как бы невзначай спросил Алексей у него.

Тот сдержанно усмехнулся.

— Граната, — ответил он, — по-арабски.

— Бывал в Африке?

— В ЦАР приходилось заезжать. Слышал о таком?

— Вроде как слышал. И как?

— Что как?

— Доволен? Условиями.

— Это не вопрос удовольствия, Алекс, — ответил снайпер. — Ты подписываешь контракт — обязан его выполнять. Это — служба.

— Понятно.

Шедший впереди Данила поднял руку, призывая остановиться и проявить максимальное внимание. Послышались звуки снимаемых с предохранителя автоматов.

Сказать, что упало сердце ничего не сказать. Откровенно хотелось уже какого-то спокойствия, а не вот этого всего.

Впереди, по ходу движения, между рельсов виднелась какая-то бесформенная куча, которая могла оказаться чем угодно, хоть обычным мусором, хоть дохлым зверем, хоть той самой сущностью, о которой предупреждал Афанасий.

Он, однако, быстро развеял опасения народа по этому поводу, более того, проявил неподдельный интерес к находке. Можно сказать, обрадовался.

Куча пыльной ветоши, вокруг которой собрались люди, оказалась высохшим трупом человека, в одной руке сжимавшим оружие, чрезвычайно похожее ни на что иное, как на пистолет-пулемёт.

Тело было одето в нечто, напоминающее защитный костюм чёрного цвета, короткие сапоги, перчатки, а рядом валялся потрескавшийся от времени противогаз с гофрированной трубкой.

— Надо же! — искренне удивился их проводник. — Лежит ровно там, где рассказывал прадед. Значит, идём правильно. Ничего не изменилось. Даже оружие никто не тронул. То есть здесь, скорее всего, никто не ходил с тех пор.

— Не факт, — возразил кто-то из парней, — может, просто не позарились.

Анатолий поднёс дозиметр к ослабившемуся черепу, потом к оружию, и тот радостно ускорил свой треск.

— И правильно сделали, что не позарились. Фон не шибко какой, но всё-таки повышенный.

— Кстати, об оружии, — присмотрелся полковник, — ничего не напоминает?

Слава, снайпер, присел на корточки и дулом винтореза поддел ремешок незнакомого огнестрела, приподнял оружие, чтобы лучше осмотреть.

— Ну, я уже давно ничему не удивляюсь, однако я бы сказал, что это пистолет-пулемёт Хеклер-и-Кох, — произнёс он. — МП-5, как думаете? Хотя никакого клейма не видно.

Он посмотрел на остальных снизу вверх.

— Ну что похож, это точно, — согласился полковник и спросил Афанасия, — Что ещё рассказывал твой предок?

Слава опустил чужое оружие на место.

— Что где-то после этой кучи он и услышал плач. Он говорил, что столкнулся с сущностью ближе к тоннелю. Она их преследовала до самого выхода, но по какой-то причине напасть не решилась.

— Или не хотела, — сделал вывод полковник. — Ну что, смотрим в оба и идём до тоннеля.

— Погодите, — вмешался Алексей и тоже наклонился над трупом, достал нож и поддел складку костюма, в который был одет мертвец. — Смотрите.

— Пристрелили, значит, бедолагу, — произнёс полковник, рассматривая несколько округлых отверстий в костюме. — Ну, хоть не эта чёртова сущность его сожрала. Может, она и не жрёт никого. Ну, искать убийцу нам некогда.

А ещё через полчаса они услышали плач, если эти звуки, от которых всё переворачивалось внутри, и волосы вставали дыбом по всему телу, можно было так назвать. А потом в глубине леса кто-то стал двигаться, явно следуя за группой, но как ты не пытался рассмотреть, нечто всё время выпадало из поля зрения, замирало и сливалось с окружающим пейзажем.

Глава 27. Успеть

Существо, скрывающееся в лесу, упорно избегало попадаться на глаза людям, но при этом однозначно приближалось к ним всё ближе и ближе. Пробирающий до костей вой, похожий одновременно на детский плач, собачий вой и смех гиены, периодически раздающийся из пыльной мёртвой чащобы, говорил именно об этом. Звук с каждым разом становился всё ближе и ближе. Прямо как злая бродячая псина, у которой ты вызвал острый приступ антипатии, и теперь она задалась целью прихватить тебя за ляжку. Она останавливается, как только ты обернёшься, посмотришь ей в глаза, но как только потеряешь с ней зрительный контакт, уверенно сокращает расстояние для решающего броска.

— Афоня, — произнёс Данила, — твой прадед оставил какую-нибудь инструкцию, как себя вести с этой гадиной?

— Нет, они тогда успели уйти, долго здесь не задерживались, — ответил проводник, — а до этого он здесь и не был никогда. Ему ещё его дед говорил, что лучше сюда не заявляться, ибо тут мир мёртвых и сторожит его злой дух Бон. Дед моего прадеда шаманом был, в духах разбирался.

— А ты? — поинтересовался Алексей, на ходу высматривая среди деревьев преследующее их существо.

— А что я? Я на компьютерных играх вырос, тогда как раз они попёрли, — ответил Афанасий после того, как Сущность закончила исходить очередным приступом так называемого плача. — А потом всё вот это случилось. А ты думал, я по тайге стадо оленей гонял? — тихо и нервно рассмеялся он.

Во как! Плетнёв впервые видел нервничающего Афанасия. Надо же и его, в итоге, проняло.

Что "это" случилось и когда это "потом", Плетнёв спрашивать не стал, просто потому, что с ним тоже случилось то, о чём потом можно будет рассказывать в стиле "а потом вот это всё случилось". Ладно, ещё успеем пообщаться.

— А что это за дух такой, твой прадед не рассказывал?

— Рассказывал... Только это он его духом называл, несмотря на то, что в советское время вырос, но другого объяснения придумать не мог. Или не хотел. Этот образ хорошо укладывался в его восприятие окружающего мира, соответствовал его знаниям. А так, Бон — даже не совсем дух, это, скорее, мертвец, в тело которого вселилась душа живого человека. Вот и ходит он по миру, вроде как мёртв, но и жив... в какой-то степени. А вообще, он не то, чтобы злой дух, всё зависит от того, как с ним обращаться будут.

"Прямо как Зверь" — подумал Алексей. Не в том, что ни мёртвый, ни живой, а в том, что, как говорил полковник, иного он мог свести с ума просто из шалости, или, обозлившись, а иному лишь сил придавал, и даже оберегал.

Однако, это навевает на определённые размышления. Алексей вспомнил мозаики из церкви. Представил, как это могло быть.

Небо озарилось яркой вспышкой. Такой яркой, что она выжигала глаза, оставляя слепым любого, кто по неосторожности решит на неё посмотреть. Всё, что находилось в радиусе пятисот метров, просто испарилось, а земля запеклась до состояния стекла.

В воздухе стало формироваться до боли знакомое облако, специфической формы.

Взрывная волна уже прокатилась по земле в обе стороны, оставляя после себя руины

городских зданий и вырванные с корнем деревья, содрав с тех, что, каким-то чудом, смогли удержаться в почве, всю листву подчистую.

Совсем молодая девушка, почти девочка, взирала на то, как тысячи и тысячи людей сгорали в жадном пламени.

Почему-то именно это облако больше всего напоминало такой безобидный, казалось бы, шампиньон. Почему не ромашка? Почему не роза или апельсин, в конце концов? Нет, ядерный взрыв по какой-то прихоти законов физики обрёл форму гриба, где-то того самого шампиньона, где-то мухомора, а где-то поганки с обязательной юбочкой. Хотя, когда Плетнёв смотрел на мозаику, ему больше всего изображение напомнило некое раскидистое дерево типа баобаба.

Древо Судного дня, чтоб тебя! И произрастёт оно из семени грехов ваших! Тьфу ты!

— О чём думаешь? — рядом появился Данила. — Явно не о том, кто это там стонет в лесу.

— С чего взял, что я вообще о чём-то думаю? — Алексей, конечно, думал, но внимания не ослаблял.

— Догадался. Вид у тебя такой, будто пытаешься в голове собрать кубик Рубика, да только ничего не получается. Небось о Царице Долины Мёртвых размышляешь. Забудь, хотя бы пока. Кем бы она ни была, нам она была врагом. Причём явно с поехавшей крышей.

— О! У неё уже прозвище появилось, — невесело ухмыльнулся Алексей. — Хотя да, и о ней тоже. Вспоминаю картинки на стенах церкви. После того, что выпало на её долю, я ни разу не удивлён, что она сошла с ума. И потом, она была уверена, что её послали сюда высшие силы.

— Ну, кто её послал, нам ещё предстоит разобраться, если, конечно, руководство не решит наглухо запечатать все проходы сюда. В конце концов, думать она могла всё, что угодно. У психов и не такое в голове происходит.

— То есть всё, что она творила, как управляла манекенами, не говорит о том, что она посланница высших сил?

Данила прислушался к шороху в лесной чащобе, поморщился.

— Это говорит лишь о том, что мы не понимаем природы её силы, — скептически возразил он.

Алексей покивал головой. Мозаика, та, что в церкви на площади, не выходила из головы.

— Что именно тебя зацепило? — спросил Данила.

Ухнуло где-то совсем рядом, и вся группа присела на колени, оцетинившись оружием, только американец, обезоруженный и вновь скованный наручниками, затравленно озирался по сторонам.

Затрещали ветки и вот, кажется, что-то большое и косматое прошмыгнуло между деревьев, заставляя осыпаться с ветвей пыль, но стоило присмотреться, как перед тобой опять только стволы и ветви, ветви и стволы.

— Чёрт бы её разодрал, эту сущность! И чем она здесь только питается? — напряжённо прошептал Данила.

Дождавшись, когда всё снова стихло, бойцы поднялись и пошли дальше по осыпающейся насыпи.

— Так что там с мозаикой? — возобновил разговор Данила, он проявлял явный интерес к размышлениям новичка. Ну а что, свежий взгляд, незамутнённый опытом, бывает очень

даже полезен.

Что же, Алексей был сейчас не против поделиться своими размышлениями, с учётом, конечно, имевшихся в его багаже знаний. Он стал быстро проговаривать то, что ему показалось важным.

Могла ли, например, та мозаика быть просто иллюстрацией к обычному преданию, мифу, коих человечество породило сотни, если не тысячи за свою историю? И местные люди, если они, конечно, люди в нашем понимании этого слова, тоже могли напридумывать разных сказок. Такие картинки наверняка можно во множестве найти на стенах любого храма, хоть древнего языческого, хоть христианского с его фресками Судного дня, муками грешников в аду и прочим таким.

Один только скандинавский Рагнарёк чего стоит, хотя он о нём узнал лишь тогда, когда в его части кто-то решил набить себе татуху в виде молота Тора и каких-то там воронов, да ещё в кино он упоминался. Или вот Апокалипсис от Иоанна, о котором он узнал от родной бабки, но дальше углубляться не стал (и не удивительно, учитывая, что он был тогда совсем пацаном, у которого играли гормоны, а соответственно думал он только об одном). Других примеров Конца света Алексей вспомнить не мог, но был уверен, что примеры Последнего Дня человечества найдутся в любой религии более-менее развитого народа, не исключено, что даже у аборигенов Австралии, что-то такое в сказаниях тоже есть.

Нет. Не могло это быть просто картинкой для прихожан. Точнее, для прихожан той церкви это действительно могла быть всего лишь картинка, иллюстрирующая историю из святого писания, дошедшего до них сквозь века, если не тысячелетия. Книга, превратившаяся в набор преданий и догм, которые, не факт, что кто-то особо соблюдал на момент постигшей их катастрофы. К тому же пока не ясно, имели ли жители долины, в которой располагался город, представление о ядерном оружии и силе расщеплённого атома и цепной реакции. Знали они хоть что-то о ядерной энергии и способах её применения или нет?

По крайней мере, никаких огромных труб большого диаметра, свойственных всем атомным электростанциям, они на своём пути не заметили. Даже та фабрика, или завод, которую они видели издалека, обходилась без них.

Проблема состояла в том, что он-то, родившийся в двадцатом веке, знал, что такое ядерный взрыв. Он его видел неоднократно. И в художественных фильмах и в чёрно-белой хронике середины прошлого века. Для него грибовидное облако было легко узнаваемым. А покажи его, например, папуасу, который и телевизора-то мог никогда в своей жизни не видеть — что он подумает, увидев ядерный взрыв, и поняв, какой разрушительной силой он обладает? Вопрос!

Скорее всего, он попытался бы хоть как-то да уложить увиденное в рамки своего представления об окружающем мире, естественно с учётом религиозных мировоззрений, доставшихся ему от бабушек и дедушек. Во что там, в туземных племенах, верят? Местный шаман бы тоже помог.

Хиросима. Нагасаки. Взрыв Царь-бомбы на Новой земле, когда взрывная волна обежала вокруг планеты несколько раз.

Да, местные люди, обратившиеся в сушёных мумий — "да иссохнут ваши тела!" — могли ничего не знать о той силе, что скрывалась в неконтролируемой цепной реакции, но он-то, отучившись, хоть и без особых успехов, в средней школе, знал. А потому ядерный взрыв на мозаичном панно в церкви был именно тем, чем был — ядерным взрывом, уничтожившим тысячи людей. Пусть бы он и был больше похож не на гриб, а на баобаб.

— Древо познания, чтоб его! — нервно засмеялся Данила. — Древо познания! Улавливаешь иронию с аналогией? Ты в курсе, что Один был прибит к Древу познания копьём?

Признаться, голова шла кругом от всех этих аналогий, и на иронию особо времени не оставалось, учитывая шныряющее по близости неизвестное и, судя по всему, довольно крупное животное. Новой информации поступало в голову столько, что в пору было завалиться под кустик и принять позу эмбриона, повторяя «это всё происходит не со мной, это мне снится, это всё просто кошмар...»

История с той, что преследовала их и пыталась заставить Алексея проглотить роковую ягоду, имела огромные дыры, которые требовали заполнения, чтобы можно было сделать более-менее адекватный вывод относительно того, кто она такая, и что здесь делала.

Опять полный тоски вой.

— Прямо как гигантский ай-ай, — заметил Данила.

— Кто?

— Лемур такой, на Мадагаскаре обитает. Считается у местных нечистой силой. Боятся его, как чёрта с дьяволом!

Ну вот, ещё мадагаскарской обезьяны только им не хватало, раздолбать тебя через колено!

Где-то по левую руку и, кажется, уже впереди снова заплакало-завыло-заскулило, раздался звонкий хруст сухих ветвей. Неужели существо, скрывающееся за деревьями, хочет отрезать им путь к тоннелю, чтобы преградить им путь домой? Выходит, что какие-то зачатки интеллекта у него имеются, не иначе. Ох и действует на нервы этот не то плач, не то вой, разлетающийся эхом по мёртвому лесу. А уж как засмеётся, то хоть уши затыкай. И до чего же неприятно осознавать, что тебя кто-то видит, а ты его нет. Быть в роли жертвы, а не охотника — то ещё удовольствие.

Алексей поймал себя на мысли, что даже в отношении Царицы Долины Мёртвых он не испытывал таких эмоций. Там она была, скорее, коварным и могущественным, но врагом, к тому же она выглядела как человек, а здесь нечто, чему и названия-то нет (не ай-ай же его называть, к тому же лемуры, они же вроде милые такие), мало того, что обладает завидными способностями к маскировке, так ещё и надрывается, как гиена, попавшая в капкан.

Одно радует, что источник звуков не на верху, а находится на уровне земли, значит существо, не прыгает по веткам, как обезьяна, или как тот же лемур.

Плетнёв на ходу пересказывал Даниле то, что успел увидеть перед тем, как они расстреляли так называемую Царицу, образы, которые она за каким-то лучшим отправила ему прямо в мозг, заставив взглянуть на события её глазами.

— О как! Пыталась воздействовать на тебя, уверен, — выразил мнение Данила. — Прядерный взрыв ты это правильно подметил. Про уровень технологического развития местного населения на момент катастрофы нам известно немного, только то, что мы можем видеть своими глазами. Что-то вроде семидесятых годов прошлого века. По крайней мере, то, что можно было бы назвать компьютерами, я не встречал, а вот телики видел. Электричество, получается, они знали в полной мере, а вот ядерную энергетику, хэээ.

Алексей покивал, соглашаясь.

И кто же ты такая и что тебе нужно — маленькая испуганная девчонка, что взирает на весь этот кошмар как бы со стороны, продолжал Алексей.

Странно. Почему он решил, что она напугана? Может, наоборот, она была довольна тем,

что произошло, тем, что люди сгорели в божественном пламени, как могли его называть здешние жители? Вдруг она действительно хотела таким способом отомстить, и ничего кроме личной ненависти к людям у неё не было? С другой стороны, произошло это, скорее всего очень давно, и до того, как её уpekли в каменный саркофаг.

Утопить не смогли, так решили запихнуть в каменный гроб. А дырку просверлили, чтобы подкармливать? Или просто, чтобы наблюдать? Со временем кормёжка и проверка состояния узницы превратились, обросли обычаями и условностями и вот тебе уже новая религия с объектом для поклонения! Интересно, сколько поколений потребовалось, чтобы одно переросло в другое?

Нет, город, через который они с таким трудом прошли, не был разрушен ядерным взрывом. Алексей вспоминал строения и улицы, заваленные засушенными телами, чья кожа превратилась в хрупкий пергамент, но которые не содержали следов гниения, — но в целом-то городские строения оставались целыми, не считая повреждений нанесённых потерявшим управление транспортом. И да, радиоактивный фон здесь был гораздо выше нормы, но не факт, что это было связано с применением ядерного оружия, хотя Дмитрий и упоминал нейтронную бомбу. А может быть и так, что со времени его применения прошло слишком много времени, и фон снизился естественным образом. Понять бы только где это случилось. Явно не в долине. С другой стороны исследовать её тщательно они возможности не имели.

Что же, если это и было проклятие, так сказать, наказание божье, случившееся посредством техногенной катастрофы, то оно реализовалось в полной мере. Абсолютное большинство людей не успели даже ничего понять, а другие превратились в «сонных». Мир погрузился в вечные сумерки, щедро сдобренные пеплом, время от времени сыплющимся с неба, и пылью, обильно покрывающей всё вокруг. Собственно, пыль, это похоже тоже что-то вроде мелкого-мелкого пепла, как будто что-то выжгло поверхностный слой всего, до чего дотянулось.

Когда до тоннеля оставалось рукой подать, вой раздался совсем уж близко, и, кажется, среди деревьев можно было различить два ярко-жёлтых глаза с чёрными бусинами зрачков. Но лишь на мгновение, и вот ты уже не знаешь, сыграло с тобой шутку воображение, или неизвестный преследователь уже успел слиться с окружающей местностью. Разве что на этот раз существо, прекратив выть, разродилось угрожающим рыком.

Один из бойцов чуть было не выпустил в чашу очередь, но Афанасий вовремя перехватил оружие, не дав сделать выстрел.

— Тихо, тихо... Пока оно только пугает, — успокаивал он, но тут же с изрядной долей неуверенностью добавил, — наверное. Может, и не нападёт вовсе, а если начнёшь палить без разбора, то однозначно дашь повод. Мы же не хотим давать повод, так?

Боец чертыхнулся, опустил ствол, но оружие обратно на предохранитель ставить не стал. Может, переключить рычажок, и займёт какие-то доли секунды, но они могут стоить жизни.

Существо словно боролось с желанием показаться на глаза и одновременно боялось это сделать. Странное сочетание, ничего не скажешь. Но на памяти сразу вспомнилась деревня и собачонка, которая жила у бабки. Она до одури боялась подпола, но при этом её постоянно тянуло заглянуть внутрь, когда его открывали, чтобы достать очередное ведро картошки и банку с заготовками. Так за всю жизнь и не решился пёсик спуститься вниз.

Звук ломающихся веток и осыпающейся коры сменился булькающим рыком и какими-то щелчками. Люди снова стали выцеливать чашу.

— Нет, что-то не так, — уже не так оптимистично сообщил Афанасий. — Про рычание прадед ничего не говорил. Какое-то оно нервное что ли. Тогда оно просто следило, а сейчас будто готовится напасть.

— Может, ты просто забыл что? — предположил Данила. — Дед рассказывал, а ты забыл, а?

— Или он тогда не успел дожидаться, пока ЭТО начнёт рычать, ушёл раньше? — произнёс Анатолий.

— Или его что-то беспокоит, — напряжённо сказал полковник, вглядываясь в заросли, — оттого оно и злится. Ему что-то не нравится. Что-то, чего раньше не было.

Алексей бросил взгляд вдоль «железки», в полусотне метров уже виднелась зияющая пустота тоннеля, с теряющимися в его черноте рельсами. Путь домой казался таким близким, но и булькающий рык становился всё ближе и добрее он точно не становился. Если раньше существо вроде как плакало, выло и стонало, сейчас оно явно поменяло тон на более агрессивный. И почему-то чем дальше, тем больше Плетнёв сомневался, что им позволят дойти до конца.

— Не пойму, что его могло так разозлить, — размышлял Афанасий. — Словно чувствует что-то, что его бесит.

Они успели сделать всего с десятков шагов к тоннелю, как чудовище зашло в очередном приступе рыка.

— Да есть одна догадка, — сказал полковник.

Сначала он пристально, глаза в глаза, посмотрел на новичка в их команде, и когда отвёл взгляд, Плетнёва реально отпустило. Не хватало ещё каким-либо образом вызвать его подозрения. Со Зверем или без одного Смирнов оставался серьёзным соперником. Не было ни капли сомнений, что даже с протезом вместо одной ноги он может расправиться с любым из команды. Плетнёв, конечно же, был готов дорого продать свою жизнь, но в том, что в данной схватке он сможет выйти победителем у него были обоснованные сомнения. А сомнения в победе — половина поражения.

Смирнов обвёл взглядом остальных, все выдержали взгляд. Американец слегка дёрнулся, когда полковник остановил свой взор на нём и в два шага оказался рядом. Чекан и Данила тут же направили оружие на американского наёмника. Стоило ему только дёрнуться, и всё было бы тут же кончено.

— What's wrong? — вполне, как показалось Алексею, искренне спросил американец. — I am not your enemy! At least for now! You can take me out and then exchange me for one of your own.

— Ты, понимаешь, какая штука, — полковник с расстановкой говорил по-русски. То ли для того, чтобы поняли остальные бойцы, то ли он был уверен, что американец тоже его поймёт, — ну, ладно, тебя взяли живым в бою, ты сдался, жить хочешь, это понять можно, хотя всё равно возникает вопрос: почему ты не отстреливался до последнего, ведь мог же.

Янки смотрел на полковника и бойцов искренним непонимающим взглядом человека, с которым пытаются объясниться на незнакомом ему языке.

Полковник, тем временем, продолжал:

— Я вот, что хочу понять: почему твоё командование так тянуло с подкреплением? — в лесу опять зашуршало и зарычало. — Мне это ещё тогда странным показалось, ведь твоё руководство точно должно было знать, где вы находитесь. Афганистан же чуть ли не ваша вотчина, да и база относительно недалеко. А вертушка ваша появилась аккурат, как только

странники совершили переход. По идее ведь должны были сразу отреагировать, как только с вами пропала связь.

— I don't understand! — развёл руками американец, и посмотрел на бойцов. — What is he [f@cking](#) talking about?

Данила с Анатолием держали американца на мушке с двух сторон, было очевидно, что пленник не успеет дёрнуться, как будет превращён в кровавое решето. Остальные бойцы молча наблюдали за происходящим.

Полковник, не глядя, спросил Алексея:

— Как думаешь, Алёша, это подозрительно?

Алексей не знал, что ответить, но своя логика в словах полковника была. Не дождавшись ответа, полковник продолжил:

— И вот мы вынуждены были срочно, спасаясь от вертушек, залезть в это Богом проклятое место! Так может, дело вовсе не в вашей попытке захватить кого-нибудь из странников, а в желании попасть сюда?

А вот сейчас Плетнёв стал сопоставлять одно с одним, и вывод, который маячил на горизонте, ему очень не понравился. А наёмник продолжал смотреть на них своими ясными голубыми глазами, демонстрируя абсолютное непонимание происходящего.

Смирнов приблизился к американцу и быстрыми уверенными движениями произвёл обыск, хотя его обыскивали ещё в Афганистане. Залез рукой под пустую разгрузку и вытащил пару плотно закупоренных пробирок: в одной была та самая пыль, что покрывала здесь практически любую поверхность, во второй переливались красными отблесками чёртовы ягоды.

На лице американца появилась сдержанная, почти довольная улыбка.

— Oops! — произнёс он с деланным удивлением.

— Гляди-ка, кто-то у нас тут решил разжиться образцами патогена, — полковник разглядывал пробирки. — И что-то мне подсказывает, что зверюга эта реагирует именно на ягоды. Ну, допустим, изучая пыль, вы ничего особенного не обнаружите, а вот ягодки...

Словно в ответ на его слова из-за деревьев раздалось хищное клокотание с пощёлкиванием.

— А я думаю, чего это он тогда в городе [посс@ть](#) так долго ходил, подумал даже, что, может, его заодно большая нужда прижала, — произнёс Слава, недобро поглядывая исподлобья. — Ещё на кустарник тот с ягодами так неловко завалился.

Взгляд американца прыгал с одного бойца на другого.

— Может, договоримся? — внезапно на чистом русском обратился он к полковнику.

— Думаешь, есть шанс? Может, тогда расскажешь, для чего вам образцы? А заодно расскажешь, на кого всё-таки работаешь? Хотя, ты ведь, даже если бы захотел, то, скорее всего, не смог бы. Или смог бы?

Американец продолжал улыбаться. И то ли в его улыбке читалось превосходство, то ли издёвка, то ли он понимал, что терять ему уже нечего.

Плетнёв ожидал, что полковник зашвырнёт проклятую пробирку куда подальше, но вместо этого он протянул руку и вернул её на место, в карман на разгрузке пленника.

А потом одним движением вынул из кобуры пистолет и выстрелил в колено наёмнику.

Американца подкосило, и он рухнул на старые шпалы, подняв облака пыли. Из леса донёсся довольный вой и жадный клочущий рык.

- [C@ка](#)! Полковник, что ж ты делаешь?! — завертелся на земле американец.

— То, что должен был сделать сразу — пристрелить тебя, — не исключено, что мы бы были уже дома. И парни были бы живы.

— Идиот! Ты понимаешь, что эти образцы бесценны?! Странники, да, их пока не захватить без последствий, но образцы отсюда, они же...

— Можно использовать в качестве оружия, — резко перебил его полковник.

— Нет, это можно использовать для разработки лекарств, — кажется, это был аргумент последней надежды. Так себе отговорка, подумал Алексей.

Американец вертелся между рельсов.

— Кого ты лечишь, Стивен? Или как там тебя... — саркастически возразил Смирнов. — Серьёзно, даже сейчас? Когда это вы разрабатывали лекарства? Разве что для себя, для избранных, а остальных можно будет обнулить. Или заставить платить последние деньги за возможность получить сыворотку. Всё как всегда!

Он устало махнул рукой.

— Уходим! Афанасий, открывай переход! Нам ещё «крота» искать, который сдал наш маршрут.

- С@ка! Не бросай меня здесь! Слышишь?! — американец пытался ползти, но с перебитым коленом и руками в наручниках у него это получалось неважнецки, движения выходили неуклюжими и заставляли американца постоянно морщиться от боли. Он стянул арафатку и попытался перетянуть рану, но лишь скрючился, схватившись за колено.

Из леса послышалось довольное рычание хищника и приближающийся шорох. Совсем близко, совсем. Но всё также невидимо для всех.

— Полковник! Слышишь?! Мы достанем тебя! И семейку твою достанем! — перешёл на угрозы американец, а сам нервно оглядывался, высматривая приближающуюся опасность. — Достанем! Всех вас!

Один за одним, люди уходили в гудроновую темноту тоннеля. Перед тем, как сделать свой шаг, Алексей на мгновение обернулся: американец полз по пыльным шпалам, цепляясь руками за рельсы, под ним сухо хрустел гравий, а позади тянулась грязная красная полоса.

Похоже он до последнего не оставлял надежды пересечь незримую границу между мирами вместе с ними, хотел успеть вскочить на подножку последнего вагона.

Может, не стоило так поступать? Может, стоило просто пристрелить и не оставлять его на съедение неизвестной Сущности? Или его ждёт более страшная участь?

Среди пыльных сосновых стволов и веток, Алексей заметил отблеск двух жёлтых глаз. Совсем рядом с ползущим американцем, буквально у него за спиной. Нечто большое и хищное приближалось к своей жертве.

Вот тебе и новая вешка.

А потом он отвернулся и шагнул в темноту.

Глава 28. Почти как дома

После лишённого запахов воздуха мёртвой долины, которым к тому же приходилось дышать через противогазы, ароматы хвои, мокрой травы и проточного водоёма с силой ударили в нос, отчего сразу закружилась голова. Этот воздух хотелось не вдыхать, его хотелось пить!

Внизу где-то за необычно высокими деревьями шумел не то крупный ручей, не то небольшая речушка, разбивая свои быстрые воды о поросшие зелёными водорослями камни и набухшие от воды коряги. Неизвестные пичужки щебетали в высокой траве и ветвях, выдавая замысловатые трели.

Они стояли и на вершине холма и вдыхали не просто чистый — живой воздух полной грудью, и события последних пары дней казались чем-то невероятным и нереальным. Вот был кошмар, и вот его нет. Всё в прошлом. И ты вроде как вернулся домой.

Вот только проблема была в том, что это был не их дом. Не их леса, не их поля. Почему-то Алексей понял это сразу, как только тьма рассеялась, и он ступил вслед за остальными на покрытую упругой травой почву.

Когда полковник снял свой "бриз", а остальные последовали его примеру, Алексей помедлил, чем тут же привлёк к себе всеобщее внимание. Мол, чё ты выпендриваешься, делай, как все!

— Здесь можно, — сообщил Анатолий. — Проверено. В худшем случае схватишь понос или что-то вроде насморка, потом пройдёт. Ещё может быть сыпь, из-за пылицы местных растений, но это тоже временно.

Ну ладно, санитару поверить можно. Он же в принципе, как Дмитрий, должен понимать что-то в ОМП, болезнях и эпидемиях, хотя перспектива страдать животом и, тем более, какой-то неведомой сыпью, Плетнёва не радовали от слова "совсем", но терпеть на лице противогаз уже тоже не было никаких сил. Сняв его, он ещё некоторое время отчётливо ощущал на коже его ремни и контур по лицу, как бы при этом не растирал.

— Тебя послушать, так именно здесь и надо ходить в ОЗК, а не там, откуда мы только что пришли, — Алексей посмотрел на Чекана с недоверием, разглядывая в руках снятый противогаз. Через всю маску шла трещина. И где это он успел?

— Не переживай, таблетки для воды есть? Есть! Так что не забывай пользоваться и всё будет в порядке, вода здесь идеальная, — потом подумал и добавил. — Должно быть в порядке, — и похлопал его по плечу. — Еда ещё осталась, а если закончится, то набьём дичи. Пробовал жареную на костре оленину?

— А она может закончиться до того, как мы всё-таки сможем вернуться? — ответил вопросом на вопрос Плетнёв.

Толик не стал ничего отвечать, а только пожал плечами, глядя вдаль на открывшийся перед ними пейзаж в лучах клонящегося к закату солнца.

Ну да, теперь уже, наверное, загадывать на будущее не имеет смысла. Более того, где-то в глубине души зашевелилось нехорошее подозрение, что они вообще больше никогда не окажутся дома. Заблудятся в между мирами, потеряют ориентиры и пополнят строчку в армейской статистике: ф.и.о., звание, пропал без вести, годы службы с такого-то по такой-то. И хорошо, если с формулировкой «при исполнении боевого задания». А если спишут, как дезертиров и предателей? Не хотелось бы, чтобы о тебе так думали, да, Плетнёв? Всё-таки,

хотелось бы остаться в памяти близких и просто людей честным человеком. Да, со своими грехами, но честным.

С другой стороны, было же будущее, которое ему открыли странники. Согласно ему, он точно выберется отсюда. Правда, если им верить, то жить ему осталось не так уж и долго, хотя всё относительно.

Но это сработает только, если видение странников окажется правдивым. Тут стоит помнить, как Данила сказал, что пока что ни одного промаха они не допустили, а попытки изменить будущее ни к чему не привели.

Было будущее... — странное словосочетание. Как и всё, что с ним происходит с того момента, как он подвязался занять свободную вакансию в так называемой сводной группе.

Внезапно он почувствовал себя невероятно уставшим. Настолько, насколько ещё никогда уставшим не был. Хотелось спать.

— Что, пожалел, что пошёл с нами? — обратился к нему полковник Смирнов.

Алексей ещё раз быстро взвесил все «за» и «против».

— Пожалуй, нет.

— Да, работа у нас интересная, — согласился полковник.

Он присел на сочную упругую траву и тоже стал наслаждаться открывавшимся видом. Постучал по искусственной ноге кулаком, вроде остался доволен.

Потом повернул голову к проводнику и спросил:

— Афоня, мне кажется или точка перехода слегка сместилась? — он не спеша осматривался. — Это ведь здесь живут те самые гигантские обезьяны, с которыми лучше не встречаться?

Афанасий осмотрелся. Увидел позади себя грубо сложенные мегалиты, а вокруг на холме редкие деревца и кое-где скальные выступы, торчащие прямо из земли, поросшие тёмным мхом. На склонах холма и вокруг них густая зелень травы была богато сдобрена брызгами мелких разноцветных цветов.

Чуть поодаль на склоне можно было увидеть рощицу, состоящую, всего из нескольких деревьев, среди которых выделялась пара стволов, при беглом взгляде до боли напоминающие такие родные берёзы.

— Магнитные полюса и те смещаются, Денис Евгеньич, что уж говорить о точках перехода, они тоже "плавают". Собственно, из тоннеля в Долине только сюда и можно попасть, особенно если очень спешишь.

Из последующего разговора Алексей понял, что теперь им надо решать, к какой из ближайших точек перехода двинуться дальше. Если к ближайшей, то они рискуют выскочить в Тихом океане, на острове, подконтрольном Соединённым Штатам. Если же к той, что дальше, причём значительно, то выпрыгнуть уже можно где-то на просторах родной Сибири.

— И да, это то самое место. Насколько известно, в это время года они должны находиться далеко отсюда — кочуют за стадами. Так что столкнуться с ними мы не должны, — закончил Афанасий.

— Ну да, про Долину мы тоже думали, что там кроме мертвецов никого нет, — не скрывая иронии заметил полковник.

— Это не ко мне претензии, — возмутился Афанасий. — Это не я режим карантина ввёл, который к тому же толком поддерживать не получается. Делали бы вылазки чаще — давно бы уже обнаружили и манекенов, и гробницу, и поняли бы, что с людьми случилось. А то патоген-патоген! Нулевая терпимость, видишь ли!

Смирнов лишь отмахнулся.

— И вскрыли бы саркофаг? — прищурившись от лучей заходящего солнца, спросил он Афанасия.

— Это уже вам было бы решать: вскрывать или нет!

Алексей никогда ещё не видел Афанасия таким возбуждённым. До того он был гораздо тише и, казалось, общался вообще только с полковником. Что же, у каждого есть свой предел, который может выдержать психика.

— Тем более, его всё равно кто-то вскрыл! — не успокаивался проводник.

— Ладно-ладно, успокойся, — примиряющим тоном произнёс полковник. — Без тебя нам всё равно назад не вернуться.

Понятно, подумал Плетнёв, груз ответственности давит. И тут же его прошибло п`отом: это же получается, если бы Афонию в Афганистане на перевале грохнули, им бы пришлось самостоятельно выбираться из этой обители враждующих племён? А в Тихом мире? Или здесь? Ну ладно здесь, тут ещё хоть как-то, судя по всему, жить можно, но в Долине-то как выжить? Среди всех этих манекенов, да в компании помешавшегося божества!

Алексей подошёл к Даниле, спросил в полголоса, чтобы никто другой не слышал:

— Мы реально без Афони не сможем вернуться?

— Ну, не совсем так, — скривился Данила, — просто с ним быстрее и надёжнее. А так ты можешь вокруг точки перехода ходить туда-сюда всю жизнь, да так и не заметишь её.

— То есть какие-то признаки всё-таки есть и выбраться можно? — приободрился Алексей.

— Если знать, что искать, — утвердительно кивнул Данила. — Студент, вон, случайно набрёл, повторил, понял, как работает и стал пользоваться. Но если бы точка сместилась, мог бы остаться в Долине навсегда. Мда...

Данила тяжело вздохнул, учитывая, что где-то там, среди множества мумий, лежит на крыше разбитого автомобиля тело Егора, постепенно превращаясь в ещё один такой же засушенный труп. Он уже никогда не вернётся домой, без вариантов. И в его личном деле будет написано: пропал без вести.

— Остался бы он жив, может, поняли бы, как он туда-сюда бродил, может, это его уникальная особенность. А так... Чего уж тут!

То есть набрести на проход в другой мир можно и без помощи проводника, понятно. Маловероятно, но возможно, понял для себя Алексей. Интересно, сколько людей таким образом бесследно исчезло? Вопрос, конечно, риторический.

— А вообще, на протяжении всей истории с этими точками такое творилось, — подмигнул Данила, — закачаешься. Там про точки как-то уже и не корректно будет говорить.

— А обезьяны эти, это типа очередные сущности, только местного разлива? — уже в полный голос поинтересовался Алексей.

— Нет, — ответил уже полковник, — ничего подобного той твари, что нас преследовала в лесу, здесь не встречали. А вот обезьяны местные... большие они, очень. Не кинг-конги, конечно, но всё-таки.

— Только зря вы их обезьянами называете, Денис Евгеньевич, — вступился за неизвестных существ Данила. — Они ведь далеко не обезьяны. Скорее уж люди, хоть и больше нас ростом и внешне отличаются. Другой вид, одним словом.

— Двумя словами, — поправил полковник. — Совсем забыл, что ты бывал здесь,

правда, не в моей группе. — Да я это так, по привычке. Извини, толерантности не обучен. К тому же ведут они себя как натуральные дикари, чего уж греха таить. Обезьяны, одним словом.

Полковник поднялся на ноги, отряхнулся, осмотрел команду, которая ждала приказов.

— Рации работают? — осведомился он у группы. Получив утвердительные ответы, сообщил. — Сегодня ночуем здесь. Всем требует отдых, и, по-моему, мы его заслужили. В лес не пойдём, но надо будет смотаться за водой. Слава, Лёша, соберите пустые фляги и сходите в лес к ручью. Осмотритесь. Как только наберёте, сразу обратно. Связь по второму каналу. Возьмите ПНВ и ракету.

Ладно, успею ещё отоспаться, подумал Алексей.

Бойцы стали проверять оружие, оставшийся боекомплект и разбивать лагерь. Анатолий на правах медработника занялся осмотром и перевязкой легкораненых, вроде, оставшись довольным состоянием ран.

Слава с Алексеем допили остатки воды в своих фляжках, дождались, пока остальные сделают то же самое и собрали пустой инвентарь, который нацепили на ремни и стали спускаться с холма прямо к огромным деревьям, за которыми, судя по звуку, точно был проточный водоём.

Чем ближе они подходили к опушке, тем выше казались и без того огромные деревья, неприступной стеной возвышавшиеся над ними. Впрочем, между стволами секвой было достаточно места, чтобы можно было без проблем пройти, а то и проехать на легковом автомобиле.

Да, какой-нибудь дишманский джип им бы сейчас не помешал. А лучше самая обычная ржавая «буханка» была бы в самый раз, они бы в момент преодолели необходимое расстояние до дальней точки перехода и, наконец, оказались бы у себя дома. Ну как дома, где-то на обширных просторах Сибири, как объяснил Афанасий, но в контексте их текущего местоположения, это считай попадание в яблочко. Не исключено, кстати, что их там уже будут ждать свои, учитывая, что карты переходов известны не только Афанасию и полковнику. На самом деле, их могли бы ждать свои агенты и на острове, но вероятность, что их накроют или человек будет перекуплен или подменён, возрастала на порядки. Опять же, а как быть с карантином?

Ещё по появлению в этом мире, Плетнёва несколько насторожил тот момент, что они боялись притащить заразу на Землю, но почему-то не боялись притащить её сюда? Здесь ему по-настоящему нравилось, и он действительно стал переживать, что из-за их халатности произойдёт что-то непоправимое. Теории теориями, но пока что Тихий мир был под карантином, и наличие патогена полностью исключить было нельзя.

Толик проверил каждого члена группы дозиметром, поморщился, но вроде остался доволен, потребовал, однако, чтобы все, насколько это возможно, избавились от пыли, осевшей на их одежде за те часы, что они провели в Долине.

С другой стороны, как бы это цинично не звучало, это действительно не Земля, а потом, если кто-то из их команды здесь уже раньше бывал, и знает что да как, то почему бы не прислушаться к их мнению. Толик, выслушав тогда опасения Плетнёва, только махнул рукой. Мол, делаем, что можем, нам бы сейчас выжить, да вернуться домой, чтобы сообщить о произошедшем.

— Ты погляди, какие стволы, а?! — восхищался Слава местной растительностью, когда они уже входили в лес. — Как тебе?

Что тут скажешь, до этого момента Алексей не видел ничего выше сосны, растущей в средней полосе России, или в горах, где он служил, но там зачастую сосны были раскидистыми и кривыми. Здесь же, да! Высоченные стволы, некоторые из которых были в несколько обхватов, стремились ввысь, раскачивая далёкими кронами, потрескивая на ветру. А некоторые были густо обвиты чем-то вроде дикого винограда или плюща.

Правда, с учётом заходящего солнца здесь начиналось царство сумерек, а скоро придёт и время ночи, когда без приборов ночного видения, которые велел им взять полковник, будет реально не обойтись.

Под ногами пружинила уже не мягкая зелёная трава, а ковёр из пожелтевшей слежавшейся хвои и сырого мха. Идти по нему было удобно и легко. Кажется, что в теле даже появилась некоторая легкость, от чего нахлынула еле заметная эйфория.

— Что, необычная лёгкость во всём теле? — обратил внимание на Плетнёва Слава.

— Ага, это типа что-то в воздухе содержится? Галлюциногены в воздухе, споры, пыльца? — прислушивался к собственным ощущениям Алексей.

— Скорее, уж в земле, — тоном бывалого туриста ответил Слава. — Здесь гравитация чуть меньше, чем у нас. Плотность вещества ниже.

— То есть мы точно не на Земле в каком-то её параллельном виде?

— Выйдем из леса — посмотри на небо. Не увидишь ни одного знакомого созвездия, здесь должно быть видно, — объяснял Слава. — Параллельная ли это вселенная, иной ли мир, а может, просто другая планета в нашей родной Вселенной — толком никто не знает. Вопросов много, из ответов — одни гипотезы, и то хромые. Но мы ещё ни разу не сталкивались с чем-либо, напоминающее мир-двойник нашей Земли, где существовали бы другие версии нас самих, что тоже наталкивает на определённые выводы.

Он остановился, приняв хвоясь и оглядываясь. Потом поднял указательный палец и произнёс:

— При этом всякая гадость, бывает, лезет из точек перехода, а нам ведь этого не надо, так? А то и сами люди, как наш студент, начинают таскать всякий радиоактивный хлам на Землю. А то и ещё что похуже. А нам это... — он вопросительно посмотрел на Плетнёва.

— ...не нужно, — подхватил Алексей.

— Именно! О, гляди, какая штука! — обрадовался Слава, увидев на земле что-то вроде большой шишки размером с гандбольный мяч, и вертикально растущей из центра папоротникообразных листьев.

— Что это? — память, однако, услужливо подкинула образ яиц из фильмов про ксеноморфов.

— Еда! — Слава ловко вынул нож из ножен на разгрузке и стал, наклонив плод, отделить его рубящими ударами от короткого стебля. Воздух вокруг наполнился сладковатым ароматом, которому Алексей не смог найти известной ему аналогии. Он подхватил «мяч» и покачал его в руке, оценивая массу. — Килограмма два, не меньше.

— Уверен, что это можно есть?

— Пробовал — знаю. В первый раз с непривычки может пронести, но с алкоголем обычно без последствий проходит. Надо взять, увидишь, полковник только спасибо скажет, как и мужики. Ты думаешь, почему тебя со мной за водой отправили?

— Почему? — всё-таки спросил Алексей, хотя уже догадался.

— Я здесь уже был, — с этими словами он указал ножом на ствол ближайшей секвойи, где в наступившей полутьме с трудом, но можно было рассмотреть вырезанную на коре

надпись «Слава Д.» и две насечки под ней.

Плетнёв в уме закрыл лицо ладонью. Где бы человек ни был, он всегда старается оставить о себе напоминание. Не хватает разве что надписи с указанием города и года типа «Челябинск 2008» или «Свердловск 1979».

— Не одобряешь? — заметил взгляд Плетнёва Слава.

— Да нет, — бросил Алексей.

— А ты подумай: это не только примитивный ориентир на данной местности, но и своего рода контрольная точка, свидетельствующая, что мы именно там, где надо не только в пространстве, но и во времени. Вот если бы я её не обнаружил, там, где ожидал, вот тогда бы я по-настоящему напрягся. Надо, кстати, обновить.

С этими словами, он бросил плод в руки Алексею, а сам подошёл к дереву, попутно спугнув какую-то полосато-пятнистую зверюшку, притаившуюся за кочкой, и стал ножом выправлять буквы, заодно добавив третью насечку.

Закончив, он отступил на шаг, чтобы оценить проделанную работу. По всей видимости, оставшись довольным, он кивнул Алексею, мол, давай пошли за водой, после чего Плетнёв запихнул неизвестный не то фрукт, не то овощ в рюкзак, чтобы не тащить его в руках. Лямки заметно надавили на плечи.

За это время совсем стемнело, и они надвинули ПНВ на глаза, так как сломать ногу об какую-нибудь подвернувшуюся корягу совсем не хотелось. Изображение в окулярах было выдержано не в чёрно-зелёных тонах, а скорее в чёрно-серых, что Алексею нравилось больше. При этом видимость в ПНВ была очень даже годной, можно было видеть чуть ли не каждую травинку. Хорошая штука, наверное, импортная, подумал Алексей.

Благодаря прибору можно было увидеть отсвечивающую сетчатку любопытно-испуганных глаз, поглядывающих на незваных гостей из-под поваленных стволов.

— Не беспокойся, эта мелкотня безобидная, — сообщил Слава.

— А стоит кого-то другого опасаться? — напрягся Алексей.

— Стоит, но покуда эти грызуны здесь шныряют, можно быть спокойным. Считай их своеобразным индикатором безопасности.

Грызуны, как их назвал Слава, перекидывались осторожными свистящими трелями, держась от людей на почтительном расстоянии.

И в этот момент Алексей заметил цветок, точнее, целую гроздь, покачивающуюся на высоком стебле. В ПНВ цветы были явно ярче, чем он ожидал от обычных растений.

Приподняв окуляры, Плетнёв даже присвистнул от удивления: небольшие цветки более всего напоминали привычные в средней полосе России колокольчики, вот только они отчётливо фосфоресцировали в наступившей темноте. Зрелище с учётом окружающей обстановки действительно завораживало.

Но ещё сильнее он удивился, когда подошёл поближе чтобы рассмотреть цветы получше.

— Ну что, считай, что тебе грандиозно повезло, — раздался рядом голос подошедшего Вячеслава. — Не каждому удаётся отыскать цветущий папоротник.

— Папоротник не цветёт, — вспомнил школьные уроки биологии Плетнёв.

— Ну, так это и не совсем папоротник, — подтвердил Слава, — но похож ведь, согласишься?

Растение действительно очень и очень напоминало папоротник, во множестве растущий в лесах у него дома.

— Подозреваю, что из-за него и пошла легенда о цветке папоротника, цветущего по ночам в ночь на Ивана Купалу.

— А как вообще... — начал было формулировать вопрос Алексей, но его проводник уже бодро шагал вперёд, как показалось Плетнёву, уж очень уверенно, даже учитывая тот факт, что ему уже приходилось здесь бывать. Всё-таки место чужое, да и когда его товарищ здесь был в последний раз тоже не известно.

Не удержавшись, Алексей дотронулся указательным пальцем до верхнего колокольчика, заставив всю ветку качнуться. Из раскрытых лепестков посыпалась такая же тускло светящаяся пыльца, от чего в носу сразу защекотало.

Не знаю, как там насчёт удачи и сбывающихся желаний, а вот аллергию цветки точно могли обеспечить. Он развернулся и стал догонять снайпера.

Звук бегущей воды с каждым шагом становился всё громче, и, наконец, спугнув ещё пару-тройку зверёнышей, похожих на того, что выскочил из-под ног Вячеслава, они вышли к воде.

Да, пожалуй, это была всё-таки не крупная, но быстрая речушка, разбивающая свои воды о большие и мелкие валуны, а метрах в десяти выше по течению, там, где образовался небольшой водопад, оба берега соединились стволом, рухнувшего когда-то дерева.

Здесь можно было увидеть открытый участок неба, и Алексей не стал дожидаться, чтобы попытаться разобрать созвездия. Он всматривался с минуту в небо, подёрнутое редкими ситцевыми облаками, но так и не разобрал знакомых очертаний, знакомых с детства. Даже этого небольшого участка неба было достаточно, что они находятся очень и очень далеко от дома. Так далеко, что не каждому дано это осознать.

Алексей стал отстёгивать фляжки, чтобы наполнить их водой, но Слава помахал ему рукой, мол, иди сюда и направился к упавшему через реку стволу секвойи.

— Нам же вроде велели за водой сходить, — напомнил Алексей.

— И заодно провести разведку местности, полковник же сказал «осмотреться», — ответил Слава. — Надо убедиться, что местные громилы действительно ушли, а то замучаемся, если что от них улепётывать. Да и пули им наши, что медведю дробины. Не, убить убьют, — успокоил он, — только до этого они могут успеть нас. А каменный топор в десять-пятнадцать килограммов — это, я скажу тебе, малоприятная штука. Или ещё они пользуются этими, как их, ну ещё у индейцев были...

Он выжидающе смотрел на Алексея, но тот не знал, что имеет в виду товарищ.

— Ладно, не важно, — сдался Вячеслав, — дубины, в общем, такие с кусками обсидиана по бокам. Типа что-то боевой пилы, но тоже тяжёлые, что те топоры. Таким ударит — сразу пополам разворотит от шеи до бубенцов.

— Афанасий сказал, что они вроде должны были откочевать.

— Ну, вот и убедимся, тут недалеко, чрез речку и ещё метров сто, не больше. Там у них поляна, на которой они свои вигвамы обычно ставят. Потом воды наберём и обратно.

По-моему, ему здесь откровенно нравится, подумал Алексей, глядя на приготовления Славы.

Перед тем, как поставить ногу на ствол, тот макнул указательный палец в воду и поднял его вверх, прислушиваясь к ощущениям.

— Главное, чтобы ветер был в нашу сторону, а то у них нюх, что у твоей собаки! — совершенно серьёзно сказал он. — Башка мелкая, а вот сила и обоняние у них — в полном порядке.

— Ещё что-то я должен знать? — на всякий случай спросил Алексей.

— Да есть у них ещё одно неприятное свойство, — неуверенно бросил Слава, — но это если они вдруг тебя засекут. Ну что, пошли?

Ну, пошли. Что тут ещё скажешь. Рация молчала. Лимита по времени им установлено не было, а провести разведку, или как сказал полковник, осмотреться, — никогда лишним не бывает.

Глава 29. Жетон

Это только кажется, что с наступлением темноты все живые существа ложатся спать и природа засыпает. На самом деле, происходит смена действующих лиц на сцене театра под названием Природа, или, если хотите, начинается вторая и даже третья смена, и из своих нор и дупел выбираются те, кто опасается заниматься добычей съестного при свете дня.

Но природа не любит пустоты и не позволяет кому-то получить неограниченные преимущества. Если есть те, кто предпочитает собирать корешки и ловить сонных насекомых по ночам, то есть и те, кто умеет охотиться на первых.

Борьба жертвы и хищника — вечный и непреложный закон эволюции, двигатель естественного отбора.

И действительно, как только звёзды окончательно рассыпались сияющими бриллиантами по ночному небу, яркость которых не была смазана городскими огнями, природа вокруг наполнилась движением и шумами.

Летали, стрекоча здоровенные стрекозы, за ними носились не то летучие мыши, не то какие-то другие летяги, которых было не рассмотреть в темноте, но можно было прекрасно расслышать их писк, с помощью которого они ориентировались.

Внизу с шумом и брызгами сползло в воду что-то массивное, и с довольным фырканьем стало бултыхаться в воде.

— Чего встал? — спросил Слава. — Здесь всегда так. Это все безобидные твари. Ну, если, конечно, не будешь доставать вот ту животину, что сейчас решила ванну принять. А так, она вполне спокойная.

— Да так, — Алексей на самом деле был несколько ошарашен, буйствующей вокруг природой. Да, она была в чём-то скромна, не тропические джунгли всё-таки, но неужели на него так повлияло недолгое пребывание в Долине мёртвых? Вроде меньше суток прошло, а такое ощущение, что они там пробыли не меньше месяца.

Плохое место. Нехорошее. Смерть была самой сутью Долины, она витала над ней, она была в ней, даже в манекенах она оставила свою неизгладимую печать, хоть полковник и говорил, что они, возможно, скорее живы, чем мертвы, и даже сохранили какую-то часть разума.

Здесь же всё было иначе и от этого контраста хотелось кричать.

— Даже не вздумай, — строго предупредил Слава, заметив расширенные глаза Плетнёва. — Я понимаю, что ты сейчас испытываешь, но не вздумай. Вдохни. Выдохни. И пошли уже.

А так хотелось закричать. Так громко, чтобы каждая неведомая зверюга здесь поняла, что он жив, жив по-настоящему, а не как обтянутые восковой кожей манекены.

Он выдохнул и вдохнул ещё раз. Всё-таки надо взять себя в руки. Так было правильно, так было рационально. Кто его знает, как отреагирует на проявление эмоций человеком то, что сейчас самозабвенно бултыхается в воде? Нет, не будем пока пугать своими воплями местных обитателей. К тому же сохранялся шанс, что «обезьяны», о которых говорил полковник с Данилой, могли быть поблизости.

Вскочив на бревно, соединившее два берега быстрой реки, они осторожно стали продвигаться вперёд. Ствол был довольно широким, чтобы выглядеть безопасной переправой, но всё равно надо было следить за тем, чтобы нога не соскользнула по сырой

старой коре, поросшей мхом, иначе можно было не только громыхнуться в быструю холодную воду, но ещё и разбиться о торчащие из неё валуны.

Под ногой что-то неприятно хрустнуло, но уточнять что именно, не хотелось, скорее всего, это была медлительная улитка, выползшая на бревно полакомиться наростами.

— В прошлый раз, когда здесь был, — вполголоса говорил Слава, — мошкары было до жути! Причём кусая, никакими репеллентами не спастись. Она даже не кровь пила, а куски кожи выгрызала. По итогу морда красная была, как у целлюлитного помидора!

Вообще, Плетнёву не понравилось то, что его спутник перешёл на тон ниже, будто опасался кого-то побеспокоить. Вон позади мелкотня выглядывает из-за корней и кочек, а значит, по словам напарника, опасаться нечего.

На то чтобы преодолеть сто метров, или чуть более того, ушло гораздо времени, чем ожидал Алексей. Тем более, сто метров, это если бы они шли по прямой, через поляну, а им пришлось её огибать, так как Слава выходить на неё категорически отказался.

Они залегли в лесу на краю поляны и стали её рассматривать.

— Видишь? — спросил Слава.

— Что?

— Камни! — прошептал Слава.

— Ага, — подтвердил Алексей, — что это?

— Остатки стоянки громил. Вон там, — он указал рукой на сложенные в круг камни, — было костровище. А там — стояли их вигвамы.

На поляне помимо костровища лежало несколько брошенных грубо обструганных брёвен и, кажется, кости неизвестного большого животного, более всего похожие на бивни. Всё выглядело брошенным, хотя бивни и были сложены в одну кучу.

— Прямо вигвамы?

— Ну, чумы, — пожал плечами Слава. — Как их не назови, такие конструкции из шкур на каркасе.

— Здесь типа мамонты есть? — спросил Алексей, имея в виду большие загнутые бивни.

— Не мамонты, но что-то вроде того, правда, они южнее бродят обычно, там кормовая база для них лучше, здесь их давно не видели. Наверное, громилы притащили их сюда после очередной кочёвки.

Вячеслав будто о чём-то задумался.

Они встали и, на всякий случай, пригибаясь, стали обходить поляну, при этом Слава значительно оторвался вперёд, да и двигался он гораздо более уверенно, как человек, которому здесь всё знакомо.

Алексей пару раз споткнулся, а когда поднялся и осмотрелся, осознал, что остался совершенно один. В чужом мире, в чужом лесу, среди множества неизвестного зверья. И эта мысль показалась ему до невозможности забавной. Вроде как должен бы испугаться, озадачиться поиском направления — благо он заметил пару ярких звёзд на небе, расположение которых зафиксировал в памяти, когда они были на реке — но вместо этого, ситуация ему показалась до идиотизма смешной.

Наверное, так поначалу себя ощущали выжившие после кораблекрушения, оказавшись на необитаемом острове. Ты осознаёшь, что спасся, благодарен богу, радуешься этому факту, а потом до тебя доходит, что это лишь оттягивает неминуемый конец, если ты не соберёшь в кулак остатки сил и не займёшься поиском еды и воды. И тебе снова становится смешно. Вот только смех этот совсем не хороший.

Он переключил ПНВ в режим тепловизора и осмотрелся.

То тут, то там шныряли красные силуэты мелких зверьков размером с сурикатов, что-то пробежало по стволу и шмыгнуло в дупло, но тоже небольшое, так что, скорее всего неопасное. Главное, чтобы не ядовитое, и чтобы не плевалось.

А вот среди деревьев было замечено животное уже размером со среднюю собаку, от которой мелкотня сиганула в стороны. Кажется, животное, внешний вид которого оставался для Плетнёва загадкой, принюхался поднимая нос по ветру и, даже посмотрел в сторону человека, но, видимо, решил не связываться и попытать счастья в ловле сурикатов и прочих белок.

Из-за одного из деревьев метрах в двадцати-тридцати выглядывал тепловой контур гораздо больших размеров, чем у той же «собаки». Дальше оставалось только надеяться, что это не выбравшийся на ночной моцион медведь или ещё кто-нибудь сопоставимых размеров.

Стараясь ненароком не наступить на валяющиеся вокруг сухие ветки или заснувшего зверька (а, вдруг, тут есть змеи?!), Алексей сделал несколько осторожных шагов в направлении теплового пятна. Наконец, он убедился, что это человек, снова переключил ПНВ и теперь уже смог разобрать контуры тактического рюкзака и амуниции.

Остальное расстояние Плетнёв преодолел уже более уверенно, собираясь высказать пару «ласковых» слов своему напарнику, так легко свалившему от него без предупреждения.

Слава стоял на одном колене у дерева, возле которого едва ли угадывался холмик, давно уже поросший травой и папоротником. В оголовье холмика, прямо около дерева был воткнут в землю старый проржавевший «калашников», а на нём цепочка с жетоном и крестиком. На самом холмике лежал скромный маленький букет из сорванных цветов.

На алюминиевом овале жетона Алексей смог разобрать только имя: Мария.

— Она не должна была тогда идти с нами, — не оборачиваясь, произнёс Слава. — Была не её смена, да и первая вылазка с её участием была ещё только в планах. Руководство сомневалось, что её можно отправлять, а она рвалась, как сумасшедшая. Ещё бы! Такой случай представился увидеть на практике то, что она знала только в теории. Ставицкий тогда жёстко запил, — в его голосе на удивление не было злости на неизвестного Алексею человека, только печаль, — а она, как никто подходила по уровню знаний, чтобы его заменить. Думаю, что он тогда специально упился, чтобы не идти с нами. Боялся он. Шарахается от переходов, как чёрт от ладана. А она всё знала не хуже него, может, даже лучше. Такого специалиста ещё поискать!

Слава замолчал, продолжая смотреть на жетон, а Плетнёв стоял у него за спиной.

— Я был уверен, что она справится. Я рекомендовал её включить в состав группы. Под мою ответственность, — он протянул руку и потрогал жетон, попробовав стереть с него грязь.

Плетнёв не стал спрашивать, знал ли полковник, куда направится Слава, когда поручал ему сопроводить Алексея, чтобы пополнить запасы воды. Очевидно, что знал.

Он не стал спрашивать, что связывало Славу с Машей. Очевидно, что-то связывало.

Он не стал спрашивать, что произошло. Теперь это уже не важно. Просто один человек будет жить с этим всю оставшуюся жизнь. А другой — нет.

У каждого свои скелеты в шкафу. Пусть там и лежат.

В молчании они провели около могилы ещё несколько минут. Алексей стоял, периодически оглядываясь и высматривая возможную опасность, которая могла бы скрываться в темноте за деревьями.

— Ладно, — Вячеслав поднялся на ноги, отряхнулся, — давай уже сделаем то, зачем нас сюда послали. Вода никогда лишней не бывает. Народ, наверное, уже нас заждался.

Если бы за них так переживали, подумал Алексей, с ними уже попытались бы связаться по рации, но рации молчали.

— Двигаем! — Слава бросил прощальный взгляд на место захоронения.

И как только они развернулись, где-то сбоку, но совсем рядом, раздался треск ломаемой древесины и ухающие звуки, причём, судя по раздающемуся шуму, в темноте скрывалось что-то по-настоящему большое.

Люди сразу присели и стали прислушиваться. Медленно и осторожно сняли с предохранителя автоматы, избегая резких щелчков.

Слава жестом показал, что надо надеть ПНВ, и указал направление, куда смотреть. Вся меланхолия слетела с него в один момент, и он вновь стал сосредоточен и напряжён, готов к бою. Он прислушался к ощущениям, пытаясь определить направление ветра, но, сейчас, как назло, установился полный штиль, что при всех равных, не добавляло им очков к скрытности.

Осторожно переставляя ноги по ковру из упругого мха и павшей хвои, они решили выяснить, кто же это устроил лесоповал посреди ночи.

Алексей жестами спросил, могут ли это быть те самые переростки, встречи с которыми так опасался полковник, и следы пребывания которых они наблюдали на поляне. Определённого ответа он не получил, Слава скривил лицо, мол, чёрт его знает, тут всё что угодно может шляться.

Раздалась очередная порция треска и утробных звуков, в которых, как показалось Алексею, он даже разобрал отдельные слова. Непонятные, естественно, но отдельные звуки вроде как напоминали то, что могло быть словами.

Воображение живо рисовало человекоподобных гигантов двух с половиной, а то и трёх метров ростом, обвешанных бусами из клыков, а в руках у каждого по массивной дубине и каменному топору. При этом мозг упорно воспроизводил картинку, согласно которой у каждого дикаря в носу была продета косточка. От этого становилось одновременно и страшно и смешно.

Тьфу ты! Неужели до сих пор пыльца не отпускает. Глупо было бы помереть из-за того, что тебе всё кажется забавным и распирает на хи-хи.

Кажется, он всё-таки глупо хихикнул. На этот раз Слава это заметил, но лишь покачал головой, мол, угораздило же тебя!

Опять треск. Похоже, что тот, кто шумел за деревьями вовсе и не собирался скрываться, неужели он ничего не боялся? Кто может ничего не бояться? Только тот, кто очень большой или тот, кто уверен, что он тут хозяин.

«Медведь!» — пронеслось в голове. Вот уж не хотелось бы столкнуться с косолапым на месте, где он кормится. Хотя, откуда тут медведи? А может тут они, как раз, и водятся — большие и злобные? Может, медведь и расправился с Марией?

Басовитое хрюканье с подобием слов раздалось совсем рядом и тут люди увидели того, кто создавал этот полуночный переполох.

Да, оно действительно было большим. Из-за деревьев выползло нечто, более всего похожее на огромный, метра три в диаметре мяч, у которого была срезана нижняя треть. Из плоского основания торчала небольшая голова с маленькими ушами (но они такими казались только в сравнении с остальным телом), короткими, но сильными лапами,

снабжёнными длинными когтями, приспособленными для рытья и вскрытия трухлявых пней. Относительно длинный хвост был снабжён массивным утолщением, которое, однако, никак не сковывало движение отростка. Сферический панцирь состоял из сочленённых пластин, покрытых редкой щетиной.

Да, такой зверюге действительно особо бояться некого. При таких размерах ему элементарно на всех наплевать.

Животное вновь что-то басовито прогундосило, и теперь Плетнёв убедился, что то, что он принял за слова, было всего лишь игрой его воображения, помноженной на воздействие пыльцы «папоротника». Чёрт, а что было бы, вдохни это гадости полной грудью?! Он потряс головой, приводя себя в порядок.

Слава с облегчением выдохнул.

— Кто это, — перевёл дыхание Алексей.

— А на кого больше похоже?

— Без понятия. На броненосца?

— Ну, так это он и есть. Местная разновидность, — ответил Слава и добавил. — Хотя точно никто не знает, не изучали. Но фактов нападения на людей не зафиксировано, что уже хорошо. Но у громил замечали их панцири. Наверное, охотятся на них.

— Такого, поди, поймай! — усомнился Алексей. — Вон тем набалдашником кого хочешь ушатает.

— Ну, так и громилы, не пигмеи, да и башка у них всё-таки варит гораздо лучше, чем думали поначалу. К тому же мы, я имею в виду людей, тоже охотимся на дичь, гораздо крупнее себя, и ничего. И делали это ещё, когда огнестрела не было и в помине.

Зверюга, кажется, всё-таки учуяла человеческий дух и теперь, помахивая ушами, тупо смотрела в их сторону, медленно шевеля челюстями. Сетчатка мелких глазок ярко отсвечивала в приборе ночного видения.

— А у этого мозг настолько мелкий, — шёпотом произнёс Слава, — что он вполне может и набросится, если решит, что ему угрожает опасность. Даром, что травоядный.

Слава сделал жест рукой «назад», и они стали пятиться обратно, держа в поле зрения громаду, меланхолично перетирающую челюстями очередную партию корешков, но тоже не выпускающую из вида людей, пока те не скрылись за деревьями.

Вскоре, звуки разрываемой земли и треск трухлявых пней совсем стихли, и они вышли к поляне, на которую, как и до этого, не стали выходить, а предпочли её обойти по кругу, чтобы лишний раз не оставлять на ней свои следы, хотя она и выглядела брошенной.

— Мне не нравится то, что они оставили бивни, — вдруг произнёс Слава, когда они пролезали под очередным упавшим стволом. — [Хр@н](#) с ними с брёвнами, их настрогать можно, а вот бивни!..

— Почему? — не понял Алексей.

За воротник насыпалось какой-то трухи, которую он постарался оперативно вытащить. Не хватало ещё, чтобы вместе с ней на кожу попали какие-нибудь жучки или личинки, или вообще муравьи, которые, несмотря на минимальные размеры, могут заставить страдать от боли даже медведя, что уж говорить о человеке, не покрытого густой шерстью с подшёрстком.

— Это хороший строительный материал, — ответил Слава, остановившись и вновь осматривая поляну, где было стойбище местных гуманоидов, — и для производства оружия подходит, зачем его оставлять? А если кто припрётся, другая группа охотников, например, и

приберёт к рукам это сокровище? Это же обидно будет, если такая ценность и уплывёт.

— Может, решили не тащить, так как планировали быстро вернуться? Или их что-то спугнуло?

Слава поднял окуляры ПНВ и посмотрел Алексею в глаза.

— Пошли! Пошли, пока ветер дует в нашу сторону, быстрее, — он ускорил шаг.

Вскоре они уже набирали фляжки и пару пластиковых бутылок холодной кристально чистой водой. Внизу по течению уже не кто не плескался, и только любопытные пятнисто-полосатые зверьки украдкой наблюдали за пришельцами.

Алексей ещё раз бросил взгляд на ночное небо, убедился, что звёзды почти не поменяли своего положения. Ну, в принципе, они не так долго и ходили. А если ориентироваться вон на ту блестящую и очень яркую, то можно выйти из леса к холму с мегалитами.

Если это, конечно, не планета, уж больно яркая звёздочка. Хотя, это неважно для столь короткого отрезка времени.

Когда они уже выходили из леса, и за деревьями можно было увидеть холм со скальными выходами, Слава вдруг остановился. Он стоял так, глядя прямо перед собой, и не двигался с места.

Алексей молчал, он просто ждал, когда его товарищ решит двигаться дальше.

— Знаешь, — вдруг произнёс Слава, глядя вдаль — однажды ты поймёшь, что ты не можешь без этого жить. Несмотря на все смерти, потери и риск однажды не вернуться живым и не иметь собственной могилы.

Алексей молчал. Он уже знал ответ.

— Но ты ведь уже это понял, — это был не вопрос — утверждение. Слава сделал глубокий вдох, — Это затягивает. Покруче, чем самая забористая наркота. Даже уничтожение всевозможных африканских банд не сравнится с этим. Но всё-таки подумай прежде, чем в следующий раз соглашаться на предложение полковника. А то вход — рубль, выход — два.

Где-то высоко от порыва ветра зашумели кроны царственных секвой.

— Главное — не пожалей, — неожиданно твёрдо сказал он и двинулся дальше.

А Плетнёв достал свой жетон из-под футболки и с каким-то странным чувством посмотрел на него. Не исключено, что когда-нибудь только он и будет напоминать другим людям, что был такой Алексей Плетнёв, что вот он лежит, похороненный здесь, под еле заметным холмиком, если таковой вообще будет. Возможно, от него только и останется, что один жетон да запись в каком-нибудь служебном журнале.

Он вспомнил о Дмитрие и Александре, что остались в мёртвом городе.

Однако, похоже странники не оставили ему выбора. Он вернул жетон на место и стал догонять напарника.

Когда они вернулись, народ уже разместился внутри мегалитического сооружения, скрывшись за огромными грубо отёсанными камнями, которые скрывали огни от зажжённого на горелках сухого топлива — бойцы разогревали сухпаёк. При этом на подходе их встретил часовой, который появился словно из ниоткуда и, перекинувшись парой фраз с водоносами, пропустил их дальше.

Запасов оставалось ещё на два-три экономного приёма пищи, поэтому, когда Алексей вытащил из рюкзака срезанный Вячеславом плод, трое, в том числе полковник, действительно выразили одобрение, а остальные посмотрели на него примерно с таким же недоверием, как и сам Алексей.

— Давай его сюда! — сказал полковник. — Сейчас, товарищи бойцы, мы отведаем замечательного иноземного фрукта! Или овоща. С классификацией ещё не определились.

Слава сначала подошёл к полковнику и что-то быстро ему сообщил, тот его внимательно выслушал, а потом снайпер отсел чуть поодаль, прислонился к разогретому за день камню спиной и стал смотреть, как полковник нарезает фрукт на куски.

Вернув фляжки с водой и полные пластиковые бутылки, Алексей уселся прямо на землю, подстелив кусок картона, который нашёл в рюкзаке. Вот, хоть убейся, он не помнил, чтобы его брал.

Ещё чуть-чуть и он отрубится, подумал он. Даже есть уже не хотелось так, как хотелось спать. Рюкзак буквально манил его, предлагая сыграть роль подушки. Да и ночь, на удивление, оказалась не такой уж холодной, как он ожидал, скорее даже наоборот, хорошая тёплая летняя ночь. Глаза закрывались сами собой.

Тычок в бок вырвал Алексея из дрёмы, в которую он только-только провалился. На ноже перед самым носом благоухал неидентифицируемым, но приятным ароматом кусок очищенного фрукта и открытая металлическая фляжка, из горлышка которой доносился миндальный запах коньяка.

Оказавшийся как бы невзначай рядом Данила, глядя на огонь горелки, на которой разогревалась порция Алексея, спросил:

— Он ходил на могилу?

Алексей кивнул.

— Всегда ходит, — констатировал Данила.

Плетнёв принял еду и коньяк из рук Данилы.

— Сначала сделай глоток спиртного. Оно там что-то нейтрализует, чтобы тебя сразу не прихватило. Сейчас можно, — ответил он на опасения Алексея, передавая ему фляжку.

По горлу и пищеводу прокатилась горячая волна и упала куда-то на дно желудка, а потом он вонзил зубы в кусок светло-жёлтой мякоти и стал с опаской пережёвывать.

Вкусно, решил он. Очень вкусно. Странно, но вкусно. Может, на Земле и есть какие-то аналоги этого плода, но он их не пробовал. Например, он ни разу не ел манго, поэтому понятия не имел какой он на вкус. А тут да, было вкусно, и что ещё главное, он сразу почувствовал насыщение. Эта штука, чем бы она ни была, здорово утоляла голод.

— Ну как? — спросил Данила.

— Вкусно, — честно признался Алексей. — Очень. Только ощущаю себя подопытным кроликом.

— Ну, тогда ещё по глоточку, — Данила снова передал Алексею фляжку, подмигнув. — За кроликов! Чисто для медицинских целей.

Сделав ещё глоток, Алексей всё же решил употребить кашу, зря что ли на неё горючку тратили, чтобы разогреть.

Закидывая в рот очередную полную ложку, он решил задать вопрос:

— Может, стоило, его всё-таки довести и допросить?

— Кого?

— Американца.

— Без толку, — стал объяснять Данила, — он бы нам ничего не сказал. Сдох бы, но не сказал. Лепил бы истории, одна краше другой, как ту, что ягоды пригодились бы для изготовления лекарств, что они спасут всё человечество, но по существу мы от него ничего не добились бы.

— То есть?

— То есть, можно было бы его резать на кусочки, всё было бы без толку. Нет, он бы говорил. Много бы говорил. И даже верил бы, что он нам выдаёт всю правду до самого мелкого секретика. Но только это было бы не то, что нам нужно.

— НЛП? — предположил Алексей.

— Типа того, только гораздо круче.

— А у нас такая технология есть?

Данила словно бы не услышал вопрос, поднялся и подошёл к разделанному фрукту. Вернулся ещё с двумя кусками на ноже и один предложил Алексею.

— Казалось бы, какая-то большая шишка, да? — произнёс Данила, разглядывая оставшийся кусок. — Хотя мне фрукт больше всего напоминает не шишку, а яйцо Чужих, прикинь! Смотрел?

Кто же не смотрел? Конечно, смотрел, ещё в детстве.

Походу коньяк начинал действовать, хотя глотки и были совсем уж символическими. Оставалось надеяться, что остатки вещества из пылицы выветрились из организма, и оно никак не провзаимодействует с алкоголем.

— А чего мы внутри дольмена не заберёмся? По-моему, удобное место для ночлега, и пролезть можно легко, вон какая дыра в стене, — спросил Алексей у Данилы, указывая пустой ложкой на сложенные коробкой мегалиты.

Последний поёжился и почесал затылок.

— Можно-то можно, только лучше не надо, — ответил он глядя на отверстие в дольмене. — Тут не совсем поймёшь, какой из них просто сложенные камни, а какой далеко не просто камни. Ты, для начала загляни внутрь, только не влезай!

Плетнёв понял, что это своего рода приглашение, и пока он не посмотрит, что там внутри, Данила разговор не продолжит.

Преодолевая усталость, он поднялся и прошёл мимо разложившихся на ночлег бойцов к дольмену. Те, кто ещё не уснул, проводили его любопытными настороженными взглядами. Даже полковник завис с куском «дыни» во рту, сначала посмотрел на Плетнёва, потом перевёл взгляд на Данилу, а когда тот рукой показал, что, мол, всё норм, продолжил поедать фрукт, краем глаза наблюдая за новичком.

Подойдя к большому круглому отверстию, Алексей включил фонарик и наклонился, чтобы заглянуть внутрь, одной рукой при этом он опёрся о камень, который на удивление был даже теплее, чем можно было ожидать.

Луч фонарика осветил внутренности дольмена, от вида которых могло бы затрясти не только нервных и беременных: стены были испещрены неизвестными письменами и рисунками, которые тут же напомнили Алексею то, что они видели в подземном храме с саркофагом. Пол был завален остатками тряпья и костями, многие из которых точно не принадлежали животным. Вон там, в углу пустыми глазницами на Плетнёва уставился почти беззубый и пожелтевший от времени человеческий череп, вон там из под большого глиняного осколка выглядывает тоже череп, вроде как похожий на человеческий, но не совсем. И было похоже, что если копнуть как следует, то, скорее всего, это будут не единственные черепа, которые здесь найдутся.

Мир, который ещё пару минут назад казался Алексею чуть ли не идиллией, быстро утрачивал своё очарование.

В глаза бросилось что-то угловатое и, судя по всему, пластиковое. Больше всего предмет

напоминал использованную кассету от полароида. Плетнёв присмотрелся, вроде пустая.

Он вернулся на своё место, где его продолжал ждать Данила.

— Ну как? — поинтересовался он.

— Ничего так. Только это же просто кости.

— А вот теперь самое интересное: откуда здесь кости, мы не знаем. Не исключено, что это результат жертвоприношений. По крайней мере, именно такой вывод напрашивается согласно принципу бритвы Оккама. Только за громилами такой обычай не замечен, да и дольмены они стараются обходить стороной. А ты думал, мы просто из-за укреплений это место выбрали?

Алексей не стал уточнять, что это за бритва такая, но понял, что это что-то вроде наиболее простого и очевидного ответа.

— Мы, — продолжал Данила, — ну не мы конкретно, а вообще, забирались внутрь дольменов, в том числе и этого.

— И что?

— А то, что раз залезли, два залезли... а на третий тот, кто был внутри просто исчез. Вот он был, а вот его нет. Как корова языком.

— Прямо вот на третий раз? — недоверчиво уточнил Плетнёв.

— Ну, не на третий, на четвёртый там или пятый, — отмахнулся Данила, — не суть важно. Важно то, что человек исчез, и до сих пор не появился. Ни живым, ни мёртвым.

— Там череп, — сообщил Алексей.

— Видели — не его, — ответил Данила глядя в траву перед собой. — Это старый череп, очень, — он перевёл озорной взгляд на Алексея. — Так что если хочешь рискнуть, то давай, заодно узнаем, с какой частотой такое происходит.

— Нет уж, вынужден отклонить такое заманчивое предложение, — улыбнулся Алексей и стал устраиваться на ночлег.

— Ладно, ты давай, поспи. Завтра всё закончится.

Глава 30. Последний рывок

Он так и не понял, смог он уснуть или нет. Всё время ворочался, руки и ноги затекали, он никак не мог найти удобное положение, да и чудилось всякое на грани сна и яви. Например, как какая-то молодая, но взъерошенная и чумазая девчонка в шортах со старомодным туристическим рюкзаком и таким же фотоаппаратом в руках вылезает из круглого отверстия дольмена, а он порывается её окрикнуть и даже вскакивает, но как оказалось, ничего такого не было. Вокруг спокойно спали семь шесть человек, даже полковник спокойно лежал прямо на траве, подложив рюкзак под голову, а лицо, прикрыв кефи.

Почему девчонка? Почему с фотоаппаратом? Скорее всего, потому что он увидел использованную кассету от полароида внутри дольмена. Плюс могила незнакомой ему Марии, вот ты и получил основу для беспокойного сновидения.

Он снова лёг, повернувшись на бок, но мозг решил окончательно над ним поиздеваться, явив образ Царицы Долины мёртвых, которая летала над холмом прямо в каменном саркофаге, по самую кромку наполненном клюквой в сахаре, а в руке держала огромную, размером с кулак, клубнику. Она всё время пыталась его увидеть, но всё время пролетала мимо и в итоге позвала на помощь сущность, скрывающуюся в лесу.

ТЬфу! Гоголь-то с Виём здесь причём?!

Мелкие пятнисто-полосатые зверьки, не то сурикаты, не то хорьки всю ночь пытались стащить ловкими лапками у него из рюкзака остатки патронов, заменив их желудями и шишками, при этом мерзко так похихикивая тонкими голосочками, будто надьшались гелия.

Так он и проворочался несколько часов, пока его в бок не ткнул Данила, причём сделал это в крайней степени оригинально: проснулся Алексей не от будильника и не от дружеского пинка и даже не от команды, отданной полковником.

Его разбудили звуки команды, отданной на немецком языке, от чего Плетнёв инстинктивно сжал автомат, который так удобно оказался прямо под правой рукой. Ещё сонный мозг успел последними широкими мазками нарисовать картину из нескольких немецких солдат в форме вермахта, стоящих над ним с закатанными рукавами и направленными на него «шмайсерами».

— Aufstehen! Schnell!

— Чёрт возьми! Никогда так больше не делай! — сонно ответил Алексей, откладывая автомат.

— А что так?

— Как будто сам не понимаешь! — Алексей потянулся до хруста в суставах. — У каждого нормального русского человека, как только он слышит немецкую речь, возникает одно желание — бросить в том направлении гранату, чтобы больше никогда её не слышать. Ибо немецкая речь равно смерть.

— По-моему, ты перегибаешь.

— А по-моему, это уже зашиито в генетическом коде.

— Поднимайся, генетик! Новый мир ждёт тебя! — торжественно произнёс он. — Нам скоро отчаливать.

Продрав слезящиеся глаза, и хорошо так зевнув, Алексей попробовал понять, как он себя чувствует. Нет, всё было вроде бы в норме, всё так, как и должно быть поутру. Отхлебнув из

бутылки, в которую ещё с вечера была брошена обеззараживающая таблетка, он сбегал по делам на другую сторону холма, где нашёл воткнутую в землю сапёрную лопатку. Предусмотрительно, подумал он.

Вернувшись, он перекусил галетами с мягким салом, запив всё очередным глотком воды, и разжевал кусок горького шоколада, более всего напомнивший ему по своему вкусу парафин. Пришлось снова запивать водой. Сначала думал растворить порошок, чтобы придать малиновый вкус напитку, но решил, что лучше чистой пресной воды сейчас ничего не придумаешь.

Народ осматривал своё снаряжение, Анатолий проверял повязки у раненых, оценивая их состояние. Вроде бы остался доволен, и кивнул полковнику, сообщая тем самым, что люди могут продолжить путь без последствий для своего здоровья и не станут для них обузой для остальной группы.

Смирнов же, осмотрев свой протез, наоборот изобразил гримасу боли, растирая его словно настоящую ногу. Похоже, с протезом было всё в порядке, а вот с ногой, которая для мозга до сих пор продолжала существовать, нет. Фантомные боли — странная вещь, но от этого не менее неприятная.

Солнце поднималось на горизонте, заставляя мегалиты и скальные выходы отбрасывать длиннющие тени на траву. Со стороны востока простиралась бескрайняя степь с редкими рощицами, со стороны запада наоборот сплошной стеной стоял реликтовый лес, в который вчера они ходили за водой. А вот на севере в степи виднелись отблески, судя по всему, той самой реки, которая потом несла свои воды среди гигантских секвой и дальше на юг, через весь лес.

— Ну что, нам куда? — спросил Алексей, глядя как Афанасий с полковником изучают очередную карту, то и дело, накладывая на неё прозрачные пластиковые трафареты с линиями и пунктирами.

— Туда! — махнул рукой на север Данила и попрыгал, проверяя, не бренчит ли что из амуниции и хорошо ли упакован рюкзак. — Часов семь-восемь ходу, так что после обеда будешь уже анализы сдавать нашим медикам. Ох и помучают они тебя!

Потом задумался, посмотрел на часы и добавил:

— Хотя, я не уверен, что у нас сейчас тоже утро. Не исключено, что вывалимся у себя уже глубоким вечером. Ты, кстати, как? Никаких болезненных ощущений?

— Да, вроде бы, в норме. По крайней мере, пока ничего такого не замечаю. Боялся, что [др@стать](#) буду из-за вашей дыни, но живот, на удивление, даже не булькает.

— Я ж тебе говорил, что коньяк спасёт. Хотя там и водка сойдёт, главное этиловый спирт, чтобы был в составе, да покрепче. Ты вообще потом не ленись с собой фляжку брать. Тут вообще эпидемиологическая обстановка плюс-минус нормальная, риск заражения относительно не высокий. Примерно, как когда, испанцы впервые высадились на американском континенте.

— Так себе, аналогия, — возразил Алексей. — Они же потом сифилис в Европу завезли и дохли как мухи.

— Ну, скажем, дохли как мухи индейцы от ветрянки, но если бы они предприняли элементарные меры предосторожности, то такого исхода можно было избежать. Или, по крайней мере, значительно уменьшить негативные последствия. А сифилис... не надо вступать в беспорядочные половые связи и болеть не будешь. К тому же, мы для самок громил больше еда, чем равноправные половые партнёры, да и представить я себе этот

процесс, если честно, могу с трудом. Примерно, как спаривание кобеля чихуахуа и овчарки.

Плетнёв усмехнулся. Ну да, подумал он, совокупление с трёхметровой бабой, которая ещё неизвестно как выглядит на морду лица, представлялось ему не столько странным, сколько комичным процессом, саундтреком к которой обязательно должна быть мелодия из «Деревни дураков».

Так, стоп! Неужели на него всё ещё действует пыльца? Он прислушался к своим ощущениям. Нет, вроде всё нормально.

— Слава рассказал, что ты цветок папоротника нашёл, — словно прочитал его мысли Данила.

— Типа того.

— И решил узнать, какой он на запах?

— Не специально, — оправдался Алексей, — только дотронулся до колокольчика, а из него посыпалось, видимо немного вдохнул.

— Ну, это тебе повезло! А то такое бы увидел! И вообще мог бы в лес убежать, ищи тебя потом! Не бойсь, — успокоил его Данила, — уже должно было выйти всё из тебя.

Хорошо, если так. Получается, что у него сегодня просто хорошее настроение? Даже с учётом всего пережитого? Ладно, хорошо, что хорошо. Он представил, как приходит в себя поутру где-то посреди незнакомого леса после прихода и видит над собой морду броненосца — его аж передёрнуло.

Надо быть осторожнее с незнакомой флорой, не только с фауной. Вон один из бойцов почёсывается. Спрашивается, с чего бы это? Кто-то укусил, или спал там, где растёт какая-нибудь ядовитая травка по типу плюща или борщевика. А под таким солнцем сок борщевика вызовет такие химические ожоги, что потом лечиться и лечиться!

Проверив оружие, припасы и закрепив рюкзак, чтобы тот не прыгал по спине во время ходьбы и тем более бега, Плетнёв стал ждать команды на выдвижение.

— Патронов совсем не осталось, — посетовал Слава. — Всё в городе расстрелял. У тебя, что-нибудь есть?

— Неполная обойма, — озадаченно ответил его напарник.

Что уж там, у всех патронов оставалось впритык, того и гляди, придётся рубиться в рукопашную на ножах. Схватка в Мёртвом городе съела почти весь боекомплект.

В загашнике было ещё некоторое количество выстрелов для подствольника, но тоже минимальный минимум. И теперь им предстоял пеший переход почти по голой степи и практически безоружными. Так себе перспектива.

Ненужного построения полковник не проводил, но всё равно осмотрел каждого бойца быстрым взглядом. Кажется, он всё-таки стал немного прихрамывать. Совсем чуть-чуть, но всё равно заметно.

— Ну что, с богом! — произнёс он и уже тише, словно сам для себя, добавил, — Если он вообще есть.

Они стали спускаться с холма, оставляя позади мегалиты с дольменом, и направились на север в сторону сверкающей на горизонте реки.

Если повезёт, то идти им часов семь практически по открытой степи, где было сложно остаться незаметным. И в каком-то смысле это даже хорошо, учитывая, что наличие где-то поблизости огромных гуманоидов нельзя до конца исключить, если верить Славе.

Здесьняя степь чем-то напоминала саванну, по которой их группа прошла в самом начале их странного пути, когда Алексей ещё был дезориентирован и не понимал, что

происходит, и как он там вообще оказался. Но разве что только своими просторами. В саванне не было заметно больших лесов на горизонте, хотя они проходили по ней глубокой ночью и он мог просто их не заметить. И трава здесь была совсем не тем бескрайним колышущимся морем, доходящим до груди, а другой: пониже, потолще, и сочнее что ли. Солнце ещё не успело выжечь и высушить её, заменив густой зелёный цвет на множество оттенков жёлтого. Видимо, здесь ещё совсем недавно прошли обильные дожди, которые и дали стимул к росту богатого травяного покрова и цветению цветов. Правда, последние здесь были не большими и яркими, а имели умеренные размеры и сдержанные цвета: белые, жёлтые, кое-где просматривались брызги фиолетового.

И деревья тоже отличались. Если в саванне они были раскидистыми и одиноко далеко отстоящими друг от друга, то здесь это были как бы небольшие рощицы из нескольких деревьев, далеко не таких монументальных как секвойи, конечно, но тоже высокие и большей частью лиственные. Хотя, вот там и там можно рассмотреть одиноко стоящие, и потому кривые сосны.

На открытом пространстве паслись многочисленные стада каких-то рогатых копытных с длинными и подвижными носами, с удовольствием жующих сочную траву и по очереди высматривающих в траве возможных хищников — одни щиплют травку, другие озираются. А то, что хищники здесь были, сомневаться не приходилось. Там, где есть травоядные — всегда есть те, кто ими питается.

Смотрят издалека на незваных гостей, чешут задним копытом брюхо, трясут куцыми хвостами.

Вдали по правую руку Алексей заметил несколько тёмных шаров, возвышающихся над травой, и вяло двигающихся по степи. Понятно, броненосцы, на одного из которых они наткнулись в ночном лесу. Походу эти ребята никогда не упускают возможности, чтобы подкрепиться. Что ночью, что днём, им всё равно. Наверняка, сейчас громят какой-нибудь термитник, слизывая питательных насекомых.

По левую — две большие мохнатые и медлительные образины с огромными когтями на передних лапах и короткими задними лапами, с тупым выражением на мордах обдирали пару деревьев, отправляя в утробу целые веники из веток и листьев.

В небе летали стаи мелких, как казалось снизу, птиц, а над редкими облаками нарезали круги пара орлов или ястребов. Ну, может и не орлы и не ястребы, кто ж их разберёт, но по повадкам очень похожи. Главное, чтобы не падальщики.

Нет, всё-таки саванна была другой, там сразу ощущаешь, что ты где-то на юге. Здесь же всё было иным, более северным что ли, но от этого не менее красивым.

Взлетевшая с криком в паре метров от вереницы людей пёстрая птица заставила их схватиться за оружие и простоять так пару минут в ожидании, что кто-то более крупный может прятаться в траве, но тревога оказалась ложной. Птицу, судя по всему, спугнули они сами, а не неизвестный хищник.

Идти было хорошо и приятно.

Пару раз они делали привал, чтобы отдохнуть глядя на то, как вокруг буйствует дикая природа. Ни тебе шума автомобильных двигателей, ни тебе столбов с натянутыми между ними проводами, ни огороженных колючей проволокой территорий, заборов, складов и дымящих труб. И небо чистое-чистое, без белых росчерков реактивных самолётов, которые, можно было бы заметить, хоть в глухой сибирской тайге, хоть бескрайней африканской саванне.

Окружающий мир отличался от родного мира Алексея настолько же, насколько он отличался от Долины мёртвых. Посередине мир дикой природы, а по краям мир, наполненный людьми, и мир, лишённый не только людей, но и всего живого.

К слову, народ в разговоре всё чаще использовал само собой возникшее название «Долина мёртвых», а не Тихий мир, которое использовали до этого. Но вспоминать его особо не хотели, так просто, иногда проскакивало в разговоре.

Несколько раз они натыкались на колонии мелких зверюшек, очень похожих на тех, что жили в лесу, только эти имели другой окрас и не боялись высунуться из нор при свете дня.

Во время очередной остановки, когда бойцы травили анекдоты и обсуждали, где и как будут просаживать премиальные и вообще говорили за жизнь, Алексей высказал мысль:

— Мы вот ютимся в городах, постоянно ведём войны за землю и ресурсы, а тут столько пространства! Почему не открыть это знание людям? Мы, я имею в виду человечество, смогли бы пойти и жить там, где хотим.

— Во-первых, — наставительно отвечал Данила, — мы всё равно будем воевать. Такова наша природа. И за лучшие ресурсы, и за лучшую землю, и за лучшую воду. И просто так. Во-вторых, резкая смена парадигмы общественного сознания может привести к неожиданным последствиям, и совсем не обязательно к позитивным. Да, собственно, точно и приведёт. В-третьих, без достаточного изучения, новые миры, а точнее, то, что в них скрывается, может уничтожить человечество. Стереть полностью, как будто нас и не было вовсе. И пример Тихого мира он, поверь, не единственный. Спроси потом у полковника, думаю, он расскажет, может, даже материалы для ознакомления предоставит.

— Если мы будем вводить режим карантина везде, где что-то нам не нравится, мы так никогда не поймём, что происходит, — размышлял Алексей.

— Ну, руководство взвешивает все за и против. Наше дело выполнять, — ответил Данила. — А что касается переселения в другие миры... — Он мечтательно поглядел куда-то вдаль. — Иногда люди даже не замечали, что перемещаются между мирами, думая, что они просто идут из города в город по дороге через поле, по тропинке в поле, или даже по дороге. Строят поселения в другом мире, в этих пространственных проплешинах, а думают, что нашли просто хорошее место для нового жилья.

А потом город пропадает. И никто его не может найти, и не понимают, что же произошло. И начинают слагать легенды о пропавших поселениях. Или в попытке вернуться обратно — ну, мало ли по каким делам — люди понимают, что они не узнают местность, что они здесь никогда не ходили, и так и остаются жить там, где их застал разрыв. И приходится им открывать для себя абсолютно новый незнакомый мир, — Данила задумался, произнёс. — Дивный новый мир... Иногда в чём-то похожий на тот, в котором они родились, а иногда, при ближайшем рассмотрении, отличающийся от него, причём довольно серьёзно.

У нас как-то один специалист выдал, что гора Олимп это как раз проявление такого резонанса миров.

— То есть Олимп существовал на самом деле?!

— Да кто ж его знает! Сам понимаешь, некоторые события действительно могут быть плодом воображения.

К ним подсел Слава с полным котелком и ложкой в руках.

— Обсуждаете множественность миров? Про Эдем, который потеряли, уже рассказал.

Алексей непроизвольно округлил глаза. Данила лишь развёл руками и забрал котелок у

Славы. Зачерпнув полную ложку и закинув содержимое в рот, он быстро его переживал.

— Ходит у нас такая байка, — он помахивал перед собой облизанной ложкой, — что где-то там есть Эдем, райский сад, из которого когда-то Бог изгнал людей. Ну, или мы сами оттуда ушли по какой-то причине. Но никакого подтверждения мы пока не нашли. Либо он так далеко и попасть в него можно только при каких-то уж очень специфических условиях. Байка, в общем.

— Но классная же, так? — встрял Слава.

— Безусловно! — согласился Данила. — Но байка.

В голове роились мысли, сталкиваясь и обгоняя друг друга.

— То есть люди из Мёртвой Долины, — произнёс Алексей, — могли быть нашими родственниками, в широком смысле этого слова? Типа, они произошли от нас.

— Или мы от них, — пожал плечами Данила, — кто знает. Мало данных. А на изучение не хватает ни средств, ни людей, ни времени. Так и живём, затыкая дыры, да отслеживая перемещения странников, боясь сами не зная чего. Руководство-то, может и знает, но помалкивает.

— Получается, Дарвин ошибался.

— Почему? Ты старика Дарвина не трогай, он для своего времени всё правильно описал. Да и потом тоже. Так что теория эволюции вполне рабочая тема. А вообще мы редко вылезаем в другие миры. Только если проходом, вот как в этот раз. А так нам работы у себя дома хватает.

— Ага, по пресечению деятельности проводников, — добавил Вячеслав.

Ещё и проводники, подумал Плетнёв. Понятно, что имелся в виду отнюдь не Афанасий.

— Погоди-погоди! — вдруг осенило Алексея. — А вот Атлантида, получается, что она могла и не утонуть вовсе?! То есть ваша эта пространственная проплешина закрылась, и на месте континента просто появилось море, где оно, собственно, всегда и было?! То есть она как бы никуда и не исчезала, она просто, — Алексей посмотрел в звёздное небо, в котором действительно не было ни одного знакомого созвездия, — где-то там?

— Мыслишь в верном направлении, — согласился Данила, — но с Атлантидой всё не так просто. Вымысел от реальности бывает трудно отделить. А так подобных тем в человеческой мифологии довольно много: Эльдорадо, Китеж, Гиперборея, Шамбала (чтоб её!). И т. д. и т. п.

Что-то является продуктом человеческой фантазии, а что-то имеет под собой реальную основу. Исковерканную, искажённую, неправильно озвученную, неправильно услышанную и также криво записанную, но реальную.

— Ты, главное, имей в виду, — напомнил Слава, — что от обычных служебных обязанностей тебя никто не освобождал. Когда вернёшься в расположение части, имей в виду, что может случиться психологический шок. Постарайся всё осмыслить, держать себя в руках и не делать глупостей. Впрочем, для этого тебе будет предоставлен внеочередной отпуск.

Тёплый ветер приятно овеивал лицо. Да уж, тут в самый раз уйти в запой, тем более, что полковник же обещал отмазать от административки. Можно будет морду кому-нибудь набить? Кто-то меня доставал в последнее время?

Пару раз на горизонте появились какие-то уж совсем громадные животные, неспешно переставляющие ноги толщиной со среднее дерево и куда-то бредущие по своим травоядным делам.

Один раз отряд преследовала большая метра полтора в холке гиена, как идентифицировал её Алексей, хотя это могла быть и местная разновидность какого-нибудь степного волка. Животное шло параллельным курсом, периодически пыталось приближаться, из-за чего пришлось даже выстрелить в воздух, но гиена не то чтобы испугалась резкого звука, но и сокращать дистанцию больше не решилась. Видимо, не могла понять, что за незнакомые двуногие обезьяны расхаживают группой по её степи. Скорее всего, двуногих зверь раньше видел, но других, покрупнее, а вот с огнестрелом ещё не сталкивался.

При этом даже мелкие сурикаты, как их окрестил для себя Алексей, держались довольно уверенно, несмотря на относительную близость так называемой гиены.

В итоге, нарезав ещё пару кругов вокруг бойцов, гиена, подняв нос по ветру, принялась, подвигала ушами и убежала прочь, решив, по-видимому, не связываться со странными обезьянами, от которых к тому же пахнет не понять чем.

Ветер приятно подгонял в спину, словно говоря, давайте-давайте, вы уже и так здесь задержались больше положенного! И сурикаты, словно устав наблюдать за незваными гостями в их мире тоже скрылись в своих норах.

Что-то глухо чвякнуло рядом с ними в траву. Должно быть, животное взбрыкнуло, вон тут их сколько. Потом снова что-то глухо шлёпнуло ещё ближе.

Алексей стал озираться и заметил, как антилопы, до этого безмятежно пасущиеся метрах в ста от них, встрепенулись, и посмотрели куда-то в направлении, противоположном тому, куда двигались люди, и стали быстрыми прыжками удаляться прочь.

Что-то нехорошее зашевелилось в душе, особенно на фоне лёгкого свистящего звука. Алексей стал оборачиваться, пытаясь понять источник звука, и взглянуть, куда же смотрели антилопы, но не успел.

— Аааа! — Данила свалился как подкошенный, а из его бедра торчала, нет, не стрела, скорее даже, небольшое оперённое копьё, которое фактически пригвоздило его к земле.

— Да чтоб тебя! — подбежал к нему полковник.

— Смотрите! — выкрикнул Плетнёв, вскидывая автомат.

Сколько было до них? Метров триста, триста пятьдесят? Не меньше! А выглядят они даже отсюда довольно угрожающе.

— Ещё летит! — выкрикнул Слава. — Берегись!

Очередное оперённое копьё, со свистом завершив свой полёт, врезалось в землю между бойцами.

— Метко бьют! — произнёс Анатолий. — Ещё немного и пойдут в атаку. Они уже поняли, что кого-то ранили!

— Почему они не атакуют прямо сейчас? — не понимал Алексей.

Очередная пара камней, запущенных при помощи пращей, проделали вмятины в траве.

— Боятся. Мы уже сталкивались с ними, и малость научили уму-разуму, — зло отозвался Чекан, рассматривая рану Данилы. — Теперь вот осторожничают. Было бы расстояние чуть меньше, они бы нас всех перебили! Чёрт! Как они нас подловили?!

— Так может нам их расстрелять к чертям собачьим?! — предложил Плетнёв.

— Прежде, чем они подойдут, они успеют нас порвать! Очень высокий болевой порог! На охоте бывал? Можешь представить, что такое подраненный секач или медведь!

Громилы не только держались на значительном расстоянии, но перемещались туда-сюда, то и дело падали навзничь и снова вскакивали, чтобы помешать прицелиться в них из

огнестрела. Но Плетнёва действительно не оставляло стойкое ощущение, что попадание вызовет лишь приступ бешенства у гуманоидов, сорвав оставшиеся стоп-краны.

Было видно, как трое громил вкладывали камни в пращу и буквально с одного взмаха отправляли их в сторону людей. Ещё один прикладывал очередной оперенный дротик на какую-то палку и с короткого разбега отправлял его в полёт. Оставшийся, казалось, просто наблюдал за происходящим, опираясь на ту самую боевую пилу — плоскую дубину с прилаженными кусками обсидиана или кремния.

Как же далеко они швыряют снаряды! Это же какую силу надо иметь, чтобы на триста метров запустить копьё, будь оно даже таким облегчённым и с оперением. На какое там расстояние метали копья олимпийцы? На восемьдесят, девяносто метров?

Громилы оправдывали своё прозвище в полной мере, засев в траве и разглядывая их в бинокль, думал Алексей. В чём-то несуразные, особенно из-за непропорциональной головы, на макушке которой в тугий пучок были собраны волосы, и которая по сравнению с остальным телом казалась действительно маленькой, выглядели они при всём при этом довольно устрашающе.

Помимо того, что они были расписаны примитивной боевой раскраской в виде белых полос по всему телу и действительно были обвешаны клыками и рогами, на них можно было заметить, что-то вроде примитивных костяных доспехов. Для последних, судя по всему, использовались части черепов и панцирей каких-то животных, не исключено что черепах и тех самых броненосцев. У двух помимо костяных наплечников было что-то вроде собранных из деревянных или костяных дощечек, нагрудников.

А рядом неподвижно стояли броненосцы, которые почему-то и не думали убегать. Да нет же! Чёрт! Чёрт! Чёрт! Да это же просто панцири! Маскировка, чтоб её!

— Поумнели черти! Вокруг пальца обвели! Как детей! — плевался Слава, наблюдая за полётом дротика. — [Бл@ха-муха!](#) Сейчас бы крупный калибр, я бы им бошки поснимал по пуле на черепушку, чтобы знали, с кем связываться!

Шаг в сторону и оперенный дротик вошёл в дёрн в полуметре от него.

— Чекан, что там?! — крикнул полковник Анатолию, который осматривал ногу Данилы. — Идти сможет?

Анатолий посмотрел на полковника так, что всё стало понятно без слов. А штанина намокала красным быстрее, чем следовало при обычном ранении.

— Всё нормально, Толя, всё хорошо, перетяни жгутом потуже, — морщился от боли Данила. — Уходите! Уходите, мать вашу! Вперёд!

— Далеко ещё?! — спросил полковник у Афанасия.

— Вон за тем пригорком! — ткнул пальцем проводник. — Если втопим, как следует, то успеем, до того, как эти обезьяны нас догонят!

— Я задержу их, — прохрипел Данила. — Только оставьте мне выстрелы для подствольника! Буду палить по ним, сколько смогу, чтобы за вами не ломанулись.

Ещё один дротик воткнулся прямо в центре группы, а камень, полёт которого был и быстрее и не так заметен на фоне неба, врезался в плечо напарника Вячеслава по снайперскому делу и тот с разворотом рухнул на землю, но тут же вскочил.

— Ах ты ж, шайтан! — схватился боец за руку. — Сломал, гадина!

Кровь стекала по повисшей плетью руке и капала на темную зелёную траву, оставляя на ней тёмные кляксы.

— Уходите! — заорал Данила. — Не люблю прощаться! Давайте уже, валите!

Бойцы посмотрели на полковника и тот молча кивнул.

Народ молча подходил к Даниле, жал ему руку и быстрым шагом, переходящим в бег, направлялся к заветному пригорку, на который указал Афанасий. А камни попеременно с дротиками продолжали со свистом падать вокруг.

Со стороны громил раздался вопль. Не иначе боевой клич, решил Алексей. Заметили, что люди убегают и решили, что одерживают победу. Точно, сейчас ломануться в погоню.

Сняв перевязь с выстрелами для подствольника, он протянул её Даниле, хотел отдать ещё пару магазинов для автомата, но тот отказался.

— Своих хватит, — глубоко дыша, ответил он.

И тут, когда Алексей протянул ему руку, чтобы попрощаться, крепко схватил его за руку и притянул к себе.

— Ну, вот видишь, Алекс, странники не наврали! Как ты не крутись, а всё без толку! — сказал он так, чтобы услышал только Алексей. — Ну, всё, бывай! А я пока прилягу здесь в травке, сюрприз им устрою, как подходить будут.

Он отпустил его руку и зарядил подствольный гранатомёт разрывным выстрелом, и передёрнул затвор автомата.

Пока Алексей бежал вместе с другими бойцами к точке перехода, которую должен был найти Афанасий, за спиной раздавались короткие автоматные очереди и буханья из подствольника, а перед тем как Алексей перешагнул в границу между мирами, он услышал взрыв гранаты, на этот раз последний.

Глава 31. Карантин

Первое что я увидел, это нацеленные на нас дула автоматов в руках людей, облачённых в костюмы биологической защиты, и услышал строгий голос из мегафона, который приказал нам бросить оружие, лечь на землю, а руки убрать за голову, скрестив пальцы. По одежде прыгали маленькие красные точки, хотя с такого расстояния промахнулся бы разве что слепой.

Здесь были сумерки. Да, Данила явно что-то напутал со временем. А может, всё дело в свойствах этих непонятных точек перехода. Хотя точками, как я понял, их называют исключительно для удобства. По факту это свое рода складки, а то и дыры пространства-времени, как попытался объяснить мне полковник, но понять принцип которых до конца не мог даже он. Да и «дырка» звучит не очень благозвучно.

Даром, что на Комитет работали лучшие умы, пытаюсь воспроизвести эффект перехода искусственным путём, понять принцип и закономерность возникновения точек. Строят какие-то генераторы с реакторами, что-то там рассчитывают и изучают. Почему одни точки стационарны, почему другие появляются и исчезают, а третьи смещаются, подобно магнитным полюсам? Почему большинство известных переходов ведут в миры, плюс-минус похожие на Землю? Где они вообще находятся эти миры? Короче, работали, не покладая рук над разгадкой тайн Вселенной.

Одно время, помню, в интернете любили пораздывать теории заговора на тему адронного коллайдера, который если шарахнет, то, мол, всему живому конец, так как коллайдер этот породит чёрную дыру в центре земли и всё схлопнется к чёрту. А тут, люди работают с вещами, которые, как по мне, покруче всякого коллайдера будут.

Кроме прочего, учёные Комитета, некоторые из которых не всегда знали, на кого в реальности работают, должны были выработать способы противодействия той опасности, что несли странники, ибо особого доверия к ним никто не испытывал, хоть бы они и шатаются между мирами, особо никого не трогая. А столкнуться с оружием, которое может стереть человечество, словно его и не было, очень и очень не хочется.

Ну не знаю, послушать Смирнова, так они там работают с вещами, которые если что могут рвануть так, что в чёрную дыру не только Землю утянет, но и всю Солнечную систему. Копают что-то, в чём сами не разбираются, типа изучают основы мироздания. Тут, чтобы рвануло, никаких странников не надо, сами всё сделаем. По-моему, если кто и угрожает существованию человечества, так это само человечество.

Хотя за всё время наблюдения за странниками те продемонстрировали свои возможности только раз и на ограниченном пространстве, но, видать, это очень впечатлило спецслужбы, которые бросили попытки по захвату хотя бы одного из этих существ и ограничились их сопровождением, когда тем вдруг вздумается пройтись по нашему миру.

Спрашивается, чего ходят? Ещё и людьми притворяются.

Да, кстати, Комитет. Так они называют себя. Насколько понял, название зародилось ещё во времена СССР, когда существовал КГБ. Но учитывая специфику работы, этот комитет был просто Комитетом, но с большой буквы. И понять, о каком из них идёт речь, могли лишь посвящённые.

Горизонтальная структура, связывающая между собой сотрудников органов правопорядка, госбезопасности, министерства обороны, внешней разведки, какие-то

организации наёмников, которые работают по всему миру. Комитет как бы был, и его как бы не было.

Финансирование, получаемое за счёт использования левых схем и подставных фирм. От оказания специфических услуг за рубежом и внутри страны. Уловки и секретные статьи госбюджета, о цели которых не знали даже те, кто утверждал этот бюджет. Собственные золотые прииски, доли в банках, номинальные владельцы которых зачастую не догадывались, что являются лишь ширмой и куклами в чужих руках.

Круто, однако, ничего не скажешь.

И да, поступление минералов и драгметаллов извне. Только не таких грязных, какие таскал покойный сталкер-студент, а проверенных, и чистых, как с физической, так и с юридической точки зрения, для чего использовались всё те же прииски и подставные фирмы, зачастую существующие лишь на бумаге.

А вы думаете, почему наши так месторождениями алмазов в Африке заинтересовались?

Как много поступало ресурсов с той стороны, оставалось только догадываться, всё-таки, как я понял, вылазки делаются редко, или по необходимости, как случилось с нами. Хотя то, что произошло с нами, это вообще чёртов форс-мажор, который ни в какие рамки!

Так казалось поначалу. Теперь же мы все озадачены тем, что где-то в недрах организации сидит крот и сливает информацию третьей стороне, идентифицировать которую пока не удаётся. Не исключено, что она в чём-то подобна Комитету. Со своей спецификой, конечно, но всё-таки похожа.

В общем, уровень секретности такой, что если ты начнёшь болтать, тебе никто не поверит. Тебя сделают сумасшедшим. Твоя жизнь изменится так, что родственники и знакомые отвернутся от тебя, считая, что ты сам покатишься по наклонной. А потом ты однажды просто уснёшь с непотушенной сигаретой.

Всё на доверии, короче.

И ты вязнешь в этом всём, как муха, зацепившаяся за паутину. Чем больше ты дёргаешься — то есть узнаёшь информации — тем больше увязает. Походу, обратного пути уже не было.

Да, Даня, сейчас здесь поздний летний вечер, стрелки часов, должно быть, указывают на восемь вечера или около того. Но оно и не удивительно. В Долине мёртвых, мне в какой-то момент вообще показалось, что я потерял счёт времени, а фокусы, которые вытворяла с моим сознанием и вообще с нами Царица — похоже, прозвище закрепилось за бывшей узницей саркофага — могли ещё как-то повлиять на нас. Вот вообще ни разу не удивлюсь, если завтра нам объявят, что с момента нашего ухода прошло десять лет. Или вообще сто! Хотя нет, точно не сто, вон у них «калаши» в руках, за сто лет придумали что-нибудь новое.

Вокруг стоят вагончики и палатки, накрытые маскировочной сеткой, вышки с прожекторами, свет которых слепил глаза, и территория, огороженная колючей проволокой. Видимо, здесь как раз та самая стационарная точка перехода, которую можно контролировать, не прибегая к услугам таких людей, как Афанасий.

Вот думаю, если бы вы хотели, то могли ведь просто залить бетоном это место и в ус не дуть. Прохода нет, и всё тут. Илия чего-то не понимаю? Или они по какой-то причине не хотят так делать?

За «колючкой» возвышались свои, такие родные сосны, и в воздухе к запаху таёжной хвои примешивались ароматы бензина и солярки. Куда же без них. Ну, понятно, вон стоят грузовики и джипы, а там я вижу ещё БМП.

И запах железной дороги, не сильный, но ветер его доносит. Значит, рядом есть, как минимум, узкоколейка.

Хотелось лежать в сухой траве, и пусть по тебе ползают муравьи и прочие букашки. Пусть жалят, пусть заползают в нос и в уши. Двигаться не хотелось совсем. Странно, вроде бывал в переделках и покруче, что касается перестрелок и вообще, а тут такая усталость навалилась, что давит на тебя тонной свинца. И, признаюсь, потряхивает. Скорее всего, потом это пройдёт, вон народ вроде ничего так себя ощущает, но пока потряхивает.

Как там говорил Данила — резкая смена парадигмы? Не она ли сейчас со мной и происходит. Или это всё из-за изменения гравитации, о которой мне вещал Слава? После степи я действительно ощущал себя тяжелее обычного.

Но разлёживаться нам не дали. Для начала потребовали от каждого назвать имя, фамилию, отчество, дату рождения, номер части или место службы и миссию, в которой мы участвовали. Люди в костюмах биологической защиты обыскали нас, над головой я услышал знакомый треск дозиметра.

Отконвоировали с большую брезентовую палатку, в которой был устроен своеобразный шлюз, и заставили полностью раздеться, сложив одежду и оружие в специальные пластиковые ящики. Подозреваю, шмотки сожгут, чтобы не заморачиваться. С другой стороны, кто их знает, может, обработают так, что ни один микроб не выживет.

Попутно нас снова всех обследовали дозиметром, который, как мне показалось, трещал чуть сильнее, чем должен был бы. Если бы ещё знать, как должно быть, учитывая, что нам ничего не говорили, кроме коротких указаний. Зато попробовал успокоить Толик:

— Не успели набрать критическую дозу. Жить будем.

— Полноценной жизнью-то?

— И детей сможешь настругать, не бойсь.

Брезентовая палатка оказалась помывочной, вернее, дезинфекционной, в которой нас заставили мыться. Мы стояли под душем из какого-то остро пахнущего медицинкой раствора, не только падающего на нас сверху по подведённым трубам. Пара человек в защитных костюмах и шлангами в руках омывали нас тугой струёй, которая забиралась в такие места, что сразу вспомнились слова полковника, о том, что нас будут драить как проститутку перед свадьбой.

Хорошо, хоть не обрили. Хотя могли бы. И фиг бы ты, что с этим сделал. Ткнули бы автоматом в брюхо и вперёд с песней! Или могли бы пустить газ по тем же трубам, усыпить и сделать всё что нужно, провести манипуляции с нашими бездвижными телами. Но то, что с нами так не поступили, давало некоторую надежду на то, что нас не считают источником чрезмерной биологической опасности.

Но я был рад и такой возможности помыться. Очень хотелось смыть с себя не только афганскую пыль, и степную пыльцу чужого мира. Очень хотелось избавиться от следов пребывания в Долине смерти, в её мёртвом городе, где кроме пыли и непонятно как существовавших между жизнью и смертью манекенов ничего не было. Только пыль, тлен и мертвецы. Много мертвецов. Я столько сразу никогда не видел. Даже в кинохронике по Второй мировой войне, со всеми её массовыми убийствами в лагерях. Мертвецы, мертвецы, мертвецы. Кругом одни трупы.

И которых, наверняка, становилось с каждым новым посещением этого места всё больше и больше. Город забирал свою дань. Царица требовала очередное сердце. Иначе она просто не могла. Или не хотела, не важно.

Интересно как она там? Скончалась от полученных ранений, или мы лишь нанесли ей временный ущерб? Любой другой бы сразу коньки отбросил от такого переизбытка тяжёлых металлов в своём теле. Утопить её не получилось. Заморить голодом в саркофаге тоже. Может, нам всё-таки повезло?

Вода с дезраствором стекала по волосам, по лицу, по телу и утекала в сливное отверстие на пластиковом полу. Белая пена исчезает в стоке, а перед глазами стояли Дима, Санёк, Данила, студент... И та, что восстала из мертвецов, или вообще не умирала, если судить по царапинам на саркофаге и внутри него. Так, которая за каким-то чёртом пыталась попасть в мой родной мир, при этом заставив меня съесть свои красные ягоды.

А ведь она красива, подумал я. Как ни крути, но она реально красива. Башкой, конечно, тронулась от того приёма, что ей устроил местный люд, но при этом красоты своей не растеряла. И это спустя столько-то лет!

Всё-таки любопытно было бы узнать, какими были жители долины при жизни, на каком языке общались, как вели себя в обычной жизни. Проблема в том, что абсолютное большинство из них погибло в первые секунды катастрофы, а оставшаяся часть превратилась манекенов, которые, конечно, что-то там шепчут, но, кажется, они тоже не в своём уме, как и жертва саркофага, так что добиться от них вменяемого ответа на вопросы, скорее всего, будет невыполнимой задачей.

А может, стоит продолжить гонять контрабандистов по горам? Ловить караваны с оружием и наркотиками, и больше не соглашаться на подобные предложения, буде они поступят? Не вспоминать и не заикаться. И надеяться, что тебе позволят и дальше выполнять свои служебные обязанности и вести обычную жизнь.

Улыбка сама собой расплзлась по лицу. Слава был прав. На самом деле, я уже принял решение. И если подумать, то сделал это почти сразу, как принял новую для себя реальность окружающего мира. Да, произошло это не сразу. Да, какое-то время считал, что меня таким замысловатым образом разводят. Хотя, казалось бы, зачем и кому это могло понадобиться.

— Не, я теперь без АСВК или аналогичной пушки вообще никуда не сунусь! — натираясь мылом и фыркая, говорил Слава. — Не-не, даже не уговаривайте! Только крупный калибр! Без него делать вообще нечего! Всё, хватит!

— А ты представил, как будешь таскать БК для неё? Или за тебя кто-то другой будет это делать? — задал резонный вопрос тот, кому громилы камнем перебили руку. Его, как и других, сначала тоже отправили на дезинфекцию, даже слушать ничего не стали, поэтому он кое-как намывал себя одной рукой, а вторая так и болталась, от боли спасал только укол обезболивающего.

— Ничего, Андрюха! Своя ноша не тянет! — Слава тщательно намылил голову остро пахнущим шампунем, закрыв глаза и сплёвывая воду. — Нужен хотя бы какой-то минимум. Сколько там в магазине — 5 патронов — четырёх магазинов хватит! Ну, можно ещё россыпью взять.

— А саму бандуру ты потащишь?

— Ты ещё противотанковое прихвати! — пошутил Анатолий.

— А что! — взвился Слава. — Может, и прихвачу! И вообще, пора бы уже подумать, чтобы в проблемных местах, на той стороне нас ожидал транспорт! Джип какой-нибудь, или квадроциклы, на худой конец! Да хоть что-нибудь! И схрон бы не помешал с боеприпасами.

Толик лишь отмахнулся.

— Чую, — возразил он, — мы не скоро ещё куда-нибудь отправимся.

Полковник мылся, молча сидя на раскладном стульчике, так как протез у него изъяли, и тоже отправили на обработку. Рядом к стенке был прислонён алюминиевый костыль. Выглядел полковник крайне уставшим и осунувшимся. Словно постарел сразу на несколько лет. Видно было, что он думал. Думал много и напряжённо.

Я почему-то ожидал, что строгий голос из динамика сейчас нас окрикает: "Разговорчики!", но нет, ничего такого не было. Нас даже не заставляли ускориться, давая возможность намыться так тщательно, насколько это вообще было возможно. Очиститься от пыли чужих миров.

Если бы ещё дезинфицирующий душ не вызывал это гадское чувство дежавю, которое то и дело напоминало о себе. Словно это уже со мной когда-то было, словно уже стоял я вот также под струями горячей воды и смывал с себя заразу. Реально гадское чувство, никому не пожелаю. Так и свихнуться можно. Впрочем, сейчас оно уже не такое яркое, как было поначалу, особенно в Долине.

«Странники не врут!» — такими были твои последние слова, Даня.

Ну, может быть, и не врут. А я всё-таки постараюсь их обмануть. Попробую выкрутиться. Вдруг именно у меня получится? В крайнем случае, сделаю всё, чтобы прожить остаток жизни так, чтобы не было стыдно. Чтобы было, что оставить после себя.

После помывки рядом с нами вновь повели дозиметрами, и вроде, остались довольны, и провели через отсек, где сверху и со стен светили ультрафиолетовые лампы.

И вот тут одного из бойцов, того что стал чесаться ещё после ночёвки среди мегалитов, ждал неприятный сюрприз: в лучах ультрафиолета засветилась целая гроздь мелких точек на его спине под левой лопаткой и руке. И, кажется, она еле заметно шевелилась.

Его сразу изолировали и увели в неизвестном направлении, а меня передёрнуло так, что чуть не вырвало.

Толик в задумчивости потёр подбородок и сказал, что такое уже бывало, и у них есть разработанные методы лечения, но карантин теперь может продлиться на неделю дольше. То есть сидеть взаперти предстояло три недели вместо двух.

В раздевалке, где нас ждал чистые комплекты одежды — нижнее бельё и комбинезоны — я ещё долго сидел, накрыв голову полотенцем и чуть не уснул. И только когда уже почти высох естественным образом, стал обтираться и надевать чистую одежду.

Нас было десять. Вернулись семеро. Интересно, такой процент потерь в руководстве считают приемлемым? Что-то мне подсказывает, что без них почти никогда не обходится.

С другой стороны, всё изначально пошло не по плану. Лёгкая прогулка, которой должна была стать слежка и сопровождение странников, не предполагала каких-то чрезмерных мер по её подготовке. Тем более что к тому моменту, как я на это дело подписался, это была не первая такая миссия.

И крот... надо что-то делать с кротом. Иначе как ещё американцы, или кто бы там ни был, вышли на нас и провернули то, что провернули? По факту нас заставили уйти в Долину мёртвых, чтобы попытаться вынести оттуда ягоды.

В очередном отсеке нас заставили помочиться в специальные баночки, и хочешь ты или нет, никого не волновало. Для преодоления трудностей в этом вопросе на столе стояли бутылки с питьевой водой. Ну, или можно было воспользоваться услугами человека в спецкостюме с катетером в руках. Не, лучше выпить воды и подождать.

Заглядывали в уши, в нос, светили в каждый глаз и по итогу выкачали по несколько пробирок крови у каждого. Я даже забеспокоился, когда к игле, торчащей из моей вены,

подсоединили пятую по счёту вакуумную пробирку.

— Может, уже хватит? — вырвалось у меня. По-моему, вопрос прозвучал довольно резко.

За широким стеклом маски лицо медика не просматривалось, и из-за балахонистого костюма было непонятно, кто перед тобой: мужчина или женщина.

— Уже почти всё, — раздался звонки и приятный женский голос. — Вам не больно?

Я прислушался к своим ощущениям и понял, что мне реально не больно. Ну, могло быть больнее, как по мне. А у неё золотые руки, стоит признать.

— Как вас зовут? — решился спросить я.

Она отстегнула пробирку с кровью и посмотрела на неё и наклеила штрих-код, дополнительно сделав отметку в свободном поле.

— Анна, — непринуждённо ответила она, — можно Аня.

— Аня, — взмолился я, — когда уже всё это закончится. Вы просто не представляете, как я устал и хочу спать. Вы простите, что сорвался на вас, просто уже сил никаких нет.

— Да собственно всё, — легко ответила она, — сейчас вас отправят в общий бокс под наблюдение, там же вас накормят.

— Спасибо, Аня! — искренне, но несколько артистично ответил я. — Общение с вами — единственное светлое событие за последние несколько дней, учитывая все обстоятельства.

Она словно замерла, словно глядя на меня, но из-за маски выражения её лица я не видел. Ловким движением вытащила иглу из моей вены, протёрла ваткой, смоченной в спирте, и наложила на прокол пластырь.

— Вот теперь точно всё! — торжественно заверила она меня. — Можете проследовать за своими товарищами. Вас накормят и дадут отоспаться столько, сколько влезет.

Признаюсь, мне было приятно, что кровь брала у меня именно она, вообще было хорошо услышать женский голос, тем более, такой приятный на слух. Интересно, она симпатичная?

А потом, я вдруг подумал, что среди тех, кто поливал нас из шлангов, тоже могла быть она и, кажется, покраснел. Казалось бы, не первый раз голым перед девчонкой оказывался, а тут прямо как-то аж смутился. Надеюсь, она не заметила моей реакции.

— Забавное у вас родимо пятно, — услышал я вслед.

Твою же дивизию!

Я быстро ретировался в сторону следующей платки, которую с этой соединял переход в виде целлофановой кишки, натянутой на пластиковые кольца.

И был обед. Или, скорее, ужин. Хороший ужин, комплексный. Тут тебе и салаты на выбор, и первое в виде супа-пюре из спаржи, а кто хочет, тому гороховый или борщ со сметаной. На второе: пюре, отварной рис или греча — это на гарнир. На горячее: котлеты Пожарские, форель и тушёная курица.

Ну и десерт, куда же без него.

Я съел и того, и другого, и третьего. В общем, много. В конце концов, нас никто не ограничивал. К тому же я посчитал, что хороший аппетит — признак здоровья, так зачем скромничать.

Как доплёлся до кровати в другой палатке, уже и не помню и рухнул, как убитый. Подушка с размаху приняла моё лицо, и я тут же забылся настоящим мертвецким сном, а не тем его суррогатом, которым я мучился в Степи.

На этот раз обошлось без сновидений. Вообще без всяких. Абсолютный ноль!

А на следующее утро всё повторилось по новой: осмотр, забор анализов, опрос о самочувствии.

И допрос. Допрос без особого нажима, но тщательный и с указанием всех мелочей, какие ты только мог вспомнить. Допрос проводил человек в форме, но без знаков отличия, который сидел за стеклом, разделяющим две половины очередной палатки, соединённой с нашей пластиковой кишкой.

Несмотря на отсутствие погонов или предъявленного удостоверения, сомневаться в его профессионализме не приходилось. Вопросы были по делу, чёткие, взаимосвязанные. Иногда он пытался поймать меня на противоречиях, задавал неожиданные вопросы, прямо не относящиеся к делу.

Я отвечал так, как чувствовал и что знал, кроме одного. Рассказывать о том, что показали мне странники, я не собирался ни при каких условиях, и даже проверка на полиграфе, которой нас тоже подвергли, ничего не показала. Подозреваю, однако, что это из-за того, что прямой вопрос об этом мне так никто и не задал.

После обеда, Афанасия забрали, переместив в отдельный бокс, так как он почувствовал внезапное резкое недомогание и стал мучиться животом. Кстати, он, как и я, тоже в первый раз попробовали так называемую дыню. Я прислушался к своим ощущениям, но ничего подозрительного не почувствовал. Может, они выпили меньше алкоголя для нейтрализации? А может, подцепили ещё что, не обработав руки перед едой, или вдохнув что-нибудь. Тут остаётся только гадать.

До кучи стал чесаться Толик, покрывшись сыпью, и ближе к ужину его тоже от нас отселили. Хотелось бы понять, где он подцепил эту гадость. И что-то мне подсказывает, что именно в Степи.

И так нас осталось четверо в одной палатке, которая одновременно была нашей палатой: Денис Евгеньевич, Слава, Андрей, тот которому громилы сломали руку выпущенным из пращи камнем, и я.

Полковнику вернули его протез (или другой, не понятно) и он мог спокойно расхаживать по палатке туда-сюда, как ни в чём не бывало, периодически размахивая гантелями, и отжимаясь. Иногда он садился и начинал рисовать по памяти то, с чем мы столкнулись в ходе нашего путешествия. И стоит признать, он довольно точно изобразил манекенов и Царицу, которая получилась у него почти один в один такой, как я её запомнил. Ещё полковник набросал немного изображений её статуй, которые встречались нам по пути и ту церковь с дольменом-алтарём внутри.

Рисунки у него, к слову, позже изъяли, но выдали новый альбом и набор карандашей с ластиком. Кто бы мог подумать, что такой суровый мужик, как Смирнов, окажется человеком, имеющим такие таланты. Да, он ещё в Городе делал зарисовки, но сейчас получив почти неограниченное время и возможности, его рисунки получались особенно выразительными.

Андрюха напротив уже успел разрисовать изначально идеально белый гипс оставшейся после написания рапорта ручкой. Благо руку ему перебили левую, а он был правой. Да-да, помимо того, что нас изводили допросами, пришлось ещё и на бумаге всё изложить. И чувствую, что не последний раз. Собственно, как и предупреждал полковник.

И снова процедуры, и снова анализы, к которым добавился рентген и снятие энцефалограммы, просветкой ультразвуком и т. д. и т. п. Я по-настоящему опасался того, что меня заставят глотать какой-нибудь шланг с лампочкой, но вроде обошлось. В общем, первая

неделя была самой [хр@новой](#), даже телевизор не спасал, тем более, он имел довольно скромный набор телеканалов, и щёлкать кнопками по пульту очень быстро наскучило, и зомбоящик бухтел больше для фона.

Когда я уже почти потерял счёт времени, к нам в палатку, наконец, зашёл человек, на этот раз просто в белом одноразовом балахоне поверх бирюзовой формы медика, с висящим на шее стетоскопом, но уже без защитной маски и респиратора, что могло говорить только об одном: по крайней мере, с нами всё в порядке.

Медиком оказалась молодая девушка, со светло-русыми волосами, забранными на затылке и ярко-серыми глазами, и когда она заговорила, я понял, что это та самая, что брала у меня кровь в самом начале, и та, которая окатывала меня из брандспойта.

— Как самочувствие? — поинтересовалась она, садясь на край свободной кровати. — Денис Евгеньевич?

— Особых проблем не замечено, — ответил полковник, до этого отработывавший удары с гантелями в руках. Он опустил их на пол и тоже сел на кровать.

— Как нога? — спросила Аня.

— Пока не отросла, — как мне показалось, гораздо серьёзнее, чем следовало, ответил он. — Фантомные боли беспокоить перестали, — пожал плечами полковник. — Ты лучше расскажи, как там мои парни? Живые?

Аня подложила подушку и откинулась на спинку кровати. Выглядела она спокойной, но было заметно, что она внимательно наблюдает за каждым из нас, словно считывая наше текущее состояние.

— С ними всё хорошо, насколько это вообще может быть в их случае, — улыбнулась она, и от её улыбки повеяло спокойствием и уверенностью. — Лечение проходит успешно и ребята идут на поправку. Намучались с личинками, пока их вытаскивали, но сейчас всё в норме.

— С какими личинками? — не понял я. У меня всё внутри перевернулось, когда вспомнил, как мне заворот насыпалось трухи со старого бревна, под которым я пролезал. Не любил я всяких там личинок и червей.

— Тех, что под ультрафиолетом засветились. И где он успел их подхватить, ума не приложу! — как мне показалось, излишне весело ответила она. — Видимо где-то в Степи. Слава?

— Да вроде всё в норме, — ответил снайпер. — Ничего не болит.

— Я говорила вам не употреблять в пищу ничего, из того, что растёт по ту сторону? — при сохранении внешней дружелюбности её голос приобрёл нотки учителя, который что-то втолковывает туповатому ученику.

— Говорила... говорили, — запнулся Слава и даже потупился. — Ну, так это, я...

— Что это? — прежним тоном перебила его Анна. — Как дети малые, честное слово! У вас, что закончился провиант?

— Было ещё немного... — бубнил Слава.

— Денис Евгеньевич, не ожидала от вас такого, — сменила она собеседника. — При наличии еды, прибегать к местным источникам пищи — крайне неосмотрительно. И теперь двое ваших подчинённых лежат под капельницей с обезвоживанием, вызванным сильнейшей диареей. Учитывая заражение личинками, одному из них не повезло особенно.

— Да мы все ели, — осмелился я подать голос, и тут же в ответ был награждён жёстким взглядом тёмно-серых глаз, из-за чего последующая фраза получилась какой-то

скомканной. — Ну, ели... мы же предохранялись, спиртом там.

— Предохраняться, Алексей, вы будете в другом месте и при других обстоятельствах, — ответила, не то в шутку, не то всерьёз. — А употреблять в пищу животные и растительные продукты неземного происхождения согласно регламенту можно только в самом крайнем случае, который в вашей ситуации отсутствовал. Вам повезло, что вы успели дойти до точки перехода.

Последние предложения она произнесла назидательным протокольным тоном, при этом смотрела в сторону полковника, который, сохраняя прямую осанку, всё-таки отвёл глаза под её взглядом. Ничего себе! Полковник и так реагирует на какого-то врача!

— А вы, кстати, как сами? — обратилась она ко мне с прежним добродушием. — Как самочувствие? Ничего не беспокоит? Как спите?

— Самочувствие нормальное, ничего не беспокоит... — чуть не вырвалось «кроме твоих глаз», но я сдержался, — Сплю хорошо, без снов.

— Понятно, — она села, подтянула и обхватила руками колено, добавив, — сны сняться всегда, Алексей, просто мы не всегда их помним.

Потом она спросила, как рука Андрея, дополнительно осмотрела его кожу на предмет сыпи, переключив фонарик в ультрафиолетовый режим, и прощупав пульс. Она стояла хмурилась, но скорее для проформы, так как, судя по всему, ничего подозрительного не обнаружила. К тому же, когда она сводила бровки, получалось это настолько мило, что без улыбки невозможно было смотреть.

— Я рекомендовала продлить карантин ещё на пять дней, чтобы уже точно убедиться, что вас можно выпускать в окружающий мир, — наконец, произнесла она.

— Зачем, если всё нормально? — неосторожно возмутился Слава, за что получил очередную порцию насмешливо-холодного взгляда.

— Затем, что не уверена, что по выходу вы не потащите в рот мухоморы, ведь они такие красивые! — был сдержанный, но язвительный ответ.

Кажется, Слава даже покраснел, в то время как полковник продолжал сидеть молча, не проронив ни единого слова, после того, как ответил на её вопросы в самом начале.

Собираясь уходить, она всё-таки остановилась рядом со мной, словно что-то вспомнила, и взяла мою голову в свои руки, запрокинув её и глядя мне в глаза. Достала фонарик и ещё посветила, приказав мне не моргать.

По-моему, я был готов ослепнуть, лишь бы она не убирала своих тёплых рук от моего лица. Я сидел, поворачивая голову из стороны в сторону по её команде, высовывая на максимум язык, и параллельно ощущал тонкий запах её духов, от которого сердце начинало учащённо колотиться. Или это просто от того, что она стояла так близко? Не знаю.

Завершив мой внезапный осмотр, она попрощалась «До завтра!» и покинула нашу палатку, скрывшись за её откидным пологом.

Значит, завтра она придёт снова ... хм... понятно. Приятное ощущение тепла разлилось по всему телу.

Я опустил на кровать, заложив руки под голову и скрестив ноги.

— Кажется, я влюбился, — легко и естественно вырвалось у меня.

— Так! — сразу взбодрился Слава. — Вставай в очередь, переключка влюблённых каждую неделю в восемь утра!

А полковник лишь покачал головой, раскрывая альбом и принимаясь за очередной рисунок, и, когда спустя минут пятнадцать я встал, чтобы набрать воды из кулера, заметил

на альбомном листе портрет Ани, исполненный вполборота.

Глава 32. Звонок

— Ты с ней осторожней, — посоветовал мне тогда Смирнов, как будто что-то знал, но особо распространяться не хотел.

Вот честно, никогда не воспринимал советы со стороны относительно того, с кем и как мне следует встречаться. А потому и его совет я тогда пропустил мимо ушей.

Знаешь что-то — так и скажи, мол, стерва или замужем, или то и другое вместе, а не знаешь, так молчи. Тем более, что на стерву Аня не тянула от слова совсем. Каждый день, когда она приходила с осмотром, даже когда приходила не одна, а в компании других докторов и ассистентов, был как праздник — мужики оживали, начинали шутить, флиртовать с ней, и вообще общий градус хорошего настроения по палате значительно возрастал. Даже полковник, и тот, сам видел, бросал на Анну отнюдь не отеческие взгляды, чем вызывал у меня тихий приступ ревности.

Да и как бы ничего и не было у нас. Как я не старался показать, что хотел бы познакомиться поближе, какие бы знаки внимания не демонстрировал, всё было без толку. Нет, я не то чтобы был для неё пустым местом, вот только она общалась равно хорошо со всеми пациентами, а когда кого-то и выделяла, то только в шутку. При этом со мной она почти не шутила, ну, или мне так показалось.

Аня до невозможности мило улыбалась, даже вроде как флиртowała, но потом сосредоточенно делала записи в своём блокноте и просто уходила. Почти всегда весёлая, а когда строгая, то исключительно по делу, и нижнее полушарие под уколы ты подставлял беспрекословно и даже с радостью.

И так было все оставшиеся дни карантина, который мы провели за просмотром телевизора, чтоб его, и чтением книг, которые нам принесли ещё неделю назад по нашей просьбе и составленному списку. Нашлись далеко не все, видать, здешняя библиотека была не такой уж и богатой, ну, хоть что-то.

А потом я её видел лишь издали, когда за нами прилетел вертолёт, и мы впятером (двоих ещё оставили на долечивание) шли мимо на посадку.

Она стояла в компании пары военных у одного из вагончиков, выкрашенного в защитный цвет, и на ней вместо врачебной униформы, в которой я так привык её видеть, была вполне себе военная, начавший тогда входить в обиход камуфляж "цифра". Вот только звания её я не разглядел.

Она заметила нас и даже, оторвавшись от обсуждения какого-то вопроса, помахала нам рукой. И я ей помахал в ответ, но она уже отвернулась и, по-моему, даже не заметила моего ответного жеста. Даже обидно стало. Хотя не столько обидно, сколько грустно. Не хотел я с ней расставаться на такой ноте. И вообще завершать эту миссию вот так, на недосказанности.

К тому же стрельнуть телефончик у неё так и не получилось. Каждый раз, когда я заводил разговор на эту тему, она ловко переводила всё в шутку, и мне, вроде как, даже было смешно, а когда я приходил в себя, понимал, что опять остался ни с чем.

Оказалось, что в карантине мы были не столько из-за своего пребывания в Долине Мёртвых, и опасений занести некий патоген, сколько вообще из-за того, что шлялись, где ни попадя, нарушив регламент и первоначальный план операции. И хотя последний мир, из которого мы вернулись, имел пониженный уровень патогенной опасности, трое из нашей

группы всё равно схватили какую-то заразу. Ну, не скончались и то хорошо, видимо, поэтому Степь и не считалась такой уж и опасной. Подумаешь безостановочная диарея, хорошо, что не бубонная чума!

Всё-таки странно бывает: у одних сыпь, рвота, понос и температура под сорок, а у других вообще ничего, несмотря на то, что мы со Славой шатались по лесу, нюхали непонятные цветки — ну ладно, я нюхал — и ели эту псевдодыню!

Может, всё дело во врождённом иммунитете? Типа у одних он есть, а у других нет?

С другой стороны, полковник как-то обмолвился, что если мы в целом можем контактировать с флорой и фауной на таком уровне, типа, если нас жрут тамошние комары, а в коже селятся личинки и бактерии вызывают заболевания, то в целом там находиться человеку можно. Главное — привыкнуть. Мы вроде как, получается, совместимы с тем миром. Можем даже есть мясо животных и всякие плоды с орехами. Правда, надо знать, какие из них ядовиты, а какие нет. Цветок папоротника вот оказался самым настоящим галлюциногеном.

Народ рассказал, что поначалу они потеряли так несколько человек и даже тел не нашли. В этом плане у Марии, которую я не знал, хотя бы могила своя была.

И вообще, если из одного мира флора и фауна вместе с микробами перетекает в другой, пусть и в ограниченном количестве и крайне редко, то в чём-то они, эти миры, могут быть привычны друг другу.

На самом деле меня тоже порядком пронесло, что заставило меня понервничать, и я чуть было не позвонил полковнику Смирнову, чтобы меня поскорее забрали спецы в белых халатах, но потом решил, что виной всему не иноземная зараза, а шаурма, которую я купил в московском ларьке. Очень хотелось есть, а она так классно пахла! Да, иногда обычная шаурма из ларька может оказаться гораздо опаснее любого внеземного патогена.

В общем, пролежал я на кафельном полу в гостинице Измайлово несколько часов, обливаясь холодным потом и периодически нависая над унитазом. Но всё быстро закончилось, на следующее утро я почувствовал себя не в пример лучше, и даже аппетит был, который я с удовольствием, но с опаской, утолил на шведском столе.

Что я делал в Москве? Как нам было и обещано, нам дали отпуск. После того, как народ покинул вертушку, мы разбрелись, кто куда, тем более, что на карточке у меня появилась приличная сумма. Настолько приличная, что, в принципе, я мог себе ни в чем не отказывать, в пределах разумного, естественно.

Вот и рванул в столицу нашей Родины. Можно было бы и в другое место какое-нибудь поехать, но я решил отправиться туда, где много народа. Живых, галдящих и вечно спешащих людей.

Думаю, что всё это из-за Мёртвого города в Тихом мире. Мне хотелось увидеть много живых людей, чтобы хоть как-то затереть в памяти городские улицы и дома, заваленные тысячами засохших трупов.

В какой-то момент, когда я без особой цели шатался по московским улицам, зазвонил мобильник. Я поднёс трубку к уху и произнёс.

— Денис Евгеньевич? Тоже в столице? Встретиться? Да, хорошо, через полчаса. Там, да. Знаю, найду.

Нашёл я его в кафе, где он и сказал. Смирнов сидел за столиком в глубине зала на приличном отдалении от других столиков и посетителей, и рассматривал меню:

— Я ещё не успел заказать, — сообщил он, когда я присел за столик, и пододвинул мне

вторую папку с перечнем блюд.

— Да я как бы не сильно голоден, — про то, что меня несло из всех видимых и невидимых отверстий, я тактично умолчал, чтобы не портить человеку аппетит, и чтобы лишний раз не привлекать к себе внимания.

Скажете, я должен был сразу позвонить и сообщить, что траванулся, а там уже пусть специалисты комитеты разбираются, что это со мной такое происходит? Ну, в чём-то даже соглашусь с вами, только ещё раз на карантин мне не хотелось, вот уж извините. К тому же я был уверен, что это обычное пищевое, пускай и сильное, отравление.

— Может, тогда по пиву? — предложил полковник.

— Тогда уж по два, и какой-нибудь закуски, — ответил я.

Смирнов подозвал официанта и сделал заказ, я же откинулся в кресле в ожидании пенного и горячих гренок. Спросил с некоторым вызовом:

— Проверяете, как там новичок и не сорвало ли ему кукуху после открывшейся правды бытия, так?

— Скрывать не буду, ты недалёк от истины, — ответил полковник, постукивая указательным пальцем по столу. — Ты думаешь, люди, которых мы привлекали к решению задач, всегда вели себя адекватно? Даже те, в которых, ты, казалось бы, был уверен на все сто, в решающий момент, или чуть погодя начинали, скажем так, чудить.

Стоит отметить, что выглядел полковник гораздо лучше, чем тогда, когда я видел его последний раз. Тогда он в какой-то момент вообще мне показался глубоким стариком, уставшим от долгой и насыщенной жизни. Сейчас же он был почти таким, каким я его увидел в первый раз в кабинете начальника заставы.

— Согласитесь, есть от чего, — как мне показалось, резонно заметил я.

— Ты прав, — согласился Смирнов. — Совершенно прав. Алёша. Так что тебя привело в Москву? Народ вон отдыхать на моря поехал, кто-то в деревню на рыбалку, на охоту, а ты в самую гущу жизни!

Подошедший официант выставил на стол четыре высоких запотевших бокала и две порции гренок с сыром и соусом, полковник ему кивнул, и тот удалился.

— Хорошо, — собрался я, — я поехал в Москву, потому что никогда здесь не был. Хотел посмотреть. На город, на людей.

— На живых, значит? Понимаю, — он отхлебнул напитка, — сам под впечатлением. Нет, серьёзно! Ну и как ты себя ощущаешь? Как самочувствие?

Я вертел в руке ржаной гренок, окунутый в сыр, а затем и в соус.

— Да вроде нормально, — подумав, ответил я. Может, не стоило так дерзко начинать беседу, хоть бы сейчас мы были и не при исполнении. — И да, вы правы, я хотел увидеть живых, много живых людей.

— И решил поселиться в Измайлово? Лучше гостиницу не нашёл? — полковник был вполне дружелюбен.

— А что не так? — пожал я плечами и тоже сделал глубокий глоток. — Четыре звезды! Жрачка включена в счёт, что ещё надо старому солдату, чтобы встретить старость?! — на этой цитате Смирнов даже улыбнулся. — Метро близко — сел и поехал! И никак не выделяюсь из толпы, разве нет? Никто не спрашивает, зачем я сюда приехал. Может, по командировке, может, по прихоти. Всем в такой толпе по барабану.

Он подумал, махнул рукой.

— В чём-то ты прав, — Смирнов ещё раз внимательно оценивающе осмотрел меня, и в

этот момент я решил, что зверь снова с ним, где-то рядом, и подсказывает ему правильные ответы. — Нормальная гостиница для приезжих.

Но нет, зверя рядом не было. И не потому, что полковник ответил как-то не так. Я просто его не чувствовал. Видимо, он всё-таки погиб в Городе. Какой-то своей странной звериной смертью.

— Иными словами кошмары по ночам не беспокоят, аппетит, будем считать, нормальный. Желания сделать что-то такое, чтобы удивить окружающих, тоже нет.

Ну что тут ещё можно сказать. Полковник видел меня насквозь и без всякого Зверя.

— Да всё хорошо, Денис Евгеньевич, — сдался я. — Просто гуляю, гляжу, чем живёт столица, думаю, что народу на заставу прихватить в качестве презента. И даже отмазывать меня от административки не надо, так как драться совершенно не хочется. Так же как и напиваться до беспамятства.

— Это хорошо, — посмотрел он на меня. — Я хочу, чтобы ты понимал, что служба это не утопия, где все поделено на ложь и правду. Да ты и так это знаешь.

— Мда, — вздохнул я, — «остаться нельзя вернуться», запятую поставь сам...

Пиво определённо подействовало, и я решился спросить:

— Денис Евгеньевич, что вам тогда сказал Дмитрий? Перед тем, как на нас напали манекены.

— Поделился предположениями, какая участь могла постигнуть Тихий мир.

— Не расскажете?

Полковник подумал пару секунд над просьбой старшего сержанта, мол, а стоит ли вообще с ним на эту тему общаться, особенно если больше не будешь иметь с ним дел. Ведь, всякое может случиться.

— От чего же, — всё-таки произнёс он, — можно и рассказать, тем более, что отчасти эту догадку ему подкинул ты.

— Дима говорил что-то про деконтаминацию, — напомнил я, теперь я мог это слово спокойно выговаривать.

— Да, это была основная гипотеза Котова, — произнёс полковник. — Он объяснил тебе, что это такое?

— Что-то похожее на медицинскую стерилизацию.

— Именно. Ты тогда правильно заметил, что тела высохли, не подвергшись разложению. Территория города, и вообще долины подверглась воздействию, которое буквально сделало её стерильной. Там всё, если так можно сказать, продезинфицировали. Поэтому Дима и сказал, что в противогазах не было смысла. Единственные микробы, которые там были, это те, что мы принесли с собой. И походу там этот процесс продолжается по настоящее время. Помнишь пепел, падающий с неба?

— Помню.

— Так вот Дима предположил, что эта стерилизация там и не прекращалась. Может не так интенсивно, как изначально, но какой-то процесс идёт. И остаточная радиация связана именно с ней.

Я задумался. Посмотрел на то, как холодные капли стекают по стене бокала.

— Но это значит, что какой-то патоген всё-таки был, я прав? — спросил я.

— Да. Что-то подобное было. Что-то, что вынудило применить кого-то такой способ зачистки территории.

Я посмотрел в глаза Смирнову.

— И кто это мог сделать?

Полковник довольно улыбнулся.

— Штука в том, что мы не знаем, как выглядит мир за пределами долины. Вроде тучи простираются и за её пределами, но кто его знает.

Действительно, подумал я, получается, мы видели лишь маленький кусочек этого странного мира, а что твориться за его пределами, не имеем представления.

— Знаете, что меня ещё мучает?

Полковник ждал продолжения.

— То, что Она выбрала меня! — продолжал Алексей. — Если она хотела попасть на Землю, то почему бы ей было не обработать Афоню? Он же проводник! Ему точку перехода распознать, что два пальца об асфальт!

Было видно, что Смирнов серьёзно задумался над моими словами. Поднял бокал, отпил маленький глоток.

— Ты задаёшь правильные вопросы. Но у меня что-то не сходится. Как вариант, — он пожал плечами, — может быть, именно потому, что он проводник?

— А студент тогда как?

— А Егор был просто счастливым, который набрёл на точку. Это самый простой ответ. Иногда такое случается и необязательно обладать какими-то умениями. Но могут быть и другие причины, почему она обратила на тебя внимание, просто мы пока их не видим, хотя они и могут лежать на поверхности.

Я разочарованно вздохнул.

— Иными словами, мы ничего нового не узнали.

— Ну почему? — возразил Смирнов. — Если бы не пошли через Долину, мы бы не встретились с манекенами и до сих пор бы считали этот мир абсолютно безжизненным. Так что всё не зря. И потом мы поняли, что красные ягоды имеют к этому непосредственное отношение.

— Понять бы какое.

— Да, было бы неплохо, — полковник задумчиво посмотрел вглубь зала, через большое витринное окно. — Руководство пока не склонно организовывать полноценную экспедицию.

— Даже учитывая, что сейчас там никакого патогена?

— Но ягоды-то никуда не делись, — заметил Смирнов. — Не исключено, что они и есть тот самый патоген, или играют роль катализатора каких-то процессов.

— И Царица.

— Да, — кивнул полковник. — Я даже думаю, что руководство больше напрягается именно из-за неё, чем на предмет ягод или возможного патогена. Если она выжила, то стоит думать, что добрее она не стала.

— Вы думаете, после такого можно выжить? Кажется, пули разорвали её на куски.

Полковник тихо засмеялся.

— Ты не представляешь, насколько даже обычный человек может оказаться живучим. А что касается Её, — он сделал паузу, — учитывая, что она провела сотни или тысячи лет в каменном ящике, я ничему не удивлюсь. Может, тело у неё и крепкое, а вот психика за это время совсем расшаталась.

— И кто-то же её выпустил, — добавил я и поставил на стол пустой бокал.

— Это точно, — согласился Смирнов. — Судя по всему, выбраться самостоятельно она не могла. Значит, кто-то ей помог. И это ещё один вопрос, как и то, чьи останки мы нашли

на железной дороге недалеко от тоннеля.

— А как насчёт барельефов со всеми этими казнями и извращениями? Я знаю, что Дима по ним тоже имел мнение.

— Да, имел. Он связывал деконтаминацию с изображениями на стенах гробницы. И вот тут возможно сыграл роль тот самый патоген. Или другой. Или ещё что-то, он не успел обдумать свою идею.

Полковник поднял бокал, предлагая помянуть специалиста по оружию массового поражения. Они молча сделали по очередному глотку.

Слишком много вопросов. И когда ты вроде как находишь ответ на один, он порождает ещё с десятков вопросов. Я невольно засмеялся. И, по-моему, мой смех заставил полковника усомниться в моей адекватности.

— Что случилось? — тем не менее, непринуждённо спросил он.

— Да так, подумалось...

— Что именно? — не отставал Смирнов.

Я даже подался вперёд.

— А что если в истории человечества уже происходила подобная деконтаминация?

Полковник смотрел вопросительно.

— Я, конечно, не специалист и в школе учился ни шатко, ни валко, — на этих моих словах полковник сделал такое выражение лица, мол, с кем не бывает, — но помню, что однажды Бог уже стирал человечество с лица Земли. Я говорю о Всемирном потопе.

Сейчас я не мог понять, заинтересовался ли полковник моим предположением, или тайно набирает под столом номер телефона своих специалистов, которые должны будут меня без лишнего привлечения общественного внимания прихватить под белы ручки и увезти в тайный бункер, или сдать прикормленным психиатрам, которые сделают из меня овощ, обколов галоперидолом.

Или ничего нового я для него не озвучил?

— Бабка, должно быть, поведала эту историю? — вдруг спросил он.

— Да почему бабка? Это же общеизвестная история, — смутился я. — Потоп и потоп. Ковчег. Гора Арарат. Коньяк такой есть.

Полковник улыбнулся.

— Тогда я тебе вот что скажу, — заговорщицким тоном произнёс он, — в целом, ты делаешь правильные предположения, но как по мне, ситуация в Долине, равно как и изображения на церковной мозаике, мне больше напоминает то, что произошло с Содомом и Гоморрой. В курсе, что это такое?

— Эмм... оттуда пошло слово «содомия»?

— Оттуда-оттуда, — засмеялся полковник. — В общем, если коротко, то после Потопа была история с этими городами, которые погрязли в грехе и всё такое, и Всевышний решил их уничтожить, обрушив на них огненный дождь. И это только, что касается иудейско-христианской мифологии.

Повисло молчание, и только было слышно, как стучали вилками и бокалами немногочисленные посетители, да на большой плазме шла трансляция какого-то футбольного матча, не то в записи, не то в прямом эфире.

Я понимал, что сейчас вроде как возражаю сам себе, но всё равно, глядя на второй ополовиненный бокал, в котором плескалось пиво, сказал:

— Типа, Потоп был в реальности?

— Для древнего человека, для которого мир был довольно ограничен в пространстве, любое стихийное бедствие могло показаться всемирным потопом, — резонно заметил полковник.

И вроде, не поспоришь с ним. Ну, вот набежало цунами на Таиланд, погибли сотни тысяч людей, мы об этом узнали из телевизора и интернета. А если бы их не было, этих СМИ? У нас-то всё спокойно, знать не знали бы, а для тайцев чуть ли не конец света наступил, особенно для тех, кто в прибрежной полосе жил.

— Ладно, Лёша, у меня тут ещё пара встреч будет.

Я понял, что таким незамысловатым образом полковник сообщает мне, что наша встреча окончена, я прошёл собеседование и могу идти по своим делам. Я полез за кошельком, но Смирнов меня остановил.

— Я заплачу, — заверил он меня, поднимаясь и протягивая руку. — Да, Лёша, мы там тебе направление сварганили. Пойдёшь учиться, без вступительных экзаменов, получишь офицерское звание. Твоя задача — не халявить. Хорошо?

Как будто у меня был выбор!

— Хорошо, — ответил я и, пожав полковнику руку, вышел кафе.

В номере на столе стоял завтрак из нескольких тостов и яичницы из нескольких яиц с несколькими полупрозрачными ломтиками бекона. Что-то мне было лениво куда-то сегодня идти, и я заказал еду прямо в номер, впервые в жизни если что.

Рядом бухтел ноутбук с подключёнными простенькими колонками, но с ними звук всё-таки был гораздо лучше, чем из собственных динамиков ноута.

В браузере был открыт сайт ютуба, и на экране шла обычная передача из тех, когда ведущий и приглашённый гость сидят за столом и ведут беседы на темы, которые могут вызвать интерес у зрителя. Хотя нет, не совсем обычная, в том плане, что я долго искал что-то подобное, чтобы, с одной стороны, было не слишком нудно, а с другой, не сваливалось в истории, полные конспирологических теорий.

Я отпил кофе, и щёлкнул по пробелу, запустив запись:

— То есть вы считаете, что нам, можно утверждать, повезло с Иисусом, как с основателем одной из главных мировых религий?

— Безусловно! Это же очевидно!

— Не могли бы вы пояснить свой тезис? Правильно ли я понимаю, что если бы он не был готов... ммм... скажем так, к последствиям, нас могла бы ожидать другая реальность?

— Конечно! Собственно, вы в определённой мере уже сами ответили на ваш вопрос. Действительно, если бы Иисус из Назарета не был готов к испытаниям, которые выпали на его долю, то с большой долей вероятности можно утверждать, что мы бы жили сейчас совсем в другом мире!

— Мы все понимаем, что история не знает сослагательного склонения, но тем не менее, это не мешает нам заниматься мысленными экспериментами и конструировать модель того, что могло бы быть.

— Вы правы, и замечу, что если мы можем заниматься планированием событий будущего, оценивая последствия от того или иного принятого решения, то почему бы нам не делать то же самое в отношении прошлого. Разница лишь в том, что прошлое мы уже не можем изменить, а будущее...

— А будущее?

— А будущее мы ещё не можем изменить.

— Складывается ощущение, что мы вообще не можем ни на что повлиять!

— Это не совсем верный вывод, но мы же говорили об Иисусе, так?

— Так, просто я хочу, чтобы наши зрители больше поняли контекст рассматриваемого сегодня нами вопроса.

— О том, что каждое наше решение влечёт последствия.

— Да, именно.

— Так вот, всё христианство, как всем известно, но многими не воспринимается всерьёз, над этим просто не задумываются, построено на том, что Иисус достоверно знал, на что идёт.

— Напомню зрителям, которые, может быть, не читали Библию и, в частности, Новый Завет, Христос знал, что его предадут и что его выдадут властям именно в тот самый день и в том самом месте.

— Да, именно так. И если бы он хотел, то по большому счёту, он мог бы легко избежать ареста, суда и дальнейшей казни.

— Но он этого не сделал. Он осознанно пошёл на то, что потом последовало, я имею в виду, после поцелуя Иуды.

— Да, его допрашивали, пытали, заставили нести свой же крест, на котором, в итоге его и распяли, что стало возможным, не в последнюю очередь, благодаря малодушной позиции прокуратора Пилата. Но суть ситуации заключается в том, что Христос знал всю последовательность событий.

— Он видел будущее?

— В каком-то смысле да, видел. Ведь это Бог, его Отец, сообщил ему эту весть. С другой стороны, можно предположить, что он обладал некими навыками по прогнозированию, которые, может быть, и не осознавал, а воспринимал всё это на интуитивном уровне.

— Как глас Божий?

— Да, в понимании людей того времени это был именно голос Бога, откровение ниспосланное свыше.

— Это если не предположить, что Сын Божий, как он сам себя называл, просто, скажем так, не слышал голоса.

— Вы намекаете, что он был сумасшедшим? (довольно улыбается)

— Ну, если вкратце, то да, почему бы такое не предположить? (несколько смущённо)

— Да нет, от чего же! Возможность того, что пророки были, грубо говоря, поехавшими крышей, имеет вполне себе серьёзное основание. Потому как если рассуждать с современной точки зрения, то, безусловно, многих, если не всех пророков можно было бы отправить на принудительное лечение. Но давайте попробуем рассуждать с точки зрения человека той эпохи.

— Вы правы, извините. Так вот складывается ощущение, будто вы считаете, будто Иисус не только существовал, но был вполне себе обычным человеком?

— Во-первых, почему бы и нет. Извините, я всегда относился к религии, и не только христианской довольно критично. Во-вторых, он оставил слишком большой след в истории человечества, собственно как Будда, Мохаммед или Конфуций, чтобы не допустить тот простой факт, что да, такой человек существовал. При этом стоит отметить, что в отношении Мохаммеда (или Магомеда, кому как угодно) письменные источники гораздо более конкретные, чем в отношении других представителей авраамических религий. В-третьих, Его жизнь могла быть несколько другой, и чудеса, творимые им, могли быть не так понятны и

восприняты окружающими его людьми, ну, просто в силу соответствующего исторического уровня развития, но такой человек вполне мог существовать в реальности. Собственно, то, что другим могло показаться чудом, для других является обыденным событием.

— Либо кто-то убедил людей, как вы сказали, находящихся на определенном историческом уровне развития, в существовании такого человека. (задумчиво кивает головой)

— Интересное замечание!

— Но когда вы говорите о Спасителе и людях определённой исторической формации, может сложиться впечатление, что вы разделяете Иисуса из Назарета и его современников. Как будто, он пришёл извне существовавшего тогда общества.

— Ну, он же и пришёл извне. Его послал Бог! (смеётся)

— Однако, у меня сложилось впечатление, что вы имели в виду нечто другое. Тем более, что вы сами сказали, что относитесь к религиям довольно критически, чуть ли не с позиций материализма.

— Ну, а что вы хотите? Концепция того, что в некую общность извне приходит некий пророк или, скажем так, иной визитёр, который привносит что-то новое (в техническом и, или духовном плане), не нова и прослеживается во многих преданиях и мифах. Логично предположить, что и Иисус из Назарета тоже был своего рода таким визитёром.

— Но он же был из Назарета, разве нет? Города того времени и из того общества! (улыбается)

— Как будто вы никогда не слышали, что такое легенда! (снова смеётся).

— В смысле легенды для шпиона? Заинтриговали!

— Не для шпиона, но типа того. (кивает) А потом помните, что есть огромный период в жизни нашего Спасителя, о котором вообще ничего не известно, и что с ним тогда происходило, и где он был всё это время, никому не известно. Но мы немного отклонились от главной темы нашей встречи.

— Да, мы говорили о том, что без самопожертвования Христа не были бы заложены основы для появления новой религии. То есть, если бы он избежал встречи со стражей, вообще не пошёл бы в Гефсиманский сад и покинул бы город, то Христианства, как такового не возникло бы. Я правильно вас понимаю?

— И так, и не так. Ведь проблема не только в том, что в одной из моделей Иисус бы избежал смерти на кресте, и соответственно не было бы создано объекта для поклонения. Предположим, что Иисус понимал, что его ждёт, осознавал необходимость выпавших на его долю испытаний, и даже был бы с ними внутренне согласен, но...

— Но?

— Но что, если бы он не выдержал страданий, как сказали бы сегодня, психологически надломился, и что если бы он обозлился на тех, кто его подверг нечеловеческим мучениям, казнь на кресте, практикуемая римлянами, действительно заставляла человека пережить страшные страдания перед неминуемой смертью? Добавьте сюда возможность того, что он действительно обладал некими непостижимыми современными нам силами, учитывая, что его отправила к людям Высшая сущность. Какой бы личностью он тогда явился к своим ученикам после того, что принято называть чудом воскресения. Если оно, конечно, вообще имело место, а мы не имеем дело с искажением и непониманием, прошедшим сквозь время.

— Думаю, что Христианство разительным образом отличалось от того, что мы знаем сегодня. Он принёс людям Слово Божье, а они люди подвергли его пыткам, распяли, да ещё

и копьё в бок засадили, проверить жив он ещё или уже испустил дух.

— Не то слово! Хотя, я допускаю, что религия даже сохранила бы своё название — Христианство, но было бы совершенно другим, основанным на постулатах и догмах, которые нам, сидящим здесь в студии и нашим зрителям, показались бы, в лучшем случае, странными, а в худшем, вызвали бы у нас резкое отторжение и дрожь. Представьте себе религию, в основе которой главенствует не идея всепрощения и возможности спасения за покаяние, а необходимости постоянного искупления вины и страха. Чувствуете тонкую разницу? И вы уже просите прощения не за грехи, а потому что боитесь расправы.

Ну, или Христианства как такового не сформировалось бы, а следовательно и Ислама, который поначалу вообще считали очередной иудейско-христианской сектой, тогда их было много.

— Сейчас их не меньше, по-моему.

— Допускаю.

— Иными словами, как мы и говорили выше, нам повезло, что он был таким, каким был.

— Да, совершенно верно. Нам — повезло. Повезло, что он был человеком.

— Вы всё-таки считаете Иисуса обычным человеком?

— Все мы в каком-то смысле необычны и творим чудеса, иногда даже не осознавая этого. (задумывается)

— Что ж, благодарю вас за то, что посетили нашу студию и потратили ваше драгоценное время на беседу со мной и нашими зрителями. Думаю, в следующий раз мы озвучим наиболее интересные комментарии, оставленные под этим видео. Кстати, о чём поговорим в следующий раз?

— О чём бы вы хотели?

— Может быть, о воскрешении Лазаря? Одним из главных чудес, совершённых Христом? Думаю, у вас найдутся интересные мысли на этот счёт.

— О, да! Будет интересно! (смеётся)

— До новых встреч!

— Всего хорошего!

Загрузилось очередное видео о каких-то динозаврах и погибших континентах, но я дальше ни смотреть, ни слушать не стал. Нажав на крестик в углу окна, закрыл браузер. Но надо будет про Лазаря потом послушать. И почитать.

Я откинулся в большом мягком кресле и закрыл глаза. Передо мной стояло лицо Царицы Долины мёртвых, как прозвали её остальные бойцы нашей группы, которая, если верить полковнику, всего-то должна была проследить за странниками, чтобы с ними чего плохого не случилось, и они бы спокойно ушли туда, куда собирались.

Спокойно не получилось. Получилось так, что в мире, который считался мёртвым из-за воздействия неизвестного патогена, или тотальной стерилизации (?) мы столкнулись с силами, которые в любое другое историческое время люди назвали бы божественными. Подозреваю, что даже в девятнадцатом веке реакция была бы такой же. Ну, может, на век раньше, но тогда уж точно.

Я посмотрел на поддетый вилкой ломтик бекона и против своей воли задумался, разглядывая его, уж очень он напоминал кожу странных существ, бывших, скорее всего, когда-то обычными людьми, такими же как я, как любой из нескольких миллиардов, населяющих нашу планету.

Почему они такими стали? Почему не погибли, как остальные? Если судить по одежде и медальонам на манекенах и на мумиях, это были одни и те же люди, в том плане, что жили все в том городе.

Ещё и Комитет так и не пришёл к единому мнению о снаряжении полноценной экспедиции в Долину мёртвых. Полковник явно сожалел об этом. Он-то точно бы туда ломанулся снова.

А я? Я бы туда вернулся?

Еще раз оценив кусок висящего на вилке бекона, я с вызовом произнёс:

— Что, думала испортить мне аппетит? Как бы ни так! — и с удовольствием стал жевать, блестящий от жира уже остывший ломтик.

Каких-то особых планов у меня на сегодня не было. Ну, поеду кататься на метро, да посмотреть, как люди живут, много людей.

В музей что ли какой сходить?

Звонок телефона прекратил мои размышления о том, как я обирался провести этот день.

Номер был незнакомый.

— Слушаю, — сказал я в микрофон.

— Алексей? — раздался знакомый голос. Что ж, этот голос я узнаю из тысяч других голосов.

— Да, Аня, это я. Здравствуйте.

Глава 33. Аня

— Слушаю, — сказал я в микрофон.

— Алексей? — раздался знакомый голос. Что ж, этот голос я узнаю из тысяч других голосов. Даже не знаю, что должно произойти, чтобы я его забыл или возненавидел.

— Да, Аня, это я. Здравствуйте.

Я знаю, что мне это только кажется, но я буквально ощутил, как она улыбается на том конце провода.

— Давай на "ты", — без обиняков предложила она. — В конце концов, мы знакомы не первый день и видели друг друга без одежды.

— Давай! — обрадовался я. — Только вот в неглиже ты меня видела, а я тебя нет.

Сказал, и тут же подумал, что не ляпнул ли лишнего, но в динамике раздался звонкий смех, в котором не чувствовалось и капли смущения или раздражения.

Признаюсь, никак не мог понять, сколько ей лет. Нет, по виду-то не больше двадцати пяти, ну двадцати семи, если уж совсем натягивать, но по разговору и по тому, как она себя иногда ставила в окружении пациентов и врачей, и потому, как даже полковник её слушался... в общем создавалось впечатление, что там за плечами ни одна докторская диссертация и все пятьдесят лет жизненного опыта!

— Как дела? — как можно более непринуждённым голосом спросил я. Вот ведь чёрт! И откуда столько волнения вдруг?!

— Хорошо, Алекс! Ты ведь сейчас в Москве?

Ну, Алекс, так Алекс. Имя, сокращённое на западный манер, по факту стало моим позывным ещё во время операции.

— Ну да. Не ожидал, что буду пользоваться таким спросом у коллег во время собственного отпуска.

— С полковником встречался? Наверное, проверял, в адекватном ли ты состоянии?

— Типа того.

— Он должен по регламенту наблюдать за новичками, которые в первый раз ходили на ту сторону, — она ненадолго замолчала, и у меня аж засосало под ложечкой. — Давай встретимся, и ты угостишь меня ужином?

Стоит ли говорить, что я чуть не рванул из номера в одних труселях, рассекая по коридорам гостиницы и пугая постояльцев, хотя, что-то мне подсказывает, стены этого здания и не такое видали за историю своего существования.

— Да, конечно, — глазами я искал носки, когда вдруг догадался уточнить, — а когда, и где? Просто я в Москве новичок и хороших заведений не знаю.

— Не страшно, я скажу куда подъезжать, — совершенно естественно ответила она. Не женщина, а сказка! — Адрес и время сброшу тебе смской. До встречи!

По-моему, это сейчас меня на свидание пригласили? Да, точно, меня пригласила на свидание девушка. Такого со мной ещё не случалось. Впрочем, давай не будем гнать лошадей, хорошо? Вот пойдёшь ты на встречу, а это окажется очередная проверка твоего психического состояния — обидно будет.

Прозвенел телефон, оповещая меня о новом сообщении. Что же, посмотрим, когда, где и почём меня хочет видеть Аня.

Ого! Ничего себе! Я даже присвистнул. С другой стороны, деньги созданы для того,

чтобы их тратить, так почему бы и не шикануть! Живём один раз, как ни крути. Главное, не строить далеко идущих планов, чтобы потом не разочаровываться. А то ведь, не просто же так она динамила меня всё время нахождения в карантине, телефон опять же не дала, а тут сама нашла, сама позвонила.

Могла же тогда обратить на меня внимание, но почему-то не сделала. Что-то её останавливало, а сейчас друг такой неожиданный сюрприз!

Я посмотрел на время брони столика и понял, что рванул я реально рано, было ещё предостаточно времени, чтобы подготовиться, и как следует привести себя в порядок — я глянул на заросшую щетиной морду в зеркале прихожей.

Мдаа, ну и рожа. Вот так вот забьёшь на себя и в одно мгновение превращаешься в бомжа. Походу ты, братец, совсем уж расслабился. Давай уже, соберись! Побрейся-помойся и вперёд!

Интересно, как там остальные мужики? Надо было спросить у Смирнова, но что-то совсем из головы вылетело за всеми этими рассуждениями о потопах и мировых катаклизмах.

Вроде говорил, что кто-то на моря подался, а кто-то в родные края. Может, и мне стоит навестить малую родину? Посмотреть, что там да как. Сходить на рыбалку, потягать уклею, выловить леща или щуку, закоптить их на осиновых опилках, а не пропивать премиальные!

Так, ладно! За дело, то есть за себя!

Когда я, изрядно опрысканный одеколоном, который нашёл в ванной комнате, накидывал лёгкий пиджак, приобретённый по случаю, в кармане что-то звякнуло. Впрочем, я знал что это, поэтому особого внимания не обратил.

Хорошо всё-таки летом! Солнце висит в небе долго, и если повезёт с погодой, то вечер выдаётся безветренным и в меру тёплым. Вот прямо, как сейчас. Такой вечер не может быть плохим.

Выскочив вместе с разморенным потоком из метро, я направился к ресторану, благо находился он не так уж далеко от станции. Люди вокруг шли по своим субботним делам, а потому выглядели не так сосредоточенно напряжённо, как в любой другой рабочий день. Почему-то именно в Москве народ какой-то особо резкий и всё время куда-то торопится, как будто вот-вот опоздает. Сколько раз меня обгоняли спешащие индивиды по эскалатору, и сколько раз я их потом наблюдал стоящими на перроне и ждущими поезд точно также как я. Спрашивается куда бежал? Куда спешил? А эти, которые постоянно сигналият в пробках? Неужели ты веришь, что от того, что ты постоянно жмёшь на клаксон, пробка внезапно рассосётся, и ты пролетишь ракетой по проспекту?

А, чёрт с ними! Не до них сейчас! Пусть спешат, пусть сигналият, пусть мучаются в пробках. Я поеду на метро.

Подходя к ресторану меня, однако, стали одолевать подспудные подозрения, и я внезапно почувствовал, что реально должен быть осторожен, как мне и советовал полковник. Глупое инстинктивное ощущение. А вдруг он был прав? Всё-таки мужик прожил на свете не один десяток лет, наверняка разбирается в людях.

Поначалу окрылённый приглашением на личную встречу, шагая по Неглинной к ресторану, я непроизвольно стал замедлять шаг, и рука сама собой потянулась во внутренний карман пиджака, где лежали заветные стёклышки.

Чувство ничем необоснованной тревоги и подозрительности стало звенеть в голове, как приближающийся комар.

Вроде так ждал этой встречи, а в темечко тюкает ничем не спровоцированное опасение. «Будь с ней осторожнее! — исподволь звучали слова полковника. — Будь осторожнее!»

Бред, конечно, но всегда есть это поганое «но».

В фойе я немного застопорился, и на помощь мне пришла девушка у стойки, которой я назвал свою фамилию и, сообщив, что у меня здесь назначена встреча. Заглянув в монитор и стукнув пару раз по клавиатуре, она подтвердила, что меня действительно уже ожидают и приготовилась проводить меня до столика.

— Нет, погодите, — возразил я. — Просто покажите мне отсюда, хочу сюрприз сделать.

Она мило пожала плечами, мол, у каждого свои причуды, тем более, кто она такая, чтобы обсуждать прихоти клиентов ресторана, и показала мне рукой вглубь полупустого зала, где за столиком в пол-оборота ко мне сидела Анна.

Наверное, со стороны, я выглядел странно. Вместо того, чтобы пройти к столику, я достал цветные окуляры, которые втихую выломал из бинокля ещё в лесу, когда вместе со Славой ходил за водой. Они-то всё время и позвякивали у меня в кармане пиджака. А бинокль... мало ли их бьётся во время похода.

Да, некоторое время по возвращению я тайком поглядывал через заветные стёкла на городских жителей в поисках гостей из других миров, что накинули на людей морок и прикрылись внешним видом обычных ничем не приметных горожан. Нет, ни одного я не обнаружил. И скажу, что испытал легкое разочарование. Ведь я ожидал, что стоит мне глянуть через окуляры на толпу с балкона, и я сразу увижу разгуливающих то тут, то там чужаков. Но нет, ничего такого не произошло.

В общем, я встал, так чтобы Аня меня не заметила — она смотрела на людей, прогуливающих по вечернему городу, и периодически заглядывала в телефон — и принялся тайком, насколько это было возможно, рассматривать её сквозь цветные стёклышки.

Поднёс к глазу сначала одно, а потом второе. Затем — оба вместе. Поменял их местами. Да, со стороны я, должно быть, смотрелся чудаковато. В общем, испробовал все варианты комбинаций.

Нет, за столиком сидела обычная девушка. Ну ладно, не такая уж и обычная. Молодая, светло-русая и до чёртиков красивая девушка, познакомиться с которой счёл бы за счастье любой парень. Да и свечение, которое я заметил вокруг головы узницы саркофага, тоже отсутствовало. Оказалось, что я просто себя накручиваю. Тупо перестраховываюсь.

Я выдохнул. Признаться, до последнего момента я опасался, что увижу сквозь цветное стёклышко жуткого вида кракозябру, замотанную в тряпье, наподобие странника, или, что ещё хуже, нечто, напоминающее их как бы осликов. Я вспомнил, как они выглядят в реальности, и меня передёрнуло.

Миновав других гостей заведения, пахнувших дорогими духами, я подошёл к столику.

— Привет! — ещё раз поздоровался я, и она, оторвавшись от смартфона, посмотрела на меня своими ярко-серыми глазами и наградила меня своей дурманящей улыбкой.

На ней была белая блузка и светлый костюм, состоящий из летнего пиджака на одну пуговицу и юбки повыше колена. В ушах сверкали двумя гранатами серёжки, а высоко убранные светлые волосы открывали взору изящную шею, и медальон на цепочке, который виднелся в ложбинке по причине легкомысленно расстегнутой блузки. Обычный такой ничем ни примечательный диск темно-жёлтого металла размером с крупную монету, иссеченную каким-то дизайнерским узором.

— Тоже захотела проверить моё состояние? — решил пошутить я, усаживаясь. — Полковник что-то такое заметил в моём поведении и решил доложить вам...тебе?

— Нет! Что ты! — непринуждённо ответила она. — Твоё психическое состояние не вызывает у меня ни малейшего опасения. На удивление, ты воспринял произошедшее довольно адекватно. Если тебя немного потряхивает, так это обычное дело. Поверь, за свою карьеру я повидала такого, что тебя можно назвать идеальным случаем.

Понятно, подумал я, то есть кому-то реально крышу срывало и хорошо, если человека просто изолировали от общества в тёплой палате с трёхразовым питанием и под присмотром доктора с добрыми понимающими глазами.

— Или я настолько тупой, что не в состоянии осознать то, что побывал в другом мире.

Она снова засмеялась.

— Нет, нет и нет, — сказала она. — Не стоит на себя наговаривать.

— Ну хорошо, — согласился я. — Значит ты не по служебным делам?

— Я по личному вопросу, — улыбнулась она. — Заказывать будешь? Здесь хорошо готовят.

Я развернул меню и, по-моему, мои брови непроизвольно полезли вверх, что вызвало очередную сногшибательную улыбку на лице Анны. Раньше бы я точно не мог себе такое позволить. Да мне бы и в голову не пришло посещать ресторан в самом центре Москвы! Да за такие деньги они просто обязаны готовить как боги!

— По личному? Хм... Уже интересно, — пробубнил я разглядывая названия блюд и цены. Мысленно я уже умножал свой заказ на два, не могу же я позволить платить девушке за себя самой. Да, я мог бы заплатить, но всё же — такое ощущение, что люди здесь не еду готовят, а космические корабли каждый день запускают.

Кажется, она считала моё выражение лица.

— Да, по личному, и оставь ты уже меню в покое, — она протянула свою изящную руку и положила её на мою кисть, — в конце концов, это я тебя пригласила.

Вас когда-нибудь било током от прикосновения женщины? Вот сейчас меня долбануло. Ну, не буквально, конечно, а в переносном смысле, хотя я был готов поклясться, что ощутил покалывание, исходящее от её кожи. Я собрался с мыслями.

— Кто кого пригласил — не важно, особенно, если это не деловая встреча, — ответил я и подозвал официанта, чтобы сделать заказ.

Вышколенный официант, записав, всё, что назвала Анна и потом то, что решил отведать я, удалился, но спустя минуту появился с парой бокалов красного вина.

— Это я заказала до твоего прихода, — пояснила Аня, — чтобы не сидеть просто так в ожидании заказа. Или тебе надо было коньяк взять, как к той дыне?

Упоминание о дыне прозвучало лёгкой подколкой.

— Я уже понял, что по ту сторону ничего есть нельзя, — с расстановкой произнёс я. — Я не тупой. Я просто решил, что если народ ест, то не фиг откалываться от коллектива.

— Есть можно, — добродушно вздохнула она и погрозила мне пальчиком с маникюром, — но только в крайнем случае. То, что твоих товарищей прихватила диарея — это ещё цветочки, что могло бы с вами быть. Впрочем, давай не будем о работе.

Она сморщила носик.

— Да я, как бы, не брезгливый. При мне можно и не о таком говорить.

Повисала затянувшаяся пауза. Кажется, я таращился на неё сверх меры приличного, и она вновь залилась звонким смехом, который мне так нравился ещё со времён нашего

сидения в карантине.

— Ты просто так выбрала этот ресторан, или ты здесь остановилась, в гостинице? — решил я вновь попытаться завязать непринуждённую беседу.

— Второе, — ответила она и сделала скромный глоток вина, — У меня здесь номер наверху. А ты где остановился?

Как будто она не знала! Вернув бокал на стол, она положила подбородок на левую ладонь и стала смотреть на меня в упор своими ясными глазами. Даже не помню, встречал ли я кого-то с таким цветом глаз раньше.

— В Измайлово, — честно ответил я и тоже отпил из бокала. — в Дельте.

— Ты, наверное, сердись на меня? — вдруг спросила она таким тоном, как будто мы знали друг друга не один год.

— За что?

— За то, что я обращала на тебя меньше внимания, чем на других в карантине.

В этот момент подоспел официант с закусками и стал расставлять их на столе, что заставило и её, и меня замолчать и ждать. Уходя, официант, по всей видимости, распознав во мне человека своего уровня, недвусмысленно дал мне понять, что одобряет и завидует моему выбору. В другой раз можно было бы и морде ему съездить, но, чёрт возьми, как же он был прав!

— В общем, я хотела бы попросить прощения, и сказать, что на самом деле ты мне не безразличен.

Шах и мат тебе, Лёша. Тебя загнали под флажки. Твой Перл-Харбор профукал налёт японцев.

Дальше беседа пошла, как по маслу: я рассказывал истории из своей жизни, она из своей. Мы весело смеялись друг над другом, нарезая бифштекс и в какой-то момент — я даже не понял, как это произошло — она попросила попробовать моё блюдо, и я совершенно на автомате угостил её кусочком прямо со своей вилки. И она его приняла, как ни в чём не бывало.

Подозреваю, что со стороны могло показаться, что мы знаем друг друга не первый год, и если выглядели ни как муж и жена, то уж точно как давние любовники, по случаю встретившиеся в Москве.

Признаюсь, эта встреча мне нравилась гораздо больше, чем та, что провёл со мной полковник. И если там я в какой-то момент был готов взорваться и даже нагрубить, пускай и не при исполнении, но всё-таки человеку, который был гораздо-гораздо выше меня по званию, то тут я был абсолютно расслаблен, как никогда ещё в жизни.

Все беды остались позади, все скелеты в шкафу решили сидеть тихо-тихо и не отсвечивать. Ну и хорошо же, разве нет?

А потом мы поднялись в её пятизвёздочный номер, который мне показался дико шикарным.

И она меня поцеловала. И я поплыл. Так поплыл, как раньше ещё со мной не бывало. Если бы мне кто-то сказал, что он был в раю, я бы ему ответил, что ни в каком раю он не был, что вообще-то я прямо сейчас в нём!

Наша одежда полетела на пол, пиджак за пиджаком, джинсы за юбкой и так далее по списку...

И от каждого её поцелуя, от каждого прикосновения её рук я улетал на небеса, и возвращаться оттуда совершенно не собирался.

Затем мы лежали в огромной постели и просто друг друга поглаживали, а потом просто спали.

Было уже далеко за полночь, в чём я убедился, когда осторожно, чтобы не разбудить Аню, спящую у меня на груди, взял со столика свои часы.

Как оказалось, она не спала. Или я её всё-таки разбудил, не знаю.

Она подняла свою светлую головку и посмотрела мне в глаза. И сейчас этот взгляд меня насторожил. Была в нём и печаль, и в то же время решимость.

Она приподнялась, подвернув под себя ноги, одеяло сползло с неё и в огнях ночного города, она напоминала мраморное изваяние какого-нибудь скульптора Эпохи Возрождения. На её груди тускло поблёскивал медальон.

— Алекс, скорее всего ты, возненавидишь меня после этого, но...

— О чём ты говоришь? — я приподнялся на локтях, пытаюсь связать одно с другим, и вообще ничего не понимая. Такой вечер, такая ночь не могли закончиться чем-то плохим. Нет-нет, это был бы совсем перебор.

Аня лёгким движением окончательно откинула одеяло и покинула постель. Через спину обернулась и взглянула на меня, и мне это не очень понравилось. Не то, что она стояла передо мной полностью обнажённой, это-то как раз стоило того, чтобы не спать всю ночь напролёт. А вот то, как она посмотрела на меня. Гадский комар опять зазвенел где-то рядом, предупреждая о надвигающейся опасности. Только откуда ей тут взяться? Какая опасность может мне грозить?

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросил я. — Я тебя не понимаю. Я тебя как-то обидел? По-моему, всё было отлично.

Я себя почувствовал неуверенным в своих силах юнцом.

Она, всё так же будучи нагой, лёгкой походкой подошла к шкафу, открыла его, а когда обернулась, в её руках был небольшой бархатный свёрток.

Осторожно развернув и отбросив ткань, она продолжила держать в ладонях с виду металлический шар, размером с крупный апельсин или грейпфрут, весь испещрённый множеством штрихов, образующих замысловатый узор.

Я перевёл взгляд с шара на её медальон и понял, что они выполнены в одном стиле.

— Аня, — тихо произнёс я. — Ты заставляешь меня нервничать.

Я смотрел за её манипуляциями, как заворожённый, абсолютно ничего не понимая, что происходит. А происходило что-то, но что именно, я понять был не в силах.

Она вернулась к кровати, держа шар в ладонях. Почти как то сердце в ладонях спятившей божьей дочери.

— То, что ты рассказал..., - она явно подбирала правильные слова, чтобы я чего доброго не сиганул в окно что ли? — это очень важно. Для меня. Для всех. И я должна предупредить кое-кого. Но мне без тебя не обойтись.

Глядя мне в глаза, она стояла возле кровати с шаром в руках, а потом просто взяла и убрала руки, а шар — этот чёртов шар! — остался висеть в воздухе, как ни в чём не бывало!

А ведь я только-только стал привыкать к обычной человеческой жизни, к обычному распорядку дня, собирался вернуться на заставу, или вот учиться, как мне советовал полковник.

— Слушай, Аня, ты пугаешь меня, — я старался выглядеть максимально уверенно и непринуждённо, но она продолжала стоять передо мной, в чём мать родила, в то время как бронзовый апельсин начинал медленно раскручиваться, постепенно набирая обороты.

Я поймал себя на мысли, что хочу спрятаться под одеялом. Прямо как в детстве.

— Когда ты меня увидишь в следующий раз...

— В смысле?! — охрипшим голосом произнёс я.

— Не перебивай, — она подняла левую ладонь, а второй словно раскручивала сферу, при этом, не касаясь её. — Когда ты в следующий раз увидишь меня, я тебя не узнаю.

— То есть?! — я стал подниматься с кровати, но Аня всего лишь посмотрела на меня и томная слабость охватила всё моё тело. Двигаться просто не хотелось, при этом разум сохранял чистоту восприятия и это пугало ещё больше.

"Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса!" — пронеслось в голове. Хотя нет, конечно же, должно звучать немного иначе: "Будь проклят тот день, когда я согласился пойти в рейд с полковником Смирновым!"

— Но чтобы я тебе поверила, ты передашь мне следующие слова....

Я должен передать тебе же какие-то слова? Кому-то из нас точно требуется помощь, подумал я, но двигаться я не мог, как и говорить.

Странный металлический шар, вращаясь с бешеной скоростью, парил в воздухе на прежней высоте. Вокруг него уже было заметно тусклое свечение. В воздухе отчётливо запахло озоном. А я постепенно погружался в неприятное забытие. А Аня говорила и говорила какие-то слова, и я даже не понимал, на каком языке. Кажется, что я их повторял за ней, когда она меня просила.

Наверное, именно так выглядит медицинский наркоз, подумалось мне.

— До встречи, Алекс! Расслышал я в последний момент и провалился сквозь постель, сквозь кровать, сквозь пол и бетонные перекрытия. Я падал в бездну, как тогда, когда посмотрел в глаза закутанной в ткань страннице. И бездна неслась навстречу мне.

Взрывы и пулемётная очередь. Звуки пуль, с хищным безумием врезающихся в камни.

Вот, всё как обычно. Он на задании, а всё, что было до этого, скорее всего, результат обычной контузии. Рядом взорвалась граната или выстрел РПГ. Обычный бред, обычный бред, чтоб его! Но какой реалистичный!

Алексей открыл глаза, и сердце тут же бешено заколотилось, а в груди и левой руке он ощутил жгучую боль.

Прямо на него смотрела Аня.

Бред оказался, однако, гораздо более забористым! И если бы не было так больно, он бы точно рассмеялся во всё горло.

Только... Только... Да ну, что за чертовщина!

Аня, что с тобой? Почему ты так странно выглядишь? Измазанное засохшей кровью и пылью лицо, локоны, выбивающиеся из-под пилотки, и только глаза — всё такие же яркие серые глаза!

Стоп! Пилотка! Какая ещё [нахр@н](#) пилотка! Да ещё с красной звёздочкой! Аня была словно участницей реконструкции любого на выбор сражения Великой отечественной: в ватнике, с белой повязкой на руке с красным крестом, в юбке цвета хаки и кирзовых сапогах, а через плечо у неё была перекинута сумка, из которой свисал оборванный бинт.

Только отчего же так больно?

— Аня? — попытался произнести он, но губы почему-то толком его не слушались.

— Тихо, тихо, солдатик, — говорила она, в то время как над их головами продолжали с бешеным остервенением свистеть пули. Алексей попытался осмотреться, но его вновь проколола боль. Всё, что он заметил — то, что он лежит на дне не то окопа, не то воронки

от взрыва, а над ним возвышаются обгоревшие, изъеденные оспинами от попаданий мёртвые остовы зданий. — Сейчас я тебя перевяжу и потащу тебя до санчасти, а там тебя поправят, будь уверен, солдатик.

Что там говорила, Аня? Что она его не узнает? Что надо дать понять, что я её знаю, что нужно ей назвать её имя. Зачем Анну называть Анной? Бред! Опять бред! Нет, погоди! Имя, другое имя! Я должен назвать другое имя!

Вот только где я, чёрт подери! Алексей вновь попробовал подняться, но Аня мягко надавила на него руками, не давая подняться.

— Диана! — почти выкрикнул он, и в груди зажгло со страшной силой.

Она, вдруг, замерла с бинтами в руках и уставилась на него.

— У тебя шок! Понимаешь, боец? У тебя шок! — и он узнал знакомые рассудительные интонации в её голосе. — Постарайся успокоиться! Ранение тяжёлое, но не смертельное, если оказать помощь! Ты меня слышишь?!

Где-то неподалёку, смешиваясь со звуками стрельбы и взрывами, слышались немецкие ругательства. Нет, Алексей не знал немецкий, но по тону было понятно, что кто-то кого-то костерит, что есть силы, на языке Гётте и Шиндлера.

— Меня Аней зовут, боец, — настороженно произнесла она, продолжая накладывать утягивающую повязку. — У тебя шок!

Но что-то изменилось в её голосе. И смотрела она на него уже не так, когда он только-только столкнулся с ней взглядами в этом странном месте, которое напоминало съёмочную площадку военного кино по мотивам Второй мировой. Только ведь в кино не должны так болеть ранения, разве нет?

Мимо них пробежали два бойца в изодранных осколками ватниках и с торчащими за поясом гранатами, в руках у каждого было по ППШ. Нет, это что-то совсем выходящее за рамки понимания!

— Как он? — спросил, остановившись на мгновение один из бойцов.

— Нормально! — ответил Аня. — Сильный шок!

Боец похлопал её по плечу, перекинулся с ней парой слов, а Алексею подмигнул, почему-то назвав его Женьком и пообещал, что сейчас они этих немецких пулеметчиков уделают, будь уверен! Пожелав удачи, скрылся в развалинах.

— Да-да, и шок и боль и вообще, — быстро заговорил Алексей, морщась от боли. — Только ты же Диана, так? Это ведь тоже твоё имя!

И стал говорить быстро-быстро, причём часть слов он даже не понимал, ибо говорил он на абсолютно незнакомом ему языке.

Теперь её взгляд уже не был настороженным. Теперь её серые глаза светились холодным любопытством и решимостью. Примерно таким же, когда он последний раз видел её в номере отеля, а над кроватью светился бешено вращающийся металлический шар, а в комнате пахло озоном. К н и г о е д . н е т

— Хорошо, — наконец, произнесла она. — Сейчас я тебя перевяжу и дотащу до санчасти, где тебя подлатают, а потом ты расскажешь мне всё, что знаешь, всё, что с тобой произошло, вплоть до того момента, как оказался здесь.

Он схватил её здоровой рукой за плечо.

— А где? Где я?! — он хотел назвать её по имени, но сейчас перед ним была почти незнакомая девушка, которая видела его впервые в жизни, и он ощущал определённый барьер между ними.

— В Сталинграде, Алексей, — продолжая его бинтовать, ответила она, — в Сталинграде. И зовут тебя, если что, Евгений. Красноармеец Евгений Жидков. Понял?

Ответить он не успел, вместо этого где-то над головой раздался оглушающий взрыв, и сверху на них посыпалась кирпичная крошка со штукатуркой.

— Ну что, — она смахнула в сторону светлый локон, — готов... Женя?

И она, перевалив его на плащ-палатку, стала его тянуть, а он, как мог, помогал ей, отталкиваясь ногами.

Глава 34. Пробуждение

Сначала тебя настигает чувство, подобное тому, когда ты всплываешь с глубины на последнем дыхании и делаешь жадный вдох, а потом — будто ты резко падаешь с высоты на бетон, но вместо того, чтобы расплющиться в кляксу, подскакиваешь обратно в момент удара, как какой-нибудь мячик.

И вот ты опять в гостиничном номере, но с трудом веришь в происходящее, так как в твоей голове смешались две реальности, и ты не знаешь, какая из них настоящая, а какая нет. И больше всего тебя пугает осознание того, что обе они реальны настолько, насколько это вообще может быть.

— Что это было?! — заплетаящимся языком закричал я, вскакивая на кровати. Дыхание было глубоким и сбивчивым, а сердце колотилось так, что готово было выскочить из грудной клетки, проломив рёбра. — Меня убили?! Где я?!

Война. Боль. Госпиталь. Кровавые бинты и острый запах медикаментов. Люди в белых халатах и марлевых повязках, снова боль. И Аня, которая одним своим присутствием облегчала эту боль, а то и вообще снимала. Как это у неё получается? Начальник госпиталя заходил в палату с осмотром, хвалил её. Да что там! Все бойцы не нарадуются, когда она приходит.

Будь они без рук, без ног, или с завязанными глазами, которые, возможно, уже никогда не увидят дневного света и окружающего мира, они все ждали и радовались её появлению.

Не сразу понимаешь, что вокруг всё по-настоящему. Стоны по ночам, ампутированные конечности, ночной бред раненых бойцов, для которых война не прекращалась даже во сне, ночные налёты люфтваффе. И постоянная нескончаема канонада, доносящаяся с того берега Волги, где вермахт и союзные ему войска пытаются метр за метром взять город, который в скором времени станет ловушкой для нескольких сотен тысяч немецких солдат.

Город имел не только стратегическое значение, но символическое, и одни хотели свалить и растоптать этот символ, а другие — ни в коем случае этого не позволить.

И вот я снова в гостиничном номере. Снова в Москве двадцать первого века. И снова рядом со мной рядом — ОНА!

Я ошалелыми глазами таращился на Анну, которая всё так же сидела на краю кровати и молча своим испытующим взглядом, смотрела на меня. Злополучный шар спокойно лежал на простыне, ощутимо вдавив под себя матрас.

Язык меня слушался плохо, голова кружилась, и зрение не могло толком сфокусироваться на выбранной точке, всё плыло перед глазами, из-за чего начинало заметно мутить. Руки и ноги отказывались подчиняться указаниям мозга и двигались так, как будто я их одновременно и отлежал и отсидел. Чёрт! Да так и сломать кости не долго! Но тут же я ощутил постепенно нарастающее покалывание в мышцах, к которым возвращался привычный тонус.

— Ты — в гостинице. Нет, не убили, — спокойно ответила Анна, при этом даже не подумав одеться, — Госпиталь бомбили, тебя оглушило взрывной волной, но ты, то есть он, выжил. Старшина Евгений Жидков пережил Сталинградскую битву, но погиб в апреле 1945-го года при штурме Зееловских высот. Как ты себя чувствуешь? Должно быть, испытываешь слабость и тошноту. Это скоро пройдёт.

Последнюю реплику я пропустил мимо ушей, ибо уж от кого-кого, а от неё слышать

заботу о моём здоровье, мне хотелось в наименьшей степени.

Я, как был в неглиже, выскочил из мятой постели, словно угорь из раскалённой сковороды, но получилось это у меня крайне неловко, и я грохнулся на пол, клацнув зубами и чуть не расшибив себе подбородок, так как руки меня ещё плохо слушались.

Анна лишь слегка вздрогнула и продолжала спокойно на меня смотреть. Нет, в её взгляде не было никакой угрозы, никакой опасности или агрессии. Наоборот, она излучала уверенность и спокойствие.

— А я ещё думала, что за всполохи в памяти о событиях, которых вроде как никогда и не было, — задумчиво произнесла она, потом встала, наконец, с кровати, сходила в ванную и вернулась оттуда уже в белом махровом халате. — Сходи в душ, Алекс. С тебя течёт, как с курицы гриль на вертеле.

Она спокойно завернула лежащий на простыне шар обратно в бархатную тряпицу и убрала в шкаф.

— Кто ты такая?! — заорал я, старательно выговаривая слова. — Кто?! Ты?! Такая?!

Признаюсь, подсознательно я хотел, чтобы соседи услышали мой крик, но звукоизоляция здесь была устроена по первому классу, даром, что я не слышал ни одного звука из соседних номеров, хотя точно знал, что там есть жильцы.

Она присела на противоположный от меня край постели, взяла с тумбочки маленькое круглое зеркальце и посмотрела на своё отражение, а потом на меня, и в её взгляде мне почудилась тень сомнения и растерянности.

— Хороший вопрос, Алёша, — она вновь с грустью посмотрела в зеркальце. — Хотела бы я знать на него ответ. Только боюсь, что всё не так просто.

Я лихорадочно шарил рукой по полу в поисках рубашки и джинсов, не сводя с неё глаз. Как бы мне сейчас пригодился пистолет, о как бы мне пригодился пистолет!

— Да [похр@н](#)! Ты — не человек! Кто угодно — но не человек! — ко мне постепенно возвращался контроль над собственным телом.

Надо было срочно, срочно доло...

— Что, хочешь доложить полковнику? — она словно прочитала мои мысли, но в её голосе не было ни издёвки, ни иронии, она, как и прежде, была максимально корректна и дружелюбна. — Думаешь, он не знает?

— Думаю, что он точно не знает всего! И в первую очередь об этом чёртовом шаре.

— О шаре — не знает, — согласилась она. — Но давай будем честны друг перед другом. Ты ведь тоже не всё рассказал полковнику. Например, о том, что вошёл в контакт со странниками.

— Это был не контакт! Я просто встретился с ними взглядом! — походу сейчас, будем откровенны, я врал сам себе, пытаюсь отрицать очевидное.

При этих словах она оторвалась от зеркальца и повернула свою светлую головку в мою сторону, и я даже в полутьме номера увидел её яркие серые глаза. Мне показалось, что они блеснули в скудных отблесках света, попадающих в окно с улицы. Показалось же?

— Да как не назови, Алекс. Ты скрыл важную информацию, из-за чего, возможно, погибли твои товарищи, и ещё, опять же возможно, погибнут. Решать, конечно, тебе, но неужели ты об этом не думал? Если бы ты проинформировал Смирнова, то, он мог бы принять совсем другие решения, отдать другие приказы.

— Вот только не надо давить мне на совесть! — взорвался я. — Провести оставшуюся жизнь, сколько бы мне ни осталось, взаперти под наблюдением таких, как ты, я уж точно не

хочу!

Я лихорадочно натягивал джинсы, которые липли на мокрую ногу и никак не хотели надеваться. О том, чтобы пойти в душ, как предложила Анна, я уже и забыл, а ведь я действительно был мокрым, словно только что вылез из сауны.

— Это кто тебе сказал? — спросила она, пристально глядя на меня.

«Кто-кто, Данила мне сказал!» — хотел я выпалить, но она сказала первой:

— Впрочем, не важно. Сейчас, по крайней мере. И ты поверил? Поверил человеку, которого видел впервые в жизни?

Она вздохнула, поглядев в потолок.

— Вот ты, вроде, бываешь таким смышлёным, а, бывает, ведёшь себя как наивный ребёнок. Правильно сказал один философ: единство и борьба противоположностей. Вся наша жизнь — единство и борьба противоположностей. Плюсы и минусы следуют рука об руку, как ты ни крути.

Последние слова она произнесла, как мне показалось, всё-таки с явной насмешкой. И снова обратила взор своих серых глаз на меня.

— Тебе надо успокоиться, Алекс. Хорошо? Давай ты возьмешь себя в руки и не побежишь по коридору гольшом, кое-как нацепив одну брючину, — примиряющим тоном сказала она. — Я, поверь, тебя останавливать не буду, тебе решать, позориться или нет. Но и в окно выпрыгнуть тебе не позволю. Если бег, в чём мать родила, по коридорам будет заметным, но всё-таки забавным событием, которое скоро свидетели сего действия быстро забудут, то твоё тело на тротуаре под окнами отеля привлечёт совсем уж ненужное внимание, в том числе, со стороны органов. А замять такое дело будет стоить больших ресурсов, и не только денежных. Опять придётся давить, угрожать, шантажировать. А мне ведь, искренне, этого не хочется делать.

Она перевернулась на постели и стала медленно, на четвереньках, как кошка, приближаться ко мне, а я пятился назад, пока не упёрся спиной в стену под большим окном, которое не было задёрнуто портъерами.

Признаюсь, мысль выпрыгнуть в окно, меня и в самом деле посетила, я даже прикинул, смогу ли выжить при приземлении. И по всему выходило, что шансов остаться невредимым у меня был абсолютный минимум и, скорее всего, если бы мне и повезло, то своё существование я продолжил бы исключительно в состоянии овоща, да и то очень и очень недолго.

И что делать? Что делать-то?!

Может, и в самом деле прошмыгнуть мимо неё и бежать по коридору без трусов, путаясь в единственной кое-как натянутой брючине? Не похоже, чтобы она говорила неправду, что пропустит меня. Ну так что, использовать предложенный шанс?

Перед глазами предстала картина, как от меня шарахаются припозднившиеся гости и горничные, спешащие на уборку номеров.

Возьми себя в руки! Возьми себя в руки! Представь, что ты в бою! В самом деле, какого чёрта ты паникуешь?! Ведь было же и хуже! И страшнее!

Да чёрта там! Никогда такого ещё такого не было! Одно дело воевать с бандитами, другое — столкнуться с тем, что ищут астрономы всего мира! Удивительно, но даже Зверь и громилы в Степи, которых я видел издалека и при этом был не один, не произвели на меня такого впечатления.

Но пока я прикидывал варианты, как бы получше свалить из номера, Анна уже успела

спуститься с кровати и всё так же на четвереньках почти бесшумно, если не считать шуршания махрового халата, приблизиться ко мне на расстояние вытянутой руки. Она смотрела на меня своими такими ясными серыми глазами и улыбалась. Почти так же, как ещё вчера вечером. О боже, как же давно это было!

— Ну, ты успокоился? Нет? — мягко спросила она. — Я тебе помогу.

Я не успел запротестовать, сказать, что сам справлюсь со своими эмоциями, что не хочу ощущать прикосновений этого существа, как почувствовал волну обволакивающего тепла, и ощутил почти полное спокойствие. Понял, что бояться нечего, что ничто мне не угрожает, что всё хорошо. И при этом я не впал в наркотическое забытье или беспамятство. Я мог мыслить ясно. И Анна уже не вызывала во мне прежней реакции.

Только вот где-то в глубине подсознания продолжал позванивать колокольчик, напоминая, что всё не так просто, что я здесь не просто так, что Анна... не человек?!

Как бы то ни было, сердце перестало бешено колотиться, да и пот перестал литься с меня ручьями. Пожалуй, она права, принять душ было бы совсем не лишним. Что за эффект такой вообще? Такое ощущение, что я потерял сразу несколько килограммов.

А потом она коснулась моей руки своей, и стало совсем хорошо.

А, может, и не так уж важно, кто она, или что? Не хочет накормить меня странными ягодами, не хочет проникнуть в мой мир — так-то она уже здесь — не убивает моих знакомых... Разве этого не достаточно?

Где-то когда-то услышал: добрый не тот, кто делает добро, а тот, кто не делает зла.

Интересно, это мои мысли, или это она мне их внушила? Не хотелось бы превратиться в тупую безвольную куклу по типу манекенов из Тихого мира. Но вроде как рассуждаю я логично, значит моя воля всё ещё при мне. Так ведь?

И действительно, почему я так испугался? Ведь даже манекены не произвели на меня такого впечатления, как Анна. Даже Царица мёртвых казалась мне... а кем она мне казалась? Так ведь врагом же! Она хотела меня уничтожить! И Манекены, по своей воле или нет, но тоже хотели меня, нас убить. Может, в этом причина? Если рассуждать логически, то да.

Всему причиной контраст и близость контакта. Там были просто враги, а здесь человек (человек?), которому ты доверял полностью и безоговорочно, в которого влюбился!

Аня придвинулась ещё ближе и с чувством поцеловала меня, отчего мне стало ещё спокойнее, а я не сопротивлялся. Вот только не хотел или не мог?

А потом она просто села рядом, тоже прислонившись спиной к стене под подоконником, и стала смотреть в потолок. Так мы просидели минут пять, а может десять, а может и все полчаса. Кажется, я потерял счёт времени, как бы то ни было, за это время я практически успокоился.

— Только ты бы всё-таки сходил в душ, а то сидишь тут голый с ногой в одной штанине, как пациент психушки в период обострения. Так и хочется тебя уколоть каким-нибудь седативным. Не поверишь, руки так чешутся.

Я тихо засмеялся, закрыв лицо ладонями. Я боялся сорваться в нерациональный плач, но всё обошлось, я отсмеялся вдоволь. А рядом тихо улыбалась Анна, кажется, она тоже смеялась, только теперь её смех звучал для меня по-другому. Вроде бы такой же звонкий, искренний, но между нами словно кошка пробежала. А может, и не кошка, но всё было не так, как раньше.

Да уж, завершение такого, как ещё вчера мне казалось, замечательного вечера оказалось

по-настоящему фееричным. И да, со стороны, я, должно быть, выглядел как придурок, сбежавший из психушки. «Эй, псих, подожди!» Однако, для этого же есть все основания. Случившееся казалось мне разрядкой накопившегося за последние дни стресса, который я давил в себе, но который копился, копился, копился и вот! Получите, распишитесь!

А как всё начиналось! Как начиналось-то! В какой-то момент, я почувствовал, что наконец-то встретил ту единственную, с которой готов настрогать детишек и жить до состояния бабки и дедки, сидящих на лавочке у дома. Моему счастью не было границ! Никогда я ещё не ощущал себя так, как вчера вечером. И, наверное, уже никогда не буду.

Не срослось. Ох, как же не срослось!

Она вновь взяла мою руку в свою ладонь, и её прикосновение снова было таким успокаивающим.

— Я понимаю, что ты ощущаешь, Алекс, — наконец с грустью произнесла она. — Я когда-то тоже себя чувствовала подобным образом. Да и сейчас, бывает, накатывает. Может, не совсем так, как раньше, всё-таки прошли годы, но всё же. Жить, ничего не зная о себе, о своей природе очень трудно, поверь.

Иногда мне кажется, что я нащупала ниточки, которые мне помогут распутать этот чёртов клубок, но они ускользают от меня в последний момент, и я снова их ищу. Ищу и ищу. Это примерно как сон, который казался таким ярким, и который всё объяснял, но когда ты просыпаешься, он растворяется как туман, стоит сфокусироваться на его отдельных деталях.

Мне показалось, или её глаза заблестели? Может быть и так, но она быстро взяла себя в руки. Но какой же одинокой и незащищенной она сейчас выглядела!

— Как-то очень давно я решила, что с меня хватит и стоит просто жить, — тихо произнесла она.

— И?

— Хватило ненадолго. Кто-нибудь, или что-нибудь всё равно тебе напомнит о твоей особости, — она теребила кушак от халата в руках совсем, как растерянная девчонка.

— Так ты — человек или нет? — решил я всё-таки удовлетворить своё любопытство. — Кто ты?

— Ну, как тебе сказать, — она вдруг пристально посмотрела ему прямо в глаза, а голос её зазвучал предельно серьезно. — Я не хотела тебе говорить, чтобы не пугать, ведь у нас так всё хорошо складывалось, но...

Я ждал, затаив дыхание.

— ...когда-то я была мужчиной, — закончила она и в номере повисла гробовая тишина. Я даже расслышал, как тикают мои часы.

Несколько секунд спустя её уголки губ поползли вверх, а потом и мои, и мы стали хохотать, что есть силы, валяясь по полу.

— Ну и шуточки у вас, товарищ майор! — отсмеявшись, сквозь слёзы, наконец, произнёс я.

— Почему шуточки, — максимально серьезно спросила она.

И мы опять стали ухахатываться.

И снова поцеловались, и снова не могли оторваться друг от друга. Про душ я уже и забыл. Вот как у неё это получается?

Мы продолжали лежать в постели, когда за окном уже стало светать. Сколько там, пять утра? Как бы не захотелось спать посреди дня. Впрочем, я же в отпуске, чего я переживаю!

— Кстати, я там пробыл недели две! Как такое возможно? — спросил я, поглаживая её

по плечу и наслаждаясь ароматом её волос. — А здесь, сколько времени прошло?

— Да почти несколько, — ответила она. — Несколько минут.

— А что стало с тем, как его, Евгений Жидков? То, что он погиб потом, это ты мне рассказала, а вот пока я был в его теле? Где он был?

— Он спал. Он ничего не помнит о наших разговорах. Разве что ему может что-то присниться, но это навряд ли. А если что-то и пробьётся сквозь блок, то покажется ему забавным и странным сном, который станет темой для солдатских баек и разговоров у костра.

— Ты так говоришь, будто он всё ещё жив, — удивился я.

— В каком-то смысле он действительно ещё жив. На своей линии жизни, он всегда будет жив. Все, кто когда-либо жил — живы. И мертвы.

— Как такое возможно?

— Возможно и не такое, Алекс. Спроси, как-нибудь у Смирнова о программе, согласно которой Комитет пытается заглянуть в прошлое глазами современников. Не всё у них, конечно, получается, но кое-какие успехи есть. Они закинули удочки по психоневрологическим диспансерам, и прикормленные психиатры докладывают им об интересных случаях, которые они потом стараются разрабатывать.

Потеря связи

Дневник Апокалипсиса 14 августа 2021

— Если спрошу, то он заинтересуется, откуда я об этом узнал.

— Сошлись на меня. Я в курсе дел.

— А тебе не влетит?

— Нет, — легко ответила она. — Они знают, что я просто так это бы не сказала. Но ты прав, лучше не привлекать внимание. Просто имей в виду.

— Но про шар они точно не знают? — спросил я и поймал себя на мысли, что смотрю на неё уже совсем не так, как это было ещё вчера вечером.

— Не знают. Они ищут свои способы. И я... настоятельно прошу тебя сохранить эту тайну.

Последние слова прозвучали совсем не так, как предыдущие. Не то, чтобы в них слышалась угроза, скорее отчётливое предупреждение о неких последствиях, которые она не хотела бы озвучивать. Что-то, что ей придётся сделать, несмотря на наши отношения, и что она с лёгкостью на это пойдёт.

— А если всё-таки узнают? — не удержался я.

Она перевернулась и, положив руки мне на грудь, посмотрела мне в глаза.

— Хочешь меня сдать? — в её словах не было угрозы, скорее, любопытство, смешанное с азартом и усталостью.

— Нет, — я покачал головой на подушке. — Просто думаю, они бы за него многое отдали.

— Ага, — подтвердила она, — многое. Только, как бы я не относилась к Комитету, раскрыть им такую технологию, я не могу. И не хочу. По крайней мере, пока.

— Не доверяешь?

— Для этого надо знать, кому доверять, Алекс, — она села на кровати, подстроив под спину большую мягкую подушку, при этом, нисколько не прикрываясь, и получалось у неё это на удивление естественно. — А у нас там, судя по всему, крот окопался, — она грациозно потянулась. — Кто-то же сдал ваш маршрут и цель миссии американцам.

— Думаешь, это всё-таки американцы? Воловски шпарил по-русски как коренной москвич.

Она покивала головой.

— Имея определённые возможности, человека можно довольно быстро научить говорить хоть на языке банту, хоть на языке бушменов. А то, что американцы, — она задумалась, — по крайней мере, это был кто-то, кто решил действовать на основе их спецслужб. Видимо, их интересы не совпадают с нашими, и логично предположить, что противник будет действовать через них.

Что же, тут ей в логике не откажешь. Если мы выступаем против чего-то, а другие, наоборот, хотели достичь противоположного результата, то насытить своими агентами спецслужбы потенциального противника было бы самым правильным решением.

— Всё осложняется ещё и тем, что крот может не подозревать, что он агент. Искать тех, кто страдает провалами в памяти? — размышляла она вслух, глядя в тёмный экран телевизора. — Но их можно долго скрывать. Да и подменные воспоминания никто не отменял. Чай против нас не полные придурки работают.

«Чай»... Я это слово в таком значении последний раз слышал, наверное, от бабки.

— Думаешь, у тебя получится защитить шар лучше, чем у всего Комитета? — прервал её её размышления.

— Безусловно, — ответила она так, что в её словах не приходилось сомневаться.

— Понятно, пресловутый крот, — пытался я найти контраргументы, — но есть же люди, которым можно доверять.

— Я себе иногда не доверяю, а ты про других говоришь. Нет, так будет лучше, это точно.

И вот вроде говорит она, как раньше, непринуждённо и легко, но это уже было совсем не то же самое, что ещё совсем недавно. Мне опять стало казаться, что меня тупо использовали, что я был инструментов в чужих руках. В её руках.

Вроде всё было так хорошо, всё шло, как по маслу, потом как обухом по голове. Как говорится, ложечки нашлись — осадочек остался. Я уже никогда не смогу смотреть на неё, как прежде, когда в первый раз увидел её, или когда вчера вечером мы ели и смеялись в ресторане, и потом... Нет, так как раньше уже не будет. Разве что...

— Ты могла бы сделать так, чтобы я всё это забыл? Всё, что произошло между нами. Хотя бы с того момента, как я потянулся за часами сегодня ночью.

— Могла бы, — кивнула она и взглянула на меня. — А ты бы этого хотел?

Я подумал, и честно ответил:

— Нет. Спасибо, что не сделала этого.

Скажете, дурак? Возможно. Только сами подумайте, ведь рано или поздно, если мы будем периодически контактировать по работе, её, как она сказала, особенность всё равно всплывёт. И что тогда? Опять просить о забвении? И так до бесконечности? Пока мозг не сгорит?

— Значит всё нормально? — поинтересовалась она.

Как, глядя в эти глаза, можно было сказать, что нет, никогда уже ничего нормально не будет. Бывают такие события в отношениях мужчины и женщины, когда, несмотря на все отношения, которые у вас до этого были, вы уже не сможете смотреть друг на друга прежним взглядом. Никогда. Особенно, когда женщина такая особенная. С другой стороны, она ведь могла именно на такой исход и рассчитывать.

Всё-таки было немного грустно. Не так всё должно было быть, ой не так!

Я попытался вернуться к прежней беседе.

— Значит, твоё настоящее имя Диана?

— Все мои имена настоящие, и Анна тоже, по крайней мере, меня им называют очень давно, и оно мне определённо нравится.

— Но когда-то тебя звали Дианой?

— И не только так, Алекс. Только есть ли смысл вспоминать. Сейчас я работаю на Комитет, и руководство довольно нашим сотрудничеством.

— А если тебе предложат работать на другую сторону, например, на тех, кто пытался пронести ягоды в наш мир? согласишься?

— Дело ведь не только в деньгах, Алекс.

— А сели, они помогут тебе вспомнить кто ты и откуда?

Она молчала.

— Я об этом думала, — призналась Анна и замолчала.

Я ждал ответа. Мне хотелось понять, что я хоть отчасти не ошибся.

— Есть вещи, — продолжала она, — которые даже этого не стоят. Но ты это и так знаешь.

Я знал. Или узнаю, если верить странникам. Кстати, о них.

— Значит, ты не странник?

— Ну, ты же видел, — улыбнулась она, — там в ресторане.

Чёрт! Похоже, от неё вообще невозможно что-либо скрыть.

— И не такая же, как повелительница манекенов?

На этот раз она молчала дольше, и я начал нервничать, отчего по спине пробежал лёгкий холодок, а я пожалел, что в пределах досягаемости нет хотя бы ножа. Мне показалось, что она копается сейчас в собственных мыслях и ощущениях, впав в лёгкое оцепенение.

— Нет, не такая же, — наконец, выдала она, и у меня отлегло. Аня подняла левую руку, словно осматривая её, сжала и разжала пальцы, положила обратно на одеяло. — Сколько себя помню, я была такой, какой ты меня видишь. Цвет волос и длина ногтей не в счёт. Вела себя, может быть, не всегда правильно. Даже в своих глазах, из-за чего мне потом было очень стыдно. Но тогда я считала это единственным выходом. Не всегда удаётся добиться нужного результата правильными методами, иногда приходится запачкать руки грязью и кровью. Да что я тебе объясняю!

Лучше бы и не напоминала, это верно. Но я же сам завёл этот разговор, так что хлебай, Алекс, по полной.

— Не поделишься, что за послание ты передала через меня себе же в прошлом? А то у меня в голове какая-то каша, кроме госпиталя и того, что о чём-то с тобой говорил, толком ничего не помню. Ещё вот налёт люфтваффе помню.

— Могла бы, но не стану, прости. Лучше тебе не владеть информацией, которую могут из тебя при необходимости вытащить.

Уточнять, что в таком случае потенциальный противник может запытать меня впустую, я не стал. Но и в этом она была права.

— Значит, ты всё-таки лишила меня памяти, по крайней мере, её части, — я не спрашивал, я просто констатировал.

— Это была не я, — она повернулась ко мне лицом, и её локоны перелились с плеч на грудь — Ну, в смысле я, но оттуда. И у меня той, судя по всему, были на то причины.

Пытаюсь понять, какие. Но то, что это связано с Царицей и Тихим миром, ты, уже и сам понял.

— Хочешь сказать, что тебе об этих причинах ничего не известно?

— Парадокс, однако, — улыбнувшись, ответила она. — Вселенная очень сложна, Алекс. Проста и сложна одновременно. Иногда, чтобы понять сложное, достаточно осознать простое. А для постижения простого — необходимо понять сложное.

Ещё я так хотел её спросить: «Скажи, а есть шанс, что предсказание странников не сбудется?», но я почувствовал, что не все вопросы можно сейчас задавать. И потом, чего уж там, я боялся услышать ответ, а так хоть оставался какой-то шанс. Неизвестность, знаете ли, не всегда плохо.

Под конец она мне пообещала, что я, обязательно, встречу ту единственную, которая сделает меня счастливым. Как мило, подумал я, не без иронии. Самое идеальное расставание в моей жизни, после самого идеального вечера. Ну, ночь тоже ничего так получилась, хоть тут есть определённые возражения.

Мы проговорили почти всю оставшуюся ночь, и в какой-то момент мы всё-таки уснули. Точнее, уснул я, а вот насчёт Анны я был совершенно не уверен. Спит ли она вообще? Нужен ли ей сон? Просто, когда я проснулся, она уже бодрствовала.

Мне ничего не снилось. Но, как сказала как-то Анна, сны снятся всегда, просто ты их не всегда помнишь. И что снилось, старшине Евгению Жидкову, погибшему при штурме Зееловских высот? И почему она не предупредила его? Неужели всё предрешено, и ничего изменить нельзя, и лишь туман неизвестности будущего обманывает нас ложной надеждой, заставляя жить дальше?

Хм... хотя о его смерти она могла уже узнать потом, собственно, даже совсем недавно. Например, пока я был в отключке, могла посмотреть в интернете. Она, из прошлого, ещё этого могла и не знать, ведь событие ещё не случилось. Легче, правда, от этого не становится.

Отель я покинул, когда первые постояльцы потянулись в ресторан на завтрак, а на улице постепенно набирал силу траффик.

Анна, закутавшись в халат, достала ноутбук и стала что-то искать во всемирной сети и писать какие-то алгоритмы, от вида которых у меня заболела голова.

Но она всё-таки поцеловала меня перед уходом, по-настоящему, не в щёчку или в лоб, чему я бы вообще не удивился, а в губы. И мне сразу полегчало, стало не так обидно что ли, но всё-таки...

Всё-таки пребывал я в раздрае чувств, в голове гремучей смесью шипели восхищение проведённой ночью, и обида за несбывшуюся любовь, за обманутые надежды. Добавьте сюда ещё одну тайну, которую придётся хранить, покуда это будет возможно. Как будто мне мало своих секретов.

И главное — абсолютно непонятно, кому верить, а кому нет. Никому? Но разве так можно прожить всю жизнь, какой бы долгой или нет, она ни была.

Что же, а меня ведь, судя по всему, ждёт недолгая, но крайне увлекательная жизнь. Это если верить странникам, конечно. А уж со своей стороны я постараюсь обмануть судьбу, иначе, зачем всё это?

Отодвинув тяжёлую портьеру, Анна смотрела на удаляющуюся среди других прохожих фигуру Алексея и размышляла.

Почему она не убила его? Ведь было столько возможностей. И не важно, что пришлось

бы думать, что делать с телом, и возможно признаться Смирнову, Который бы обязательно доложил бы об этом руководству Комитета, которым вообще-то может являться он сам. Она даже улыбнулась от такой мысли. А что, вполне возможно!

Она бы смогла всё всем объяснить и убедить их в правильности сделанного выбора. В конце концов, наплела бы, что Плетнёв стал нестабилен и попытался причинить ей вред. И ей бы поверили. Обязательно бы поверили.

Да что там, всё можно было бы сделать ещё в карантине и списать всё на неизвестный микроорганизм. И даже потом обнаружить его при вскрытии и предъявить как доказательство. Никто бы не подкопался. Смирнов бы, конечно, засомневался, но он всегда сомневается. Ну ещё пара-тройка человек из высших чинов, которые знают о ней несколько больше, чем любой другой человек в этом мире.

Так почему она не убила его? Почему не создала новую неопределённость назло этим странным странникам, происхождение которых не менее загадочно, чем её собственное? Что тогда произойдёт? Схлопнется известный ей мир в аннигиляционной вспышке, или река событий потекет по новому, доселе не известному для них руслу, перекатывая и тасуя абсолютно чужие судьбы подобно песчинкам на её дне?

Неужели и она не в силах что-либо изменить, ни на что повлиять? Эх, странники-странники!..

Впрочем, что касается Алекса, ещё есть время всё переиграть. И если другого выхода не будет, то...

Сердце неприятно кольнуло. Она совсем забыла о том, что у неё есть сердце, которое реагирует на протесты её совести.

Она задёрнула портьеру и вернулась к ноутбуку, рядом с которым стояла чашечка ароматного кофе из доставленного в номер завтрака. Чувство голода при всей её особенности никуда пропадать не хотело, и его требовалось удовлетворить. Так же как и другие потребности, улыбнулась она, вспоминая прошедшую ночь. А ночь была хороша! Причём во всех смыслах. Может, поэтому так и хочется есть? Да, скорее всего, поэтому.

Ну что, будем думать о хорошем? Да, будем думать о хорошем, о позитивном, и вообще — радоваться очередному ясному летнему дню.

Ладно. У неё сегодня ещё много дел, надо всё успеть.

Это была компания средней величины, освоившая относительно небольшую долю рынка, но теперь застрявшая в своей нише и у неё никак не получалось перейти на следующий уровень. Потеснить конкурентов никак не выходило, а совет директоров, больше занимался тем, что выписывал себе премии из полученной прибыли.

Да, пока выписывать их было из чего, но судя по предварительным прикидкам, проблемы с выручкой и прибылью начнутся уже в следующем году, и потом показатели деятельности резко пойдут на убыль. Если только, если только... если только что-нибудь не изменится.

Молодая женщина в строгом, но изящном деловом костюме, с запоминающейся яркой внешностью, и густой гривой тёмно-каштановых волос, звонко стуча острыми каблукками по полу, вошла в просторный кабинет и, обойдя большой письменный стол, села в очень дорогое кожаное кресло.

Провела ладонями по коже подлокотников. Откинулась. Вдохнула, протянула руку и постучала идеальным маникюром по поверхности стола.

На последнем стоял большой плоский монитор, который вызвал у неё неподдельное любопытство. За спиной располагалось огромное окно от потолка до пола из закалённого стекла. Ну да, не хотелось бы облокотиться, а оно бы под твоим весом рассыпалось на тысячи маленьких-маленьких осколков. Падать с такой высоты было бы очень неприятно. Сороковой этаж как ни как. Хотя, падать-то ещё, куда ни шло, а вот приземление получилось бы! Ну, не будем о грустном!

Кондиционер, бесшумно работая, делал воздух в помещении на удивление в меру прохладным и влажным. Тонкий фиалковый аромат растекался по комнате, делая пребывание в ней ещё более приятным, насколько это было возможно, конечно, в сложившихся обстоятельствах.

— Не бог весть что, конечно, — скептически, но всё-таки с изрядной долей удовлетворения произнесла она, — но надо же с чего-то начинать.

«Не бог, не бог... бог» — обдумывала она свои слова, словно пробуя их на вкус, смакуя на языке.

Протянув руку, она лёгким движением включила моноблок. Началась загрузка.

— Медленно. Как же всё-таки медленно! Всё медленно! — в голосе слышалось лёгкое наигранное недовольство. — Но забавно.

Пока компьютер загружался, она поднялась из кресла, подошла к панорамному окну, и посмотрела на город: яркое голубое небо, редкий пух белых облаков, жёлтый солнечный диск, висящий в зените. Внизу по своим делам спешат десятки тысяч горожан и приезжих, дороги в это время забиты транспортом почти под завязку, из-за чего нетерпеливые водители раздражённо жмут на клаксоны, как будто от этого что-то изменится. Где-то внизу верещит одинокая полицейская сирена, к ней присоединяется ещё одна. «Где-то кого-то грабят, или убивают» — равнодушно подумала она. За небоскрёбами пролетел вертолёт, шинкуя винтом воздух.

Она стояла так минуту, две, три, может, больше (время особого значения не имело), наблюдая за тем, как город проживает свою каждодневную суматошную жизнь.

— Будет только хуже, — наконец, произнесла, как бы обращаясь к городу. — Будет

только хуже.

Она сфокусировала взгляд на своём еле заметном отражении в окне. На ожерелье из кроваво-красных камней, потрогала его, словно проверяя на месте ли оно.

Возвращаясь на своё рабочее место, она, коснувшись, словно погладив, листьев раскидистого комнатного растения с плотными тёмно-зелёными листьями на ветках.

Раздался сдержанный стук и в кабинет вошёл мужчина азиатской внешности в строгом деловом костюме.

— Какие будут распоряжения, — поклонившись, спросил он. Чересчур учтиво, как ей показалось. Не люблю подлиз. Или это у них так принято?

— Распечатайте мне финансовый отчёт за последние три года, в том числе, отдельно по каждому филиалу. Все формы. Не люблю читать с экрана, — улыбнулась она и уточнила. — В том числе по зарубежным филиалам.

— Будет сделано, — принял к сведению мужчина, который являлся её помощником. — Что-то ещё?

— Пока всё, — ответила она, — хотя нет! Скажи Миранде, чтобы принесла мне кофе, эспрессо. И те зефирки, как их... забыла название.

Она пощёлкала пальцами, как бы вспоминая название марки, но мужчина её вежливо прервал.

— Я понял, — по-азиатски поклонился он, — будет сделано.

Помощник ещё раз кивнул и скрылся за дверью, а она, тем временем, запустила браузер и стала смотреть новости.

Хм... Дональд Трамп объявил об участии в борьбе за президентское кресло. Интересно. Может пригодиться. Шансов у него, конечно немного, и deep state, скорее всего его не пропустит, если совсем уж не будут идиотами. Слишком уж он эпатажная фигура, хотя значительной части населения нравится его прямолинейность. Такой взгляд на политику сейчас редкость. Толерантность убивает всё разумное, равновесие нарушено.

Внезапно она заметила на стене распятие, исполненное в типичном для католиков стиле. Выйдя из-за стола, она стала подходить ближе, чтобы рассмотреть крест с пригвождённым к нему человеком.

И с каждым шагом на её лице отображалась целая гамма эмоций. Но главенствующими были скорбь и отчаяние, будто она вспомнила что-то травмирующее из своего прошлого, из детства или юности.

Она остановилась перед самым изображением распятого божества и по её щеке прокатилась одинокая слеза, когда она провела рукой по распятию.

Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы подавить начинающийся плач, она всё-таки вернулась в кресло.

Я — отомщу, подумала она. Они ответят за всё, что сделали.

Она знала, что её кабинет прослушивается и надо будет что-то с этим решать. И она знала, что из подслушивающих получатся хорошие слуги. Просто они пока ещё об этом не знали. Как не знали и об уготованной им судьбе.

Удивительные всё-таки создания — люди. Их существование можно просчитать от альфы до омеги, но они почему-то уверены, что могут что-то решать.

Ха-ха. Ха! И ещё три раза ха!

Она вновь посмотрела на распятие, и ей показалось, что прибитый к кресту человек через силу, преодолевая слабость, вскинул голову и пытается что-то ей сказать. Что-то

шепчет. Что-то пытается ей объяснить! Достучаться до неё. Но только есть ли в этом смысл? Зачем? Всё уже решено! Хватит!

Она устало прикрыла глаза. Забавно, однако, как воображение иногда с тобой играет. Или не воображение?

Она вновь посмотрела на распятие, но оно было таким же, каким она впервые его увидела. Оставить его висеть или снять? Ладно, пусть висит. Сам виноват.

Нет. Никакого прощения. Они. Все. Умрут.

Сначала будут мучиться, а потом умрут.

Интересное будущее нас ждёт.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net